В. А. ОЗЕРОВ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД * 1960

В. А. ОЗЕРОВ

ТРАГЕДИИ
•
СТИХОТВОРЕНИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
И. Н. Медведевой

ВЛАДИСЛАВ ОЗЕРОВ

В дни первых постановок трагедий «Эдип в Афинах», «Фингал» и «Димитрий Донской», в 1804—1808 годах, Владислав Озеров был одним из самых знаменитых людей в России. Безвестный тридцатипятилетний чиновник, театрал-любитель, Озеров был признан великим драматургом и осенен славой, столь же блистательной, сколько мгновенной.

Все три пьесы были изданы одна за другой и долго не сходили со сцены.

Монологи трагедий Озерова разучивались наизусть, отрывки его пьес заполняли модные альбомы в качестве любовных элегий или патриотических афоризмов, не лишенных вольнодумства (впрочем, в эти годы дозволенного).

Трагедии Озерова оставались в репертуаре до 1850-х годов, но уже в 1808 году слава Озерова начала меркнуть, и хотя современники объясняли это происками зависти — истинные причины оставались загадочными.

1

Владислав Александрович Озеров родился 30 сентября 1769 года в селе Казанском[1] Зубцовского уезда Тверской губернии. Отец его принадлежал к древнему, но захудалому дворянскому роду. Он был помещиком средней руки и добывал средства на жизнь из своих суглинков, земель, впрочем, деятельно присмотренных и хорошо обработанных немногочисленными его крепостными.

Мать Озерова умерла рано, оставив по себе несколько детей.

[1] По иным сведениям — в селе Борки.

Александр Иринархович вновь женился на вдове с детьми. Семья была огромной, домашнее воспитание было не по средствам. Детей отправляли в закрытые учебные заведения в самом раннем возрасте. Доступа в них и льгот добивались с трудом. Помогали связи: мать Озерова (из новгородских дворян Тишиных) приходилась двоюродной сестрой матери Д. Н. Блудова, который в 1810-х годах был известен в качестве либерального «арзамасца», а затем, делая служебную карьеру, докатился до того, что участвовал в приговоре над декабристами. Через Блудовых семья Озеровых находилась в родстве с Державиным, что впоследствии помогло Озерову войти в литературный круг. Семейные связи с фельдмаршалом Каменским (опять-таки через Блудовых) и другие столичные покровительства помогли Александру Иринарховичу в 1776 году[1] устроить сына в Сухопутный шляхетский корпус.

Итак, еще не достигнув семи лет, Владислав Озеров расстался с домом, с местами, которые, впрочем, несмотря на малый возраст, отпечатались в его памяти живописными и несколько печальными (с крутого усадебного холма — лесная чаща, туманные дали, низины, поблескивавшие прорезью речонок Волжского бассейна). Места эти Озеров покинул надолго, но, вернувшись домой (в 1810 году), остался там навсегда.

Сухопутный шляхетский корпус размещался в покинутом «замке» Меншикова на Василеостровском берегу Невы. Можно подумать, что дух строптивого чудачества, столь свойственный любимцу Петра, еще некоторое время оставался в этом здании. До 90-х годов XVIII века корпус был заведением своеобразным, воспитавшим немало оригиналов.

Шляхетский корпус был учрежден в 1743 году Минихом, и его именовали «рыцарской академией». Хотя русские «рыцари» воспитывались не без помощи шпаги и фухтеля, гулявших по их спинам, в устройстве и программах корпуса были особенности, делавшие это заведение непохожим на обыкновенные военные школы. Подтверждением тому служат имена поэтов Сумарокова и Хераскова, историка Елагина, переводчика Свистунова, составлявших плеяду «рыцарей», воспитанных в корпусе в доекатерининское время. Впрочем, были среди них и знаменитые военные деятели (фельдмаршал Румянцев-Задунайский и др.).

В 1766 году корпус был преобразован согласно с либеральными

---

[1] Сведения о 1780 годе, по-видимому, неверны. 1776 год — дата, указанная Н. Гречем, — совпадает с возрастной нормой приема в корпус.

замыслами начала царствования Екатерины, которая возымела намерение воспитывать «рыцарей свободного духа», граждан по «Эмилю» Жан-Жака Руссо и «Мыслям» Джона Локка. Корпусным педагогам надлежало пробуждать добродетель — естественное качество человека, сознание личной свободы гражданина. Как велось в корпусе воспитание «свободного духом человека», можно видеть, например, по такому рассказу С. Н. Глинки. Корпусный священник объясняет кадетам катехизис, а инспектор майор Фромандье приносит священнику повесть Вольтера «Задиг» в русском переводе и велит прочесть кадетам главу «О путях провидения». После этого не удивительно, что даже герои шотландского эпоса во времена незапамятные говорили у Озерова цитатами из Вольтера («Фингал», д. II, явл. 3 и др.). При этом свободный гражданин должен был преисполниться любви к монарху, учиться служить его неограниченной власти.

Согласно «Мыслям о воспитании» Джона Локка, программы корпуса добивались гармонии между воспитанием физическим и нравственным, между предметами гуманитарными и сведениями в точных науках. Кадет обучали тригонометрии, механике, фортификации, но не менее обширными были курсы российской словесности, гражданского и уголовного права и логики. Кадеты обязаны были ездить верхом «по-берейторски», хорошо «фехтовать в контру» и столь же хорошо должны были «с российского на немецкий и с немецкого на французский язык переводить и говорить твердо». [1]

Французский язык, французская культура лежали в основе воспитания. Все гувернеры были французы. В преобразованном корпусе телесные наказания были отменены и педагогам предписана «строгость, соединенная с приятностью». Не без влияния идей Руссо, Сухопутный шляхетский корпус был разбит на «возрасты». [2] Их было пять, но с трехлетним пребыванием в каждом. В младший поступали шестилетние. Последние два «возраста» предполагали для кадета выбор дальнейшего пути. Здесь воспитателям предписано было «прилежно наблюдать, кто к которому званию способнее — к воинскому или гражданскому». В соответствии с этим, кончающие корпус кадеты должны были заниматься особыми предметами, помимо обязательных для всех.

«Дух литературный преобладал над всеми науками» в кор-

[1] Материалы для истории русской литературы. Спб., 1867, стр. 202.

[2] Жан-Жак Руссо писал об идеальной системе четырех пятилетий воспитания. Каждое пятилетие требовало, по его мнению, особых условий и особых учителей («Исповедь»).

пусе, писал впоследствии один из корпусных «гимназистов»,[1] Фаддей Булгарин. Он приписывал это интересу двора, т. е Екатерины и славе Сумарокова. Любовь к русской словесности и театру, «поддерживаемая искусными преподавателями, каковы были Яков Борисович Княжнин и ученик его Петр Семенович Железников, сделалась как бы принадлежностью корпуса и переходила от одного кадетского поколения к другому».[2]

Озеров начал учиться у Княжнина, будучи на «третьем возрасте», т. е. в дни триумфов «Росслава» (1784). Лавры драматурга содействовали авторитету учителя — перед Княжниным преклонялись, его мнения были законом. Из собственных уст Княжнина кадеты слушали стихи: «. . .тот свободен, кто, смерти не страшась, тиранам неугоден. . .»

Высокие тираноборческие мысли пьесы не могли не заронить искры вольномыслия в юные головы. Вслед за «Росславом» явился «Вадим», пьеса, написанная Княжниным в тот год, когда Озеров еще учился в корпусе, кончая «последний возраст». Несомненно, кадеты читали пьесу в рукописи или, вернее, слушали ее, знакомясь с героем древней Руси, впрочем являющимся лишь идеалом свободного человека в духе просветительской философии XVIII века. На «третьем возрасте», т. е. тогда же, когда начались занятия с Княжниным, Озеров начал играть на корпусной сцене и вскоре прослыл хорошим трагиком. Связь с учителем словесности должна была усугубиться интересом начинающего актера к прославленному драматургу.

Здесь-то и были заложены основы драматургии Озерова.

Кумиром Княжнина был Расин, и на уроках «российского штиля» обильно лились французские стихи в монологах Агамемнона, Тезея, Александра, трогательные любовные тирады, которыми столь знамениты женские роли трагедий Расина. Критики считали, что Княжнин не стеснялся в заимствованиях у Расина. Достаточно вспомнить злую карикатуру на Княжнина в «Проказниках» Крылова, сцену, где драматург Рифмокрад говорит: «Сочинять стихи, и особливо трагедии, есть вещь довольно трудная. . . с помощью Расина и прочих пишу не хуже других. . .» Однако, поклоняясь Расину, Княжнин в собственных пьесах тяготел скорее к Вольтеру — этому ниспровергателю классических уз, объявлявшему себя непрестанно (в теоре-

---

[1] Одним из своеобразнейших учреждений корпуса была так называемая «гимназия». Гимназисты (дети мелких дворян, разночинцев), занимаясь наряду с кадетами, готовились в корпусные учителя и гувернеры.

[2] Воспоминания Фаддея Булгарина, ч. 2. СПб., 1846, стр. 17.

тических высказываниях) стражем заветов Буало. Позиция Вольтера в области театра была более чем противоречива. С именем его связаны вольности и в выборе сюжетов, и в единстве времени и места, и в изображении страстей, носителями которых являются герои его трагедий. Античный мир Вольтер не стеснялся заменять временем рыцарства, единый чертог незаметно делился на несколько декораций, и в страсти, обуревающей какого-нибудь Танкреда, слишком был заметен изощренный мелодраматизм. Склонность Вольтера к чувствительным сценам (что не мешало ему жестоко нападать на мелодраму) была великим соблазном для классиков. В трагедии Княжнина «Владисан», весьма близкой к вольтеровской «Меропе», Княжнин особенно поддался этому соблазну. Впрочем, чувствительность отдельных сцен или монологов, вызывавшая слезы у зрителя, была свойственна почти всем трагедиям Княжнина, и качество это не случайное. Чувствительность не была в то время в противоречии с тираноборческими мыслями Княжнина, с его просветительской идеологией, близкой философии Новикова. Чувствительность потеряла свою прогрессивную сущность в литературе лишь в 1790-х годах, когда Карамзин противопоставил свой сентиментальный гуманизм борьбе, революционной мысли.

Опыт Вольтера вдохновлял драматургов, ведущих классическую трагедию к слому, но в то же время имя его было на щите борцов за классическую традицию, тех, кто ожесточенно нападал на драму Шиллера и Лессинга. Княжнина можно назвать последователем Вольтера-реформатора или, вернее, разрушителя классических норм театра, но он отнюдь не был сторонником Вольтера, проклинающего «Евгению» Бомарше и новые драмы. В конце 1780-х годов (т. е. именно тогда, когда находившийся под его воздействием Озеров мог уже выбирать и мыслить) Княжнин оказался в лагере «Московского журнала» Карамзина, а не крыловских журналов «Санктпетербургский Меркурий» и «Зритель», с Карамзиным полемизировавших. Между тем «Московский журнал» объявлял классическую трагедию более фактом литературы, чем театра, противопоставляя ей действенную трагедию Шекспира и Шиллера. «Московский журнал» восхвалял не только Шекспира и Шиллера, он ставил на пьедестал Лессинга (Карамзин перевел «Эмилию Галотти» и добился постановки пьесы). В «Письмах русского путешественника» были хвалы смелой теме драмы Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние». Журналы Крылова и Клушина тотчас отзывались на эти суждения, не жалея красок для изображения «уродств» новой драмы.

С другой стороны, эти же петербургские журналы ополчились на абстрактную, рационалистическую сторону классицизма, кото-

рая у Княжнина была отчетливо видна, хотя и приправлена изрядной долей гуманной чувствительности. Отношение к народной и исторической теме у «Зрителя» и «Меркурия» вело к реалистическим началам, чуждым поэтике Княжнина — предтечи карамзинизма в театре.

Идеалом «народности» и «простоты» для Княжнина был Геснер со своими пастушескими идиллиями. Княжнин вслед за Геснером вздыхал о «золотом веке», сентиментально мечтая об изящных пейзажах Швейцарии (и в то же время помышляя о ее республиканском строе). «Я люблю древнюю Гельвецию, — говорил Княжнин, — люблю Геснера, и если бы не родился в России, то желал бы быть его соотечественником. В идиллиях его всё дышит жизнию золотого века». [1]

Княжнину нравился не только журнал Карамзина, но и творчество его издателя. Познакомившись по рукописи с «Письмами русского путешественника», Княжнин сказал кадетам: «Приветствую русскую словесность с новым писателем. Юный Карамзин создает новый, живой, одушевленный слог и проложит новое поприще русской словесности». [2] Мысль о «новом, живом, одушевленном слоге» знаменательна. Самому Княжнину русская литература обязана опытами в этом направлении. Идейная сущность его «Росслава» и «Вадима» не могла бы иметь воздействия на читателя и зрителя, если бы язык политических тирад не был приближен к языку нового времени. «Классики» обвиняли Княжнина в слишком вольном обращении с лексикой и синтаксисом. Они противопоставляли ему в этом смысле Сумарокова, а позднее Николева, не склонного нарушать законы высокого стиля трагедии. Стилистические вольности, снижение высокого трагедийного стиля сочетались у Княжнина с гладкостью, отсутствием своеобычных русских оборотов и в то же время с некоторым приближением к языку разговорному. В известной мере Княжнин может быть назван соратником Карамзина по реформе русского литературного языка, хотя сделанное им в области языка и стиля трагедии кажется ничтожно малым по сравнению с тем, что дал Карамзин русской прозе. Чувствительное направление Княжнина вело и к некоторой свободе в стихе. Традиционный шестистопный ямб в трагедиях Княжнина неровен: перебит подчас стихами другой меры, имеет переносы. Эти неровности стиха постоянно ставились в вину Княжнину, хотя в то же время содействовали популярности его тирад — менее велеречивых и выспренних, чем у Сумарокова.

---

[1] С. Н. Глинка. Записки. СПб., 1895, стр. 92.
[2] Там же, стр. 88.

Но театр Княжнина не вызвал решительных сдвигов в манере исполнения, оно было традиционно декламаторским. Княжнин-классик порицал излишние движения на сцене, применение комедийных приемов в игре трагиков.

Актер себя пред зрителем ломает,
Героя делает дугой...—

писал Княжнин. Этой игре противопоставлял он традиционную, но чувствительную игру актеров послевольтеровского времени типа Гюс:

А с вами, Гюс, подпора Мельпомены,
Приятная владычица *сердец,*
От наших *слез* берет похвал венец
И, *чувствовать* дая страстей премены,
То к трепету, то к плачу приводя,
Пленяет всех ее победой, в грудь входя.

Летописец русского театра Пимен Арапов назвал Шляхетский корпус «первоначальным рассадником двигателей драматического искусства в России».[1] Он имел в виду и драматургов и актеров. Именно в Шляхетском корпусе во времена Сумарокова и Волкова возник взаимодействующий союз актера и драматурга, созидающих русский театр. Актеры были столь же озабочены драматургией, как драматурги школой актерского мастерства. Это стало традицией, особенно заметной в декабристскую эпоху. Во времена Озерова корпус уже не имел публичного театра, но театральные интересы не иссякали. Напротив, они усугублялись тем, что русскую литературу преподавал знаменитый драматург, а декламацию некоторое время Офрен, изгнанный из Парижа за ниспровержение классических приемов игры, а затем Иван Афанасьевич Дмитревский, лучший русский трагик.

2

Озеров не сразу вышел на литературную дорогу; в этом отношении судьба его представляется исключительной среди других литераторов этой эпохи, получивших известность в возрасте семнадцати—двадцати лет. Поначалу литература и театр, видимо, были для Озерова лишь любительскими занятиями, но отсутствие средств к существованию не позволяло ему предаться искусствам. Нужно

---

[1] Летопись русского театра. Составил Пимен Арапов. СПб., 1861, стр. 48.

было служить. Окончив корпус с золотой медалью в чине поручика, Озеров в 1789 году отправился в Южную армию адъютантом генерала де Бальмена (до 1786 года — директора Шляхетского корпуса). Известен только факт службы Озерова, не более. Почти то же самое можно сказать и о службе Озерова в качестве адъютанта начальника корпуса Ангальта. Эта служба, начавшаяся в 1790 году и продолжавшаяся до самой смерти Ангальта в 1794 году, ничего общего не имела с военной, была вполне гражданской и по существу педагогической, хотя отчасти и придворной — в том смысле, что по служебным поручениям Озеров был обязан постоянно являться во дворец к Храповицкому, статс-секретарю Екатерины. Храповицкий сам был воспитанником корпуса и принадлежал к тому выпуску «рыцарей», в составе которого были и Сумароков, и Румянцев-Задунайский. Для облика Храповицкого, или, вернее, для его «рыцарской философии», очень характерен обмен с Озеровым посланиями на тему «О разности слов *честь* и *честность»*.[1] Актеры, репертуар театров, театральные дела находились в ведении Храповицкого именно в годы службы Озерова в корпусе, следовательно, и собственное участие Озерова во французских спектаклях, и его знакомство с театрально-литературным миром того времени в какой-то мере связаны с Храповицким, завсегдатаем дома Державина, покровителем Княжнина.

Сам Храповицкий, по талантливому изложению «Памятных записок», переводам и работе над сочинениями Екатерины, числился литератором и хорошим стилистом.

Озеров в качестве адъютанта был пособником Ангальта в деле гуманного воспитания юношества. Девизом этого воспитания было повторяемое Ангальтом изречение: «Деспотизм азиатский вреден и в делах человеческих и в области учения».[2] Ангальт был проникнут передовыми духовно-просветительскими идеями новиковского толка, и журналы Новикова были постоянным корпусным чтением. «Душевное чувство нравственности» предпочитал Ангальт «холодной учености». В духовном просветительстве Ангальта, впрочем, было много немецкого, лютеранского. У Ангальта была страсть к изречениям и цитатам всякого рода. «Вся каменная стена, заслонявшая нас от закорпусного мира, исписана была нравственными изречениями, французскими, немецкими и русскими»,[3] — пишет Глинка. Афоризмы «говорящей стены» состояли не только из правил христианского милосердия. Здесь было немало изречений, которые могли бы слу-

---

[1] См. стр. 406.
[2] С. Н. Глинка. Записки, стр. 101.
[3] Там же, стр. 72.

жить уроком царям. В них шла речь и о труде земледельцев, и о постыдной язве рабства, и о высоких подвигах борцов за свободу. Правда, в этом смысле цитаты ограничивались историческими примерами древнего мира. Ангальт завел в корпусе особые тетрадки, в которые кадеты и гимназисты вносили отрывки, запечатлевшиеся от чтения разных книг. По-видимому, эти тетрадки и вдохновили П. С. Железникова, однокашника Озерова и партнера по сцене, который в 90-х годах стал учителем русского языка в корпусе. Н. И. Греч в своих «Записках» утверждает, что революционные идеи «залезли» в голову Рылеева из книги «Сокращенная библиотека, составленная для чтения кадет учителем корпуса, даровитым, но пьяным Железниковым, который помещал в ней целиком разные республиканские рассказы, описания, речи из тогдашних журналов».[1] Хотя афоризмы, изобилующие, как мы увидим, в трагедиях Озерова, далеко не всегда можно расценивать как вольнодумные, однако в них мы найдем и поношение тиранов, и утверждение прав гражданина, и атеистические рассуждения. Быть может, склонность к афоризмам в трагедиях Озерова имела своим началом, так же как хрестоматия Железникова, «говорящую стену» и «тетрадки».

В то время как в корпусе кадеты извлекали мудрость для будущей своей полезной деятельности и получали понятия о безумных правителях, отступающих от законов высокой нравственности, «для Европы ударил роковой час... С 1789 года поколебались вековые основы ее областей. Все предположения и соображения ее политиков исчезли... почитали они себя распорядителями европейского мира, а проснувшись, увидали, что им надо приняться за новую азбуку. То же случилось с Екатериною».[2] Она поняла силу слов «свобода», «республика», «тиран» и больше не желала ими играть. Те, кого она поощряла вчера, оказались сегодня врагами порядка. Между тем в корпусе с упрямой стойкостью гнули линию либерально-гуманного воспитания. По-прежнему продолжались чтения французских энциклопедистов и немецких философов, углубивших идеи Руссо об естественном праве человека. И хотя, по утверждению Глинки, начальник корпуса Ангальт не говорил кадетам «ни о каких отдаленных причинах переворота европейского мира», но, чтобы ознакомить их с тогдашними обстоятельствами, «учредил в зале новый стол со всеми повременными заграничными известиями».[3] Глинка при этом прибавляет: «В корпусе, а не по выходе из него,

---

[1] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М. — Л., 1930, стр. 444.
[2] С. Н. Глинка. Записки, стр. 76.
[3] Там же.

узнал я о всех лицах, действовавших тогда на обширном европейском театре».[1]

Корпусом были решительно недовольны. Ангальт впал в «глубокую опалу при дворе», начались расследования и обвинения. В 1793 году был отстранен от своей могущественной роли при дворе Храповицкий. Вероятно, только смерть, последовавшая в 1794 году, спасла Ангальта от служебной катастрофы.

Озеров посвятил ему пространную эпитафию на французском языке, которая вся явилась как бы развитием одной фразы. С нее Ангальт начал свое последнее напутствие кадетам-выпускникам: «Огромные богатства заключены в сердце человека».[2]

После смерти Ангальта кадетский корпус велено было превратить в казарму, где кадеты-солдаты воспитывались бы для службы царской.

Озеров не остался или его не оставили при корпусе. Он перешел на службу гражданскую, в Лесной департамент, где и прослужил до 1808 года.

Либерально-монархические идеи потерпели в России поражение, и многие из тех, кто принадлежал к передовым людям конца XVIII века, теперь проклинали «фурий революции». Известное письмо «Мелодора к Филалету» — документ, который говорит о смятении не только одного Карамзина. Не один Карамзин, а многие Мелодоры возопили о том, что «небесная красота исчезла», что филантропу XVIII века остается только измерять шагами могилу свою, но Филалеты, вторя им, ответили, что не все потеряно, что осталась «деятельность сердца», которой и следует предаться филантропу.

В качестве Мелодора и Озеров понял фантастичность веры в бескровные, изящные революции, которые приведут человечество к «свету философии, смягчению нравов... всеместному распространению духа общественности, теснейшей и дружелюбнейшей связи народов, кротости правлений и пр. и пр.».[3]

Но, сохранив кое-какие надежды, чему доказательством служит уже замысел первой его трагедии, Озеров внял голосу Филалета, который напоминал, что в утешение остается незыблемая истина Руссо об естественной добродетели человека. «Верю, и всегда буду верить, что добродетель свойственна человеку... Кто не проливает слез умиления, внимая повествованию о делах великодушия и геройства?» — восклицает Филалет в сочинении Карамзина.

---

[1] С. Н. Глинка. Записки, стр. 76.
[2] Там же, стр. 118.
[3] Н. М. Карамзин. Мелодор к Филалету. 1795.

Чувствительность, сентиментальный лиризм — вот с чем вошел в литературу один из последних «рыцарей» Шляхетского корпуса, Владислав Озеров. С направлением взаимодействовали чувства поэта: трагическая и сентиментальная любовь к женщине, которая не могла ему принадлежать.

Вяземский пишет: «Озеров не мог противиться волшебной прелести любви, и привязанность к одной женщине, достойной владычествовать в его сердце, решила судьбу почти всей его жизни. Для нее он жил несколько лет, почти все лета своей молодости, с нею питался восторгами платонической страсти, часто предчувствуя счастие, но не был счастлив, ибо любезная ему женщина была замужняя и добродетельная. Для нее играл во французской трагедии, читал романы и писал французские стихи».[1]

Имя прекрасной дамы, которой Озеров рыцарски посвятил свою жизнь, было тщательно скрыто. Слова Вяземского, впрочем, дают некоторые данные для догадок. Дама эта, по-видимому француженка, ходила в театр Шляхетского корпуса, когда там шли французские трагедии, и вообще каким-то образом была связана с корпусом, быть может жила в здании его. Можно догадываться, что роман происходил в 1789—1794 годах, когда Озеров, выпущенный из корпуса, оставался там в качестве адъютанта. Потеря этой службы со смертью Ангальта ввергла Озерова в иную среду, заставила подолгу отлучаться из Петербурга. Видимо, 1794 год был годом разлуки и кульминацией любовных страданий.

Вяземский пишет, что Озеров имел «вкус к чтению романов и в зрелых летах, и после потери любимой женщины, как бы для того, чтобы участием в вымышленных несчастиях любви напомнить себе те страдания нежности, к коим сердце его привыкло».[2]

Слова эти являются отличным комментарием к произведениям Озерова, и в частности к любовному «Письму Элоизы к Абеляру», переводу обработки знаменитого памятника французского средневековья (конец XI — начало XII века), о котором сам Озеров в предисловии пишет, что он является первым его опытом в стихах. Хотя это и перевод, но очень характерный и знаменательный для всего творчества Озерова. Озеров не обращался ни к латинскому оригиналу, ни к наиболее полному поэтическому изложению писем, сделанному английским поэтом Александром Попом в 1716 году. Он

---

[1] О жизни и сочинениях Озерова. — Сочинения Озерова, ч. 3. СПб., 1828, стр. 132—133.

[2] Там же, стр. 133.

ограничился элегическим переложением Шарля Колардо — французского поэта второй половины XVIII века, сделав из письма Элоизы нечто среднее между трагическим монологом и любовной элегией. Разумеется, не только любовные переживания руководили Озеровым — переводчиком «Письма Элоизы»: здесь сказался характер поэтического дарования. Обращение к романическому, средневековому памятнику через Колардо, принадлежавшего к преромантикам, является само по себе фактом важным и знаменательным для поэтического становления Озерова. Он оказался у истоков того течения, к которому вскоре пришел и Батюшков, поклонник Парни. Колардо именуют «нежным и меланхолическим». В его оригинальных сочинениях и в переводах трогательного «Письма Элоизы к Абеляру» или сентиментальных «Ночных размышлений» Эдуарда Юнга нет поэтической смелости и оригинальности, свойственных Парни. Однако Колардо, предшественник Парни, был в числе тех, кто подготовил расцвет элегии в ее многообразных формах (любовная эпистола, элегический монолог и др.). Характерно, что Озеров избирал для перевода произведение если не драматическое, то основанное на живой речи — на монологе, хотя и эпистолярном. Будущий драматург (кстати сказать, Колардо тоже был драматургом) остался равнодушен к описательной части письма, разработанной у Попа.

В первом опыте Озерова находим мы и характерные признаки преромантического стиля, хотя основной поэтический фон «Письма» (лексика и синтаксис) однообразно строг, находится в полном соответствии с классическим александрийским стихом и стилистическими приемами, которые связала с этим стихом русская поэзия XVIII века. Исступленная Элоиза говорит: «Луч солнечный прияв», «стенящу», «благ содетель», «власть вышня», «преселись» и т. п. Но на этом архаическом, довольно унылом фоне кое-где видны блики нового, живая, экспрессивная речь:

Целуй меня, целуй... без чувств и чуть дышу...

Или:

Но яд любви еще в крови моей течет...

Или:

Ах, нет, не может быть: так помышлять безбожно!

Или.

Пишу... но нет, письмо слезами омочу...

Здесь — уже поэт нового времени, преодолевший окостенелую поэтику «высокого стиля».

Несмотря на то что героида в переводе Озерова почти стих в стих совпадает с французским текстом, русский поэт внес в это произведение нечто свое.

Элоиза в героиде Озерова сдержаннее, чем у Колардо. У Колардо Элоиза говорит:

> Quelle tempête affreuse, à mon repos fatale,
> S'élève dans les sens d'une faible Vestale...[1]

Озеров ослабил тему страсти. Его Элоиза выражается гораздо абстрактнее и спокойнее:

> ...Любовь, злосчастная любовь!
> Она у алтарей меня не оставляет.

Но у Озерова Элоиза обильнее проливает слезы, она утешается, даже услаждается слезами:

> Разделим грусть: ты плачь над скорбями моими,
> А я начну стенать печалями твоими...
> Несчастным отдан плач отрадою одной.

«Письмо» у Озерова изобилует выражениями: «в слезах и воздыхая», «горчайши токи слез», «письмо слезами омочу», «дни горестны и слезны» и т. п.

Вслед за Колардо, но с еще бо́льшим нагнетением и экспрессией, Озеров дает тему соединения разлученных любовников в могиле:

> А ты, коль смерть сотрет твои красы жестоки,
> Красы, что горьких слез моих влекли потоки,
> Коль скорби дней твоих нить тяжку прекратят,
> Пускай в единый гроб навек нас съединят!..
> ...Теките токи слез на гроб четы несчастной,
> И да страшимся все любови столько страстной!

Развитие темы первого произведения Озерова мы увидим в последнем его сочинении — в трагедии «Поликсена». Элоиза и Поликсена — единый образ героини, как бы упоенной страданиями любви.

Элегический монолог «Письма», если вернуться к нему после чтения четырех оригинальных трагедий, является ключом к поэтике Озерова. Именно любовные, унылые и философические элегии, составляющие монологи этих пьес, и создали им славу.

---

[1] Какая чудовищная буря в роковом уединении поднялась в чувствах слабой целомудренницы (буквально жрицы богини Весты).

4

Первое драматическое сочинение Озерова — трагедия «Ярополк и Олег», написанная в 1798 году, — имеет прямую связь с драматургией Княжнина, являясь разработкой сюжета, близкого трагедии «Владимир и Ярополк» (1777). Княжнин, впрочем, тоже не был оригинален в выборе исторического эпизода, следуя за Сумароковым, открывшим эту серию пьес о злополучном киевском князе Ярополке своей трагедией «Ярополк и Димиза» (1758). Эпоха, предшествовавшая крещению Руси, раздоры удельных князей, сыновей Святослава, смиренные сильной властью Владимира, — одна из интереснейших страниц в истории начала Русского государства, при этом обладающая еще и романическим сюжетом, — привлекла внимание драматургов, которые стремились заменить героические сюжеты античной древности — национальными. Но углубление в историю было чуждо поэтике классицизма, да и идущего ему на смену романтизма. Для классиков история была лишь источником героических тем и имен. Герои были лишь носителями абстрактных, общечеловеческих страстей. В поэтике романтизма оставалась та же схема, расцвеченная красками исторического правдоподобия, весьма условного. Допушкинской литературе, и в частности драматургии, несвойственно историческое мышление. Но мы увидим в дальнейшем, что в начале нового века уже началась борьба за историческое правдоподобие в трагедии (Державин).

Схематизм в разработке исторической темы исключал розыски и разнообразие исторических источников. Достаточно было самой краткой справки, простейшего изложения фактов.[1]

При традиционно-классической трактовке исторической темы и героев, у Озерова есть некоторая склонность к историческому колориту и подробностям. Это заметно уже в первой трагедии его «Ярополк и Олег» и еще в большей мере проступает в позднейшей пьесе с историческим сюжетом «Димитрий Донской». Однако эта тенденция может рассматриваться как эмбрион романтического

---

[1] Сумароков, по-видимому, ограничился такой справкой в «Краткой росписи Великим князьям всероссийским от Рюрика до нашествия татар», появившейся в «Ежемесячных сочинениях» 1755 года (ч. 1). Княжнин уже имел возможность заглянуть в более подробное описание событий, изложенное во второй книге «Истории российской» Татищева, которая была напечатана в 1773 году. Озеров, несомненно, читал Татищева и «Историю российскую» М. М. Щербатова (1770—1791), чему в трагедии есть доказательства (см. Примечания).

направления, но отнюдь не как признак подлинного историзма[1] Озерова.

Княжение Киевского князя Ярополка, старшего сына Святослава, продолжалось семь лет (973—980). Начало княжения Ярополка было замутнено походом на младшего брата, древлянского князя Олега, и убийством его. Следующий период означен в истории распрей с другим братом, новгородским князем Владимиром. Распря эта, начавшаяся отнятием у Владимира его новгородского княжества, кончилась тем, что Владимир силою захватил невесту Ярополка, варяжскую княжну Рогнеду, а затем взял Киев и убил брата. И у Озерова и у его предшественников эта историческая ситуация изменена, и пьесы кончаются характерным для русской трагедии торжеством народного героя.

Озеров сохранил любовную тему летописного рассказа, но изменил соотношения. Его Предслава (историческая Рогнеда) — невеста Олега, а Ярополк — его соперник. Значительную роль в пьесе играет Свенальд (лицо историческое — см. стр. 418) — «первый вельможа Ярополков». Возбуждая ревность Ярополка, играя на его низменных вероломных чувствах, он готовит убийство Олега. Преданный Олегу Извед (лицо выдуманное) открывает замысел Свенальда, которого постигает кара. Примирение братьев и добродетельная сентенция являются финалом пьесы. Чувства Олега и Предславы (любовь до гроба) награждены. Здесь возникает два вопроса: зачем понадобилась Озерову эта контаминация фактов, судя по деталям пьесы, хорошо ему известных, и что заставило драматурга отказаться от эффектного, трагического, исторически достоверного конца? Ответы на эти вопросы касаются идейных целей трагедии, а также некоторого своеобразия стиля Озерова, уже сказавшегося в этой его первой пьесе.

В Ярополке Озерова привлекла совершенно определенная черта, в основном обрисованная летописью. Черта эта — слабоволие киевского правителя. Согласно летописи, отношения Ярополка и Олега были мирные. Олег сидел в своем Овруче (Вручии, в земле Деревской) и не покушался на киевское княжение. Не кто иной, как Свенальд, был подстрекателем похода Ярополка «в древляне». Когда Олега убили, Ярополк «плакал над ним» и обвинял Свенальда, сказав: «Этого ты и хотел!»

Итак, слабоволие правителя влечет за собой неправые советы

[1] Термин «историзм» вряд ли стоит толковать расширительно, как делают многие исследователи, применяющие его не к историческому мышлению, неразрывно связанному с реализмом, а ко всякому произведению с историческим сюжетом.

приближенного вельможи. Если при этом правитель добр и честен по натуре, он становится несчастным. Для того чтобы усилить впечатление от слабоволия Ярополка, Озеров придал ему черты сластолюбивого тирана в духе шведского короля Христерна в трагедии «Росслав». Страсть к Предславе обуревает Ярополка и влечет к преступлениям. Ярополк убеждается в гибельности своих поступков лишь тогда, когда воображает себя убийцей брата. Гибель злодея Свенальда предвещает стране покой. Таковы, по крайней мере, прогнозы последнего акта. Пьеса кончается следующими словами Ярополка:

На сердце сохраню, что ложный друг и льстец
Есть язва злейшая носящему венец.

Нет сомнения, что зритель, слышавший этот афоризм из уст трагика Яковлева, применял его к русской действительности, к роли Кутайсова и Аракчеева при Павле I, вспоминал гонения, постигшие Суворова в дни его знаменитых побед.[1]

Воспитанный на идеях просветительства, Озеров не мог не чувствовать гнета павловского царствования. Отсюда — попытка намекнуть о возможности добрых начал. Эта попытка тем очевиднее, что «применения» в пьесах были давней, даже древней традицией. Классический репертуар Франции кишел намеками на действия королей, их министров и т. д. Чем глубже забирался драматург в дебри истории, тем удобнее и безопаснее были «применения». Весьма возможно, что павловская цензура почуяла намеки трагедии Озерова. Не этим ли объясняется то, что пьеса шла лишь один раз и больше не повторялась, а автор замолчал вплоть до начала нового царствования, хотя, судя по «Летописи русского театра» (П. Арапова), успех был замечательный и Яковлев был очень увлечен ролью Ярополка?

«Ярополк и Олег» — пьеса, написанная в традиции классических трагедий. Расстановка действующих лиц и амплуа — самые традиционные. В пьесе имеются герой и героиня, отличающиеся высшим благородством (Олег, Предслава). Их злоключения или, здесь правильнее сказать, опасность злоключений определяются действиями сластолюбивого тирана (Ярополк) и его злобного советника (Свенальд). Есть и обязательный друг и пособник влюбленных (Извед). Схему эту Озеров находил у драматургов-классиков — от Расина до Княжнина. Не пренебрегая методом последнего по части прямых заимствований, Озеров воспользовался знаменитой ситуацией отношений жреца Мафана и властительницы Иудейской — Гофолии

---

[1] Подробнее об этом см. на стр. 418.

в одноименной трагедии Расина. Свенальд диктует поступки Ярополку подобно Мафану, укоряющему Гофолию в слабоволии, разжигающему ее жестокость, требующему от нее смерти невинного Иоаса, который может стать ее противником. Почти переводом очень известной реплики Мафана в 5-й сцене II действия является сентенция Свенальда:

Тот смертный, кто царю мог случай дать боязни,
Хоть не преступник он, уже достоин казни.

(Действие IV, явл. 1).

Таким же переложением вещего сна Гофолии (действие II, сц. 3) является тирада Ярополка:

Дымящиеся зрю мечи окровавленны,
Ниспадшие главы, растерзанные члены,
И кровь у ног моих, текущую рекой,
И тень родителей, стенящих предо мной...

(Действие V, явл. 1).

Здесь следует заметить, что полное пренебрежение к историческому правдоподобию в классической трагедии делало возможным и перенесение ситуаций, реплик, целых монологов из античной Греции в средневековую Францию, экзотический Восток или в древнюю Русь. Речь русского воина Свенальда принципиально ничем не могла отличаться от тирад, произносившихся вавилонским жрецом. В этом смысле объяснения Ярополка с Предславой, выраженные языком петербургских щеголей екатерининского времени, никого не коробили. Между тем Озеров в своей первой трагедии следует уже установившейся русской, а не французской традиции. Так, пьеса имеет благополучный конец, характерный для русского классицизма, сближающий трагедию с драмой или высокой комедией.

В своей статье «О жизни и сочинениях Озерова» Вяземский пишет: «Озеров, усовершенствовавший искусство Княжнина, был дурным его учеником, когда искал славы его соперничества». Это относится к первой трагедии Озерова, в которой, по словам Вяземского, «в самом составе стиха видны погрешности Княжнина, не искупленные красотами, ему принадлежащими».

В этой первой своей пьесе Озеров действительно очень близок к драматургической системе своего учителя и с идейной стороны, и по эмоциональной нагрузке ролей, при слабом движении действия.

Однако в «Ярополке» есть и нечто своеобразное, получившее развитие в позднейшей драматургии Озерова. Это новое заключено в тенденции к разложению и нюансировке страсти, чувства,

носителем которых является герой (мы не будем пользоваться понятием «характер», неуместным в отношении пьес, написанных в традиции классицизма, и тем самым будем избегать слова психологизм, которым неосторожно обозначают метод Озерова некоторые исследователи.[1] Психологизм представляется нам явлением, связанным с реалистическим видением мира, не характерным для абстрактно-лирического Озерова). Это разложение цельных и абсолютных страстей, свойственных лишь героям античных трагедий, характерно для неоклассики, для лучших образцов французского классицизма, в частности для Расина. Явными выразительницами страстей «нецельных» являются у него Гермиона и Федра («Ифигения в Авлиде» и «Федра»). Добро и зло соединяются в чувствах, которыми они одержимы. Может быть, именно сложность страстей, очеловечивающая героинь и приближающая их к современному сознанию, и явилась причиной долготы дней этих пьес. Но драматург-классик Расин тем не менее сохраняет единство устремлений и поступков своих героинь, допуская лишь внутреннюю борьбу.

Противоречивость в самих действиях героев ослабила пружину, державшую трагедию, и, может быть, именно поэтому пьесы Вольтера устарели больше, чем трагедии Корнеля и Расина. В русской трагедии до Озерова этого ослабления цельного образа в противоречивости действий не наблюдается.

Эта противоречивость, непоследовательность в поступках характерна для героев первой трагедии Озерова. С точки зрения классической поэтики, черты реального, исторического Ярополка требовали дорисовки, подправки. Непоследовательность поступков Ярополка (идет в поход против Олега и оплакивает его мнимую гибель, а тем самым свою победу) делала его пригодным скорее для театра Лессинга, чем для театра Корнеля и Расина. Характерно, что ни Сумароков, ни Княжнин не сочли нужным показать эти черты Ярополка. Между тем Озерову непоследовательность и слабоволие Ярополка не только дали возможность политических «применений», они дали ему материал для изображения чувств, свойственных новому времени. Подталкиваемый к злу демоническим Свенальдом, Ярополк мечется, страдая от укоров совести.

Совесть и является победительницей в последнем действии. Муки совести и восторги раскаяния придали роли Ярополка тот мелодра-

---

[1] Первым, кто ввел этот термин, был П. О. Потапов в книге «Из истории русского театра. Жизнь и деятельность В. А. Озерова». Одесса, 1915. Обозначением этим, к сожалению, воспользовался и А. Я. Максимович в значительной и веской статье «Озеров» в «Истории русской литературы», т. 5. М. — Л., 1941, стр. 159.

матизм, который особенно удавался актеру Яковлеву, лучшему исполнителю Мейнау — героя чувствительной драмы Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние». Но не в этом уже проторенном на Западе пути мелодраматизации классической трагедии было своеобразие Озерова. В пьесе не было драматической четкости: положения были едва намечены, пружина действия слаба, пьеса статична. Медитации заменяли действие и характеры. Но именно в медитациях заключалось своеобразие Озерова, хотя именно они выявили в нем несильного драматурга. Достоинства пьесы, впрочем еще очень подражательной, заключались не в драматургии, а в поэтической сути унылых, покаянных размышлений Ярополка, в любовных дуэтах Олега и Предславы. Особенно элегичны монологи Предславы во 2-м явлении III действия. Нельзя не сопоставить с жалобами и восторгами Элоизы, пишущей Абеляру, такие, например. слова Предславы:

Ах, как взаимна страсть питала здесь меня!
Средь тишины ночей и в самом шуме дня
Один твой образ был предмет воображенья
и т. д.

Таково было начало пути поэта Озерова.

5

Литературный круг, в котором появился Озеров в 90-х годах XVIII века, был отчасти предначертан родственными и служебными связями. И. И. Дмитриев отметил, что «наш трагик Озеров много был обязан советам» А. В. Храповицкого «при вступлении своем на театральное поприще». Тогда, т. е. около 1798 года, Озеров был «под его начальством правителем канцелярии в хозяйственной экспедиции. Храповицкий любил и уважал его».[1] Здесь Дмитриев имел в виду и актерское поприще Озерова (участие в любительских спектаклях), и драматургию, т. е. первую пьесу «Ярополк и Олег» (1798).

Все тот же Глинка пишет, что стихи свои он показывал Державину через Озерова и через него же имел и отзыв. Следовательно, в доме Державина, на Фонтанке, Озеров бывал в то время запросто и введен туда был, вероятно, Блудовым, жившим в Петербурге одно время вместе с Озеровым. Судя по красочным описаниям

[1] Взгляд на мою жизнь. — Сочинения И. И. Дмитриева, т. 2, СПб., 1893, стр. 160.

Аксакова и Жихарева, Державин любил окружать себя молодыми поклонниками, похваливая и поощряя, не без добродушного лукавства, и не совсем выдающиеся сочинения. Свои одические опыты. относящиеся к 1796—1801 годам, Озеров, несомненно, показывал Державину и получал от него эти лукавые похвалы, тем более вероятные, что оды были подражательными и напоминали державинские и строем не совсем гладких стихов, и языком — архаическим и неожиданным одновременно. Вероятно, Державина нисколько не смущал, например, стих: «Вратятеся звезды стройством вечным» (подражание Лебрюну); чем-то знакомым для него звучали и такие, как: «Слиян из звезд, сияет трон» (Ода на кончину Екатерины).

Неясно, мог ли одобрить Державин чувствительную героиду Озерова «Элоиза к Абеляру», но первая трагедия, вышедшая из-под пера Озерова, несомненно, получила поощрение, и, наверное, не без похвалы «применениям». В 1798 году, когда была написана и поставлена трагедия «Ярополк и Олег», Державин как раз находился в опале, был обижен, чуть ли не изруган Павлом I и засел дома, отставленный от государственной службы.

В 90-х годах XVIII века еще не было кружка Державина, каким он стал в 1807 году. Шишков еще не произносил там речи, поносящие галломанов, и друзьями Державина были и Дмитриев и Карамзин. За столом у Державина, при любезной и простой его супруге Екатерине Яковлевне беседы велись непринужденно, и, если верить рассказам Блудова, не возбранялось некоторое вольнодумство, когда не было посторонних ушей. Именно у Державина мог в то время Озеров увидеть Карамзина, вернувшегося из путешествия, рассказывающего о событиях, которые потрясли мир. В то время Карамзин был занят изданием «Московского журнала», и Державин охотно соглашался у него сотрудничать, даже сделался одним из усерднейших вкладчиков «Московского журнала». Редкая книжка этого журнала выходила без его стихов, и многие современники считали журнал более державинским, чем карамзинским. То же можно сказать про альманах «Аониды». Факты эти для нас чрезвычайно важны потому, что молодые, к которым принадлежал Озеров, не могли в ту пору видеть различия в литературных направлениях Карамзина и Державина, считали их в полной мере единомышленниками.

Произведения этого периода показывают, что Озеров в своем раннем творчестве объединял направления этих антиподов поэтического слова. Он пишет оды в стиле Державина, но по ви́дению мира и по литературным вкусам явно двигается в русле Карамзина.

Но движение это и вкусы в то время еще были настолько безотчетны, что свою вторую, быть может лучшую из всех своих тра-

гедий — «Эдип в Афинах» (1804) Озеров посвятил Державину. Меж тем карамзинисты (тогда уже обозначилось это направление) подняли имя Озерова на свой щит, и оно оказалось рядом с именем Батюшкова.

В 90-х годах в доме Державина Озеров познакомился с Олениным, который, как известно, затем играл немалую роль в его литературной жизни. Алексей Николаевич Оленин в начале царствования Александра I начал свою службу при Государственном совете, проявив ловкость и чутье, помогавшие ему оставаться при любых сменяемых начальниках. Уже в конце XVIII века Оленин не только по службе, но и по личным свойствам был вхож в дома значительных деятелей и литераторов. Он был общепризнанным знатоком античной археологии, любителем искусств, литературы и театра, знатоком русских древностей. Кроме того, он рисовал, гравировал, был медальером. Его прозвали «тысячеискусником». Был он, конечно, во всех областях этих дилетантом, хотя и сделал кое-что важное. Честолюбие его состояло в поклонении и покровительстве талантам, и античное искусство было тем цементом, который скрепил его связи со многими из художников и поэтов. Но, говоря об «ампирном» стиле, определившем эстетику кружка Оленина и принявшем на свое классически-романтическое лоно Озерова, творчество которого соответствует этому стилю,[1] мы смещаем исторические факты. Было наоборот: Озеров был одним из тех, и едва ли не первым, кто создал в кружке атмосферу «ампира», а в полной мере стиль этот в кружке проявился уже после смерти Озерова, когда явились героические медальоны Федора Толстого, посвященные 1812 году, образцы романтизованного Гомера в переводе Гнедича и на полотнах Иванова и т. д.

Так как Оленин с 1802 года стал членом Репертуарного комитета, то дом его, где постоянно сиживал другой член комитета — Крылов, куда являлся с ворохом закулисных историй и репертуарных неполадок Шаховской, стал своего рода судилищем и университетом для драматургов, а иногда и актеров. Актеры были в руках Шаховского, через него Озеров познакомился и, кажется, сблизился с Яковлевым и особенно Шушериным, знал Екатерину Семенову звездой только еще восходящей, но прославляемой даже сдержанным Дмитревским, ее учителем. В доме Оленина, где постоянно бывали художники и археологи, можно было получить любую справку и самый доброкачественный совет. Озеров не мог посещать Оленина слиш-

---

[1] А. Я. Максимович. Озеров. — «История русской литературы», т. 5, стр. 171.

ком часто. Служба его обязывала к долгим отлучкам в брянские, костромские и вологодские леса, и возвращения были заполнены служебными обязанностями. Однако связи были установлены. Семена драматических проектов прорастали, и, как можно предполагать, в один из наездов в столицу Озеров привез новую пьесу — «Эдип в Афинах».

6

Вечно увлекавшийся Шаховской буквально был одержим трагедией Озерова «Эдип в Афинах», которую считал величайшим открытием, новой эпохой на русской сцене. Когда театральный казначей Альбрехт «представил, что в кассе только 215 рублей и что нет возможности сделать издержки в 1200 рублей, исчисленных на монтировку пьесы, которая, может, еще и гроша не принесет»,[1] Шаховской сделал «монтировку» за свой счет, с тем чтобы, в случае «если трагедия выручит», деньги эти ему будут возвращены. Так уверен он был в успехе.

Замыслы Шаховского, ставившего пьесу, были грандиозны. Вдохновляемый классиком Олениным, он собирался осуществить постановку в духе античных трагедий, с хорами, входящими в состав действия, с помпезными декорациями типа тех, которые давались для больших оперных зрелищ. Оленин, обложившись «антиками», всевозможными увражами и гравюрами с античных образцов, рисовал костюмы, воинские доспехи, атрибуты культа эвменид и т. д. Каждый ремень на бедных сандалиях Эдипа и Антигоны был обдуман и, сохраняя «приличия» классического театра, имел вид правдоподобный и уж, во всяком случае, археологией проверенный.

Приготовления были так значительны, что на премьеру явился весь просвещенный Петербург, и обширный великолепный зал только что возведенного Тома де Томоном Большого Каменного театра был наполнен до отказа.

«Играйте пьесы, подобные «Эдипу», и играйте, как в «Эдипе», то ... публика не забудет русских творений... несмотря на пристрастие к французским спектаклям», — заявил рецензент «Северного вестника».[2] Привлечение просвещенного зрителя к русскому спектаклю было большой победой Озерова.

Спектакль (23 ноября 1804 года) превзошел ожидания. Он начался, прежде чем был поднят занавес, героической увертюрой

---

[1] С. П. Жихарев. Записки современника. М. — Л., 1955, стр. 598.

[2] «Северный вестник», 1804, № 11, стр. 218, без подписи.

Козловского — торжественной и мелодичной. Занавес поднялся, и зрители увидели вдали, в глубокой перспективе, город Афины, храм эвменид, окруженный кипарисовою рощей, на первом плане поле и шатер, подобный царским шатрам в «Илиаде». При этой полной декорации шло первое и третье действия. Остальные действия происходили при декорациях, составлявших ее часть. Во втором действии зрители видели только рощу и храм, в четвертом — «чертоги» Тезея, т. е. шатер, в пятом — «внутренность храма эвменид», которая имела, как всегда у Гонзаго, свою глубокую перспективу и игровую, переднюю площадь, где колонны дорического ордера казались особенно мрачными и величественными, а люди меж ними — маленькими и хрупкими. В глубине был алтарь с возвышающимися над ним скульптурами зловещих богинь мщения с горящими факелами в руках. В последнем действии впечатление усугублялось мрачным, заунывным хором жрецов, поющих гимн эвменидам.

Миф о фиванском царе Эдипе — один из самых жестоких мифов античного мира. Преступления Эдипа (убийство отца и женитьба на матери) предопределены судьбою, и, избегая ее, он все же вынужден исполнить ее предначертания. Ни сильная воля Эдипа, ни доброе послушание со стороны его дочери Антигоны не могут ничего изменить. Только смерть Эдипа — жертва богам — является закономерным концом скитальческой жизни Эдипа.

Софокл был первым, кто возвеличил Антигону. Ее ролью смягчил он жестокость мифа в своих двух трагедиях, но роль судьбы осталась той, которая подобала языческому миру древних.

Поэты нового времени обнаружили в мифе об Эдипе и Антигоне неисчерпаемые возможности. Место судьбы заняли поступки человека: преступление, раскаяние, сострадание. У М.-Ж. Шенье и тем более у нежного Дюси суровый миф превратился в трогательный сюжет, слишком христианский для того, чтобы приобщать зрителя к миру героической древности. Однако драматурги-классики сохранили развязку мифа. В пятом акте Эдип погибает. Именно от этого отказался Озеров. Любовь Антигоны превозмогает судьбу, но в силу этого, как пишет Вяземский, Эдип перестает быть Эдипом в пятом акте. Озеров закономерно отказался от развязки, соответствующей мифу. Он исходил из первенствующей в пьесе роли Антигоны, стремясь довести ее высокие чувства до кульминации самопожертвования. Лирической теме любви Антигоны к отцу подчинена вся пьеса. Однако лирическая тема, являющаяся центральной для Озерова и в этом, уже зрелом произведении, вставлена в своего рода обрамление политической интриги и морали. Эта интрига была не очень искусно привязана к мифу об Эдипе. Здесь, может быть,

Вяземский был прав, когда говорил о заимствовании «погрешностей» Княжнина. Но не только погрешностей. Общественно-политическая мораль была традицией русской трагедии. Морально-политическая подоплека трагедии требовала героя — носителя морального и политического зла, и вот явился Креон, слуга и поборник тирании Р. Зотов в своей статье об Озерове недоуменно рассуждает: «И откуда взялась у нас эта язва злодеев? Ни Корнель, ни Расин, ни Вольтер... не выставляли подобных чудовищ... Где же первоначальный тип амплуа тиранов? Это очень любопытная вещь!» [1]

Креон в трагедии Озерова является олицетворением лукавого политика, интригана, действующего во имя низменного честолюбия. Он играет на суевериях народных, опираясь на жрецов. Злодею Креону противопоставлен Тезей — воплощенная справедливость, идеал политического деятеля, гуманного и твердого в своих решениях. Именно в силу своей справедливости он не может понять и принять жестокую несправедливость богов. Роль его в пьесе заключается в том, что, защищая Эдипа, он объявляет войну суевериям.

Тезей, по ходу пьесы, становится послушным Антигоне, убежденный ее подвигом; он оправдывает Эдипа и становится на его защиту, уберегая его от народного гнева (народ, убежденный жрецами, видит в Эдипе причину своих бедствий).

«Озерову нужно было сделать экспозицию своего сюжета, и вот бедный и холодный его первый акт Эдипа! Креон приходит к Тезею послом от Этеокла и просит его союза противу семи царей, восставших на Фивы для возвращения престола Полинику». Так в 1842 году писал Р. Зотов, уже умудренный посмертной критикой пьес Озерова. Но публика, явившаяся на премьеру, судила иначе. Завзятый театрал Жихарев утверждал, что «такой трагедии, какова «Эдип в Афинах», у нас никогда не бывало ни по стихам, ни по правильному расположению» и что «последнее достоинство соблюдено в ней от первой до последней сцены». [2] Мнение это являлось голосом зрителей в Москве (где видел впервые пьесу Жихарев) и особенно в Петербурге (где были лучшие актерские силы). Жихарев цитирует один из монологов Тезея и сообщает, что публика не пропускала ничего, что могло относиться к добродетели «обожаемого нашего Александра». [3] Первое действие «Эдипа», хотя и не лишенное славословия царю, было посвящено тем основным вопросам политики, которая вот-вот должна была просиять в новом законодательстве, идущем от Негласного

---

[1] Р. Зотов. Биография Озерова. — «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров», 1842, ч. 6, стр. 21.

[2] С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 98.

[3] Там же.

комитета.[1] Два слова олицетворяли эти надежды: закон («начало и источник народных благ») и миролюбие. Раскрытие этих двух основ, которыми хотел руководствоваться Александр, было дано в манифесте 4 июля 1801 года: «Все другие меры могут сделать в государстве счастливые времена, но один закон может утвердить их навек». Как бы иллюстрацией к этой мысли служат такие стихи «Эдипа»:

Где на законах власть царей установленна,
Сразить то общество не может и вселенна.

«Если я примусь за оружие, так только для защиты моего народа... Я не вмешиваюсь во внутренние несогласия, волнующие другие государства», — заявлял Александр I, и Озеров выразил это так:

Но я не для того поставлен здесь владыкой,
Чтоб жизнью жертвовать мне подданных своих...
...Для славы суетной, мечтательной и лживой
Не обнажу меча к войне несправедливой.

Противопоставление справедливого «владыки» тирану — основная идея всего первого акта, и, разумеется, публика догадывалась, что в стихе: «Тираном будет он, иль подданным отец» речь идет о Павле I и Александре I. Мысль «применений» «Эдипа» смыкается с «применениями» «Ярополка и Олега». Креон — все тот же Свенальд, со всеми приемами лукавого и злобного советника, но в данном случае фигура обобщенная, не имеющая в виду никого из стоявших около Александра.

Эдип и Антигона появляются во втором акте пьесы.

Озеров начинает свою трагедию с того, чем кончается легенда, не предоставив театру событий, связанных с изгнанием Эдипа из Фив. Зритель впервые видит Эдипа у храма эвменид, у предела его жизни, которую эти богини-мстительницы наконец должны пресечь. Но здесь в предначертание судеб вмешивается Тезей. Он оказывает покровительство Эдипу и Антигоне. Борьба с Креоном — дело Тезея. Защищаемые отец и дочь остаются пассивными, они бессильны перед кознями Креона и гневом народа. Сцены, когда Антигона и ее раскаявшийся брат Полиник соревнуются в желании пожертвовать своей жизнью ради отца, не завершаются никакими реальными поступками. Действует Тезей, своим вмешательством останавливающий акт заклания.

---

[1] Комитет, созданный Александром I весной 1801 года в составе сторонников реформ — Н. Н. Новосильцева, П. А. Строганова, А. А. Чарторижского.

Совершенная пассивность, статичность главных ролей пьесы обратно пропорциональна эмоциональной нагрузке этих ролей, которая создала необычайный успех пьесы, вызывая у зрителей не только слезы, но и рыдания. Игра актеров в этих ролях, как бы загнанная внутрь, заключается не в изображении этих чувств действием. Действия нет или почти нет. Игра — в самих переживаниях, в движении и борьбе чувств. Каковы бы ни были чувства и борение страстей у Гермионы и Пирра, у Федры и Тезея,[1] — они находят воплощение в поступках. Гермиона заставляет Ореста убить Пирра. Изменивший Пирр распоряжается об изгнании опостылевшей ему Гермионы. Федра содействует изгнанию Ипполита и т. д.

Ни Антигона, ни Эдип не содействуют своими поступками исходу пьесы. Содействие заключено лишь в движении их чувств.

Озеров лишил Эдипа волевого начала в борьбе с судьбой в его шествии к смерти. Эдип непрерывно колеблется, он полон противоречий. То он устремлен к смерти, то пугается ее, приблизившись к храму, где должно совершиться заклание. Он говорит о своих чудовищных грехах, но еще больше обвиняет других. Словом, он жалок, и именно таким играл его Я. Е. Шушерин, актер умный и проницательный, прославленный исполнитель трогательных ролей в драмах Коцебу. Появившись впервые на сцене во 2-м явлении II действия, Шушерин в одном стихе давал как бы камертон роли Эдипа:

Печаль и бедствие *всех* сил меня лишили!

Этот стих, как пишет Жихарев, «произносил Шушерин слабым, болезненным, совершенно изнемогающим голосом, едва-едва передвигая ноги и опираясь *трепещущею* рукою на Антигону. На слове *всех* он делал ударение и заметно возвышал голос, но затем тотчас же понижал его».[2]

Озеров писал в 1809 году Оленину, что игру актера предрешают драматурги и что актер находит секрет роли в прилежном «рассмотрении драматического сочинения».[3] Таким, по-видимому, было чтение Шушерина, и он, разгадав замысел, сумел добиться полного единства в игре с юной Семеновой.

Источник разнообразия игры Шушерин нашел в борьбе противоречивых чувств Эдипа. Разнообразие и полнота исполнения роли

---

[1] Герои «Андромахи» и «Федры» Расина.
[2] С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 588.
[3] «Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 148.

Антигоны заключены в цельности чувств героини, в едином целеустремлении. В роли Антигоны тоже есть стих-камертон:

Опорой быть твоей — вот счастье Антигоны...

Многострунным голосом и безошибочной пластикой движений Семенова заставила зрителя с неослабевающим вниманием следить за нарастанием самоотверженности Антигоны, создав иллюзию действия там, где были только нарастание, нюансировка чувств.

После «Эдипа» Озеров стал не только «первым драматургом» (в смысле «лучшим»), но и одним из самых любимых и модных поэтов. Монологи Антигоны и Эдипа имели успех как элегии, многие речения вошли сейчас же в поговорки. Так, например, не уставали повторять горестные слова Эдипа:

Родится человек лет несколько поцвесть,
Потом скорбеть, дряхлеть и смерти дань отнесть.

Чтение монологов Озерова уподобилось исполнению романсов. Семенову, со времени исполнения роли Антигоны, стали приглашать в вельможные дома, и программа ее концертов состояла из чтения элегических стихов Озерова. Особенным успехом пользовалась чувствительная тирада Антигоны, утешающей отца (в 1-м явлении II действия) словами:

Среди густых лесов, в жестокость бурных зим,
Ты согреваем мной, дыханием моим...

Стихи эти можно найти во многих альбомах начала XIX века.

«Эдип» сделал своего рода переворот в языке трагического репертуара. Актеры приветствовали легкость и непринужденность языка, ритмические вольности (в пределах александрийского стиха). Частые, свободные переносы придавали стиху реплик характер разговорной речи. Ритмическая полнота отличала лишь монологи.

Успех Озерова был неслыханный, опьянивший автора. Критика говорила о «революции» в русском театре, администрация торопила с новой трагедией, сборы были огромные, Шаховской был счастлив своими постановочными изобретениями, художники писали портреты Озерова.

7

«Эдип в Афинах» еще был новинкой, гвоздем сезона, а Озеров уже принялся за новую трагедию и написал ее в течение года. 8 декабря 1805 года петербургская публика повалила в театр на «Фингала» — трагедию в трех действиях, в стихах, с хорами и пантомимными балетами. В спектакле было три главных роли: Фингала

играл Яковлев, Моину — Екатерина Семенова, Старна — Шушерин. Кроме того, участвовали и лучшие певцы — Самойлов и Самойлова, и лучшие танцоры.

Интерес к спектаклю подогревался модой на поэмы Оссиана, его туманы, облака, луну и нежных, бесплотных дев, на его героев — первобытно диких и в то же время напоминающих рыцарей из европейских средневековых романов.

Оссиановская тема уже вошла в поэзию, в живопись и музыку. В начале века уже было написано несколько французских пьес по мотивам Оссиана. В 1804 году в Париже шла с успехом трагическая опера «Барды» композитора Лесюэра, одного из первых романтиков, учителя Берлиоза. Опера блистала смелостью воображения композитора, а постановка ее — декоративной помпезностью.

Именно в этом стиле помпезной романтики задумана была и постановка «Фингала», осуществленная совместными усилиями Оленина и Шаховского. Трагедия, вопреки классической традиции, состояла только из трех действий, с разными для каждого из них декорациями, искусно сделанными романтическим Корсини, и была оснащена хорами и пантомимными балетами, созданными композитором Козловским и балетмейстером Вальберхом.

Летописец театра пишет, что А. Н. Оленин, «как любитель и знаток в живописи, сам занимался составлением рисунков всех костюмов и аксессуарных вещей для «Фингала», которые исторически были верны».[1] Неясно, что́ понимал летописец под исторической достоверностью изображения вымышленного Локлинского царства, но, судя по описаниям современников, она была в соединении полурыцарских-полуантичных доспехов с костюмами древних шотландцев, а главное, в оссиановском колорите. Этим колоритом был проникнут спектакль в его постановочной части. Представить себе его можно по виньете, приложенной к изданию «Фингала». Здесь Оленин скомпоновал все атрибуты поэм Оссиана, поставив на первый план героические доспехи на фоне укрытых тенями скал, раскачиваемых ветром елей и арфы. Над ними в темных облаках — сияющий просвет, которому приданы очертания «легкой и нежной» Моины. Монограмма Оленина как бы удостоверяла академическую верность виньеты, рисованной и гравированной братьями Ивановыми.[2]

Оссиановский колорит, столь знакомый нам по образцам русской лирической поэзии 1810-х годов, является своего рода грифом, созданным преромантизмом, в частности Озеровым. И в элегиях

---

[1] Летопись русского театра. Составил Пимен Арапов, стр. 172.
[2] См. иллюстрации.

Батюшкова, у лицейского Пушкина, у молодого Баратынского он имеет характер лишь фона для печальных и мечтательных медитаций.

Оссианизм лирики Державина, открывшего для русской поэзии красоту образов «шотландского барда»,[1] носит совершенно иной характер. Державин воспринял поэтику песен Оссиана в ряду античной героики, оснастив свои оды образами героического эпоса. Он считал этот эпос общим с легендами норманскими и, согласно распространенным в то время немецким историческим теориям, видел в них эпос древнерусский.[2] Державинское восприятие Оссиана было господствующим в литературных кругах, и им руководствовался и Оленин, когда советовал Озерову написать трагедию по мотивам Оссиана.

Озеров выбрал для своей трагедии сюжет третьей песни поэмы Оссиана «Фингал», где повествуется о том, как локлинский король Старно, которому всюду сопутствует эпитет «темный», пригласил к себе Фингала — вождя Морвены, прославленного «жителя битвы», «стремительного, как воды Лары», — вместе с его воинами. Их гибель была предрешена — Старно заманил Фингала, обещая ему свою дочь Агандекку (ее имя Озеров заменил более изящным именем Моины, героини других песен Оссиана), «руки и грудь которой были белоснежны, а душа великодушна и кротка». Она увидала юношу и полюбила его, «о нем был тайный вздох ее души». Старно велел позвать дочь, в то время как Фингал и воины его пировали после удачной охоты, и когда она пришла, то «пронзил бок ее сталью... Она пала... Поднялся рев ужасной битвы... Фингал скрыл бледную девушку с нежной душой на своем корабле. Ее могила воздвигнута на Ардвене, море ревет кругом ее тесного жилища». Фингал еще много лет сражался, но он оставался верен своей Агандекке. Он призывал ее явиться ему в сновидениях, говоря: «Покажи твое прекрасное лицо моей душе».[3]

Характерно для Озерова, переводчика «Письма Элоизы к Абеляру», что он выбрал из «Песен Оссиана» именно поэму «Фингал»

---

[1] Здесь имеется в виду своеобразное поэтическое осмысление Оссиана. Державин пользовался переложением поэм Макферсона, сделанным в 1788 году А. Д. Дмитриевым («Поэмы древних бардов»).

[2] Друг Державина поэт В. Капнист был иного мнения, порицая его за «норвежское богословие», т. е. за пристрастие к так называемой норманской теории, опровергнутой Ломоносовым (Сочинения Державина, т. 2. СПб., 1865, стр. 276).

[3] Поэмы Оссиана Джемса Макферсона. СПб., 1897, стр. 30—33.

и в ней именно данный сюжет, чувствительность которого в пьесе сильно возросла.

Личность оссиановского героя — «жителя битв», «короля щитов» — у Озерова расслаблена, раздвоена. До последней сцены III действия зритель видит не героя, могуществу которого покорна «светлая» дочь «темного» Старно, а страстного любовника, готового во имя любимой принять веру, чуждую его предкам, обычаям его земли, готового угождать Старну, уверяя его в своей сыновней преданности.

Фингал в своем любовном монологе признается, что Моина сделала его не тем, чем он был:

Как стужа наших зим, был дух во мне суров.
Твой взор переменил нрав дикий и суровый:
Он дал мне нову жизнь, дал сердцу чувства новы...

Только явное предательство Старна возвращает Фингалу силу героя, а Моине великодушие и смелость, свойственные героине Оссиана. Моина борется между долгом (дочери и патриотки) и любовью, как положено героине классической трагедии (этим, впрочем, и ограничивается традиционность образа Моины). Но Фингал у Озерова, подобно главным персонажам предыдущих его трагедий — Ярополку и Эдипу, внутренне противоречив. Приблизив этого эпического героя к уровню обыкновенного человека, своего современника, Озеров сделал из него и мыслителя в духе материалистической философии XVIII века. Это было позднее остро подмечено Катениным, который, имея в виду 3-е явление II действия, писал: «Притворное видение Тоскаровой тени во втором действии и вольнодумные над ним размышления Фингаловы почти смешны».[1] Это замечание Катенина имеет более глубокий смысл, чем оценка монологов Фингала. Она фиксирует внимание на характерной для Озерова — ученика Княжнина — тенденции к философским и политическим темам и в то же время на внутренней неувязке этих тем с чувствительной, элегической основой его трагедий.

Публика и критика тут же отметили неклассическую сущность пьесы Озерова. Некий поэт из лагеря «классиков» высказался так:

Музы́ку отними и отними балеты,
Одежду воинов, сребристые полеты,
И сладкий арфы глас, и громкий бардов хор —
Прощай трагедия! Останется лишь вздор.

---

[1] «Сын отечества», 1820, № 26, стр. 323.

Этот «вздор» состоял в элегических сценах, которые восхитили публику своей новизной. «Фингал» как бы открыл путь позднейшим романтическим спектаклям.

В игровом отношении «Фингал» был шагом назад по сравнению с «Эдипом». Жихарев пишет: «Из ролей Фингала и Моины, персонажей страдательных и бесцветных... едва ли что можно было сделать другое, кроме того, что сделали Яковлев и Семенова, т. е. прекрасно читали идиллические стихи и обворожили зрителей прелестью своей наружности».[1] Сам Яковлев о роли «доброго малого Фингала» говорил, что она не стоила ему никакого труда, и он играл ее без малейшего размышления и соображения, буквально как она написана. «Не о чем тут хлопотать! — нарядился в костюм, вышел на сцену, да и пошел себе возглашать, не думая ни о чем, — ни хуже, ни лучше не будет; так же станут аплодировать — только не тебе, а стихам».[2]

Лишив оссиановских героев присущей им цельности, осовременив их, Озеров неизбежно изменил традиции героического оссианизма, которую присвоил русской поэзии Державин. В своих одах («Водопад», «На взятие Измаила», «На победы в Италии» и др.) Державин обращался к поэмам Оссиана не для колоритного фона, не для создания настроения, но преломляя образы «северных поэм» в горниле собственной поэзии. Так, Суворов в оде, ему посвященной, является отнюдь не таким, каков был в жизни — тщедушным, порывистым, задорным. Это

Вождь бурь полночного народа,
Девятый вал в морских волнах...

Суворову приданы черты героя Морвена, и штаб его армии превращен в «жилище бардов». Сам Державин, громозвучно воспевающий его славу, подобен Оссиану, и «сто арф звучат струнами» его поэзии.

Совсем иной характер носит оссианизм трагедии Озерова. Здесь поэтика Оссиана не творит героических образов, но лишь является некоей подцветкой, изящно украшающей стиль речей персонажей трагедии и сгустками собранной в описательных ремарках. Хоры «бардов и локлинских дев» представляют собой стилизацию мотивов поэм Оссиана.

В качестве знаков оссиановской поэтики Озеров привлекает довольно однообразный состав эпитетов и метафор, который вно-

---

[1] С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 493.
[2] Там же, 614.

следствии вошел незыблемо в унылые элегии с оссиановским колоритом. В то время как на потребу Державина шли самые сильные и неожиданные из них, Озеров брал самые нейтральные. Вот примерный набор оссиановских речений в «Фингале» Озерова: «бардов пение», «на облаках носящаяся тень», «и щит, и шлем, крылом орлиным осененный», «тундра полунощна».

Характернейшим штампом оссиановского стиля являются такие стихи:

И месть мрачнее бурь, висящих в тучах черных,
На коих возлегла Тоскара грустна тень!

Лирическая тема любви Фингала и Моины — лейтмотив трагедии. Так же, как в «Эдипе», героический сюжет здесь является внешним, декоративным, легко отслаиваемым. Р. Зотов писал, что пьеса сводилась к лирической формуле: «Я люблю тебя, я тоже» — и прибавлял при этом, что «любовная сцена написана самыми блистательными гармоническими стихами и Семенова читала их превосходно. Весь Петербург знал тогда наизусть монолог:

В пустынной тишине, в лесах, среди свободы...»[1]

(Действие I, явл. 6).

В «Фингале» Озеров в полной мере раскрывает свой дар элегика. Монологи Моины и Фингала представляют собою своеобразный элегический цикл, кульминация которого находится в любовной сцене 6-го явления I действия.

Возникающая в конце трагедии тема любви Фингала к мертвой Моине характерна для элегического петраркизма Озерова. Чувствительная любовная элегия определяет и стилистическую окраску. Слова и выражения уже приведенного любовного монолога Фингала характеризуют весь стиль трагедии. Здесь полный набор словаря любовных элегий начала XIX века, и Озеров, едва ли не первым, вводит их в русскую поэзию («уныние», «тоска», «отчаянье разлуки», «страдания любви», «ревности все муки».)

Читая элегии Ленского в «Евгении Онегине», нельзя не вспомнить элегические монологи Фингала, мечтательные недомолвки вроде:

Улыбка красоты и вас равно пленяла,
Вы были счастливы, но я...

---

[1] Р. Зотов. Биография Озерова. — «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров», 1842, ч. 6, стр. 10.

Трагедию «Димитрий Донской» Озеров написал в 1806 году, и она была поставлена 14 января 1807 года.

Герой битвы на Куликовом поле (1380) привлек Озерова не сам по себе, а по применению исторических событий к злободневным. Исторический сюжет подсказался сам собой, а соответствующая глава «Российской истории» Стриттера, вышедшая в 1800—1802 годах (перевод с немецкого),[1] дала Озерову необходимый материал. Озеров ссылается на Стриттера и в 3-м явлении I действия, цитируя при этом и Ломоносова — своего предшественника по исторической теме, его трагедию «Темира и Селим». Однако именно эти ссылки в связи с перечислением воинских сил Мамая показывают, что Озеров не придавал серьезного значения точности изображаемых событий. В «Димитрии Донском» Озеров еще интенсивнее, чем в «Ярополке и Олеге», выказал склонность к созданию исторического фона упоминанием событий и лиц данного времени, что отнюдь не обязало его к исторически достоверной обрисовке героев пьесы.[2]

«Димитрий Донской» был задуман как трагедия политическая, аналогии в ней даны открыто, в лоб, и они не вызвали сомнений у зрителей. Все увидели в Димитрии — Александра I, в Мамае — Наполеона, а в князьях — министров и советников царя по части внешней политики. Что касается увлекательного романа Димитрия с Ксенией, то, разумеется, здесь не было не только никаких аналогий, но, может быть, и нарочитое отступление от исторической истины (Димитрий в это время был уже женат) в пользу лирической. любовной темы, которая была столь характерна для элегического направления Озерова. В трагедии нашли свое выражение не только тема надвигающейся войны, но и не менее злободневные вопросы внутренней политики — либеральные намерения Александра, его от-

---

[1] См. примечания, стр. 420.

[2] Исторические факты, упомянутые в пьесах Озерова, подробно разбираются П. О. Потаповым в книге «Жизнь и деятельность В. А. Озерова», Одесса, 1915. Этот же вопрос изложен в труде В. А. Бочкарева «Русская историческая драматургия нач. XIX в.» (Ученые записки Куйбышевского гос. пед. института, вып. 25. Куйбышев, 1959). Однако В. А. Бочкарев вряд ли прав в преувеличении «историзма» Озерова. Нет оснований приписывать Озерову критическое отношение к историческим фактам и способность «расходиться» (стр. 136) с летописцами. Все исторические факты для пьесы «Ярополк и Олег» взяты Озеровым из трудов М. М. Щербатова и В. Н. Татищева, а для трагедии «Димитрий Донской» из «Истории» Стриттера. При этом игнорированы те факты, которые бы помешали поэтическому замыслу Озерова.

ношения с «советом бояр», ограничивающие самовластие. Рассуждения на эти темы даны в 1-м явлении III действия, в диалогах бояр Тверского, Смоленского и Белозерского.

Свою политическую цель Озеров высказал в посвящении Александру I, которое было опубликовано при издании пьесы в том же 1807 году, вслед за премьерой. В этом предисловии Озеров говорит об Александре, возбудившем «мужество россиян на защищение свободы европейских держав», о том, что «огнь войны» возгорелся в пределах Пруссии и приближается к России. (В это время Пруссия была уже оккупирована, а Наполеон неуклонно двигался на восток, взял Любек, а затем Варшаву.)

Трагедия «Димитрий Донской» была поставлена и напечатана в период между патриотическим манифестом и первой победой русских войск под Прейсиш-Эйлау (в феврале 1807 года), когда русская конница едва не захватила в плен французского императора.

В манифесте от 16 ноября 1806 года говорилось, что «россиянам, обыкшим любить славу своего отечества и всем ему жертвовать, нет нужды изъяснять, сколь происшествия сии делают настоящую войну необходимою». А в январе публика, явившаяся смотреть трагедию Озерова, при подъеме занавеса увидала великолепного Димитрия Донского (актера Яковлева) в полном вооружении среди военачальников, и зал огласился громозвучно-мерной речью первого монолога Димитрия:

Российские князья, бояре, воеводы,
Прешедшие чрез Дон отыскивать свободы
И свергнуть наконец насильствия ярем!

Это «наконец», произнесенное особенно, вызвало гром аплодисментов и крики зала. «Ничего не могло быть апропее,[1] как говаривал один старинный забавник».[2]

Описание Жихарева показывает, как ждали пьесу, как была она принята публикой. Он пишет, что партер театра, где в то время не было мест для сидения, «был набит битком с трех часов до полудни... буквально некуда было уронить яблока. В ложах сидели человек по десяти»; не успевшие купить билеты платили огромные деньги «за место в оркестре между музыкантами... Нетерпение партера ознаменовывалось аплодисментами и стучанием палками; оно возрастало с минуты на минуту... Оркестр заиграл

---

[1] à propos (франц.) — кстати.
[2] Ф. Ф. Вигель. Записки, т. 1. М., 1928, стр. 332.

симфонию, и все приутихли... с последним аккордом музыки занавес взвился, и представление началось... При стихе

Беды платить врагам настало нынче время!

вдруг раздались такие рукоплескания, топот, крики «браво!» и проч., что Яковлев принужден был остановиться. Этот шум продолжался минут пять и утих ненадолго. Едва Димитрий, в ответ князю Белозерскому, склонявшему его на мир с Мамаем, произнес «Ах! лучше смерть в бою, чем мир принять бесчестный!», шум возобновился с большею силою...»

Яковлев «превзошел себя», и когда были произнесены стихи:

Как прах земной сотри врагов кичливых выю,
Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:
«Язы́ки! ведайте: велик российский бог!» —

было впечатление, что «театр обрушится от ужасной суматохи, произведенной этими последними стихами».[1]

О своем состоянии во время спектакля Жихарев пишет так: «Я не могу отдать отчета в том, что́ со мною происходило. Я чувствовал стеснение в груди, меня душили спазмы, била лихорадка, бросало то в озноб, то в жар, то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу, — словом, безумствовал, как безумствовала, впрочем, и вся публика».[2]

Озерова беспрестанно вызывали аплодисментами, поклонники ловили каждое его слово, за ним ходили толпы. С виду оставаясь холодным и сдержанным (таков был стиль этого человека), он был счастлив, «упивался славой» и не имел сомнений в своем будущем. После придворного спектакля в Эрмитаже (в январе 1807 года) Александр I сказал автору несколько милостивых слов и пожаловал табакерку. (Любопытно, что 21 января Александр вновь присутствовал на спектакле.)

9

Ко времени своей литературной славы Озеров продвинулся по службе в Лесном департаменте, имея заслуги недюжинного экономиста и генеральский чин. С виду это был человек положительный, уравновешенный, «среднего, хорошего роста, довольно плотен...»[3]

---

[1] С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 324—326.
[2] Там же, стр. 324.
[3] Воспоминания Фаддея Булгарина, ч. 2, стр. 315.

Вид этого благополучного и солидного чиновника не давал повода к той снисходительной жалости, которая окружает неудачников. Между тем Озеров был глубоко несчастлив и столь же чувствителен к мнениям и суду людей.

Чувствительность его сгубила —

сказал Жуковский. Вяземский остановился на этом характере довольно подробно. Он утверждал, что «долговременная сердечная связь» имела влияние на Озерова, что был он, «как младенец, добродушен, своенравен и забывчив, то подозрителен, то легковерен и к людям и к надеждам. Иногда самолюбие доводило его до малодушия; иногда от излишнего смирения он впадал в отчаяние».[1] Словом, Озеров имел натуру мечтателя, к тому же воспитанного в духе высоких идеалов, совершенно нереального представления о достоинствах человека, о службе — служении отечеству, о чести дворянина и т. п. С этим багажом, вынесенным из корпуса (где, как мы видели, он слишком долго был изолирован от жизни), Озеров не мог преуспевать.

Жизнь столкнула его с чиновным карьеризмом, интригами, взяточничеством. Огорчаясь этим, он замыкался в себе и упорно шел «по дороге чести». В литературно-театральной среде был он тоже не совсем свой и не по возрасту наивен. Озеров не был искушен в литературной борьбе и явно не разбирался в направлениях. Критику, идущую из лагеря, противоположного тому, в котором сам по вкусам своим оказался, готов он был принять за личные оскорбления. Уже в 1807 году, после триумфов «Димитрия Донского», «сквозь гул похвал и дым кадил» Озеров почувствовал дух недоброжелательства и услышал шепотки язвительных шуток. Появились эпиграммы. Одна из них оскорбила его чрезвычайно:

Наш Озеров во храм бессмертия идет,
Но скоро ли дойдет?
Слепой его ведет![2]

Друзья Озерова отвечали. Капнист написал дифирамбическое послание Озерову, в котором уничтожал зоила, но «ядовитая

---

[1] О жизни и сочинениях Озерова. — Сочинения Озерова, ч. 3, стр. 133.
[2] Т. е. Эдип.

стрела» вонзилась в сердце раздражительного поэта.[1] Шутки и сатирические выпады шли явно не из единого источника. Одни зубоскалили насчет архаических словечек и неуклюжих оборотов, другие сочиняли эпиграммы и сатиры на чувствительные темы трагедий Озерова, находя в них «розовую водичку», т. е. приторность и манерность. Наконец, все остроты по адресу Озерова были перекрыты «Митюхой Валдайским», пародией на «Димитрия Донского», исходившей из тех кругов, которые недовольны были сентиментальностью любовных монологов Озерова.[2] Все это, быть может, не имело бы для Озерова особого значения, но слухи о каких-то жестоких критических замечаниях маститого Державина задевали его болезненно.

Огорчения литературные, однако, искупались успехом пьес, славой «первого трагика», и Озеров начал работать над новой трагедией, увлекшись античным мифом о заклании Поликсены на могиле Ахиллеса.

Именно в это время постигла Озерова беда, совершенно выбившая его из жизненной колеи. Вдруг, как казалось Озерову — совершенно неожиданно, его вызвал новый министр финансов Голубцов[3] и допросил о состоянии Лесного департамента в таком тоне, что было ясно желание избавиться от Озерова, много поработавшего и считавшего, что заслуги его велики. Он был обижен и подал в отставку с просьбой о пенсии. В ожидании решения Александра (дела об отставке начальников департаментов подвергались «высочайшему» рассмотрению) Озеров уехал в деревню. В исходе дела он не сомневался. Заслуги его по службе были очевидными, а литературные — хотя к делу отношения не имели, но «Димитрий Донской», казалось, был слишком большим событием, чтобы его не приняли во внимание. Озеров рассчитывал, получив пенсию, жить в Петербурге и заниматься драматургией. (На нее как на источник жизни надеяться было нельзя: издания пьес составляли доход театра, а отчислений со сборов в то время еще не было. Весь авторский доход состоял в то время в «бенефисах» в пользу автора и единичных подачках дирекции, прибегать к которым было не всегда приятно).

Озеров уехал в конце сентября 1808 года в свою усадебку

---

[1] Воспоминания Фаддея Булгарина, ч. 2, стр. 300.

[2] Пародия принадлежит П. Н. Семенову, написавшему ее в 1810 году.

[3] Назначен был министром в 1807 году и оставался на этом посту до 1810 года.

Красный Яр, в Казанской губернии, и там, не входя в дела хозяйственные, принялся за «Поликсену», которая была еще в Петербурге доведена до пятого акта. Но уже вскоре Озеров жалуется Оленину на «простывшую» у него склонность к стихам и трагедиям, пишет, что едва сделал половину пятого действия и что остается еще целых три явления сочинить, а «воображение охладело». Зная, с какой быстротой шла работа Озерова над трагедиями, эти «целых три явления» мы воспринимаем как надсаду, состояние крайней усталости. «Никто здесь не в состоянии сказать мне: это дурно, это хорошо, это переменить надобно, никому здесь не решусь прочитать страницы стихов»,[1] пишет Озеров Оленину. Судя по всем письмам, он находился в возбуждении ожидания и мечтал поскорей вырваться в Петербург, где в это время начал выходить особый театральный журнал «Драматический вестник», где начались спектакли с участием знаменитой трагической актрисы Жорж, за выступлениями которой он следил по журналам. Письма Озерова свидетельствуют о том, что жизнь в деревне была для него нестерпима и что помещичьи театральные затеи, к которым пытались его приохотить, производили на него тягостное впечатление профанации любимого искусства. С горькой иронией описывает Озеров балет, сочиненный соседом помещиком и исполненный его крепостными карелами: Александра Македонского — «камердинера в шлеме и епанче... сидящего на колеснице бумажной» и «дворовых людей... марширующих... не в такту». Он готов был «плакать с сожаления о мертвых греках, о живых карелах и о невежестве»[2] дворян. Эти отзывы еще раз показывают полную отчужденность бывшего воспитанника школы «рыцарей» от русской действительности и дают представление о внутреннем бунте против мира держиморд и простаковых, давно подготавливавшемся и сейчас явно назревшем. Еще не совсем осознанное беспокойство было причиной охлаждения к работе.

Как бы пересматривая свой жизненный путь и, что характерно, останавливаясь не на мечтах, а именно на практической стороне своей служебной деятельности, Озеров в недоумении ищет причин своего неблагополучия. Он пишет Оленину: «Мою обязанность перед отечеством исполнил, находяся на службе более тридцати лет и служив обер-офицером более 20 лет. Если не мог быть ему полезен столько, сколько желал, тому не я причиною, а судьба, стеснявшая всегда круг моих обязанностей. По Лесному же де-

---

[1] «Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 126.
[2] Там же, стлб. 126—127.

партаменту я имел случай доставить казне в продолжение семи лет более миллиона трехсот тысяч рублей дохода нового и мною найденного и обработанного статьею сборов... Но вместо поощрений и награждений я чувствовал одни огорчения, испытал несправедливости и подвергнулся со всеми лесными чиновниками подозрениям правительства. Последнее довершило мое негодование на службу, когда я увидел, что ни моя скромная жизнь, ни отказывание себе во многом не могли меня исключить из подложного мнения, по которому, может быть, считают, что сын не царский и не боярский, а просто дворянский не может быть честным человеком по воспитанию, по собственному понятию своему и совести».[1] Письмо это проливает свет на беседу Озерова с министром, вызвавшую просьбу об отставке. По письму видно, что просьба об увольнении и отъезд были своего рода бунтом Озерова. Это бунтарское настроение в деревне не проходит. Оно крепнет и начинает отливаться в соответствующие поэтические замыслы. Озеров пишет Оленину: «Может быть, я вам уже говорил в Петербурге о смерти Волынского, пострадавшего от Бирона за правду и защиту русского народа. За сие сочинение желал бы я приняться...» Он просит Оленина походатайствовать перед власть имеющими об открытии секретного следственного дела Волынского. Оговорившись, что такая трагедия никогда, конечно, не увидит сцены по цензурным причинам, Озеров все же хочет писать ее, видя здесь «широкое поле для сочинителя, чтоб показать во всем блеске правду русского боярина, должность вельможи и сенатора и противоположить злоупотреблениям временщика — иностранца, алчущего одной своей корысти и, может быть, ненавидящего народ, вверенный управлению его слабою государынею, и, наконец, представить несчастное положение народа под слабым и недоверчивым правлением». Как всегда, не историческая картина сама по себе занимает воображение Озерова, а возможность применения ее к сегодняшнему положению: «Вы чувствуете, какие истинные картины можно изобразить, заимствуя кое-что из наших времен»,[2] пишет он Оленину. Но Оленин, девизом которого всегда была осторожность, ответил Озерову, чтобы «он не принимался за трагедию о Волынском». И Озеров не написал трагедии (или, во всяком случае, не оставил рукописи), но не по тем причинам, которые имел в виду Оленин.

14 апреля 1809 года Озеров наконец получил пакет от мини-

---

[1] «Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 139.
[2] Там же, стлб. 143.

стра финансов. В нем содержалось «предписание с изъявлением высочайшей воли государя, который милостиво соглашался уволить Озерова от службы, но в пенсии отказал на основании того, что он «не выслужил узаконенного к получению в пенсии половинного жалованья тридцатипятилетнего срока».[1]

Озеров знал, что правило это непрестанно нарушалось в воздаяние особых заслуг по службе, и, считая решение каким-то недоразумением, написал министру, «что надеялся на рассмотрение трудов его по Лесному департаменту и заслуг обогащения государственных доходов... что уповал на правосудие: не то, которое основывается на узаконениях, но то, на котором основываются и самые законы, когда они мудрые».[2] Такое письмо, конечно, не исправило дела.

Озеров был отказом потрясен, хотя и предвидел в своей судьбе нечто трагическое, но перед Олениным сделал вид, что несправедливость эта не так уж его волнует. Он послал ему копии своей переписки с министром, заявляя, что «несказанно более» его беспокоит мысль о «Поликсене» и что авторская слава драгоценнее для него, «нежели милости царские и сокровища земные».[3] Полный текст трагедии «Поликсена» был послан в Петербург еще в октябре 1808 года, 14 мая 1809 года пьеса была играна, а в конце июня Озеров еще ничего не знал о судьбе ее. Всегда внимательный и словоохотливый Оленин на этот раз упорно молчал.

10

Тема заключительной части письма «Элоизы к Абеляру», в которой Элоиза говорит о загробном соединении с любимым, явилась лейтмотивом последней трагедии Озерова.

Сам по себе миф о троянке Поликсене, принесенной в жертву тени убитого Ахиллеса, ее возлюбленного, был достаточно привлекателен для сентименталиста, и интерпретация этого мифа в трагедии Озерова, конечно, по духу своему чужда античности.

История Поликсены, юной дочери троянского царя Приама, восходит к послегомеровским мифам о судьбе Ахиллеса. Он, а не Поликсена, его невеста, принесенная в жертву богам на могиле его, занимал воображение древних. Незначительна роль Полик-

---

[1] «Русский архив», 1869, ч. I, стлб. 151.
[2] Там же, стлб. 139.
[3] Там же, стлб. 147.

сены и в античных трагедиях: Эврипида («Гекуба») и Сенеки («Троада»). Сила судьбы, а не чувства влечет Поликсену к жертвенной смерти.

Чувства Поликсены начинают интересовать лишь драматургов нового времени.[1] В этих пьесах изображена именно Поликсена, ее страдания, но ни в одной из них она не стремится умереть для того, чтобы соединиться с Ахиллесом.

Озеров наделил свою Поликсену свойствами романтической балладной Леноры Бюргера. Поликсену обуревает некое безумие, любовь, страсть к мертвецу, который призывает ее; она живет, «сгорая от огня снедающей любви».

Последние слова Поликсены, идущей к смерти (самые важные слова в каждой трагедии, как говорит Жан Вилар[2]):

Прими меня, супруг, ты ласковой рукой,
И утоли мой плач, и в гробе успокой.

Мерзляков в обширном разборе трагедии пишет, что Поликсена одна занимает внимание зрителей. Отдавая должное трогательному ее образу, Мерзляков, однако, не видит в нем «ничего греческого». По мнению его, «мечтательное исступление Поликсены превзошло меры. Оно невероятно и странно».[3] Но публике именно это не показалось странным. Именно балладно-элегическая тема трагедии имела успех. Роль Поликсены была воспринята зрителями в ряду унылых элегий и печальных баллад, входивших в моду. Чувства Поликсены сближали ее с героиней баллады Жуковского «Людмила» (1808).[4] Жених Людмилы гибнет на войне, и она, узнав о смерти любимого, говорит:

Расступись, моя могила;
Гроб откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить...

Умерший жених Людмилы имеет над ней власть, подобную власти Ахиллеса над Поликсеной: «Ты моя, моею будь...» — го-

---

[1] Лафоеса («Поликсена», трагедия в пяти актах, 1696), Дегубера («Поликсена», одноактная пьеса, нечто вроде интермедии, 1729), Шатобрена («Троянки», трагедия в пяти актах, 1754), Этьена Аньяна («Поликсена», трагедия в трех актах, 1804) и др.

[2] Жан Вилар. О театральной традиции. М., 1956, стр. 144.

[3] «Вестник Европы», 1817, № 5, стр. 30.

[4] Вольный перевод «Леноры» Бюргера.

ворит жених, или, вернее, тень его, явившаяся за Людмилой. Он влечет ее к своей могиле:

Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель — темна могила...

(ср. в «Поликсене»: «Что ложем радостей мне гроб предстанет мрачный» и проч.).

Екатерина Семенова, исполнявшая роль Поликсены, вероятно, поняла связь между героиней трагедии Озерова и балладной Людмилой. Она любила эту балладу Жуковского и исполняла ее очень искусно в инсценировке шарады «баллада». Но, несмотря на странную, не театральную генеалогию центральной темы «Поликсены», критика не могла не признать в пьесе истинно драматической ситуации. Поликсена — троянка, сестра великого Гектора, пленница, любит ахейца Ахиллеса. В то же время она скорбит о погибшей Трое, родном доме. Драматизм роли Поликсены — в борьбе между стремлением к смерти, соединению с Ахиллесом, и желанием жить для матери в качестве опоры и утешения. Жить для нее, скрывая свои страдания, — вот цель, к которой хотела бы стремиться Поликсена:

Мне ль грустию моей печали умножать,
От коих предо мной моя страдает мать?
Нет, скорбь душевная пусть скрытна остается...

Для Гекубы Поликсена «дочь милая, как ранний, нежный цвет, по безвременнице подверженный ненастью». Все запасы любви этой мужественной жены и матери теперь сосредоточены на Поликсене. Но Гекуба страдает не только потому, что потеряла дом и всех близких. Драматизм роли Гекубы в том, что Поликсена отдалась любви к Ахиллесу — убийце Гектора, убитому Парисом. Ужас, который Гекуба испытывает при известии о назначенном заклании Поликсены на могиле Ахиллеса, усугубляется тем, что Поликсена сама стремится к смерти. Эта сложная ситуация, которая явно выходит за пределы понятий классической трагедии, тем не менее имела воздействие на зрителей. А. Беницкий, обозревая спектакль, писал в «Цветнике», что «Гекуба и Поликсена занимают более всего внимания и чувствительность зрителей» и что в этих ролях как Каратыгина, так и Семенова «тронули совершенно сердца зрителей своей искусною и естественною игрою».[1] Это

[1] «Цветник», 1809, ч. 2, стр. 255.

объединение имен двух актрис совершенно различных манер не является случайным. Каратыгина была испытанной «мастерицей слез», Семенова отличалась в ролях героических, но в пьесе Озерова характеры игры сближались. Рецензент пишет о том, что Поликсена «в нежнейшем цвете юности потеряла уже навек надежду быть счастливой, истаивает от неизлечимой скорби, должна утешать мать свою и скрывать свои слезы».[1] По отношению к чувствительной трагедии Поликсены — Гекубы, составляющей главную суть, все остальные пять действующих лиц являются почти статистами, несущими те или иные функции, но не решающими развязку, ибо развязку решают чувства Поликсены.

Между тем эти лица занимают своими рассуждениями и поступками все пять действий.

«Поликсена», как казалось самому автору, была задумана в строгом классическом стиле. Именно строгостью лепки героев, взятых из Эврипида или из «Илиады» Гомера, гордился Озеров и именно этой строгости боялся в смысле успеха пьесы. В марте 1809 года, незадолго до постановки «Поликсены», он писал Оленину: «Я сам что-то не надеюсь на успех сей трагедии. В собрании, при первом ее представлении, едва ли будет сто человек, которым Гомер знаком, — и в двух тысячах человеках, наверное положить можно, что более тысячи девятисот зрителей скорее захлопают в ладоши при полустишии: «Я росс, сего довольно», нежели при воззвании Гекубы:

О Гектор, о мой сын, где ты? где ты в сей час?
Ах, мертв, далеко ты — не вступишься за нас!»[2]

Эти мысли являются предисловием к переменам, которые Озеров предлагал сделать в пьесе для того, чтобы «поразить внешние чувства зрителей».[3] Поправки эти, отнюдь не классические (ремарки, требующие экспрессивных движений на сцене), не были приняты, и дело было не в них, а в том вдруг возникшем равнодушии в отношении постановки и игры, которое убило пьесу.

Группа друзей Озерова, своего рода комиссия содействия постановкам его трагедий, распалась. Из письма Оленина видно, что сам он не совсем понимал истинные причины, переменившие

---

[1] «Цветник», 1809, ч. 2, стр. 255.
[2] «Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 144.
[3] Там же. См. примечания, стр. 422.

отношение к трагедиям Озерова. Вот что писал Оленин в ответ на нетерпеливые запросы Озерова о ходе постановки: «По данной вами доверенности началось дело чтением «Поликсены» в моем доме при Шаховском и Крылове. По прочтении решено было учить пьесу так точно, как она написана, с тем чтобы видеть на репетициях, какие места могут быть неудобны в представлении... учение Поликсены продолжалось весьма медленно по многим причинам, — 1-я, что здесь м-зель Жорж и Дюпор [1] *убили совершенно русский театр,* о котором дирекция совсем уж не радеет. 2-я: князь Шаховской решился совсем убить Семенову (Поликсена), чтобы возвеличить милую сердцу его г-жу Валберхову, которой, однако ж, публика отдает должную справедливость шиканьем, и свистками, и негодованием... Вот почему *театр русский, оставленный на произвол судьбы,* во всех частях *колобродит,* между тем Яковлев (Агамемнон) принялся — не знаю точно, по какой из трех причин русского народа, к питью — с радости ли, с печали или со скуки, но... пьет мертвую чашу, следственно на репетиции ходить страшно: или обругает, или ушибет...» [2]

Все эти «события», впрочем действительно имевшие место, являются явной отговоркой Оленина, скрывавшего главное. От неудач Вальберховой он переходит вдруг к вопросу об обещанных Озерову трех тысячах, намекает на неверность обещаний директора театров Нарышкина и на то, что переговоры об этих деньгах отдалили его от дома Нарышкиных. Письмо заключено тем, что он «с театром теперь мало знаком, а с Шаховским расстался, ибо он, как «душа, погрязшая в кривых путях порока», не может уже быть знаком с порядочными людьми». [3] Из всего этого Озеров должен был понять, что Оленин больше не может быть посредником и что с пьесой что-то неблагополучно. Озеров тем не менее продолжал спрашивать, уже догадываясь о провале или, вернее, неуспехе пьесы. Высказывая догадки и утешая себя аналогиями с Расином (его лучшая трагедия, «Федра», успеха не имела), Озеров восклицает в одном из последних писем: «Удивляюсь только тому, что вы ни слова мне о неуспехе не отпишете». Затем в конце июня 1809 года (т. е. более чем через месяц после

---

[1] Трагическая актриса Французской комедии, в 1808—1811 годах игравшая в России. С ней приехал один из крупнейших танцоров — Дюпор.

[2] Архив А. Н. Оленина (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — В дальнейшем всюду сокращенно: ГПБ).

[3] Там же.

постановки), униженный просьбами и молчанием, оскорбленный поведением дирекции, не высылающей денег, Озеров пишет Оленину: «Ожидал от дружбы вашей участия в успехе, утешения в неудаче. Теперь остается мне изъяснить вам последнюю и пренокорнейшую просьбу: об отобрании от театральной дирекции трагедии моей «Поликсены» в случае, если она была представлена без успеха, или в том случае, если она доныне не была играна, и чтобы вы благоволили ее ко мне возвратить».[1]

Получив это письмо, полное отчаяния и безнадежности, Оленин, видимо, пытался утешить Озерова. Он написал ему какое-то письмо, хваля третье действие трагедии, рассуждая о том, что вкус истинный образуется, и, кстати, еще раз о том, чтобы Озеров не принимался за трагедию о Волынском. Озеров отвечал, что ни о Волынском, ни на какую другую тему писать трагедий не собирается и что обстоятельства заставляют его «бросить перо, приняться за заступ и обрабатывать свой огород, возвратиться опять в толпу обыкновенных людей».

В каком безвыходном материальном положении находился Озеров, можно судить по тому, что, сказав все эти слова и запальчиво потребовав возврата рукописи «Поликсены», он опять вернулся к обидам, которые терпит от Нарышкина, обещавшего ему и все еще не выславшего эти злополучные три тысячи.

Озеров замолчал. Встревоженные друзья хотели поддержать его. Предполагали переиздать пьесы. Но в декабре книгоиздатель И. И. Заикин получил письмо Озерова с отказом от новых изданий. Он отвечал, что на опубликование трагедий соглашался и раньше лишь «по одним убеждениям... приятелей, никогда не быв любопытен видеть в печати то, что писал единственно по склонности... к театральным зрелищам и без всякого искания звания автора и стихотворца».[2]

Как выяснилось впоследствии, Озеров сжег почти все, что успел написать в деревне. По сведениям Вяземского, это была трагедия «Медея» и планы трагедий «Осада Дамаска» и «Вельгард Варяг — мученик при Владимире». По-видимому, сжег он и наброски трагедии о Волынском. Однако, судя по записям в одной тетради (видимо, случайно уцелевшей), Озеров, уже после того как решил «бросить перо», продолжал некоторое время писать. Вернее сказать, он успел отлить свою горечь в рифмованные строки своеобразного лирического цикла (1809—1810 годы). Он

---

[1] «Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 148.
[2] «Русский архив», 1877, ч. 3, стлб. 279.

состоит из переводов двух отрывков из хоров библейских трагедий Расина, нескольких стихов из послания Буало к Расину и завершающего, последнего в тетради стихотворения — «Отрывок из моего письма В. В. Капнисту 1810 года».

Из клена знобкого и мой венок погиб,
Под ним померк Фингал, Димитрий и Эдип... —

пишет Озеров своему старому другу Капнисту. Особый смысл в устах погибающего Озерова приобретает строфа из Расиновой трагедии «Эсфирь».

Я несчастливца зрел во славе бога сил,
Как гордый кедр, главу он дерзостну взносил,
Казалось, досязал и управлял громами
И подавлял врагов ногами.
Едва-едва минуты протекли —
И был он снят с лица земли.

Вскоре начались у Озерова нервные припадки, умственное расстройство и что-то вроде паралича, приковавшего его к постели. Он был совершенно один в «закамской своей пустыне», в «хижине», в которой поселился, надеясь на достройку дома (на нее, видимо, не было денег). Соседи дали знать старому Озерову, и еще зимой 1810 года, по санному пути, старик приехал, чтобы увезти умалишенного сына домой, в Тверскую губернию. Там в состоянии самом жалком Озеров прожил еще шесть лет.

В памяти близких запечатлелась лишь одна фраза, которую Озеров беспрестанно повторял: «Хороши большие, девять приедут».[1] Были ли это девять муз или девять начальников — никто не знал.

В отцовском саду усердно работал Озеров «заступом», возводя насыпную горку с винтообразной дорожкой к вершине.

Батюшков, который вскоре разделил судьбу Озерова, как-то особенно часто вспоминал его, еще живого, но от всех «отторженного», упрекая себя и друзей в невнимании к нему. В примечании к статье «Петрарка» (1815) он упомянул о судьбе Озерова в ряду других страдальцев: «Тасс, жестокий пример благодеяний и гнева Фортуны, сохранил сердце и воображение, но утратил рассудок. И в наши времена русская Мельпомена оплакивает еще своего

---

[1] «Русский архив», 1877, ч. 3, стлб. 215.

любимца, столь ужасно отторженного от Парнаса, от всего человечества! Есть люди, которые завидуют дарованию! Великое дарование и великое страдание — почти одно и то же».[1]

5 сентября 1816 года Озеров умер.

11

Как только пришла весть о кончине Озерова, заговорили журналы. Статьи, заметки, стихи, ему посвященные, имели характер боевого клича всех, кто находился под знаменами карамзинского направления. Застрельщиком был передовой отряд этого направления, общество «Арзамас», созданное в 1815 году (здесь были ближайшие друзья, поклонники Озерова: Батюшков, Жуковский, Вяземский, Блудов). Юный Пушкин в послании «К Жуковскому» (1816) отозвался на смерть Озерова так:

Смотрите: поражен враждебными стрелами,
С потухшим факелом, с недвижными крылами,
К вам Озерова дух взывает: «Други! месть!»

Друзья писали о враждебных стрелах зависти (тему зависти ввел едва ли не Батюшков). Один из первых некрологов Озерову без стеснения открыл «завистника»:

Угас наш Озеров, луч славы россиян,
Умолк певец Фингала, Поликсены!
Рыдайте, невские камены,
Ликуй, Аристофан!

Имя Шаховского — гонителя Озерова — было раскрыто, все знали, кто такой Аристофан. Именно он был шумным хором друзей Озерова объявлен завистником, губителем русской Мельпомены.

Трагический конец Озерова спутал карты и его «зоилам», и честным критикам. Вяземский назвал «тяжбой с Шаховским» все, что говорилось и писалось в 1816—1817 годах. И тяжба эта затянулась. В 1869 году сам Вяземский, впрочем оговорившись, что тяжба устарела и что уже никому до нее нет дела, принялся выяснять степень виновности Шаховского.[2]

---

[1] Сочинения К. Н. Батюшкова, т. 2. СПб., 1885, стр. 165.
[2] «Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 2029—2045.

В этой статье Вяземского, последнем его слове об Озерове,[1] сделана попытка наконец объединить «тяжбу» и вопросы литературной борьбы. Приговор Вяземского состоял в том, что Шаховской виновен, но что смягчающим его вину обстоятельством является то, что он был «исступленный послушник Шишкова» и как бы действовал по воле своего духовного владыки. Выводы Вяземского без особой проверки дожили до нашего времени.[2]

В настоящее время мы располагаем материалом, который позволяет сделать вывод об истинном виновнике «погубления» Озерова и причинах столь мгновенного к нему охлаждения, имеющего прямую связь с литературной борьбой.

Остановимся на вопросах исторических, начав с 14 января 1807 года, дня премьеры «Димитрия Донского» — пьесы, доставившей Озерову наибольшую славу, но, кажется, одновременно явившейся началом всех его бедствий.

С января по июнь 1807 года «Димитрий Донской» оставался театральной новинкой, гвоздем сезона, более того — явлением политическим, чрезвычайным для обстоятельств того времени, когда решена была война с Наполеоном за освобождение Европы. Кровопролитная кампания, проведенная русской армией с декабря 1806 по июль 1807 года, не спасла Пруссию и отнюдь не побудила Наполеона отвести войска за Рейн, как того требовала от него четвертая коалиция (Россия, Англия, Пруссия и Швеция). Период с конца декабря до июньских событий при Фридланде был самым напряженным и вызвал патриотический подъем, правда, еще не захвативший народные массы (это произошло только в 1812 году), но более или менее единодушный в дворянской среде. Во весь этот период, как можно проследить по репертуару петербургских театров, трагедия «Димитрий Донской» шла по нескольку раз в неделю и в Большом театре, и в Эрмитажном, и даже на французском языке (в переводе Дальмаса) как дань ненависти к Наполеону со стороны французской эмиграции.

События при Фридланде, когда русские войска были вынуждены отступить за Неман, резко изменили ситуацию. Битва произошла 19 июня, а 25-го Александр уже обнимал Наполеона на знаменитом плоту в Тильзите, 7 июля был подписан договор о мире и союзе между Францией и Россией.

---

[1] Вяземский писал статью об Озерове в 1816 году, а затем переработал ее в 1828 году.

[2] Далее этих весьма общо выраженных выводов не пошли и позднейшие исследователи творчества Озерова.

Тильзит был решительным ударом для дворянских масс, настроенных патриотически и видевших в императоре Франции лишь узурпатора и тирана. Между тем в высших правительственных сферах отнюдь не было единого взгляда и в период реванша. Сам Александр непрерывно колебался то в сторону союза с Наполеоном, то против него. Так, в 1806 году был послан в Париж некий Убри, который, в результате весьма туманных пожеланий Александра, привез в июле мирный договор, подписанный Наполеоном. В это время настроение Александра изменилось, и договор не был подписан; сам же факт мирных переговоров был отнесен за счет несогласованных действий Убри. В таком же состоянии сомнений при видимой решительности (в актерских талантах Александру I отказать нельзя) находился вопрос о переговорах с Наполеоном накануне Фридландского сражения. В дни Тильзита Александр, и без того испытавший муки унижения перед Бонапартом, страдал еще от потери престижа внутри страны. Настроения эти явствуют из его писем, распоряжений, а также из показаний приближенных.

Человеческий облик Александра I слишком хорошо нам знаком из его отношений с Пушкиным, чтобы сомневаться в выводах относительно автора «Димитрия Донского». Со времени Тильзита царь должен был питать неприязнь к Озерову, пьеса которого теперь фиксировала внимание на его позорной непоследовательности. Как известно, Александр готов был простить что угодно, вплоть до заговоров, если личность его оставалась в ореоле. При этом он был жесток и злопамятен. Мемуарист Варнгаген, ссылаясь на слова «одного русского» (имя его он не захотел назвать), пишет, что тщеславие было главной чертой Александра и что при этом он любил «только посредственность, а гений, ум и талант пугали его».[1] Можно предполагать, что Александр не забыл ни «Димитрия Донского», ни его автора и теперь, когда представился случай оказать «благоволение» (о котором он говорил в свое время Державину), — оказал недовольство, свел счеты. Непонятный отказ в пенсии приводит к мысли, что и все неприятности по службе, из-за которых Озеров уехал в деревню, могли быть результатом царской немилости. Министр финансов Голубцов, назначенный только в 1807 году, по-видимому, знал что́ делал, когда ни с того ни с сего оскорбил заслуженного чиновника и почтенного литератора. Кстати, Голубцов этот был деятелем павловского времени и связан с Аракчеевым, — направление Озерова не

---

[1] Varnhagen. Blätter aus der preussischen Geschichte. Leipzig. 1868, s. 188.

могло ему нравиться. Флюиды недовольства в высших сферах не могли не воздействовать на директора театров, безвольного Нарышкина, дороживлего положением при дворе. Отсюда и небрежение к постановке «Поликсены», брошенной на произвол по причинам не только литературно-театральным.

Отменой выплаты трех тысяч, обещанных дирекцией театра за «Поликсену», были исчерпаны царские «милости». Несмотря на то что «Поликсена», поставленная дважды, дала полный сбор и могла бы идти еще несколько раз, «его императорское величество, по невыгодности сборов, при представлении сей пьесы бывших, на платеж означенных денег высочайшего соизволения не оказал».[1]

Роль начальника репертуарной части, хозяина театра Шаховского, во всем этом деле оказалась неблаговидной. Но Вяземский прав: Шаховской действовал не по злому умыслу. Он был человеком переметчивым во всем и на ходу менял мнения. Так, именно на ходу, перебирался он из лагеря романтиков к классикам и обратно. Но каждый раз, уверовав в новое направление, защищал его неистово, не щадя противников, которые еще вчера были его союзниками. В 1807 году, когда вокруг Державина объединились литераторы антикарамзинского направления, вскоре создавшие общество «Беседа», Шаховской был среди них и по положению своему в театре и литературе оказался одним из главных. Вяземский в упомянутой статье 1869 года пишет о том, что Шаховской сделался «ревностным старовером» и «послушником» Шишкова в годы его нападок на Карамзина «как на врага русского языка... В этих литературных страстях, может быть, и отыщется вся разгадка дела о „Поликсене"», — пишет Вяземский. «На дороге, извивающейся покатостью, трудно держаться середины, так человека и уносит к крайностям. Князь Шаховской, может быть, полагал и в самом деле, что он оказывает услугу русской литературе, затормозив дальнейшее движение Озерова».[2] Тут, кстати, упоминает Вяземский и то, что «во время оно видел экземпляр трагедии «Димитрия Донского», весь испещренный резкими и часто бранными отметками Шишкова».[3] Таким образом, Вяземский уста-

---

[1] Письмо из конторы дирекции императорских театров от 13 июня 1810 г. Архив А. Н. Оленина (ГПБ).

[2] «Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 2044.

[3] См. статью Л. П. Сидоровой «Рукописные замечания современника на первом издании трагедии В. А. Озерова „Димитрий Донской"». — Гос. библиотека СССР им. Ленина. Записки Отдела рукописей, вып. 18. М., 1956, стр. 142.

навливает второстепенную роль Шаховского и приводит нас к более основательному источнику. В настоящее время «бранные отметки Шишкова», кажется, найдены, во всяком случае найден экземпляр трагедии «Димитрий Донской» со вклеенными листками и заметками, чрезвычайно похожими по содержанию своему на рассуждения Шишкова, но не его рукой писанными.

Я. К. Грот, начав свою заметку об Озерове (примечания ко 2-му тому сочинений Державина) с того, какими восторгами была встречена трагедия «Эдип в Афинах», замечает: «Были, однако ж, люди, косо смотревшие на возникавшую славу молодого трагика; впереди их стоял Шишков, встречавший недоброжелательно всякое новое дарование. Под его влиянием скоро расстроились добрые отношения Державина и Озерова» (на самом деле ведущий голос, несомненно, принадлежал Державину). Дальше Грот, основываясь на сплетнях, разнесенных в свое время услужливыми любителями ссорить людей, пишет о «зависти» Державина, о том, что Озеров был оскорблен и приписал отзывы Державина «бессилию написать что-либо подобное», а Державин стал писать трагедии, желая «доказать противное».

Державин любил театр и со времени появления на сцене пьес Озерова уже написал несколько «Прологов», комическую народную оперу «Дурочка умнее умных» (едва ли не самое удачное его драматическое сочинение), и «Добрыню», «театральное представление с музыкою». Эта пьеса 1804 года была написана для отвлечения публики от знаменитой «Днепровской русалки», в которой, кстати сказать, принимал участие как автор и постановщик Шаховской. Об этой пьесе, на которую публика валила валом, для которой дворяне приезжали с семьями из провинции, чтобы потом, как писал Озеров Оленину, «годами вспоминать впечатления»,[1] Державин отзывался с раздражением, называя ее «бредом», «сонными грезами», пьесой «без всякого соображения и последствий».[2] Театр в начале XIX века подвергся внешней и внутренней перестройке, сделавшей его притягательным для разнообразных слоев населения. Тем самым потребовался разнообразный репертуар, который наводнился переводными пьесами, переделками и пьесами-«скороспелками». Между тем начиналось серьезное соревнование с французским театром, мода на который в высшем свете не проходила. Становление русского национального

---

[1] «Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 126.

[2] Письмо В. В. Капнисту от 30 июля 1804 г. — Сочинения Державина, т. 6. СПб., 1871, стр. 156.

театра не могло быть безразличным для Державина. Театр должен был развлекать, но, как считал поэт-гражданин Державин, он прежде всего должен был воспитывать, закалять гражданскую и воинскую доблесть, разить пороки. Для всего этого требовались иные пьесы, чем были в репертуаре. «Расслабляющими чувства и фантазию», по-видимому, Державин считал не только «Русалку» и пьесы Коцебу, но и русскую чувствительную драму Ильина и Федорова, по существу представлявшую собой драматизацию сюжетов и мыслей Карамзина. Со времени участия Державина в «Московском журнале» прошло не так много времени, но многое изменилось. Державину явно был чужд сентиментально-идеалистический вариант просветительства Карамзина. Героическая линия поэтики Державина неизбежно привела его и к утверждению героического, т. е. классического театра с требованием неприкосновенности для законов Буало. Стремление к четкому разграничению жанров достаточно ясно выражено в подзаголовках собственных пьес Державина. Такой же нормативной четкости требовал он от планировки сцен, стиля и прежде всего от сюжета пьесы. Одни нормы определены были для трагедии или высокой комедии, иные — для пьес с различными дивертисментами типа его «Дурочки» и «Добрыни».

Озеров, часто беседовавший с Державиным в конце 1790-х — начале 1800-х годов, несомненно слышал суждения маститого о современных пьесах и настолько был уверен, что собственная его драматургия творится в русле тех же идей, что посвятил своего «Эдипа» Державину. Но именно Державин был первым, кто разоблачил подлинное направление Озерова. Посмотрев пьесу, а затем получив изданный экземпляр с восторженным посвящением, Державин сказал, что пьеса «очень хороша», но что он хочет автору «самые маленькие вещи заметить».[1] «Маленькие вещи» сплетниками были преувеличены и доведены до ушей Озерова. В результате Озеров перестал бывать у Державина. Державин решил высказать свое мнение в письменном виде и затеял написать Озерову письмо, стихотворное послание и сводку «маленьких вещей». Однако, по мере разбора, Державин по-стариковски раздражился и никак не мог кончить своего ответного триптиха. До нас дошли черновики софических строф послания, начало письма и, как нам представляется, принадлежащий Державину критический разбор первого акта «Эдипа». За это время

[1] Письмо к А. Н. Оленину от 25 ноября 1804 года. — Сочинения Державина, т. 6, стр. 164.

Озеров написал и поставил еще и «Фингала», а Державин все еще не завершил свой ответ. В послании своем, которое представляет скорее план, чем связное стихотворение,[1] Державин явно иронизирует над Озеровым-драматургом (непонятно, почему этот опубликованный в 1828 году отрывок был причислен к похвальным). Он смеется над возможностью соединить «Софокла с Оссианом» вдруг (т. е. вместе), так же насмешливо звучит объединение свойств Озерова, присвоившего себе и «дев слез ремесло» и витийство «народной толпы просветителя». Совершенно очевидно, что Державин был оскорблен текстом посвящения, обращением к нему как лирику, а не драматургу. Тем самым посвящение ему было неприятно, казалось неискренним. Державин именует Озерова «демственником», т. е. воспевающим хвалебные гимны, что в данном контексте звучит почти как «подхалим». Черновик письма Державина говорит о том, что он решил послать стихотворение без присоединения разбора «Эдипа», «поелику труд сей замешкался». Начало этого замешкавшегося труда, разбор пятого акта, находится среди рукописей Державина, в одной из его тетрадей.[2] По-видимому, это и есть те «маленькие вещи», которые Державин собирался предъявить Озерову. Они сводятся к указанию «неровностей слога и смешения слов славянских с простыми» и к некоторым погрешностям плана («Извещение народа о вещах ему известных» и др.). Заключение в общем скорее одобрительное. Отмечено, что «многие места прекрасны, мысли высокие, выражены сильно». Имеется особое замечание о некоторых стихах, которые останутся «яко нравоучительные правила» вроде: «В устах вельможи лесть есть скрытная вражда» и др. Предисловие к разбору имеет явную связь со стихотворным посланием по самому характеру своему. Здесь и весьма двусмысленные восторги перед Озеровым и желание показать, что только особое уважение к его способностям, «много доказавшим и более еще несравненно обещающим», заставляет рассмотреть его сочинение,

---

[1] Сочинения Державина, т. 2, стр. 580 (Напечатано со многими ошибками по черновой рукописи в архиве Г. Р. Державина в ГПБ).

[2] Архив Г. Р. Державина в ГПБ. Рассмотрение этих, еще не опубликованных, критических замечаний приводит к выводу, что вдохновителем их был Державин, ограничившийся лишь набросками, составителем — Шишков, а переписывал эти наброски Державина и заметки Шишкова один из державинцев, театральный критик А. А. Писарев. Он же был переписчиком и критических замечаний на «Димитрия Донского» (Рукопись в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени Ленина. См. ниже).

чтобы найти «некоторую в сложении плана и стихов излишнюю поспешность», а в слоге «неровности». Несомненно, именно Державину принадлежит цитата из Буало с такими стихами:

Коль автор бедненький чтецу надоедает,
Колена преклоня, напрасно умоляет,
И предисловием не во́зьмет ничего
У самовластного судьи он своего.

Здесь — чисто державинский ход мыслей, явный намек. Такова предыстория. К решительному отрицанию драматургии Озерова Державин пришел несколько позднее; оно связано с «Димитрием Донским».

На обеде у Державина 18 января 1807 года, среди злободневных тем, возникли разговоры об этой нашумевшей трагедии Озерова. Державин спросил актера Дмитревского (мнение которого ценил), «как он находит эту трагедию в отношении к содержанию и верности исторической». Вопрос как бы заключал в себе и мнение. Оно не было одобрительным. Ответ Дмитревского был, как всегда, уклончив. Он сказал, что хотя верности исторической нет, но что «написана трагедия прекрасно и произвела удивительный эффект». Державин ответом остался недоволен. Он сказал: «Мне хочется знать, на чем основался Озеров, выведя Димитрия влюбленным в небывалую княжну, которая одна-одинехонька прибыла в стан и, вопреки всех обычаев тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским да рассказывает о любви своей к Димитрию?». Дмитревский сказал, что, действительно, «иное и неверно, да как быть! Театральная вольность, а к тому же стихи прекрасные: очень эффектны».

Озеров не стремился к правдоподобию. Не только потому ему безразличны были подробности жизни Димитрия и других персонажей, что за ними стояли другие лица и другое время, но и по самому принципу трагедии, в этом смысле традиционному. Было ли историческое правдоподобие даже в таком произведении Княжнина, как «Вадим Новгородский», и что понимал Державин под правдоподобием?

Именно в том же году, когда Озеров писал своего «Димитрия», Державин написал трагедию «Пожарский». В предисловии указал он и на политический повод, подтолкнувший его избрать для пьесы исторические события, которые «показали истинную великость духа россиян». Таким образом, цели у Озерова и Державина оказались тождественными. Однако в то время как Озе-

ров не придавал значения достоверности исторических деталей, Державин декларировал их важность. Он ссылался на «Ядро российския истории и прочие летописи», по которым читатель мог увидеть, правильно ли им «извлечены из самих дел характеры». И хотя материалы, которыми пользовался Державин, были отнюдь не достоверны, так как брал их Державин не вдаваясь в историческую критику, важно самое стремление Державина к исторической достоверности.

Значительным для поэтики Державина и невесомым для Озерова было правдоподобие человеческих характеров и быта. И именно с этой точки зрения Державин порицал Озерова за Ксению, за то, что допустил ее «шататься» по воинским шатрам, что было невозможно для боярской дочери, но вполне допустимо для героини «Пожарского» — международной авантюристки Марины Мнишек.

Трагедия Державина настолько тяжела по языку, что трудно добраться в ней до поэзии. Тем не менее она обладает свойствами подлинной оригинальности. Оригинальной в ней является обрисовка человеческих характеров. Облик чародейки Марины Мнишек Державин дает устами монаха Троицкой лавры Палицына. Он говорит, что Марина

...всех ссорит и мутит —
Бояр своей красой. Сегодня с поляка́ми,
А завтра с русскими вновь брачиться манит;
По рощам, по садам лиет свой яд зловидный...
...Со злато-сребреной сверкающей ехидной
Виющейся она похожа во цветах...[1]

Тщетно было бы искать аналогичной характеристики у Озерова. Герои и героини его представлены читателю и зрителю лишь излияниями чувств, и язык всех монологов совершенно однообразен.

Любопытно отметить, что позднейший критик Озерова, Вяземский, писал, что «Димитрий Донской» «усеян историческими воспоминаниями, местными подробностями».[2] Вяземский имел в виду,

---

[1] См. у Пушкина в трагедии «Борис Годунов» та же характеристика Марины:

И путает, и вьется, и ползет,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
и т. д.

[2] О жизни и сочинениях Озерова. — Сочинения Озерова, ч. 3. СПб., 1828, стр. 154.

конечно, не те подробности, которые ценил Державин. Это были скорее символы эпохи и места, где происходило действие. Таков, например, Челубей, не имеющий в пьесе никакой роли и ничего общего с историческим сераскиром Золотой Орды. Имя Челубей лишь знак татарского колорита. Такого рода исторический колорит был характерным признаком преромантического стиля.

С 1806 года Державин был погружен в свои драматические сочинения, которые и сами по себе и по заострению некоторых вопросов в предисловиях к каждой из пьес лучше всего показывают существо борьбы, которая таким убийственным рикошетом ударила Озерова. Единоборство с Озеровым Державин начал исторической пьесой. Само наименование ее показывает отношение Державина к драматическим жанрам. Упомянутая пьеса «Пожарский, или Освобождение Москвы» именуется «героическим представлением в четырех действиях с хорами и речитативами». Совершенно явно, что Державин хотел подчеркнуть невозможность называть трагедией пьесу, в которой нет канонизированного количества актов (5), снабженную пением, плясками и т. п. «Ирод и Мариамна», «Евпраксия», «Темный» носят короткое наименование «трагедия», имеют по пяти актов и не снабжены никакими развлекательными прибавлениями. «Забавы одни, а паче примеры развратов недостойны Мельпомены», — пишет Державин в предисловии к трагедии «Темный», и мысль эта руководит им в собственных сочинениях.

В предисловии к первой из них Державин говорит о своем намерении противостоять разложению классической трагедии, тенденции превратить трагедию в бытовую драму, мелодраму, спектакль с «забавами». Очень любопытен хитрый ход Державина, направленный против Вольтера-классика и одновременно ниспровергателя жанра. Державин отмечает «ограниченность поля», избранного французским драматургом в его трагедии «Мариамна», где «только ревность мужа и сварливость жены по домашним их ссорам». Он ставит своей целью расширить это поле, связав страсти героев с их государственной деятельностью.

В предисловии к следующей трагедии — «Евпраксия» — Державин подчеркивает героическую роль Евпраксии, которая, не дождавшись павших в бою супруга и отца, выбросилась с младенцем из окна терема, чем возбудила воинскую доблесть сражающихся с Батыем русских дружин. В самой задаче «показать доблесть и непорочность предков наших обоего пола» содержится полемика с Озеровым, который во имя элегического облика, близкого модному направлению, исказил историческое правдоподобие

и принизил героический характер «деяний предков». В предисловии к трагедии «Темный» Державин пространно пишет об исторической правде и дает подробное объяснение вымыслу, оправдывая его с точки зрения реальных исторических фактов. В связи с этим Державин говорит о главном в драматических сочинениях — о занимательности действия. Его цель — «сделать узел любопытнейшим, ход естественным, развязку нечаянною и поразительною, а вообще все действие игровым». Сказанное, несомненно, имеет в виду трагедии Озерова, как мы видели, не богатые этим игровым качеством. Любопытно, что Державин связывает эти свойства трагедий с сохранением классических единств.

Самое беглое обозрение трагедий Державина дает понятие об его языковых задачах. Они прямо противоположны озеровским, с его стремлением к сглаженному языку, калькам с французского, к изяществу строения стиха. Эта тенденция Озерова была залогом успеха его пьес, и некоторый разнобой, сохранение архаической лексики и синтаксиса воспринимались как недостаток, который Озеров постепенно изживал. Державин нарочито архаичен и суров в языке своих трагедий («Изыдь, сестра», «Пожри вас всех геенна» и т. п.), и эта суровость, с его точки зрения, является вернейшим средством передать события древности (именно по этому же пути пошли последователи Державина, принадлежавшие к декабристскому поколению: Катенин и Кюхельбекер). Но важно отметить, что Державин — охранитель классических правил на практике оказался не меньшим отступником, чем Озеров. Только отступления его носили другой характер.

В основе отступлений Озерова было лирическое «я» элегика.

Отступления Державина находятся в прямой связи с его поэтикой живописания вещественного мира, чуждого философской мечтательности и абстрактной схемы. Склонность к живописи (отчасти сказавшаяся и в самих монологах) проявилась с чисто державинским изобилием в обстановочных ремарках, предпосылаемых к отдельным актам. Эти ремарки сами по себе представляют живописные картинки с самыми неожиданными сочетаниями вещей и красок (скульптуры «сфинксов, крокодилов, львов и прочих животных» в саду Ирода, скатерти «червленного бархата, с золотыми ряснами» в тереме Евпраксии и т. п.). Увлекшись живописанием, Державин забывает об единстве места и обставляет игру непрерывными сменами декораций (даже отдельные явления), далеко оставив позади себя Озерова в этом новаторстве.

Таковы в общих чертах теоретические положения Державина

и его драматургическая практика в соотнесении их с драматическими опытами Озерова.

Озеров мог ученически подражать одам Державина, но в трагедиях его кристаллизовалась другая поэтика, и она оказалась чуждой Державину.

Трагедия Озерова «Димитрий Донской» была замечательна не только эффектами политических тирад, но, как всегда, и элегическими любовными дуэтами и монологами. В смысле языка они были доведены до еще большей легкости и музыкальности, но тщетно было бы искать в них малейшей тени той речевой манеры, которая могла бы создать иллюзию русского XIV века. А именно к этому имел склонность Державин (представляя себе, конечно, этот язык весьма условно).

Драматургическое credo Державина проясняет характер замечаний его на трагедию «Эдип в Афинах». В скрупулезных этих замечаниях (на 17 страницах) нельзя не признать единомыслия с А. С. Шишковым, сделавшим столь же подробные заметки на экземпляре трагедии Озерова «Димитрий Донской». Замечания Шишкова, разумеется, проникнуты идеями знаменитого «Рассуждения» (1802), основанного на преимуществах для высокой поэзии славянской лексики и речений. С другой стороны, в замечаниях на трагедию «Димитрий Донской» нельзя не опознать цитированных выше мыслей Державина об антиисторизме трагедии, о необходимом реализме характеров. Именно на этом и построил Шишков свои пространные рассуждения «о нескладной завязке», довольно неуклюже вдавшись в оценку любовных сцен в воинском стане. Оригинальны мысли Шишкова только в части лингвистической. Как теоретик литературы, лингвист, он выступает здесь своеобразным комментатором собственного «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», давая наглядные примеры, ратуя за язык славенский и заявляя «господам писателям», что ненавистники славенского языка их «совсем с пути сбили».[1] В целом отзыв Шишкова явно основан на мыслях Державина-драматурга. По-видимому, даже отзыв о «Фингале» в статье Шишкова «Сравнение Сумарокова с Лафонтеном» основы-

---

[1] Л. П. Сидорова. Рукописные замечания современника на первом издании трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской». Гос. библиотека СССР им. Ленина. Записки Отдела рукописей, вып. 18, стр. 142. К сожалению, в данной статье нет полной публикации. В ней лишь цитируются отдельные замечания Шишкова.

вался на критике Державина. Область «языка любви» в трагедиях вряд ли входила в компетенцию многоученого Шишкова. На всех этих мыслях был отпечаток требований художника, человека, причастного к критикуемому жанру. Несмотря на фрагментарность этих замечаний, все они сводятся к установлению эклектической сущности трагедий Озерова, отступающего от принятых им самим рамок классической трагедии не только в деталях, но и в построении и замысле. Назад к Ломоносову и Сумарокову (заметим, что имя Княжнина нигде здесь не упоминается), к правильной героической трагедии с ее высоким стилем! — вот вывод Державина и Шишкова.

Замечания на трагедии Озерова относятся ко времени возникновения державинского кружка, к концу 1806 — началу 1807 года, и представляют собой интересный документ этого кружка, характеризующий его направление и цели. Кружок имел огромную притягательную силу и авторитет благодаря одному только имени Державина, в то время как начавшее было создаваться объединение вокруг Оленина распалось до времени. Эклектичность направления Оленина, стремление сгладить борьбу и примирить непримиримое привели к распаду (кружок возродился именно как промежуточный уже в конце 1810-х годов).

Поведение Шаховского, немедленно ставшего отщепенцем оленинской группы и целиком предавшегося идеям кружка Державина, было закономерным. Театр был областью, на которой в то время сосредоточилось все внимание Державина, и эти интересы преобладали в кружке. Шаховской был застрельщиком в боях против карамзинистского направления. Борьбу эту Шаховской повел со свойственным ему темпераментом, на разных фронтах и с большим успехом. Шаховской создал журнал «Драматический вестник», который явился, по существу, органом державинского кружка, продолжавшим линию крыловских журналов (Крылов был активным участником «Драматического вестника»). Журнал укреплял позиции классицизма в драматургии, боролся с влиянием новой чувствительной драмы и явлениями преромантизма, разлагающего каноны Буало.

В качестве драматурга Шаховской написал и поставил комедию «Новый Стерн», зло высмеявшую сентиментализм Карамзина. Влияние «Нового Стерна» было немаловажно в переоценке чувствительных тирад трагедий Озерова.

Репертуар театра Шаховской начал укомплектовывать переводами классических трагедий и наскоро сработанными «национальными» трагедиями сумароковского типа вроде «Электры» Гру-

зинцева. Автор этой пьесы, Висковатов и другие им подобные «классики» были членами державинского кружка.

В свете этого понятны и демарши Шаховского в отношении Озерова, который был осознан как явный, ярчайший и опаснейший представитель карамзинского направления в театре. Понятно и поведение молодых романтиков, противопоставивших «Драматическому вестнику» театральную критику Жуковского (в «Вестнике Европы»), защиту Озерова, нападение на Грузинцева (Жуковский) и интенсивную работу над новым репертуаром (попытка Батюшкова переводить Шиллера, драматические переводы Жуковского и т. д.).

Державин обладал жестокосердием убежденных. Он был нетерпим к чуждой ему стихии искусства, и его саркастическое слово было весомее в борьбе направлений, чем ученые трактаты его единомышленника, адмирала Шишкова.

Несомненным представляется влияние Державина на отзывы о трагедиях Озерова, исходившие от молодых литераторов Вольного общества любителей словесности наук и художеств, критиковавших отступления Озерова от классических основ трагедии (высоко ценимой и вольнолюбцами за ее высокие возможности). Именно сентиментально-элегическую сущность пьес Озерова осуждали критики «Северного вестника» (1806) и «Лицея» (1806).[1]

Существует ложное мнение, что Державин был второстепенным лицом в антикарамзинском направлении и что все дело было в Шишкове. Это мнение основано на поведении Державина, на том, что он занял (внешне) позицию наблюдателя, по существу будучи подлинным идеологом борьбы. Так, в 1805 году он писал Дмитриеву: «Предвижу я между Москвою и Петербургом великую литературную бурю. Твердят уже на театре русского Штерна, тут полетят громы и молнии, штыки нового и старого штиля засверкают, меж коими я, прижавшись в уголку, останусь спокоен».[2] Речь шла о комедии «Новый Стерн» Шаховского, и отношение Державина к этому маленькому событию, имевшему немалые в литературе последствия, — очевидно.

То, что Державин высказал в своих предисловиях и критиче-

---

[1] О театральной критике Вольного общества любителей словесности, наук и художеств см. статью В. А. Бочкарева «Вопросы развития исторической драмы в освещении прогрессивной русской критики нач. XIX в.» (Ученые записки Куйбышевского гос. пед. института, вып. 19. Куйбышев, 1958, стр. 33).

[2] Письмо И. И. Дмитриеву от 10 января 1805 года. — Соч. Державина, т. 6. СПб., 1871, стр. 166.

ских замечаниях, свидетельствует об антиозеровском и даже антивольтеровском направлении. И хотя Державин был бессилен утвердить свои идеи в пьесах, оказавшихся не только «не игровыми», но и невозможными для постановок, самый факт опытов Державина имел немалое значение в литературно-театральной жизни начала XIX века. Борьба за драматургию показывает, что внутренние ее силы исходили именно от Державина, эту борьбу вдохновляло именно державинское разумение поэзии — акта гражданственно-витийственного, его отношение к слову — средству передачи реально ощутимого мира.

Позднейшая борьба за русскую трагедию продолжала начатую Державиным и долго еще была связана с именем Озерова.

Державинские идеи не только перешли по наследству к тем из молодых, кто явно примыкал к литературному направлению «Беседы»: Катенину, Кюхельбекеру, Жандру, — мнение Державина разделил в 1820-х годах и Пушкин.

12

Полемика вокруг трагедий Озерова, начавшаяся еще в дни первых постановок (1804—1809 годы) и продолжавшаяся до конца 1820-х годов, имела большое значение для тех, кто созидал театр в декабристскую эпоху. Она помогла прояснению своеобразия Озерова, его места в поэзии. Суждения, кристаллизовавшиеся как результат споров, для нас особенно интересны. Наиболее значительны в этом отношении мысли Пушкина и Вяземского.[1] Свою оценку Озерова-драматурга Вяземский сводит к следующей мысли: Озеров не подражатель, он оригинален, и своеобразие его — «в отступлениях от правил» классицизма. Благодаря этим отступлениям, «исполненным жизни и носящим свой образ... трагедии его уже несколько принадлежат к новейшему драматическому роду, так называемому романтическому».[2] Здесь следует отметить, что Вяземский не противопоставлял «романтизм» Озерова классической трагедии Корнеля и Расина, а, напротив, утверждал (хотя и несколько туманно) закономерность вырастания новой драматургии из старой, утвержденной поэтикой Буало. В 1827 году, перечитывая и дополняя свою статью 1816 года, Вяземский

---

[1] О жизни и сочинениях Озерова. — Сочинения Озерова, ч. 3, СПб., 1828, стр. 129—154.

[2] Там же, стр. 142.

оставался на тех же позициях. Иное было с Пушкиным, ему возражавшим.[1]

В 1816 году Пушкин ринулся в бой против гонителей Озерова, — в то время Озеров в глазах Пушкина олицетворял надежду русского театра и стоял рядом с Карамзиным — преобразователем прозы. Вероятно, для молодого Пушкина особенно важен был авторитет Батюшкова. Считая Озерова великим драматургом, Батюшков тем не менее видел его в ряду элегиков, возглавленных гением Петрарки и Тасса.[2] Никакого противоречия в этом для Батюшкова не было: в трагедиях Озерова ценил он именно их элегическую суть, поэзию, то, что являло и новое, романтическое направление и в то же время было лишь разработкой лучших лирических образцов классической драматургии. Ведь и Расин был прежде всего поэтом, а потом драматургом. Между тем новый озеровский театр своим элегическим началом противостоял реалистической тенденции некоторых из поборников русского сумароковского классицизма (Державин), действенному шиллеровскому романтизму и устремлениям в духе театра Шекспира. В конце 1810—1820-х годов началось разностороннее развенчивание Озерова, в чем принял участие и молодой Пушкин.

В 1820 году Пушкин, посмотрев трагедии Озерова на сцене, назвал их «несовершенными творениями» и приписал славу Озерова гению Екатерины Семеновой.[3] Мысль эту в 1823 году повторил он известными стихами первой главы «Евгения Онегина»:

Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил...

Прошло еще несколько лет, и на полях статьи Вяземского Пушкин оставил заметки, решительно уничтожающие Озерова как драматурга. В этих заметках Пушкин писал, что не видит в Озерове «ни тени драматического искусства», что он героев своих изображает «кистью решительно не трагической».[4]

---

[1] Заметки на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова». В изданиях сочинений Пушкина эти заметки датируются «не ранее 1825 года». Нет никаких оснований датировать их ранее 1827 года, когда Вяземский перерабатывал свою статью 1816 года для нового издания сочинений Озерова (1828).

[2] См. стр. 50.

[3] «Мои замечания об русском театре».

[4] Заметки на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова».

Заметки Пушкина носят отпечаток его особых интересов и раздумий, связанных с созданием «Бориса Годунова». Пушкин не вдается в оценку Озерова-поэта, его интересует он лишь как автор трагедий. И, что чрезвычайно любопытно, Пушкин продолжает мысли Державина даже в отношении предшественников Озерова. Пушкин пишет: «Озеров сделал шаг вперед в слоге, но искусство чуть ли не отступило», и отнюдь не в отношении трагика Княжнина, о котором он говорит, что «в нем все дрянь». Речь идет о Сумарокове. Не очень любя драматургию Сумарокова, Пушкин все же ставил его талант выше, чем дарование Озерова. Солидарность с Державиным находит свое открытое выражение в том, что Пушкин недоволен отрицательною оценкою стихов Державина, являвшихся ответом Озерову на посвящение «Эдипа». Видимо, Пушкин не возражает против «демственника» и «дев слез ремесла».

Развивая свое суждение о так называемом романтизме Озерова, Вяземский останавливается «на силе красноречия» в тех местах его трагедий, «где говорит сердце». Он восторгается порывами «его мечтательного воображения» и связывает романтический дух трагедий с любовной темой, явившейся лейтмотивом биографии Озерова, что приводит его к мысли об истоках любовной темы и женских образов в трагедиях Озерова. В связи с этим Вяземский вспоминает о первом произведении драматурга, переводе письма «Элоизы к Абеляру». Пушкин замечает: «Это дает мне мерку дарования Озерова». Смысл такого решительного суждения можно понять только в контексте раздумий Пушкина о поэзии в середине 1820-х годов. Тридцать вторая строфа четвертой главы «Евгения Онегина» дает нам ключ к пониманию замечания Пушкина:

...Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венок убогий...

Ты прав, и, верно, нам укажешь
Трубу, личину и кинжал...

Элегическое начало, мечтательное воображение, петраркизм являются для Пушкина тем, что противостоит драматургии как таковой. «Сила и свобода!» — девиз драматургии декабристского поколения.

Пьесы Озерова вызвали те же эмоции, какие вызывал Карам-

зин своими повестями. Это был тот сентиментальный гуманизм, которого жаждали читатель и зритель, утомленные поучительным велеречием старых трагедий. Восхищались не только любовными дуэтами героев, но и другими ситуациями, лишь бы в них был «голос сердца». Самоотверженная преданность Антигоны, раскаяние Полиника, самоотречение Тверского, отказавшегося от любви во имя справедливости, — все это принадлежало гуманизму Озерова, первого трагика, «осмелившегося заговорить по-человечески». Принципиально новой для литературы явилась в последней трагедии Озерова «Поликсена» идея превосходства сильной, внутренне свободной личности над деспотическим насилием. Это новое, хотя бы в качестве питающей почвы, подготовило русский романтизм в театре 1820—1830-х годов и психологические коллизии, характерные для литературы второй половины XIX века.

Стих и язык трагедий Озерова был значительно легче для произнесения, чем стих и язык его предшественников. В этом отношении Озеров, вслед за Княжниным, пошел по пути очищения языка от архаики, и то, что у Княжнина еще выглядело разнобоем, у Озерова рассматривалось современниками как «переворот, равный сделанному Карамзиным в прозе». В этом отношении Озеров является если не реформатором русского александрийского стиха, то по крайней мере нарушителем его стройной симметрии. Несколько монотонный шестистопный ямб (с обязательной цезурой после шестого слога) у Озерова перебит разговорной интонацией, требующей переносов. Вот, например, сцена смерти Поликсены:

Поликсена

(В отчаянии хватает нож, лежащий на жертвеннике)

Закланий вижу нож...

Пирр

Что делаешь?

Поликсена

Взирай, как умирать умею,
Сама иду на холм.

(Приближаясь к холму.)

Но отчего робею?..
Простертую жену я вижу предо мной!
Ты ль, матерь, хочешь путь мне заградить собой!

Переносы из стиха в стих, а иногда и укороченные стихи в трагедиях Озерова чужды строгому классическому канону. Недаром Озеров любил вольный, басенный стих и упражнялся в нем многие годы (басни Озерова, не представляя собой оригинальной поэзии, по стиху и языку стоят между баснями И. И. Дмитриева и Крылова).

Свободное обращение с классическим стихом Озеров оправдывал наличием элементов этой свободы в лучших образцах французского классицизма (правда, как правило, в комедии, а не в трагедии) и видел в этой свободе взаимодействие с игровыми возможностями.

Осуждая актера Офрена за ломку классического стиха в пользу бытовой игры, он говорил о том, что трагическому актеру «нельзя терять согласие и звучность стихотворства», что «авторы указывают... (самим стилем стиховой речи. — *И. М.)* ...каким образом должно произносить стихи. Везде, где должно... поражать воображение, там сочинители стараются красотою, согласием и звучностью стихов прельстить слух, и такие стихи должны быть произносимы с силою, с важностью в голосе и чтоб сохранен был необыкновенный язык стихотворства... В тех же местах, где по сильным движениям страсти, по истинным изображениям чувства сочинитель считает, что зритель должен забыть все и следовать за действующим лицом и, так сказать, уличать (т. е. находить. — *И. М.)* себя в нем... там употребляются самые простые и обыкновенные выражения и обороты, следовательно и актер должен произносить сии стихи почти как прозу».[1] В сущности, это была декларация свободы в отношении жестко регламентированного классического чтения. Эти и другие вольности содействовали тому, что актеры были в восторге от ролей в трагедиях Озерова. Гнедич говорил, что без Озерова талант Семеновой не получил бы такого развития и, может быть, «зачах бы преждевременно, истомленный ролями старинных трагедий, в которых слог не только устарел, но и вовсе неудобен для правильного произношения».[2]

Человечность, эмоциональность, заложенная преимущественно в женских ролях трагедий Озерова, способствовали развитию своеобразного таланта Семеновой. Семенова была начинающей, когда ей пришлось играть в 1804 году Антигону. До этого она играла

---

[1] «Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 128.
[2] С. П. Жихарев. Записки современника, стр. 426.

случайные роли в случайных пьесах различных жанров. Репетиции пьес Озерова шли отчасти под авторским наблюдением. Убеждением Озерова являлась уже приводившаяся выше мысль о том, что пьеса подсказывает актерам игру и что все дело в понимании, которому содействовал он некоторыми пояснениями. И Семенова усвоила главное в женских ролях трагедий Озерова, их основной нерв. Она в совершенстве разработала все оттенки «голоса сердца». Движению чувств внутри элегических монологов придала она видимость игровых движений, напряжения действия. Эта игра на оттенках чувств, даваемых авторским текстом, впоследствии сделалась ее методом. Воспитавшаяся на игровой пассивности трагедий Озерова, она в дальнейшем умела усилить любую трагическую роль этой внутренней игрой, которую публика принимала за игру активную. Семенова в такой мере овладела основной струей трагедий Озерова, их гуманной сутью, что именно «голос сердца» явился для нее постоянным коррективом для всех последующих ролей. Играя роли злодеек — Гофолию, Медею, Федру, — Семенова умела находить в авторском тексте материал для светлого начала, придававшего этим мрачным фигурам романтическую светотень.

«Романтическая» суть, составлявшая новизну классических трагедий Озерова, не исчерпывалась для зрителей только чувствительной темой. Она — эта романтическая суть — состояла в сочетании «голоса сердца» с героической помпезностью спектакля во вкусе стиля ампир. Именно сочетание и сокрушало классический канон в пользу уже осознанных романтических свобод. Новые возможности в постановках, утвержденные драматургией Озерова, современники называли «революцией сцены».

Трагедии Озерова шли на сцене как эффектные, великолепно декорированные, сопровождаемые музыкой спектакли; они держались не на одном только авторском тексте. Спектакли создавались драматургом, композитором и художником подобно тому, как ставятся оперы. Именно против помпезности озеровских трагедий возражали классики, в частности Мерзляков. Но эти возражения оставались фактом чисто академических споров, время с его вкусами нельзя было остановить. Стены, в которых происходил спектакль, подсказывали возможность подновления классицизма. Тома́ де Томон основал архитектурное великолепие здания не на строгости античных форм, а на пышности и изящной легкости. Его скульптурные и живописные музы на плафонах и стенах были слишком грациозны для олимпийцев.

Все, начиная с некоторого хаоса в цезурах шестистопника

трагедий Озерова и кончая хорами Козловского, создавало пестроту и эффекты нового стиля эпохи.

Держась в пределах цензурой дозволенного свободомыслия, а иногда действуя намеками и сопоставлениями, Озеров продолжил традицию народолюбия и правдолюбия, свойственную русской классической драматургии. Свои политические взгляды декларировал он в «Димитрии Донском» — его идеалом была та ограниченная дворянством, охраняемая законом монархия, которую на бумаге «Наказа» начала учреждать Екатерина, которую, казалось, собирался учредить Александр.

Подобно княжнинскому, герой Озерова — воин, защитник справедливости (Димитрий Донской, Тезей, Олег). За ним — поддерживающий его народ.

Но если у Княжнина герой и был схематичен, не имея живой плоти и характера, — в схематизме этом была цельность и потому убедительность. Чувства, сердечные дела героев не заслоняли черт, идейной схемой предусмотренных.

У Озерова «голос сердца» заглушил трубные звуки сражений, мечтательность расслабила доблесть, и героическая, идейная сторона оказалась боковой, неглавной сутью его трагедий.

Именно это и оказалось губительным для трагедий Озерова, не выдержавших испытания временем.

Пушкин и Вяземский, с различных точек зрения и применяя различные масштабы, приходят к одному выводу относительно драматургии Озерова, но у Пушкина этот вывод отрицательный, у Вяземского положительный. Говоря о «кисти решительно не трагической», Пушкин подразумевает иное качество этой кисти. Какое же? Вероятно, он имеет в виду дарование лирика. Вяземский именно в мечтательном лиризме видит достоинство и оригинальность трагедий Озерова, считая его едва ли не гениальным драматургом. Любопытно, что он не обеспокоен постепенным исчезновением лучших пьес Озерова из репертуара, не видит, что держатся они на сцене благодаря Семеновой и с уходом ее (в 1826 году) — теряют зрителя.

В популярности отдельных монологов Вяземский усматривает доказательство прочной сценической славы трагедий. Было же, скорее, напротив. Эти монологи, как бы выпадая из пьес, жили самостоятельной жизнью своеобразных лирических созданий. Лиризм и внутренняя законченность содействовали этой самостоятельности еще в дни, когда трагедии Озерова были «гвоздем» репертуара.

Озеров был первым, кто в России разработал поэтику так

называемой унылой и любовной элегии. Элегическими формулами любовных признаний, разлуки, безвременной смерти изобилуют монологи Фингала, Димитрия, Поликсены. Они вошли в поэтическое хозяйство следующего поколения и обогатили его.

Трагедии Владислава Озерова были событием в русской драматургии и русском театре начала XIX столетия. А элегические монологи его трагедий вошли в сокровищницу лирической поэзии. Их место — среди элегий Батюшкова, Гнедича, Жуковского.

И. Медведева

I

ТРАГЕДИИ

ЯРОПОЛК И ОЛЕГ

Трагедия в пяти действиях, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Ярополк, великий князь Киевский.
Олег, князь Древлянский.
Предслава, княжна Болгарская.
Заида, наперсница Предславы.
Свенальд, первый вельможа Ярополков.
Извед, тысячник войска Ярополкова.
Посол печенегов.
Сотенник стражи Ярополковой.
Вернест, тысячник войска Олегова, не говорящее лицо.
Вельможи.
Стража Ярополкова.
Воины Олеговы.
Заложник печенегов.

Действие происходит в Киеве в чертогах великого князя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет чертоги великого князя Киевского.

Явление первое

Свенальд и Извед.

Свенальд

Не ложен слух, Извед: в боях всегда счастливый,
Древлянский князь мечом смирил народ строптивый;
Опять подвластен нам мятежный печенег,
И к брату своему спешит уже Олег.
Но весть сия, скажи, как принята народом?

Извед

Весь Киев восхищен Олеговым приходом, —
Пловцу не может быть приятна столь заря,
Котора после бурь, всход солнца предваря,
Колеблемым волнам спокойство обещает.
Приход Олегов к нам раздоры окончает.
Народу памятны еще те смутны дни,
В которы зрелись здесь военные огни;
В которы Ярополк, питая к брату злобу,
Низвесть его хотел иль сам сойти ко гробу.
Олег древлян своих взаимно воружал.
Какой ужасный рок России угрожал!
Едва разделена, и разделеньем вскоре
Должна была страдать в несча́стливом раздоре,
Растерзанною быть от собственных сынов.

Междоусобна брань верх гнева есть богов.
Но небеса еще к нам были милосердны,
И внешнею войной нас соблюли бессмертны.
Отрекся печенег обычну дань платить —
Нам помощь нужную спешил Олег явить
И покорил врагов тем самым ополченьем,
Которым нам грозил, пылая первым мщеньем.
Но чрез сражения прославится ль герой?
Случайности одни решат нередко бой.
Но кротким в счастии, в злосчастии быть твердым
И, случай мстить имев, явиться милосердым —
Вот истинный герой; велик везде, всегда,
И не пременен он, как боги, никогда.
Таков Древлянский князь, нам мирных дней содетель.

Свенальд

Древлянский князь... Олег... России благодетель!
Не верь: коварен он, и в нем геройства нет.
Когда бы смелый мой услышан был совет,
Когда бы Ярополк на брата шел войною,
Давно б погиб Олег, столь ненавидим мною.

Извед

Что слышу я! Свенальд врагом Олега чтит?

Свенальд

Врагом... и с ним меня ничто не примирит.
Могу ли позабыть, что им лишен я сына!

Извед

Несправедливая вражды твоей причина:
Твой сын преступник был.

Свенальд

Но я его отец...
Я, ливший кровь мою за росский сей венец,
Который с братьями князь ныне разделяет, —
Меня заслуга сверх законов поставляет.
Олег был должен чтить Свенальдов славный род;
Законом пусть страшит ничтожный он народ.

Извед

Заслуги почестьми цари вознаграждают,
Но строгость где свою законы потеряют,
Там обществу всему последует напасть.
На правосудии лежит верховна власть:
Оно спокойствия твердейшая опора.

Свенальд

Увы, оно виной Свенальдова позора!
Но стыд омоется в Олеговой крови.

Извед

Прости мне искренность моей к тебе любви!
Извед был восприят тобою вместо сына,
Через тебя моя возвысилась судьбина,
И возведен я стал и в степени, и в честь,
Но знаешь, что всегда я ненавидел лесть.
Я лучшей правды был, Свенальд, в тебе свидетель,
Когда и сам ты чтил Олега добродетель,
И сына наставлял подвластным быть ему.
«Иди из Киева, — ты сыну рек сему, —
Оставь печальный град, будь подданный Олега,
Здесь слабость царствует, здесь развращает нега —
Там властвует герой, его незыблем трон,
Коль храбрость щит ему, подножием закон».

Свенальд

Олегова душа, хранилище притворства,
Умела временно принять геройски свойства,
Мой легковерный дух умела обмануть,
И к сердцу моему умел найти он путь.
Но ныне грудь моя исполнена мученьем;
Не дружбой более — горю к нему отмщеньем,
Не мстит лишь только тот, кто духом мал и слаб,
Или кто чувств лишен, как угнетенный раб;
Но сам Перун, Перун во гневе громы мещет;
Когда он мстит земле, вселенная трепещет.
Познай, что меж князей я поселил раздор,
Что к замыслам моим служил невинно взор
Предславы, сей княжны, с Дуная привезенной,
Из Бо́лгарской страны, тогда нам покоренной.

Олег и Ярополк прельщенны сей княжной:
Пылавшей брани здесь любовь была виной.
Но ты не льстися зреть конец сих дней несчастных!
Сей мир — как ясный луч средь облаков
ненастных...
И с братом Ярополк являясь примирен,
С страстями дремлет лишь; но вскоре, возбужден,
Он, в слабости своей, томяся и смущенный,
Представит нам тростник, от бури наклоненный,
Спокойный лишь тогда, как ветр престанет дуть.
Я вскоре возмущу его нетверду грудь.
Но он идет.

Явление второе

Ярополк, Свенальд, Извед и стража великого князя.

Ярополк

Вдали уже те видны войски,
Которых подвиги увенчаны геройски,
Которыми смирен мятежный печенег
И коим сча́стливый предшествует Олег.
Извед, иди к нему: скажи, чтоб за стенами
Он воинство свое расположил полками;
Чтоб шум оружия с собою не вводил
И свой с послами вход во Киев ускори́л;
Что с нетерпением его я ожидаю,
Героя, брата в нем обнять в сей день желаю.
Иди на сретенье!

Извед уходит, и Ярополк дает знак страже, чтобы удалилась.

Явление третье

Ярополк и Свенальд.

Ярополк

Свенальд, ты здесь пребудь:
От дружбы ждет твоей моя покоя грудь!
В сей день приходит брат, доселе мной гонимый,
Во славе и любви соперник мой счастливый.
Недавно с ним хотел вести кроваву брань,
И вместо острых стрел несет он в Киев дань
Мятежных печенег, его рукой смиренных.

Что делать мне теперь, и в чувствиях смущенных
На что решиться мне, и что могу начать?
Олегову любовь мне должно ль увенчать,
Когда он увенчал Россию новой славой?
Расстануся ль навек с прекрасною Предславой,
С Предславой, кою сам вручил ему отец
И брачный обещал ей возложить венец,
Которой взор один, любовью оживленный,
Дороже для меня владычества вселенной?

Свенальд

Когда б Олег подъял оружье за тебя
Или б врагов смирил, отечество любя,
Тогда б вещал тебе: защитнику державы
И другу твоему дай руку ты Предславы;
Страдавши, будь велик, — вот мой тебе совет!
Победа над собой славнейша из побед.
Но ныне, государь, почто тебе разлуки
Напрасные терпеть великодушно муки?
Почто терять княжну и с нею свой покой?
Почто за слабу дань платить ее рукой?
Олег не для тебя, не для твоей он славы
Сражался, победил, но для одной Предславы.
Вручи ему княжну — познаешь ты его.
Иль неизвестен мне нрав брата твоего,
Иль замыслы в душе его сокрыты люты.
Поверь, что мстить тебе способной ждет минуты;
Под сенью кротости его горит вражда.

Ярополк

Притворства, о Свенальд, душа его чужда:
Когда б исполнен был желанием отмщенья,
Он случай бы имел во время возмущенья;
Не против печенег — сражался бы за них.

Свенальд

Хитрее, государь, он в замыслах своих:
С врагами Киева соединясь войною,
Всех бед отечества он чтим бы был виною,
По справедливости от сих отвержен стен,
Предславу б зреть тогда надежды был лишен.
Но пусть толико в нем блистательно геройство,

Чтоб оскорбление забыть имел он свойство, —
То почему тобой обижен будет он,
Когда ты киевский княжне предложишь трон;
Когда, любя ее, ты изыскал искусство
Родить в ее душе к себе взаимно чувство?
От нас ли собственно зависит нежна страсть?
Любить, любимым быть — на всё богов есть власть.
Что Ярополку в том, что волей Святослава
Олегу некогда назначена Предслава?
Во гроб с отцом твоим прешла и власть его,
И счастье от тебя зависит одного.
И если чувствами Предславы ты владеешь,
То более, чем брат, и прав над ней имеешь.

Ярополк

Увы, терзаюсь я сомнением моим!
Не знаю, о Свенальд, противен иль любим:
Поныне я не мог открыться перед нею.
Не зря ее — решусь, увижу — и не смею.
Немеет мой язык, теснится томна грудь,
Боясь встретить взор, боюсь пред ней вздохнуть.
Я мнил, что, в сиротстве оставленной судьбиной,
Лишенной матери недавнею кончиной,
Могу Предславе я о страсти изъяснить, —
Почтенна грусть ее претила говорить.
Но, шествием теперь соперника решенный
И дружбою твоей в надежде утвержденный,
Открою ей, Свенальд, жестокий пламень мой:
Пускай разит или дарует мне покой.
Я жду ее сюда. И в ней смятенье взора
Иль равнодушие во время разговора,
Когда я объявлю, что брат идет во град,
Дадут мне смерти знак иль сладостных отрад.
Но вот она, — Свенальд, оставь меня ты с нею!

Явление четвертое

Ярополк, Предслава и Заида.

Ярополк

При общей радости, княжна, я льститься смею,
Что к утешению ты склонишь ныне слух,
Что нужной твердостью твой обновится дух.

Лишенье матери — чувствительна потеря...
Слезами долг отдав и грусть свою умеря,
Престань оплакивать всеобщий нам удел!
Счастливый, может быть, Предславе день пришел.
Предай надежде дух и с киевским народом,
Со мною веселись Олеговым приходом!
Победу, славу, мир он ныне к нам несет.

Предслава

(в сторону)

Благополучный день... Олег сюда идет!

(К Ярополку)

Перед тобою, князь, я чувств моих не скрою:
Смерть матери мой дух исполнила тоскою.
Быв сирой в Киеве, без кровных, без друзей,
Могу ль когда престать лить слезы я о ней?
Но горестной душе приятно утешенье
Между князьями зреть сердечно примиренье:
Меж братом и тобой пылавшая война
Была страданию мне новая вина.
Прости мне речь сию... Печальная Предслава
Хранит еще в душе всю милость Святослава
И в сыновьях его участвовать должна.

Ярополк

Увы, ты им была престола лишена!

Предслава

Но благостью ко мне он после обратился,
Чтоб возвратить мне трон, со греками сразился;
Несчастливо разбит и обращенный в бег,
На берегах Днепра убит от печенег.

Ярополк

Великодушное тобой обид забвенье
Не может привести меня во удивленье:
Душа, рожденная для царского венца,
Не так и чувствует, как прочие сердца.
Твоя судьба, поверь, прелестная Предслава,
Не пременилася кончиной Святослава:

Исполнить то клянусь, чего не сделал он,
Из хищных грека рук я твой исторгну трон,
Или паду мечом. Но счастлив той судьбою,
Коль в гробе буду я оплакиван тобою.

Предслава

Почто, о государь, для горестной княжны
Ты хочешь испытать жестокости войны?
Почто бедам моим ты хочешь быть причастен?

Ярополк

Коль за тебя паду, умру я не бессчастен.

Предслава

Но Ярополка жизнь для подданных нужна.

Ярополк

Всю жизнь я посвятить готов тебе, княжна!

Предслава

Усердию сему достойной нет награды.

Ярополк

Ах, есть: согласна будь... и верх моей отрады!
О, сколько времени отрады сей ищу!
В молчании томлюсь, открыться трепещу,
Когда взор пламенный, и вздохи, и смятенье...
Коль я нечаянно твое встречаю зренье,
Которого страшусь, которое ловлю, —
Всё изменяет мне, являет, что люблю,
Являет, что готов принесть к ногам Предславы
Сияние венца и власть моей державы,
Наградой льстясь одной, чтобы перед алтарь
Ты с Ярополком шла...

Предслава

Не жди, о государь!
Я обольщу тебя, коль за твое княженье
Здесь обещаюся дать руку в награжденье.

Без сердца дар руки печальный будет дар
И слабо наградит твой страстный ныне жар.
Олегу будучи супругою суждённа...
С младенчества мой долг любить я приученна.

Ярополк

Что слышу... люта весть... и столько презрен я,
Что не скрывается к Олегу страсть твоя!
И предо мною ты свою являешь душу!

Предслава

Открывшися тебе, твою надежду рушу.
Я возбудить хочу глас должности твоей,
Рассудком погасить сей огнь твоих страстей.

Ярополк

Ругательством своим усугубляй презренье,
Но трепещи: на всё решусь в моем стремленье!
Еще от рук моих твоя зависит часть:
Чего нельзя любви, свершить то может власть.

Предслава

Не унижай, о князь, своей верховной власти!
Пред твердостью моей ничтожны все напасти.
Коль умереть должна иль чести изменить,
Познай, что с нею в гроб готова я сойтить.

Предслава с Заидою уходят.

Явление пятое

Ярополк

(один)

Не льстись, свирепая, с Олегом съединиться!
Не буду я один любовию томиться...
И все мучения несчастной страсти сей,
Жестокая, душе я пренесу твоей.
Любимого тобой ты вечно не увидишь,

Твой истомится дух, ты жизнь возненавидишь,
И горестью твоей моя отдóхнет грудь.
Иду сопернику закрыть во Киев путь.
Коль без надежды я терзаться должен мукой,
Чета противная, и ты страдай разлукой!

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет тронную комнату.

Явление первое

Ярополк и Свенальд.

Свенальд

Принявши ревности стремительный совет,
Каких, о государь, ты ждать был должен бед!
Претив во град вступить Олегу и посольству,
Ты мог привесть народ к опасному крамольству.
Олегу нам нельзя противостать войной,
Когда он с вóйсками под нашею стеной,
Когда и силою себе пути откроет
И, чтобы в град войти, и самы стены сроет.
Ты ярости его какой явишь оплот?
К нему уже давно привержен здесь народ.
Олег, под кротостью скрывая сердце злобно,
Россиян искренних прельстить возмог удобно.
Сия страна гласит: Олег нам всем отец,
Он слава россиян и наших царь сердец.
Коль с ним ты вступишь в брань, страшись
тогда измены!

Ярополк

Соперника ль введу во здешние я стены?

Свенальд

Необходимости прими в сей день закон!
Излишней твердостью теряют часто трон.

Ты знаешь, государь, как жду я браней время:
Ни истощенье сил, ни лет печально бремя
Не возмогли еще из рук исторгнуть меч.
Итак, не страх войны мою внушает речь,
Но страхи за тебя, за честь твоей державы.
Вступив с Олегом в брань, лишишься ты Предславы.
Не отвратит беды твоих друзей любовь,
И за тебя в бою прольем мы тщетно кровь.

Ярополк

Так счастья сей четы я буду здесь свидетель?

Свенальд

Притворство, государь, полезна добродетель.
Притворствуй временно, и брак их отлагай,
И случая отмстить в терпеньи ожидай!

Ярополк

Ах, так, — народу мстить, и мстить хочу ужасно!
Познаешь, град, меня как прогневлять опасно!
Твоим владыкой я, коль твой Олег герой, —
Оплачешь ропот ты кровавою слезой.

Свенальд

Не столько, государь, сей винен град престольный,
Сколь твой виновен брат тщеславный и крамольный:
Везде и всех веков народ рассудком слаб,
Обманут хитростью слепый коварства раб.
Ты видишь, что за трон был страх мой не напрасен:
Для власти и любви Олег равно опасен.
Почто б он в граде сем искал себе друзей,
Когда бы не желал короны он твоей?
Уже сим происком виновен пред державой.

Ярополк

Виновен он: увы, злодей любим Предславой!

Свенальд

Когда б позволил ты мне предложить совет,
Престал бы сей Олег быть ревности предмет.
Здесь будет от тебя зависим он судьбою...

За театром слышна воинская музыка.

Но шествие его возвещено трубою.

Хор народный

(за театром)

Славься, Киев, град счастливый:
Храбрый к нам идет Олег.
Ты струею торопливой,
Днепр, теки до печенег;
Им вещай: ваш победитель,
Гром сложив, сердец пленитель!

Свенальд

Ты слышишь, Ярополк, как здесь твой брат любим,
Какую радость ввел с пришествием своим!

Ярополк

О радость пагубна! Князей печальна доля!
В их сердце часто грусть, в деяниях неволя;
И ныне, как в тоске хотел бы слезы лить,
Я должен на челе веселие явить
И облещи себя в наружное сиянье,
Когда в душе лишь мрак, когда в душе страданье.

(Воссев на трон, к Свенальду)

Вельможи киевски, делящие мой труд,
Мое величество делить пускай придут!

Свенальд вводит вельмож.

Явление второе

Ярополк, Свенальд, вельможи сидящие, Олег, посол печенегов, Извед, Вернест и отряд войска Олегова.

Перед послом несут дар, перед Олегом дани, знамена и воинские доспехи.

Олег

(стремится в объятия к Ярополку)

О Ярополк, о брат, любимый мною нежно!
Какое счастие вкушаю безмятежно,
В сем граде наконец увидевши тебя!
В объятиях моих днесь чувствую тебя.
Три лета протекли, и ныне щедры боги
Позволили мне зреть родительски чертоги,

Где юности моей текли приятны дни,
Где были чувствия с тобой у нас одни,
Где будет каждый шаг душе напоминанье...
Но ты смущаешься и хочешь скрыть вздыханье.
Предайся радости, и чтоб природы глас
Один услышан был в сей сладостный мне час!

Ярополк

Как смею почитать сей день себе счастливым,
Когда я, может быть, к тебе несправедливым...

Олег

Почто, о Ярополк, ты обращаешь взор
На время грустное, на прежний наш раздор?
Я не виню тебя. Увы, всех смертных боле
В винах простительны седящи на престоле:
Их окружает трон ласкательство и ложь,
Корыстная рука пристрастливых вельмож
От трона истину отринуть часто тщится,
К которой пылкая душа царей стремится.
Вельможа некий здесь, свою скрывая страсть,
Встревожить восхотел твою верховну власть
И на меня навлек обидны подозренья.
Сей неизвестный враг не стоит и презренья.
Я имени его и ведать не хочу:
Делами, чувствами неправду обличу.
К опроверженью злых моей довольно славы.
Кто я, чтобы желал когда твоей державы,
Чтобы изменою я трон хотел обресть?
И мыслить не могу, чего не терпит честь.
Уже имею трон отца благословеньем.
Другой, когда б искал, нашел не преступленьем —
Мечом; но не хочу преследовать мечту,
И не в числе венцов мое блаженство чту.
Пещись о подданных едина мне отрада:
Любовь народная царям в трудах награда,
И славы сей хоть тих, но тем приятней свет.
На обвинения несу тебе ответ.

(Своим воинам)

Вернести воины, повергните вы дани,
Знамена и мечи, добытые на брани!

Пусть видит воинство, вельможи, целый град,
Как даней и земель твой мало ищет брат
И днесь, как в град меня ввели с победой боги,
Что я покорности принес тебе залоги!
Но сколь против врагов я в поле был счастли́в,
К Олегу столько же брат будет справедлив.
В супруги мне отцом назначена Предслава...

Ярополк

(перебивая речь Олега)

О ты, кем лавром вновь моя венчана слава,
Конечно, можешь ты всех требовать наград,
Конечно, справедлив к тебе твой будет брат!
Я цену чувствую заслуг, побед Олега.
Воссядь, и внемлем мы прошенью печенега!
Восстав противу нас мятежною войной,
Чем оправдает он строптивость предо мной?

Посол

Великий россов князь, конечно, сами боги
Отверзли Киеву днепровские пороги
И брата твоего могущею рукой
Народ наш привели опять под скипетр твой.
Покорствуем судьбе, коль снова побежденны,
Но смело говорим, хотя и униженны.
Ты вспомни, государь, сколь наш пременен рок:
Сегодня счастлив он, а завтра нам жесток!
Победой возгордясь и упоенный славой,
Брегись обременять своею нас державой!
Родитель храбрый твой и мужественный дед
Примером подкрепят сей наш тебе совет.
Подобно счастлив им, по их не шествуй следу,
Налогов тягостью брегись мрачить победу!
Быв алчны воевать, сбирать с народов дань,
Один с древлянами вступил в неправу брань
И в поле мертвым пал под мстящими мечами,
Другой хоть много лет и властвовал над нами,
Но наконец его разбил в Болгарах грек,
И бренность счастия его представил век.
Спасаясь от врага, другими пал врагами;
Его мы слили кровь с днепровскими струями,

А череп нам служил в народных торжествах,
Когда богам вино лил жрец при алтарях.
Так кедр, за облака вознесшийся в полвека,
В единый час падет рукою дровосека.
С сей данью, кою с нас собрал теперь Олег,
Дары тебе шлет князь покорных печенег:
Колчан с стрелами, лук, копье, и шлем, и латы,
Свой меч, которого страшились супостаты,
И для ловитв тебе ведется статный конь,
В бегу как легкий ветр и ярок, как огонь.
Покорства нашего прими в залог ты дани,
И с трона милостей простри свои к нам длани!

Ярополк

Когда победу дал нам бранный Световид,
Победу удержать он даст нам меч и щит.
Почто вещаешь мне о злых пременах рока?
Тот смертный, в ком душа бесстрашна и высока,
Пременой счастия не будет унижен,
Ни яркой молнией бессмертных устрашен.
Он смертью может пасть, но сама смерть ужасна
Великости души колéбнуть в нем не властна.
Не печенеги днесь закон предпишут нам,
Какую дань платить отныне должно вам.
Я дань определю иль мене, или боле,
Коль прáво защитить не возмогли вы в поле.
Но, дань от вас приняв, я не приму даров:
Они суть пагубны, несенны от врагов.
Отец и воинство, в порогах побиенны,
Всей кровью вашею еще не отомщенны.
Доколе Рюриков владеть здесь будет род,
Дотоль врагами росс ваш будет чтить народ.
С дарами вашими обратно вы идите
И князю своему веления несите:
Чтоб каждые луной свершенны шесть путей
Он присылал послов с покорностью своей,
Чтоб росски паруса в их ходе не держались
И перед ними впредь пороги преклонялись!
Заложников прими, Извед, и, взяв отряд,
Во безопасности веди послов за град!

Послы уходят, сопровожденные Изведом и частию Ярополковой стражи.

Явление третье

Ярополк, Олег, Свенальд и все бывшие в предыдущем явлении, исключая печенегов и Изведа.

Ярополк
(к Олегу)

Пойдем, Олег, во храм: пусть жертвоприношенье
Там изъявит в сей день богам благодаренье,
Что счастливый конец раздоров ныне зрим!

Олег

Согласна мысль твоя с желанием моим:
Пойдем и совершим сей долг необходимый!
К победе был ведом рукой непобедимой,
Могущею богов и нежныя любви,
И, мужественный жар она пролив в крови,
Желаньем славным быть мои наполнив чувства,
Доставила в боях победу без искусства.
Ах, сердцу нашему любезнейший предмет
Какое мужество и силу придает!
Так истинна любовь ведет к блестящей славе.
Иду с тобой во храм, потом к моей Предславе.

Ярополк

К Предславе... ярость... ах, и гнев я должен скрыть!
Народу моему спеши себя явить!
Не проникает он причину наших действий:
Лишь тот велик пред ним, кто спас его от бедствий.

Явление четвертое

Свенальд
(один)

О дерзостный Олег, твоя надменна речь
И твой любовный жар мой изощряет меч!
Когда своей княжны ты имя произносишь,
Душе соперника мученье, смерть наносишь.
Итак, ты в Киеве, ты здесь, в моих руках,
И брату твоему внушенный мною страх
Открыл тебе пути к сему престольну граду.

Когда бы мог тебе пути открыть и к аду!
Но что? Иль в сердце мне уже вселилась лесть?
Обманом я возмог в сей град Олега ввесть,
Свенальдов гордый дух забыл законы чести!
Ах, нет: то честно всё, служить что может к мести.
Отмщением могу мою обиду стерть,
И жизнь позорная всечасная есть смерть.
Пойдем и удалим от Киева Вернеста,
А мщенья будем ждать от времени и места!

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет переходную комнату к княжне.

Явление первое

Предслава и Заида.

Заида

Печальной мыслию свой боле дух не мучь,
Да озарит тебя надежды ясный луч!
Олег во Киеве и с братом он согласен:
Ты зришь, сколь за него весь страх твой
был напрасен.

Предслава

Свирепый Ярополк владеет в сих стенах,
А ты мне говоришь, что мой напрасен страх!
Когда б среди врагов в бою Олега зрела,
Такого б за него я страха не терпела:
Своим бы мужеством он мог себя спасти.
Но скрытный здесь удар как можно отвести!
В сей день открыла я источник бед опасный:
Раздоров ложный мир предшественник несчастный.

Заида

Открытая любовь могла опасна быть,
Когда бы Ярополк отважился забыть,
Чем должен брату он. К тому ж Свенальд...

Предслава

Заида,
Сносить я не могу сего вельможи вида:
Или сражений бог ему дал взор жесток,
Иль бедствий от него велит мне ждать мой рок,
Не знаю, некий страх мои в нем видят очи,
Который подтвержден мне сном прошедшей ночи.
Мечта, конечно, сон, но боги иногда
Нас предваряют сном, коль нам грозит беда.
Князь добрый должен быть самим богам любезен:
Как смертным, так и им он благостью полезен,
И, подданных своих храня блаженну часть,
Он добродетели установляет власть.
Олега славны дни стрегут, конечно, боги.
Чтоб отвратить судьбы определенья строги,
В молчаньи нощи мне они послали сон:
На возвышении увидела я трон;
Пред троном жертвенник; на троне царь, но бранный,
Не Ярополк то был, а некий образ странный...
Он пламенем дышал, скрывала взоры бровь,
И с рдяных риз его точилась черна кровь.
Я ужаснулася и очи отвратила.
Богиня нежных чувств Олега мне явила;
Минуту радостну имела я во сне.
Увенчан лаврами, стремился он ко мне,
Он руку простирал, и я к нему стремилась,
Как грянул гром и твердь земная расступилась,
Изшло чудовище... Свенальд... его был взгляд,
Но вместо влас змеи, вздымаяся, шипят;
Вступив он к Тартару в путь мрачный, искривленный,
С собой Олега влек рукой окровавленной.
Бледна, отчаянна ему летела вслед...
Но сон прервался мой, и с ним явленье бед.

Заида

Коль защищен Олег могущими богами,
Спасется их рукой, не суетными снами.
Тревожны мысли в день тебя смутили в ночь,
И страхов горестных мечта злосчастна дочь.
Доколе твой Олег вне стен сего был града,
Его прихода ждать была твоя отрада;
Ты говорила: с ним минет смертельный страх;

Теперь трепещешь ты, его в сих зря стенах;
Какой же дух в тебе?

Предслава

Любовницы дух страстной,
За милый свой предмет трепещущий всечасно,
Который за него средь нежной суеты
Не только явных бед — страшится и мечты.
Еще с младенчества судьбы ко мне суровы:
Рожденна к скипетру, носила я оковы,
И россов с греками союзною рукой
Венец с главы упал, и трон низвержен мой.
К неустрашимости мы бедствами ведомы:
Не столь боимся бурь, коль часто слышим громы;
Не ужаснуся я, увидя смерти час;
Но страхи за любовь чем исцелятся в нас?

Заида

Но где опасности? Олег любим в народе.

Предслава

Или злодеев нет в несчастном смертном роде?
На преступленье князь определи свой век —
Страстям его служить найдется человек,
И у царей в руках сокровищ ослепленье.
К добру ведет нас век, к злодействию — мгновенье.
Один злодей сыщись — Олегу смерть грозит.

Заида

Во граде сем Вернест: иль он не защитит?..

Предслава

Вернест во граде сем? Он здесь? О щедры боги!
Я чувствую, что вы ко мне не столько строги.
Сей вестью страх прошел, спокоилася кровь.
Вернест Олегу друг, а дружба — как любовь;
В ней те же чувствия, те ж нежные старанья;
Любви вся прелесть в ней, лишь нет ее страданья.
И друг от бедствия Олега сохранит.
Но шум... Олег идет, мне сердце говорит.

Явление второе

Предслава, Олег и Заида.

Олег

Тебя ли зрю, княжна! О радостны минуты!
О боги! Кончились мои терзанья люты:
Олег теперь счастли́в; у ног Предславы он.

Предслава

Прешла моя печаль, и кончился мой стон!
Олега вижу я, Олегом я любима;
Предслава престает судьбою быть гонима.

Олег

Любима ты... твой взор, как искра божества,
Есть жизнь Олеговой души и существа.
И если б образ твой забыть я был удобен,
Тогда мой хладный век был смерти бы подобен.
Ах, нет, ничем, никак не истребится страсть;
Ее лишь с жизнию богов окончит власть.
Во градах ей дышал, и ей питался в поле;
Твой вид мне предстоял в боях и на престоле:
Когда был подданный судом моим счастлив,
Ему вещал, что я тобою справедлив,
Коль низлагался строй моим мечом в сраженьи,
Я всем гласил: любовь руки ведет движенье.
Так именем твоим блаженствовал народ,
Сражалися враги; и если смертных род
Я превзойти хотел и в путь стремился славы,
Желал достойным быть руки моей Предславы.

Предслава

Ах, как взаимна страсть питала здесь меня!
Средь тишины ночей и в самом шуме дня
Один твой образ был предмет воображенья,
Ты был виной души малейшего движенья,
В Олеге для меня весь заключался свет.
Всегда и всюду мысль тебе летела вслед:
Когда представится страдающим в разлуке,
Стенящим жалобно в тоске, в любовной муке
И вспоминающим прощанья грустный час —

Стеснится грудь моя, пробьются слезы с глаз.
Когда ж воображу любезный вид Олегов
Среди мечей и стрел, средь грозных печенегов, —
Какой жестокий час для нежныя любви!
Я сердцем трепещу, в волнении крови
Хочу бежать к тебе, в ряды стремиться смелы,
Прикрыть твою главу от туч, несущих стрелы,
И смертию моей спасти Олега дни.
Увы, когда б ты знал, сколь дороги они,
Таким опасностям не подвергал их боле!

Олег

Сколь дни мне дороги, я испытал то в поле.
Не смерть была страшна. Я зрел ее в боях,
Я часто зрел ее, и не коснулся страх.
Средь боя умереть не столь еще несчастно;
Но, смертью чувств лишась, престать любить —
ужасно.

Предслава

Когда любовь тебе твоих дороже дней,
Ах, знай, что жизнь твоя дороже мне моей!
Как матери моей я смертию лишилась,
Оставить жизнь и ей последовать решилась,
В отчаяньи себя увидев сиротой, —
Ты утешителем явился предо мной.
Тогда, сказала я, имею я супруга;
Конечно, в нем найду заступника и друга.
И сколь ударом сим мой рок мне ни суров,
Жить должно для любви: снесен удар богов.

Олег

Увы, как горести твои часы смущали,
Олег не мог с тобой те разделить печали,
Спокоить грудь твою и слезы отереть!
И так любовию ты отклонила смерть!
Ты для меня живешь? Какой даришь отрадой!
Ах, коль мою любовь ты можешь чтить наградой,
Все звания приму: твой пламенный супруг
Заступник будет твой, надежный будет друг
И всё, что на земле и нежно и священно.
В суровостях своих уж небо к нам пременно.

Хотя желанна дня и не назначил брат,
Но я надеюся оставить здешний град,
Сопровожден тобой, любовию счастливой.
Уже Древлянский край давно нетерпеливый
Владычицу принять готовит торжество,
И сретит он тебя, как светло божество.
Ко воинству Вернест сей час отправлен мною...

Предслава

(с смущением)

Что слышу я? Олег, Вернеста нет с тобою?

Олег

Он в град со мной вошел; но Ярополк желал,
Чтоб к воинству его с отрядом я послал.
Не хочет видеть он оружия во граде,
И стан отступит мой от стен к его отраде.

Предслава

Отступит воинство... и здесь Олег один!
Твой брат того желал; но для каких причин?
Почто он требовал Вернеста удаленье?

Свенальд входит.

(В сторону)

Свенальд... жестокий вид! Как скрыть мое смущенье!

Явление третье

Прежние, Свенальд и воины.

Свенальд

Ведите, воины, княжну в ее чертог!

Олег

Что слышу!

Предслава

Небеса!

Олег

Свенальд, кто дать возмог
Такой приказ тебе? Кто столько дерзновенный...

Свенальд

Беседой здесь твоей соперник раздраженный,
Твой брат.

Олег

Любовию мой брат горит к княжне!

Предслава

Или мучительством любезным будет мне!

Олег

Сей речью поражен, как громовой стрелою;
Остановилась кровь, свет меркнет предо мною.
Измена страшная!

Свенальд

(воинам)

Ведите вы княжну!

Олег

Постой, пусть Ярополк всю воружит страну,
Пускай приходит с ней лишать меня Предславы —
Один я защищу мои над нею правы!
Когда, мечом сражен, ногой его попран,
Я буду мертв, тогда ее возьмет тиран.

Свенальд

(воинам)

Вы князя своего исполните веленье!

Олег

(хочет обнажить меч и стремится к воинам)

Нет, трепещите вы!

Предслава

(бросается между Олега и воинов, которые обнажили свои мечи)

О, пагубно стремленье!
Постой, Олег! Тебе расставлена здесь сеть.
Что можешь?

Олег

За тебя могу я умереть.

Предслава

Ты хочешь умереть! Не должно жить мне боле,
Или меня Олег оставит здесь в неволе!

Олег

Иль без тебя могу я жизнь свою влачить!

Предслава

Живи, чтоб за себя и за Предславу мстить!
Твой стан у градских стен: иди, спеши ко стану,
Вступи в свои полки и страх неси тирану!
Но если рок к тебе несправедлив, суров,
Бесстрашна и тверда я буду средь оков.
Тебя любить, Олег, тирана ненавидеть
Престану я тогда, как свет престану видеть.
Прости!

Явление четвертое

Олег и Свенальд.

Олег

Ведут ее... и неподвижен я;
За свой беруся меч... без сил рука моя,
И страшный, смертный хлад в мои преходит члены.
Так, нет и чувства в нас, коль люто оскорбленны!

Свенальд

(в сторону)

Есть чувствия во мне; те чувства: гнев и месть.

Олег

За дружбу, Ярополк, ты брату мог нанесть
Удар мучительный и язву толь глубоку!
Не испытал бы я такую грусть жестоку,
Лишаясь навсегда и трона, и венца...
Не в них отраду зрят чувствительны сердца,
Но потерять княжну... лишенным быть Предславы!

Свенальд

(в сторону)

Я наслаждаюся.

Олег

Нет, честности уставы
Толико позабыть не может Ярополк!
Он страстью ослеплен, но, коль услышит долг,
Природу, честь, пройдет постыдно ослепленье.

(К Свенальду)

А ты, принесший мне жестокое смущенье,
Мне бывший друг всегда, пойдем! От наших слов...
Но бледен, трепетен, ты мещешь взор суров.
Ужели ты, Свенальд, не друг Олегу боле?

Свенальд

Друзьями можно быть лишь тем, кто в равной доле;
Ты князь, я подданный: мне ль другом быть тебе?

Олег

Что князем я рожден, угодно то судьбе.
Тебя возвысили достоинство, заслуга.
В вельможе истинном князь должен видеть друга.

Свенальд

Ах, так твоим отцом я отличаем был;
Я кровию моей отличие купил,
И больше лавр в боях пожато сей рукою,
Чем солнечных путей свершилось над тобою,
На сем челе враги могли свой страх прочесть,
Но чрез тебя, Олег, моя померкла честь.
Мой сын тобой казнен, мой род покрыт позором;
Каким же на тебя взирать мне должно взором?

Олег

Как друг, Свенальд, взирать ты должен на меня:
Я сына осудил, в душе моей стеня.
Но сын твой, о Свенальд, гордясь моей любовью,
Гордяся текшей в нем твоею славной кровью,
Законы, правы, честь ногою попирал;
Неистов... от него мой весь народ страдал.
Я правосудием обязан был народу.
Князь должен позабыть и дружбу и породу,
Когда весы и меч представятся пред трон:
Небесный суд богов изображает он.
И должен строгим быть, бессмертны сколько строги,
И столько ж справедлив, как справедливы боги:
Суд — должность первая носящего венец.
Но сына злобного величествен отец;
Я, сына наказав, к отцу храню почтенье.

Свенальд

(в ярости)

Престань, Олег, престань сугубить огорченье!
Когда б не подданным Свенальд родился в свет,
Сразиться бы с тобой один мой был ответ;
Но знай, против тебя храня на сердце злобу,
Что я клялся сойти в моей вражде ко гробу!

Олег

Вражда — несчастие, мучение сердец.
Я зрю, что страждешь ей. Прощаю: ты отец;
И я не оскорблен и дерзость позабуду:
Несчастлив ты, Свенальд!

Олег уходит.

Явление пятое

Свенальд

(один)

Иль отомщен не буду!
Страшись, Олег, страшись! Приближился твой час,
И в Ярополке днесь слабеет крови глас.

Когда томился он твоим с княжной свиданьем,
Когда его душа была полна страданьем,
В нем ревность бо́льшую к терзанью воспламенил
И едкой страсти сей отраву всю излил, —
С совета моего постигло разлученье.
Пойду, усугублю любовное мученье.
Олег кичливостью мой подкрепит навет.
В последний, может, день, мой враг, ты видишь свет!
Вселися, Чернобог, ты в душу мне сурову,
Чтобы возмог ему придумать казнь я нову,
Текущу кровь его по капле исчитать
И в сердце трепетном боль смерти прочитать!

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

Ярополк и Свенальд.

Свенальд

Куда идешь, о князь, среди сего смятенья?
К Предславе ль шествуешь? Ее ли ищешь зренья?
К Олегу страстию исполнен взор ее,
И он умножит лишь мучение твое.

Ярополк

Увы, не знаю сам, куда иду смущенный!
Мой ум теряется, страстями омраченный.
И ревность, и боязнь, и злоба, и любовь,
Душою овладев, мою волнуют кровь.
От брата я бегу. Он оскорблен, я страстен;
Я презрен, он любим; он страждет, я несчастен:
Нам видеться в сей час не должно меж собой.

Свенальд

К разлуке сей четы хоть дан совет и мной,
Чтоб укротить твой дух в стремлениях ревнивых,
Но не могу сокрыть я страхов справедливых:
На брань Предславою твой был подвигнут брат.
Иди, рекла она, когда твой стан у врат,
Вступи в свои полки и страх неси тирану!
Олега выпущать я запретил ко стану,
И к городским вратам поставлен мной отряд.

Но мятежом Олег наполнить может град.
Ка́к твой народ в нем чтит притворну добродетель,
Ты сам, о государь, в сей день тому свидетель.
Страшуся, чтоб Олег, сей случай взяв в предлог,
На пагубу твою отважиться не мог:
Не только силою похитит он Предславу,
Но, может быть, еще и самую державу.
Ты слышал, Ярополк, его надменну речь:
Престол, он говорил, найдет ему и меч.
А гордая душа в том ставит возвышенье,
Чтоб смело посягнуть на дерзко преступленье.

Ярополк

Меня лишь более смущаешь ты в сей час.
Неутешителен твоей мне дружбы глас:
Ты мне на раны льешь единую отраву.
Боявшись за любовь, страшиться ль за державу?
Что в власти мне, когда в себе не властен дух?
К совету твоему почто склонил я слух:
Почто Олега ввел во киевские стены?
Не ужасался бы я подданных измены.
Восстал бы мой народ, моя прешла бы власть,
Но не терзалась так моя б несчастна страсть.
Похитил бы княжну и, удалясь из града,
Не разлучился б с ней у самой двери ада.
Виною мук моих твой пагубный совет.
Оставь меня, беги: мне весь противен свет...
Куда идешь, Свенальд?.. останься... забываюсь;
Волнуемый страстьми, рассудка я лишаюсь.
Из пропасти, мой друг, извлечь меня приди,
Мое отчаянье, коль можешь, упреди!

Свенальд

Скорее камень тот подвержен истребленью,
Который по реке противится стремленью.
Влекомый страстию, не стой проти́ву ей;
Но, сча́стливым чтоб быть, решиться ныне смей!

Ярополк

Скажи, Свенальд, вещай, мою чтоб кончить муку,
Чтоб ныне получить Предславы милой руку...

Свенальд

Не будь, о государь, как робкий человек,
Боящийся мечты и совести упрек!
Олег в твоих руках: скончай его судьбину!

Ярополк

Что смеешь предлагать? Какую злость змеину
Ты гласом дружества внушать дерзаешь мне?

Свенальд

Смерть брата твоего — единый путь к княжне.

Ярополк

Олег в надежде шел на честь мою и душу:
Гостеприимства ли законы здесь нарушу?

Свенальд

Да, здесь, где, с миром вшед, тебе готовит ков
И где под твой престол подводит скрытный ров.
Тот смертный, кто царю мог случай дать к боязни,
Хоть не преступник он, уже достоин казни.

Ярополк

Но брат!..

Свенальд

Твой подданный; и чем славнее он,
Тем может потрясти сильнее царский трон.

Ярополк

Но добродетели, и совесть, и природа...

Свенальд

Предубеждения, приличны для народа;
Природа, крови глас — привычка лишь одна;
А добродетелей нам каждая страна,
Различна кровами, дает различны виды:
Иную Киев чтит, иную Пропонтиды.
Властолюбивый муж отвергнет их закон,
Коль выгодам его противоречит он.

Ярополк

Ах, нет, чудовище, геенной порожденно,
Такою злобою не будет ухищренно!
Ужасен, о Свенальд, неистов твой совет.

Свенальд

Доколь соперник твой зреть солнца будет свет,
Дотоль не утолишь свою несносну муку.

Ярополк

Предславе предложу убийственную руку
И чрез Олегов труп я с ней пойду во храм?..
Нет, нет!

Свенальд

Так жди, чтоб брат всё то исполнил сам —
Похитил твой престол, и чтоб рукой кровавой
Он погубил тебя и обладал Предславой,
И ей принес бы в дар главы твоих друзей!
Постражду первый я в плачевной дружбе сей:
Мне милости твои причтутся в преступленья,
И я вернее всех паду от возвышенья.
Заслугой, ранами, годами удручен,
За то, что был Свенальд тобою отличен,
На казнь поносную из первых приведется,
И дряхлая глава секирой отсечется,
Позора доживет несчастна седина.
Что жду... ах, умереть минута лишь одна!
Коль не приемлешь ты совет моей приязни,
Позволь предупредить мне смертию стыд казни!
Свирепый смерти вид не устрашит мой взор:
Ужасен для меня единый лишь позор.
От века долгого остались дни немноги...
Позволь мне их пресечь, коль не пресéкли боги!
Твое падение позволь предупредить
И подданным твоим еще во гроб сойтить!

Ярополк

Мучительный Свенальд, ты сердце раздираешь
И речью каждою мне язвы растравляешь:
Я зрю, что истина внушает твой совет,
Но истины в сей час, о, как ужасен свет!

Мой скипетр удержать я должен преступленьем
И получить княжну Олега умерщвленьем...
Ах, нет... но что ж... того ль ждать должен Ярополк,
Чтоб брат его, введя во град сей воев полк,
И обольстив народ, и приведя к крамоле,
Воссел бы в торжестве на киевском престоле;
Чтоб дерзостный Олег с жестокой мне княжной
Вкушал в венце моем блаженство и покой;
Чтоб каждый день служил ко новой им отраде?
Сей мыслью тень моя смутится в самом аде;
И к воспалению всей ярости моей
На пагубу его довольно мысли сей.
Вот он... пойдем!

Явление второе

Ярополк, Олег и Свенальд.

Олег

Постой, о Ярополк суровый!
Постой, несущий мне обиды ныне новы!
Ты ль хочешь разлучить меня с Предславой?

Ярополк

Я.

Олег

Что право подает, вещай!

Ярополк

Любовь моя.

Олег

Любовь... и в сей любви ты можешь признаваться,
О ней мне говорить и сердцем не терзаться!
Или не помнишь ты родительский завет,
Который на княжну мне право подает?

Ярополк

Я помню то, что здесь владею я державой,
Что презрен и томлюсь... что ты любим Предславой.

Олег

Ты помнишь, Ярополк, что я княжной любим,
И хочешь быть еще соперником моим?
Я равнодушно снес все прежни оскорбленья,
Молчал о них доднесь и оставлял в забвеньи.
Оклеветать меня вражда не возмогла:
Мою спасают честь не речи, а дела,
Поверженная дань, восставший враг смиренный.

Ярополк

Обидна милость та, которой укоренны.

Олег

Не укорять тебя я мыслю, Ярополк!
Не милости являл — я мой исполнил долг.
Но так же ты не мни, чтоб ныне, равнодушен,
Когда претишь любить, я был тебе послушен
И, признавая здесь твою верховну власть,
Покорен, в жертву нес тебе любовну страсть.
Отцом мне с юных лет назначена Предслава,
Взаимно мил и ей, — мои священны пра́ва.
Коль испровергнешь их, страшись!

Ярополк

Страшиться... мне!
Ты в Киеве, Олег.

Олег

И стан мой при стене,
И я чувствителен, и оскорблен несносно,
И оскорбление еще терпеть поносно.
Так все мои права над горестной княжной
Я буду защищать мечом, огнем, войной,
На всё отважуся и чрез потоки крови
Явлю отмщение отчаянной любови.

Ярополк
(в великой ярости)

Олег!

(Пришед в себя и скрывая гнев)

Согласен я. Иди, иди к княжне!
Ты о любви своей открыл довольно мне.

Я зрю, что с жизнию расстаться хочешь прежде,
Чем с ней, — спокой свой дух, и в лестной будь надежде,
Что от любовных мук освобожду тебя.

Олег

Что слышу! Ярополк, ты победил себя,
Преодолел любовь, моею тронут мукой!
Ах, сколь виновен я! Разогорчен разлукой,
Смущен, отчаян быв, не помня ничего,
Я речью оскорбить мог брата моего!
Иду в сей час к княжне, — и я, моя супруга
Придем почтить в тебе царя, отца и друга.

Явление третье

Ярополк и Свенальд.

Ярополк

(по некотором молчании)

Угрозы слышал ты и видел мой позор,
И ты молчишь, Свенальд, и потупляешь взор.

Свенальд

Ты слаб.

Ярополк

Я не прощу.

Свенальд

Ты оскорблен.

Ярополк

Мстить должен.

Свенальд

И отдаешь княжну.

Ярополк

Сей мир меж нами ложен.
Совет приемлю твой. Соперник должен пасть.
Любовь моя, и честь, и оскорбленна власть,
И всё велит... Но чья рука...

Свенальд

Моя.

Ярополк

Ты примешь исполненье!

Свенальд

Вели, и радостно исполню повеленье.
В твоих чертогах брат сей ночью вкусит сон,
От сна бесчувственно прейдет ко смерти он.
Рука, сражавшая болгар и печенегов,
Не дрогнув, поразит и век прервет Олегов.

Ярополк

Сей ночью!

Свенальд

Ночью сей. Толь важный приговор
Надежнее свершить, коль скрыт удар и скор.

Ярополк

Но воинство его под нашими стенами.

Свенальд

Пусть нападением предупредится нами.
Вели вооружить в молчаньи рать свою,
И в час, как ночи мрак уступит слабу дню,
Я поведу ее к противничьему стану.
Олега войско там еще во сне застану,
Победа легкая над оным будет мне,
Оно пробудится среди мечей, в огне
И, нападением незапным удивленно,
Или предастся нам, иль будет пораженно,
И бой один тебе доставит новый трон.

Ярополк

Но к Новуграду коль дойдет Олегов стон,
Владимир, младший брат, содрогшись преступленья,
Не вооружится ли на правое отмщенье?

Свенальд

Отмщенье чувствовать еще Владимир млад.
Но если на тебя он воружит Новград,

К торговле, не к войне граждане приученны
Удобно могут быть тобою побежденны:
Всегда богатству вслед идет разврат сердец.
Владимир, в брань вступив, утратит свой венец.
Тогда России всей воспримешь ты державу,
Тогда тщеславие тебе предаст Предславу;
Победа и любовь твои венчают дни.

Ярополк

Любовью мысли все решилися мои.
Свенальд, в тот самый час, когда не станет брата,
Всех воинов сбери повесткою набата.
Сих звуков ожидать мой алчный будет слух.

Олег входит.

Олег... жестокий час... смущается мой дух!
Пойдем: я взоров здесь его встречать не смею,
Довольной твердости к злодейству не имею.

Ярополк и Свенальд уходят.

Явление четвертое

Олег, Предслава и Заида.

Олег

Он отвращается... он убегает нас!
И благодарности не хочет слышать глас.

Предслава

Смущенное чело и взоры потупленны...
Нет, страхи все мои еще не истребленны,
Нет, страсть преступную еще скрывает грудь.

Олег

Но он обет мне дал.

Предслава

Чтоб лучше обмануть.
Он слаб, а ты могущ: к коварству он прибегнул.
Ревнив он, ты любим: природу он отвергнул.
Зри мой невольный страх и оным убедись:
Для имени любви из града удались!

Олег

Что предлагаешь ты!

Предслава

Нам нужную разлуку.

Олег

Скажи — несчастие, скажи — смертельну муку...

Предслава

Спаси ты дни свои чрез временный побег!

Олег

Дней бегством никогда не сохранял Олег,
Супругом лишь твоим сии оставлю стены.

Предслава

Измена предстоит.

Олег

Не убоясь измены,
Не разлучусь с тобой, храня священный долг.

Предслава

Один ты.

Олег

Не страшусь.

Предслава

Мне страшен Ярополк:
Погибнет и Олег, погибнет и Предслава.

Олег

Сей Ярополк мне брат, рожден от Святослава;
Я мыслить не могу, чтоб он коварен был.

Предслава

Иль преступления его ты позабыл?
Не в сей ли день, как ты ему нес мир и славу,
Он смел мне предлагать и руку и державу?

Не в час ли милый нам, свиданья в первый час,
Он поразил любовь и разлучил он нас?
Несправедливости его когда нет меры,
Еще ли ждешь, Олег, ей новые примеры?
Почто ушел от нас?

Олег

Чтоб сердце победить.
Твой взор стремление опять в нем мог родить.
Не осуждай его, рассей свои тревоги!

Предслава

Могу ль рассеять их, когда и сами боги
Страшатся, может быть, за славны дни твои.
Они внушили сном боязни все мои.

Олег

Ужель ты думаешь, что днесь для человека
Нарушится предел, назначенный от века,
И чудо для меня ниспошлют небеса?
Вселенная богов являет чудеса,
Но, мира учредив единожды законы,
Не нарушают их для нашей обороны;
Чтобы вещать, к мечтам не прибегают сна:
Во снах судьбу читать есть слабость лишь одна.

Предслава

Постыдно слабой быть в беде обыкновенной,
Лить слезы, унывать в оковах удрученной,
Страшиться умереть, — позорна слабость та;
Но ты в опасности, и смутный сон, мечта
Не тщетны для меня и заключают важность.
Полезна слабость мне, твоя грустна отважность.
Сей неподвластный град, чертог сей, ночи мрак,
Твой брат колеблемый, его смущенный зрак,
Его Свенальд, на нас метнувший взгляды гневны, —
В Предславе множит всё терзания душевны.

Олег

Свенальд мне дерзкий враг: я то в сей день познал.
Рожденный сердцем тверд, жесток годами стал.

Любовь твоя ко мне вражду его проникла:
Ах, нежная любовь читать в сердцах обыкла!
Но что против меня он может предпринять?
Его лишь участь есть вотще враждой страдать.
Ты твердость почерпни в своей к Олегу страсти,
Любя бесстрашного, боятся ли напасти!
Но наступает ночь, расстанусь я с тобой
И к брату поспешу. Он убедится мной,
Чтоб завтра съединил он наши все минуты.
Предслава, удали свои предчувства люты,
Надеждой озарись, спокойною пребудь!

Олег уходит.

Явление пятое

Предслава и Заида.

Предслава

Заида, не могу мою спокоить грудь,
И твердой ныне быть стараюсь я напрасно.
Предчувство некое смущает дух всечасно.
Пойдем, однако же, я предаюсь судьбе, —
Быть может, что к моей преклонится мольбе.
Князь добрый — первый дар богов щедрот несчетных,
На троне добрый князь — подобие бессмертных.

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Происходит в ночи.

Явление первое

Ярополк

(один выходит в смущении)

Увы... нет сна! Но мне и наяву мечты
Являются среди окрестной темноты.
Дымящиеся зрю мечи окровавленны,
Ниспадшие главы, растерзанные члены,
И кровь у ног моих, текущую рекой,
И тень родителей, стенящих предо мной.

(Бросается в кресла и по некотором молчании)

Не убеждаюсь я, Свенальд, твоим ученьем:
Мой слабый ум еще сражен предрассужденьем.
Привычка ль робкая или природы глас
Мне вопиет: злодей, чего ты ждешь в сей час?
Кого ты повелел низвесть во мрачность гроба?
С тобой Олегу жизнь одна дала утроба,
Одною кровию сердца биются в вас.
Но смертью узы все прервутся между нас.
Не должно ужаса мне предаваться силе:
Мгновение — и мертв Олег прейдет к могиле;
Еще единый миг — и будет всё равно,
Что умер ныне он, иль умер он давно;
Что в свете был он день, иль год, или полвека:
Во бездне вечности ничто жизнь человека.
Но право что дает прервать Олега дни?

Мое спасение, опасности мои,
Кичливый брата нрав и слово дерзновенно...
Ах, кто размерит речь, коль сердце оскорбленно!
Ему родителем Предслава отдана.
Невинен он, моя виновна страсть одна.
Они росли, любовь питали друг ко другу,
Я брата оскорблял, его любя супругу.
Но у меня Олег хотел похитить трон,
Меж подданных моих измену сделал он.
Могу ли доказать? И кто тому свидетель?
Он здесь любим, но что ж? Народ чтит добродетель;
Как солнце, кроткий князь по всей земле любим.
Победы плод он здесь поверг к ногам моим,
Его душа чужда коварного притворства,
Главы не склонит он, коль в мысли нет покорства;
Откуда же Свенальд извлек свою боязнь?
Советы мне его внушала ли приязнь?
Иль брату не вражда ль готовила напасти
И к гибели его мои подвигла страсти!

(Встает поспешно.)

Увы, как молния, в сей час блеснул мне свет!
О варвар, ты враждой внушал мне свой совет,
Ты, дружбой говоря, дышал единой местью
И мною овладел изменнической лестью!
Брат к сыну твоему был строг, но справедлив,
А ты за сына мстишь, вельможа горделив!
И мстишь моей рукой, свою скрывая злобу!
Ах, брату поспешу пресечь пути ко гробу...
Набат не возгремел, час смерти не настал,
И Ярополк еще убийцею не стал.

(Идет к преддверию.)

От стражи сотенник...

Сотенник входит.

Спеши к тому чертогу,
Где кончил сном Олег минувша дня тревогу!
Там жизнь его Свенальд готовится пресечь;
Беги, останови враждой взнесенный меч;
Беги: мне каждый миг ужасно преступленье!

Сотенник уходит.

О боги, времени сдержите вы стремленье!
Минута каждая ведет убийства час.
При крае пропасти чрез внутренний мне глас
Воззвали громко вы, и зреть себя не смею.
Каким путем я шел, поверившись злодею?
Я друга видел в нем, он крови лишь алкал...
Безумный... я в венце — и друга я искал.
Едва ль нам чувствовать позволено природу;
А дружба не для нас, оставлена народу.

Слышен шум за театром.

Но шум... объемлет страх... увы, любезный брат,
Что сделалось с тобой!

(Услышав набат, упадает в кресло в отчаянии.)

Ударили в набат...
Убийство свершено: Олега нет уж боле!
И я преступником, и я в злодейской доле!

Звон набата усиливается; в преддверие вступают воины, частию вооруженные, частию несущие светильники.

Явление второе

Ярополк, Сотенник, держащий меч окровавленный, воины.

Сотенник

Скрепи, о государь, встревоженный свой дух!
Печальной вестию я поражу твой слух:
За дни Олеговы, за славны дни робея,
Вотще ты мне велел остановить злодея;
Вотще я поспешал в назначенный чертог:
Удара смертного я упредить не мог.
Услышал дальний шум, исшед из здешня места;
Иду, и шум престал; пришел, зрю: дверь отверста,
Светильник уронен, и томный, слабый свет
Меня ведет в покой через кровавый след.
Вступаю с ужасом, у обагренна ложа
Является мне меч, чем смерть нанес вельможа.
«Олег», — взываю я, и мой раздался глас;
Молчанье, тишина, и томный свет погас,
Как бы гнушаяся тот ужас видеть боле.
И я, подняв сей меч, с трудом исшел оттоле.

Ярополк

Так, поздно уже всё... прешел Олегов век!
Свирепый брат его, я, я ту смерть изрек,
И я ему нанес удар и смерти муки;
Так, кровью братнею сии покрыты руки!
О, ужас, о, позор, о, яростный злодей!
Куда укрыться мне от совести моей!
Здесь шум и тишина, родительские стены
Мне будут упрекать бесчестие, измены,
Жестокость, лютости, злодействие мое.
Но накажу, Свенальд, коварство я твое!

(Вырывает меч из рук сотенника.)

Доколь от братних ран сей меч еще дымится,
В твоей груди, злодей, пусть оный обагрится!

(Сотеннику)

Представь его!

Явление третье

Ярополк и воины.

Ярополк

О брат, вкусивший лютый рок!
На твой плачевный труп пролью кровавый ток
Коварного врага, чьей ты погиб рукою.
Предславу зрю... земля, разверзнись подо мною!

Явление четвертое

Ярополк, Предслава, Заида и воины.

Предслава

Спокой, о государь, встревоженну княжну!
Смятенья в Киеве пришла узнать вину.
Мой страх сугубится стенанием набата.
В чертогах твоего вотще искала брата.
Скажи мне, где Олег?

Ярополк

Ах, всё свершилось с ним!

Предслава

Свершилось... что... вещай!

Ярополк

Злодейством моим
Над братом навсегда сомкнулись двери гроба.

Предслава

О варвар, о злодей... неслыханная злоба!

Ярополк

Так, варвар я, злодей, гнуснейший человек!
Терзай меня, терзай жестокостью упрек:
Увы, достоин их моим я преступленьем!
Вельможа хитростью, коварным обольщеньем
К злодействию привел, несчастного, меня.
Страдая совестью, в раскаяньи стеня,
Я сам, сам слезы лью в сии часы жестоки.
Но слезы превращу в кровавые потоки:
Свенальду казнь отмстит за брата моего.

Предслава

Что в плаче мне твоем, что в казни мне его!
Хоть Киев истреби, свирепством распаленный,
Мне нужды в оном нет, нет нужды во вселенной.
Кого любила я, Олега — больше нет;
Бесчувственна теперь, хоть рушься целый свет!

Явление пятое

Прежние и Сотенник.

Сотенник

Несчастье, государь, несчастие и горе!
В смущении народ волнуется как море;
Повсюду слышен крик, повсюду слышен стон;
Сугубит ужас сей глас труб, набатный звон,
И к граду изойти я не нашел дороги:
Гражданами твои окружены чертоги.
Олега имя там одно во всех устах,
Как бы ко мщению его взывают прах.
Явись, владыка их: падут крамольства тщетны!

Предслава

Так, смертны восстают, коль дремлют днесь бессмертны!
Коль, зря убивствие, с перунами в руках
Не поразят тебя и не рассыплют в прах;
Коль боги в небесах мне тщетные суть боги,
Иду возжечь мятеж, и рассевать тревоги,
И ярость воспалять разгневанных сердец.
Ты трепещи, тиран: приходит твой конец!
Пойду и воззову ко воинству, к народу:
Отмстите за любовь, отмстите за природу!

(Хочет идти.)

Ярополк

(ее останавливая)

Куда стремишься ты? остановись!

Предслава

Злодей!
Кто право дал тебе над вольностью моей?
Но что вещаю я? Окончи преступленья!
Олега на земле желал ты истребленья —
Он жив еще, так, жив: живет он в сердце сем.
Приди, рази его на сердце ты моем,
С души отчаянной сотри сей вид любезный;
Нас смертью съедини, мой век окончи слезный!
Иль всюду день и ночь увидишь пред собой,
Увидишь горький плач и стон услышишь мой.
Чтобы терзать тебя и мучить повсечасно,
Мое преследует отчаянье ужасно,
Преследует тебя: коль глас мне изменит,
В убийстве укорять тебя мой будет вид;
Как тень твоя...

(Приближаясь к Ярополку, видит меч на столе и поспешно его берет.)

Что зрю? О меч, залог кровавый,
Супруга смерть свершив, окончи жизнь Предславы!
Олег!

(Хочет поразить себя кинжалом.)

Ярополк

О страх!

Явление последнее

Прежние, Олег, Извед, воины и народ.

Олег

(удерживая руку Предславы)

Постой, возлюбленна княжна!

Предслава

Олега ль зрю!..

(Упадает к Заиде.)

Ярополк

Олег!

Олег

Увы, без чувств она!
Мой вид остановил, прервал ее дыханье.
Иль поздно всё уже, иль новое страданье?
Предслава, голос мой еще услыши ты
И к жизни возвратись!

Предслава

(приходя в чувство)

Не тщетные ль мечты?
Не низошла ли я в жилище вечной ночи?
Не обольщаете ль меня, мои вы очи?
Ты жив еще, Олег!

Олег

Так, так, еще я жив,
И, зря любовь твою, стократно я счастлив.

Предслава

(бросаясь к Олегу в объятия)

Я жить еще могу.

Олег

Любезная Предслава!

(К Ярополку)

Несправедливый брат, мои ты видишь пра́ва.

Они священны суть, любовь мне их дала:
Чтоб их меня лишить, вся власть твоя мала.
Вотще ты прибегал к злодейству и тиранству:
Нельзя неволить чувств, подвергнуть их подда́нству.
Ты мог пронзить мне грудь, мою пролить всю кровь;
Но ты не мог к себе склонить ее любовь.
По смерти мне верна, полна любовным жаром,
Она разилася одним со мной ударом.
Без пользы Ярополк злодеем быть хотел.

Ярополк

Хвала богам, что я в злодействе не успел!
Олег, в раскаяньи и посреди позора,
Я на тебя поднять в сей час не смею взора:
Свенальду над собой возмог предать я власть.
Где изверг лютый сей?

Олег

Его свершилась часть.
Он, будучи готов свое исполнить мщенье,
Открыт и мной прощен, отверг мое прощенье.
Трикратно он кинжал во грудь свою вонзил
И пал в той храмине, где смертью мне грозил.
От умысла его я был спасен Изведом.

Ярополк

Свенальда взысканцем!

Извед

Его пойду я следом,
Коль должно в поле мне сражать твоих врагов;
Но изготовленный враждою зревши ков,
Спасти Олега дни счел долгом гражданина:
По боге чтить царя закон россиянина,
И жизнь ему предать его главнейша честь.

Ярополк

Усердию сему какую мзду принесть?
Какою милостью воздать могу?

Извед

Почтеньем.

Ярополк

Достоин оного сим духа возвышеньем.

Олег

Чрез свет раскаянья, о Ярополк, в сей день
Коль, озарен ты став, познал, что счастье — тень
Без добродетели, среди путей разврата,
Конечно, моего ты возвратишь мне брата,
Свою преступну страсть достойно победишь,
Отдашь Предславу мне и счастье совершишь.

Ярополк

Увы, еще любовь моей душой владеет,
Воспламененный дух не скоро охладеет;
Но слабостью моей, жестокостью вины
Я недостоин стал прелестныя княжны.
Олег, из рук моих ее прими ты руку,
Но преступлением мою измерь ты муку!
Чтоб ей владеть, тебе я смертный нес удар,
Познай чрез то, какой я уступаю дар!
А я, в сей грустный день наставленный навеки,
Сколь близок к нам порок, сколь слабы человеки,
На сердце сохраню, что ложный друг и льстец
Есть язва злейшая носящему венец.

<1798>

ЭДИП В АФИНАХ

Трагедия в пяти действиях,
в стихах, с хорами

ЭДИПЪ
ВЪ
АѲИНАХ

Гаврилу Романовичу Державину

Посвящая вам сию трагедию, не приношу моего дара тем достоинствам, по коим возведены вы были на высокие степени государственные. Министры и правители подлежат суждению историка, который в тишине и молчании кабинета отважною рукою срывает завесу, опущенную на происшествия, и, не утомляясь, размеряет исполинские шаги превосходных умов и успешное ползание хитрых и пронырливых.— Наука нравственная! подобная той математической науке, о изобретении которой спорили Лейбниц и Невтон и по которой исчисляются величина и течение отдаленнейших небесных светил и частицы самого мелкого насекомого; исчисление беспредельно великих и беспредельно малых количеств. — Я приношу «Эдипа» стихотворческому гению, единственному сопернику бессмертного Ломоносова, но который с парением Пиндара согласил философию Горация, Вам, любимцу муз, коего смелое и животворное перо представило природу в красотах и в ужасе ее; изобразило, подобно кисти Рафаэловой, царицу Киргиз-Кайсацкия орды; вам, коего стихотворство величественно, как стройность вселенной,[1] чисто, ясно и отрадно, как Гребеневский ключ, шумно, быстро и чудесно, как водопад Суны, нравоучительно, как смерть — современница миров;[2] вам, которого лавровый венец украсили музы листками, кои остались от венка Анакреона; вам, наконец, которого стихами имена Пожарского, Минина, Долгорукова, Румянцова и переходца Альпийских гор славнее Аннибала будут греметь в поздных временах согласием мусикийским. Может быть, сияние славы вашей защитит мою трагедию от мрака забвения, и для меня, конечно, и то будет служить достоинством, когда потомство скажет, что автор «Эдипа» почитал гений Державина.

Владислав Озеров

---

[1] В оде «Бог».
[2] В оде «На смерть князя Мещерского».

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Тезей, царь Афинский.
Эдип, бывший царь Фивский.
Антигона, дочь его.
Полиник, сын его.
Креон, посланник Этеокла, царя Фивского.
Нарцес, наперсник Креона.
Первосвященник храма эвменид.
Вестник.
Жрецы.
Народ афинский.
Стража Тезея.
Воины Креона.

Действие происходит в земле Афинской.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет поле, впереди разбит царский шатер; вдали с одной стороны виден город Афины, с другой — храм эвменид, окруженный кипарисами.

Явление первое

Тезей выходит из шатра, народ афинский спускается с горы; стража царская при шатре.

Хор народный

Как ясно солнце на восходе
Весной природу всю живит,
Так добрый царь в своем народе
Сердца приходом веселит.

Тезей! афинян избавитель,
Надменность критскую поправ,
Ты счастья нашего зиждитель,
Законы мудрые нам дав.

Храните, боги, дни Тезея;
Продлите дни счастливы нам!
Подобной властью вам владея,
Он в благости подобен вам.

Тезей

О славный мой народ, сыны мои любезны!
Когда для вас могли мои быть дни полезны,

Я счастлив, и сей глас от искренних сердец
Лестнее для меня, чем скипетр и венец.
Но благодарственны вы гласы прекратите;
Сей день на таинства велики посвятите!
В пространном поле сем, под градскою стеной,
При всходе солнечном вы созванные мной,
Чтоб шествовать во храм, где скорбь людей гонимых
Воздвигла жертвенник богинь неумолимых.
Уже в минувшу ночь подземный гром гремел,
Мой царский тряссь дом, во храме огнь тускнел,
Как будто фурии, к афинянам суровы,
Желали, чтобы мы несли им жертвы новы;
Безвестным мщением их черна грудь кипит.
Отсюду храма их является нам вид;
Пойдем, мои сыны: пусть, жертвоприношенья
Прияв, смягчатся к нам сии богини мщенья!

Тезей хочет идти.

Явление второе

Прежние, Вестник.

Вестник

Желает пред тебя введенным быть Креон;
От фивского царя послом явился он.
Что повелишь?

Тезей

Креон? кем ныне горды Фивы
Приближились к концу и стали несчастливы;
Сей Этеоклов друг, сей родственник царей,
Которых вверг в беды он хитростью своей,
Что хочет от Афин? что хочет от Тезея?
Посольство тщетное, коль зрю в после злодея.

(К народу)

К свершению мольбы, народ, иди во храм!

(Вестнику)

Посланник фивский пусть сюда предстанет к нам.

Явление третье

Тезей, стража.

Тезей

О боги, сколько вы во ярости ужасны!
Царей ли гоните — и царствия несчастны.
Эдип! ты гнев несешь — и весь твой страждет род,
Колеблем Кадмов град, в нем стонет твой народ,
И Этеокл, твой сын, на зыбком сидя троне,
Злой лестью уловлен, мнит друга зреть в Креоне.

Явление четвертое

Тезей, Креон, Нарцес, стража Тезея, воины Креона.

Креон

Афинян сча́стливых о храбрый царь Тезей!
Благополучнейшим день в жизни чту моей,
В который зреть возмог столь славного героя,
В законах кроткого, великого средь боя,
Чьей громкой славою уже давно полна
Премудрой Греции обширная страна
И чьи деяния позднейшие потомки...

Тезей

Оставим лесть, Креон, слова оставим громки!
В устах вельможи лесть есть скрытная вражда;
Отрава здесь ее должна быть нам чужда.
Воссядь и важную поведай мне причину
Посланья твоего.

Креон

Несча́стливу судьбину
Потомства Кадмова ты знаешь, государь.
Эдип, Лаиев сын, последний фивский царь,
Рожден на бедствие богов определеньем,
Вселенну ужаснул невольным преступленьем.
Родителей не знав, он яростной рукой
Во грудь отца вонзил меч беззаконный свой,
И, обагрен еще сей драгоценной кровью,
Он, с матерью своей спрягаяся любовью,
Союз свой совершил у брачных алтарей.

Тезей

Кто добродетели не изменял своей
Среди случайности невольна преступленья,
Тот большего от нас достоин сожаленья.
Без ропота к богам, Эдип, их чтя закон,
Лишил себя очей, оставил фивский трон
И предал дни свои стенанью и печали.
Но кто бы мыслить мог, чтоб ближние смущали
И то уныние несчастного слепца,
Чтобы престола блеск, прельщение венца
Могли в душах пресечь родство и состраданье
И, наконец, Эдип чтобы познал изгнанье?

Креон

Злосердый Полиник родителя изгнал.

Тезей

Друг ложный тот совет ему коварный дал.

Креон

Советам внемлет ли дух пылкий на престоле?
Он мыслит дни вести страстей своих по воле,
Всех выше смертных став, мнит равен быть богам.
Эдип, оставя скиптр, вручил его сынам
И, в Фивах испросив согласие народно,
Велел над той страной им царствовать погодно.
Но вскоре Полиник, по жребию прияв
Годичну первый власть, явил развратный нрав.
Вкусив величия смертельныя отравы,
Он добродетели пути оставил правы
И, своенравие вменя себе в закон,
Страстям своим не знал ни меры, ни препон.
Какие дни, увы! какие дни плачевны
На Кадмов древний град послали боги гневны!
Народ в домах стенал, во храмах слезы лил,
Роптал на торжищах и пред дворцом вопил.
Но царь, ожесточась и презря глас природы,
Изгнал из Фив отца, чтоб бурны непогоды
И солнца летний зной могли бы наконец
К земле склонить главу, носившую венец.
Эдип, из стран в страну гоним своей судьбиной,
Имеет нежну дочь опорою единой.

Тезей

Но Полиников брат, но Этеокл, Креон,
Как мог природы зреть нарушенным закон?

Креон

Преемник быв царя, в своей высокой доле
Он должен был страдать и рабствовать всех боле;
И Полиник, своей в нем власти зря предел,
Пути ему закрыть к престолу восхотел.
Он брату своему готовил заточенье,
Но тем народное свершил ожесточенье.
Лишь только царствия несчастный минул год,
То Этеокла весь царем признал народ,
Венчал короною и, власть вручив державну,
Тем Полиникову власть кончил своенравну.
Опять спокойные нам воссияли дни.
Но, чтобы не могли нарушиться они,
Народ, любя царя, определил законом,
Чтоб Этеокл по смерть владел единый троном.
Вотще препятствовал его кичливый брат,
Закон прияли все, и он оставил град
Во гневе, в ярости, клянясь отмстить обиду.

Тезей

Во изыскание я истины не вниду,
Креон, и кто из них виновен или прав:
Быть может, Этеокл, иль Полиников нрав
Причиной фивских бед и сей несчастной ссоры,
Иль кто иной меж них те рассевал раздоры.
Увенчанным главам меж смертных нет судей:
Богам оставлено судить, карать царей.
Ты Полиника здесь, Креон, виной считаешь,
Гонителем отца, тираном называешь;
Он брату своему те имена дает,
Союзникам, друзьям, всей Греции речет:
«Когда, изгнав отца, явил я лютость свету,
Последовал тогда я братнему совету,
Совету всех вельмож, Креона самого.
Теперь весь град клянет год царства моего.
Но Этеокл в венце, а я в несчастной доле:
Пусть он оставит трон, пусть сяду на престоле;
Тираном будет он, я подданным отец.

Злосчастью клеветник, а власти спутник льстец».
В Аргóсе речь сию я слышал Полиника.

Креон

Как скорбна часть его, так злость его велика.
Аргос и Грецию наполнил он клевет,
Против отечества весь мнит восставить свет
И хитрости своей плоды уже сбирает:
Различные страны́ на нас вооружает.
В Аргосе в брак вступив со дщерию царя,
К осаде Фив спешит от брачна алтаря;
С ним вóйски и вожди Аргоса и Мисены;
С ним весь Пелопонез идет на наши стены;
Несут нам пламенник, несут убийства меч,
Чтоб истребить граждáн и домы их пожечь.
Но мы не рождены спокойно несть оковы,
И прежде умереть граждáне все готовы
Иль лучше погребстись под нашею стеной,
Чем Полиника зреть владыкой над собой.
В сих бедствах Этеокл к Афинам прибегает,
Союзы древние Тезею вспоминает.
Из края общего прияли мы царей:
Цекропс и Кадм,[1] преплыв пространну хлябь морей,
От Финикийских стран нам принесли законы,
И Фивы от тебя своей ждут обороны:
Защитник буди их, спаситель будь царя!

Тезей

За предложение фивян благодаря,
Всю цену чувствую мне почести толикой;
Но я не для того поставлен здесь владыкой,
Чтоб жизнью жертвовать мне подданных своих,
Чтоб кровь их проливать к защите царств чужих.
Для славы суетной, мечтательной и лживой

---

[1] Что Кадм родом из Финикии, в том все историки согласны; но некоторые писатели выводят Цекропса из Египта, другие же утверждают, что и он выехал из Финикии. Сие мнение вероятнее; ибо финикияне были первые мореходцы и первые в отдаленных от своего отечества краях заводили селения и города. Ученый господин Пов в известном сочинении: «Recherches philosophiques sur les Egyptiens, les Chinois» доказывает неоспоримо, что египтяне, по недостатку в лесе, не могли быть мореходцами и посылать в отдаленные края своих поселенцев.

Не обнажу меча к войне несправедливой!
Во бранях мой народ томился много лет;
О подвигах его еще вещает свет;
Сраженный Минотавр жив в памяти у греков.
Едва афиняне свободны от упреков
За дань, возимую во Критскую страну,
И новую, Креон, я предприму войну?
Нет, нет, надеяться того не дóлжны Фивы:
Лавр трону есть краса, но мирные оливы —
Сень благотворная для общества всего.

Креон

Чту истину, Тезей, ответа твоего.
Но Греция тебя включила в сонм героев,
И мыслить может свет, что ты желаешь боев,
Что лавров ищешь ты, скучаешь тишиной
И славу побеждать чтишь славою одной,
Так чувствовать бы мог герой обыкновенный.
Но Фивы о тебе не мыслят со вселенной;
Твой превосходит дух героев таковых.
В наставших случаях, для нас толико злых,
Не пользу собственну царь фивский уважает,
Когда в союз вступить Афинам предлагает,
Но пользы общие нас съединить должны.
Не Полиник, поверь, есть целию войны:
Что нужды в том царям, противу нас восставшим,
Его ли брат иль он владыкой будет нашим?
Соединению предлогом Полиник,
Чтоб замысл гордый их никто здесь не проник.
Но замысл скрытый сей, коварный, хитрый, смелый,
Свершась, для Греции опасен будет целой.
Против союзников различные страны,
В неосторожности пребыв разделены,
Удобно их рукой быть могут побежденны;
Сегодня Фив падут разрушенные стены,
Но завтра части сей должны Афины ждать, —
Благоразумнее сей замысл упреждать.

Тезей

Боязни за меня твои, Креон, напрасны, —
Нам замыслы царей союзных не опасны;
Нас победить им мысль мечтаться не могла.

Креон

Но что удержит их, Тезей?

Тезей

Мои дела.

Креон

Весь свет дивится им, они, конечно, славны;
Они же возродят и замыслы тщеславны,
Чтоб без союзников...

Тезей

Мой меч союзник мне
И подданных любовь к отеческой стране.
Где на законах власть царей установленна,
Сразить то общество не может и вселенна.

(Встает.)

Во храме эвменид собрался мой народ,
Иди со мной туда, чтоб видеть мой оплот;
Услышишь глас его, узришь любовь к Тезею
И в Фивах возвестишь, что устоять я смею
Противу сил земли средь сонма чад моих.

Креон

Безмолвен, государь, против речей твоих,
Иду участвовать в твоей высокой чести

(в сторону)

И, может быть, найду удобный случай к мести.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет кипарисную рощу; в стороне храм эвменид.

Явление первое

Эдип и Антигона.

Эдип

Постой, дочь нежная преступного отца!
Опора слабая несчастного слепца!
Печаль и бедствия всех сил меня лишили.

Антигона

Здесь камень вижу я; над ним древа склонили
Густую сень свою: ты отдохни на нем.

Эдип
(севши на камень)

Спокойно, — я мой век на камне кончу сем.

Антигона

Ужасною тоской твои все мысли полны.

Эдип

Видала ль на брегу, когда извергнут волны
От грозных бурь морских обломки корабля?

Антигона

Видала. — Но почто?

Эдип

Вот жизнь теперь моя.

Антигона

Каким мечтанием смущаешь дух унылый!

Эдип

Ах! я Эдип.

Антигона

Увы! ты с большей прежде силой
Несправедливый гнев судьбы своей сносил.

Эдип

Печальну жизнь влачить недостает мне сил.
Слепец, чтоб слезы лить, осталися мне очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нет, никогда уже мой не увидит взор
Ни красоты долин, ни возвыше́нных гор,
Ни в вешний день лесов зеленые одежды,
Ни с жатвою полей, оратаев надежды,
Ни мужа кроткого, приятного чела,
Которого богов рука произвела;
Сокрылись от меня все прелести природы.
При имени моем все восстают народы:
Как язва лютая отвсюду я гоним.

Антигона

Мы здесь убежище найдем бедам своим.

Эдип

С какой жестокостью меня сыны изгнали!

Антигона

Почто возобновлять прошедшие печали?

Эдип

Я их любил.

Антигона

Увы! забудь, забудь о них,
И вспоминаньем ран не растравляй своих.

Эдип

Предвижу их беды́: тщеславия развратом
Влекомый, Полиник не будет в мире с братом.
На злость, на пагубу детей извел я в свет.

Антигона

Ужели пред тобой и я виновна?

Эдип

Нет;
Ты утешенье мне, любезна Антигона,
Против гонения одна мне оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-меня забыла счастье ты,
Сан светлый, двор царев и юности забавы:
Одно нам рубище от всей осталось славы.

Антигона

Ах! не жалею я о пышной славе той;
Горжусь сим рубищем, моею нищетой,
Предпочитаю их сиянию короны.
Опорой быть твоей — вот счастье Антигоны,
Вот титло славное превыше титлов всех;
Спокойствие твое дороже мне утех.
Увы, родитель мой, гоним людьми, судьбою,
Без помощи моей, что б сделалось с тобою?
Ты древнюю главу к кому бы преклонил?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронил?
Прохлады в жаркий день в моей ты ищешь тени,
Я сяду, ты главу мне склонишь на колени.
Среди густых лесов, в жестокость бурных зим,
Ты согреваем мной, дыханием моим.
Ах! свет, забывший нас, взаимно мы забудем
И утешением один другому будем.
Ко мне ты проливай свою сердечну боль,
Но мне защитою твоею быть дозволь.
Не позавидую в моей тогда я доле
И братьев участи, седящих на престоле.

Эдип

Награда сладостна толико скорбных лет;
О, радость полная, моих превыше бед!
Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будет над тобой богов благословенье!
Живой отрадою наполнила мне грудь.
Любви к родителю в пример потомству будь;

Об имени твоем поведают народы,
И похвала твоя прейдет из рода в роды.
Но, ах, печальна мысль!.. сближается тот срок,
Когда расстаться нам судил жестокий рок.

Антигона

Еще ты жизнь вести возможешь многи годы.

Эдип

Нет, нет, не льстись: пора исполнить круг природы.
Родится человек лет несколько поцвесть,
Потом скорбеть, дряхлеть и смерти дань отнесть.
Один, шед малый путь, другий, прошед подоле,
В гробу покоятся сном крепким в равной доле.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умерь:
Смерть к светлой вечности нам отверзает дверь.
Где мы?

Антигона

В долине мы: окрест пустынны виды,
И близко меж древес храм виден эвмениды.

Эдип

Храм эвменид? Увы! я вижу их: оне
Стремятся в ярости с отмщением ко мне,
В руках змей шипят, их очи распаленны,
И за собой ведут все ужасы геенны.

Антигона

В забвенье страшное ума впадает он.

Эдип

Гора несчастная, ужасный Киферон!
Ты, первых дней моих пустынная обитель,
Куда на страшну смерть изверг меня родитель,
Скажи, пещер своих во мрачной глубине
Скрывала ль ты когда чудовищ, равных мне?

Антигона
(упадая на колена)

Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!

Эдип

О сколько, фурии, терзать меня вы строги!
Не вы ль на сем пути мой обнажили меч,
Чтоб жизнь родителя моей рукой пресечь?
Вот храм, где с матерью меня вы сочетали!
Из ваших змей венцы нам брачные сплетали:
Там не был Гименей, Мегера там была
И смрадный пламенник с усмешкою зажгла.
Вы лютости свои, о фурии, смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорее прекратите!

(Упадает на камень.)

Антигона

От мыслей удали толь страшные мечты.

Эдип

(не вставая и отталкивая ее)

Оставь, о Полиник! меня отрекся ты:
Беги и не смущай моей минуты слезной.

Антигона

Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы! родитель мой, познай хотя мой глас.
Нет Полиника здесь, весь мир оставил нас;
Одна я твоему свидетельница стону, —
Молю, не отвергай усердну Антигону.

Эдип

(пришед в себя)

Глас сладостный! о дочь! так ты одна при мне?
Увы! я здесь мечтал как бы в ужасном сне!
Представилась мне мать, родитель, эвмениды,
Неблагодарных чад противные мне виды
И всё сцепление несносных бед моих.
Сказала ты, что храм в местах воздвигнут сих,
Пойдем,

(встает)

поищем в нем конца бедам ужасным:
Едины алтари прибежище несчастным.

С приближением Эдипа ко храму двери оного растворяются, и народ стремительно из храма выходит.

Явление второе

Эдип, Антигона, народ афинский.

Хор народа

О страх! поколебался храм,
Богини мести раздраженны:
Пред ними, в алтаре возжженный,
Престал куриться фимиам.

Эдип

(остановясь)

Храм содрогается от моего прихода!

Антигона

Скрой имя ты свое, родитель, от народа.

1-й афинянин

Я вижу странников: один согбен от лет,
Другая младости являет взору цвет,
Иль их пришествие богинь здесь раздражает?

Антигона

Какая пагуба нам нова угрожает!

2-й афинянин

Расспросим их: Вещай, убогий человек,
Откуда родом ты и кто она?

Эдип

Я грек;
Она... она мне дочь.

1-й афинянин

Из греческих стран многих
Твоя отчизна где?

Эдип

Отечество убогих —
Страна, где найдутся чувствительны сердца.

2-й афинянин

А имя?

Эдип

Ах! почто вам имя знать слепца?
Из памяти моей его желал бы стерти.

1-й афинянин

Но, странник, в сих местах чего ты ищешь?

Эдип

Смерти.

3-й афинянин

Кто был родитель твой?

Эдип

Родитель мой погиб.

2-й афинянин

О та́инственный муж, кто ты? вещай.

Эдип

Эдип.

Хор народа

Эдип, увы! Какой бедою
Грозитесь небеса на здешнюю страну?
Сей беззаконник за собою
Влачит иль глад, иль мор, иль алчную войну.

2-й афинянин

Богинь сея страны не раздражайте боле:
Бегите вы отсель!

Эдип

В моей плачевной доле
Куда я уклонюсь?

Антигона

Внемли, народ, внемли
Его стенанию!

1-й афинянин

Нет, нет, из сей земли
Изыдите скорей!

Антигона

Чем винны мы пред вами?

1-й афинянин

Он воздух заразить здесь может между нами:
Отцеубийца он.

2-й афинянин

Он матери супруг.

1-й афинянин

Своим он детям брат.

3-й афинянин

Над сей главою вдруг
Соединились все злодействия ужасны.
Мы не хотим его несчастьям быть причастны:
Он изгнан от людей, он проклят от богов.

Эдип
(к Антигоне)

Пойдем! Смущаюся от их правдивых слов.
Пойдем, доколь идти моей достанет силы.
Ужели не найду нигде себе могилы?

3-й афинянин

Ты ожидай ее от хищности зверей!

1-й афинянин

Граждане, вот и сам идет сюда Тезей.

Антигона

О щедры небеса! Ты ободрись, родитель:
Тезей герой, и нам он будет покровитель.

Явление третье

Прежние, Тезей, Креон, Нарцес и стража Тезея.

Антигона

Яви, о государь, скорбящему покров!
Родитель мой, к кому рок был всегда суров,
Которого везде людская гонит злоба,
Пришел сюда просить убежища и гроба.
Страдальца привела в Афины я с собой,
Но в гневе твой народ, соединясь с судьбой,
Оставить нам велит владения Тезея.
Он слеп, а я слаба; защиты не имея,
Куда преклонимся? Нас гонит целый свет.

Тезей

О дева юная! среди цветущих лет
Ужель ты можешь быть преследована роком?
Но где родитель твой?

Антигона

В отчаяньи жестоком
Безмолвного в сей час ты видишь здесь его.

1-й афинянин

(к Тезею, который подходит к Эдипу)

Не преклоняй, о царь, к ним слуха своего:
Сей странник есть Эдип.

Креон

Эдип!

Тезей

Что слышу? Боги!
Ему, конечно, к нам отверзли вы дороги,
Чтобы по бедствиях Тезеевой рукой
Изгнанному царю дарован был покой,
Чтоб прйзрел жертву здесь в нем вашего я гнева.
Приди, почтенный муж, приди, младая дева,
О славная чета, придите в мой чертог
Вкушать спокойствие от многих толь тревог!
Как храм священнейший, тот царский дом прославлен,
Который страждущим к убежищу поставлен.

Эдип

Так для преступного и скорбного слепца
Еще не всех людей закрылися сердца.
Из края долго в край влачив мое изгнанье,
Ужели наконец нашел я сострсаданье?
Но ах, Тезей, всегда злосчастием ведом,
Себе убежищем твой не приму я дом!
Мне бедствия, увы, сопутствуют премноги:
С собою их могу пренесть в твои чертоги.
Пещера мрачная одна прилична мне;
Ее одну пришел искать в твоей стране,
Ее одну в горах искал я многи годы,
Но тщетно: от всех стран восставшие народы,
Зверей и хищных птиц не трогая покой,
Эдипа гнали с гор насильственной рукой.
Близ града твоего дозволь в уединеньи
Сокрыть мою печаль, беды и преступленьи
Дотоле, как земля, нам щедрая всем мать,
Благоволит меня в истление принять.

Тезей

За преступление ужасно, но невольно
Мучения, Эдип, ты претерпел довольно,
Ты добродетели несчастной нам пример.
Не сокрывай ее во мрачности пещер,
Укрась ты ею град, укрась мои чертоги.
Поверь, бессмертные ко мне не будут строги
За то пристанище, которое Тезей
Доставит нищете и дряхлости твоей!

Эдип

Иль, государь, тобой забвенны стали Фивы?

Тезей

Иль боги могут быть когда несправедливы?
Нет, нет ума́литься их правда не могла:
Взирают с благостью на добрые дела.

Эдип

Ах, вспомни, что Эдип бессмертными оставлен!

Тезей

Я знаю, что Эдип страдальчеством прославлен,
Преступник, но почтен, в убожестве велик
И что принять его велит мне долг владык.
Склонися, древний муж, к Тезееву прошенью,
Остаток дней своих предай успокоенью
Хотя из жалости ко дочери твоей:
В пещере ль воздыхать с тобою должно ей?
Или ты можешь быть толико к ней суровым,
Чтобы опасностям ее подвергнуть новым?

Антигона

Я не страшусь терпеть презренну нищету:
С отцом пещеры мрак чертогу предпочту;
Всем бедствам за него охотно подвергаюсь.

Эдип

О нежна дочь! твоей любовью убеждаюсь.
Нет, нет, ты не должна за стыд мой и позор
Увянуть в младости в пустыне среди гор:
Чтоб свету быть красой, ты послана на землю.

(К Тезею)

Великодушный царь! я твой покров приемлю,
Убежищем для нас приемлю твой дворец.
Пусть там, когда придет тоски моей конец,
Когда мне к вечности отверсты будут двери,
Зреть пристань буду я спокойную для дщери,
Моя же пристань — гроб: там волею небес
Назначено престать моим потокам слез.

Тезей

Смягчит небесный гнев Эдипа добродетель.

(К Креону)

А ты, сей встречи здесь нечаянный свидетель,
Как возвратишься ты в отечество твое,
Скажи, чем крепко здесь владычество мое.
Изгнанием царей несчастны стали Фивы;
Но царства тверды те, которы справедливы.
Вот мой ответ, Креон.

Эдип

Креон в твоей стране?
Он здесь? увы! скажи, вещай о детях мне:
В отечестве ль они, на царском ли престоле?
Ах, нет, не говори, не дети суть мне боле,
Не дети, изверги, и яростью богов
В них породил себе свирепейших врагов.
О боги сильные, властители природы,
Которыми падут и восстают народы!
Пред вами веки — миг, вселенная — черта,
И смертный на земли — как слабая мечта.
Избравшие меня терпения к примеру!
Как гнева вашего исполните вы меру,
Как час придет меня с лица земного стерть,
Не дайте сыновьям мою увидеть смерть,
Не дайте извергам моим ругаться прахом!
Чтоб в Фивах, известясь с смущением и страхом
О смерти их отца, не знали, где сыскать
То место на земли, где буду я лежать.
Благоволите ли во областях Тезея
Назначить мрачный гроб невинного злодея?
Ответствуйте!

Гром подземный раздается.

Народ

О страх!

Эдип

Ответствуйте!

Гром сильнее ударяет.

1-й афинянин

Внемля
Его воззванию, колеблется земля.

2-й афинянин

Перуны раздались, и молния блеснула.
Иль речь его к богам природу ужаснула?
Жрец храма эвменид идет поспешно к нам.

Явление четвертое

Прежние и Первосвященник.

Первосвященник

О государь! народ! стремитеся во храм:
Богини мести, в нем присутствуя суровы,
Нам прорицать судьбы в сей страшный час
готовы.

Тезей

Пойдем и принесем им жертвы и мольбы,
Да пременят они Эдиповы судьбы.

Эдип

Нет, шествовать туда тебе вослед не смею:
Глас должен эвменид ужасен быть злодею.

Тезей

Здесь солнечный тебя обеспокоит зной;
Ты, старец, отдохнуть в шатер отыди мой.

(Воину)

Эдипа проводи!

Эдип и Антигона следуют за воином; Тезей с народом идет во храм.

Креон

(Нарцесу)

Мстить гордому Тезею
Удобный случай я, Нарцес, теперь имею.
Пойду, пойду во храм оракулу внимать;
Ты воинов моих спеши к шатру собрать.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет поле; с одной стороны роща, с другой виден шатер Тезеев, в отдаленности город Афины.

Явление первое

Креон и Нарцес.

Креон

Тем временем как царь в смущении жестоком
Багрит алтарь богинь кровавым козлищ током,
Когда его рукой курится фимиам,
Мой замысл совершить, Нарцес, надлéжит нам.
Уже ли собраны тобой мои фивяне?

Нарцес

Вослед тебе, Креон, пришедшие граждане,
В сей роще скрытые, твоих велений ждут,
Скажи, их храбрости какой предложишь труд?

Креон

Эдипа возвратить в отеческие стены.

Нарцес

Какие, государь, я зрю в тебе премены!
Не ты ли был виной изгнанию его?

Креон

Я сам: он изгнан стал с совета моего.

Нарцес

Почто ж теперь его желаешь возвращенья?

Креон

Чтобы усугубить Эдиповы мученья,
Тезею гордому достойно отомстить
И к трону фивскому мне новый шаг ступить.
Познай, Нарцес, познай, что дщери Ахерона,
Разверзши твердь земли до царствия Плутона,
Эдипу прорицать предстали перед нас.
С явленьем их во храм возжженный огнь погас,
Средь дня настала ночь, разнесся запах серный
И оживилися богинь кумиры черны,
На них власы из змей восстали и взвились,
Из факел их огни к нам искрами лились,
Свет пламенников тот боролся с мраком ночи;
Потом богиням вслед узрели наши очи
Их адских спутников: и страх, и месть, и смерть,
Грозящую на нас свою косу простерть.
При зрелище таком народ весь ужаснулся,
Смутился царь, я сам невольно содрогнулся,
Я сам, привыкший зреть смерть алчную в боях
И ни во что вменять к богам напрасный страх.
Среди смятения, как из трубы стогласной,
Внезапно в капище раздался звук ужасный;
Подобен быв громам, он храма свод потряс.
«О град! вострепещи, — вещал к народу глас. —
Судьбы разгневаны, и кровь в сей день прольется,
Доколь достойная нам жертва принесется;
От крови царския та жертва быть должна:
Тогда по бедствиях наступит тишина,
Тогда Эдипа рок преследовать престанет,
И гроб его тогда побед залогом станет
Для той страны, где жизнь скончает сей слепец:
За добродетели спокойна смерть венец».
По страшных сих словах умолкли эвмениды,
Сомкнулась ада дверь, исчезли грозны виды,
Как тщетные мечты по беспокойном сне.
Дух твердости опять вселился в сердце мне,
Дух мщения мой нрав воспламенил суровый,
К погибели врагов имея случай новый.

Нарцес

Но если гнев богинь велит, о государь,
Здесь кровью царскою их обагрить алтарь,
Коль жертвы требуют они порфирородной,
Предай ты Кадмов род всей ярости народной;
Оставь Эдипа здесь, и вскоре нож жреца
Сразит у алтаря и дочерь и отца:
Во храме мертв падет Эдип с своей опорой.

Креон

Кто? я? чтобы врага я предал смерти скорой;
Чтобы у алтаря жреца священный меч
Страдания его мог с жизнию пресечь?
Нет, нет, Нарцес, не так привык я ненавидеть.
Мученья долгие врага желаю видеть,
Печаль его моих весельем чтить очес,
Упиться токами его горчайших слез,
Детей его сгубя, его свести ко гробу
И смертью медленной мою насытить злобу.
Моей вражды к нему ты знаешь о вине:
Я должен был владеть в отеческой стране
Венцом, о коем брань его ведут днесь чада.
По смерти Лаия я должен был от града
Быть избран на престол и фивский скиптр принять;
Пришел Эдип, чтоб скиптр из рук моих отнять
И беззаконный род взвести на трон с собою;
Венца лишенный став враждебною судьбою,
К Эдипу ненависть в душе запечатлел,
Под лестью пагубной ее сокрыть умел.
К страстям детей его совет мой применивши,
Тщеславье воспламеня, природу усыпивши,
В их души поселил полезный мне раздор.
Мой замысл усмотреть не мог их юный взор,
И я восстановил среди сердец разврата
Сынов против отца и брата против брата:
Счастливейший успех венчал мои труды.
Теперь настали дни собрать коварств плоды.
Эдипа возвратя в отеческие стены,
Рассею хитростью между гражда́н измены,
В царе все будут зреть гонителя отца,
Во мне защитника несчастного слепца,
Которого извлек из здешних мест я силой,

Чтоб в Фивах утвердить Эдиповой могилой
Победу навсегда по словесам богов.
Оракул случай даст губить моих врагов.
Пусть в храме жертвою падет здесь Антигона,
Ее пусть братия, желая фивска трона,
Друг друга погубят кровавою войной
И мертвые падут под нашею стеной.
Известен мне их нрав: для них то будет мало,
Чтоб войско кровь свою пред ними проливало;
Потщатся средь боев друг друга находить,
Сразиться яростно, друг в друга меч вонзить
И кровью братнею пасть вместе обагренны.
Взаимна злоба их, как ненависть геенны,
Равняться может лишь со злобою моей.
Печалью радуюсь Эдиповых я дней, —
Да видит он детей несчастно истребленье.
Их беззаконное оплакивал рожденье,
Пускай оплачет он безвременну их смерть,
И не было б руки те слезы отереть!
Я буду всякий день внимать его стенанья,
Вздыхания ловить и исчислять рыданья,
И с восхищением морщины те считать,
Что на чело ему грусть будет налагать.
Но вот Эдип: иди ко скрытному отряду
И будь готов, Нарцес, оставить ту засаду
И к нам сюда вступить на мой призывный глас!

Явление второе

Эдип, Антигона и Креон.

Эдип

Уже, о дочь моя, тот наступает час,
В который кончится народное моленье.
Да укротится им богинь ожесточенье
И наградят они Афины тишиной
За предложённый здесь мне, страннику, покой.
Ах! поспешим идти во сретенье Тезея.

Креон

Об участи твоей я в сердце сожалея,
О старец горестный, предстал...

Эдип

О дочь моя!
Не глас Креона ли теперь здесь слышу я?

Антигона

Так, он, родитель мой; зря часть твою плачевну,
Конечно, изъявить пришел он грусть душевну.
Ах! с равнодушием какой возможет глаз,
Нас в Фивах видевший, теперь взирать на нас?

Эдип

О юность! ты никак лукавства не причастна,
Там состраданье зришь, где опытность несчастна
Пронырство признает в сердечной глубине.

(К Креону)

О хитрый гражданин, почто предстал ко мне?
Слух недоверчивый чем ты склонить мечтаешь?
Или за новость мне здесь объявить ты чаешь
Грозящу Фивам брань, раздор моих сынов?
То знаю без тебя, и жребий их таков,
Какого я им ждал: быв от меня рожденны,
На преступление они определенны.
Иль по следам моим твой царь тебя прислал,
Чтоб на челе моем ты грусть мою читал,
Чтоб видел нищету, в которой я скитаюсь
И как народами я всеми отвергаюсь?
Иль лучше ты скажи, что волею своей
Пришел увериться о горести моей.
Но не увидишь слез и не услышишь стона,
Нет, ими веселить не буду я Креона:
Спокоен духом я, хотя гоним людьми,
А ты средь почестей терзаешься страстьми.
Иди отсель, иди, о человек коварный,
Неверный родственник и друг неблагодарный;
Ты сколько в хитростях искусством ни велик,
Давно уже, давно Эдип тебя проник.

Креон

Гоненье, растравив в тебе сердечны раны,
Дало навык во всем усматривать обманы
И ложно толковать деяния людей.

К обману прибегать почто душе моей,
Почто с тобою мне употреблять коварство?
Пред сильным слабому посредствует лукавство.
Ты изгнан, в бедности — я в славе, друг царю:
И, в речь с тобой вступив, я нищего дарю.

Эдип

Хотя я в нищете, но не сравнюсь с Креоном:
Я был царем, а ты лишь ползаешь пред троном.

Креон

Высокомерие зрю прежнее в тебе, —
Ты чувств не применил еще к своей судьбе?

Эдип

То свойство низких душ, тебе, Креон, подобных,
Чтобы по случаям меняться в чувствах сродных.
Но я, быв от царя на свет произведен,
Злосчастьем не могу быть к подлости веден.
Все прежни чувствия средь бедствий сохраняю;
Презренья моего к тебе не пременяю.

Креон

Не оскорбит меня твоя надменна речь;
Напротив, я хочу беды твои пресечь,
Дни горестны во дни переменить счастливы
И предложить тебе, чтоб возвратился в Фивы.

Эдип

Какой еще, Креон, скрываешь новый ков?
Чьим именем зовешь?

Креон

Отечества, богов.

Эдип

Обыкновенна речь обманщиков искусных,
Священнейший предлог всех замыслов их гнусных.
Ни веры, ни богов на сердце не храня,
Ты ль речью таковой мнишь обольстить меня?

Креон

Когда б не верил я, что существуют боги,
Тобой бы их познал; познал, колико строги
Кровосмесителей, отцеубийц карать.

Эдип

Несчастный! можешь ли мне ныне упрекать
С такой жестокостью злодействие невольно?
Брат матери моей, сего уже довольно,
Чтоб о судьбе моей всегда тебе молчать;
Но ты, как фурия, предстал мой дух смущать.

Креон

Предстал перед тебя по воле я бессмертных,
К злодействиям твоим толико милосердных,
Что обещаются победой на войнах
Той греческой стране, где твой пребудет прах.
Недолго можешь весть такую жизнь унылу;
Итак, в отечестве назначь свою могилу.

Эдип

Страна, из коей я позорно изгнан стал,
Где с трона высоты в жизнь странников упал,
Где друг царев Креон, где сын мой на престоле,
Уже отечеством не может быть мне боле.
Там всё, увы, там всё терзать мой будет дух.
Хоть не увидит взор, но мой услышит слух
Раздоры бедственны, в которы ввергли Фивы
Сыны тщеславные, вельможи горделивы.
На то ли возвращусь, чтоб вопль услышать жен,
Как дерзкий Полиник предстанет против стен
И приведет с собой пелопоннесски силы
Срывать домы отцов и превращать в могилы?
Иль возвращусь на то, чтоб слышать звук мечей,
Которы сыновья в свирепости своей
Друг в друга устремят на жизнь единокровну?
Чтоб в том или в другом мне знать потерю ровну?
Чтобы судьба меня враждебна привела
Руками осязать их мертвые тела,
Оплакивать их жизнь, во цвете пресеченну,
И клятву чтоб сложить, над ними изреченну?
Ах, нет! на их главах пребудет пусть она,

И чужда мне теперь вся Фивская страна.
Коль справедлива весть, тобою принесенна,
Что ярость днесь богов к Эдипу укрощенна
И что дают они в благих своих судьбах
Победу той стране, где мой пребудет прах,
То прахом сим дарю Афины и Тезея.
Другого дара я на свете не имея,
Чем наградить могу великодушье их,
Призревшее конец дней горестных моих?
Мой прах и дочь мою им поручая ныне,
Даю им всё, что в злой осталось мне судьбине.

Креон

Афинян подари ты дочерью своей;
Уже в отечество пути закрыты ей:
Когда она с тобой избрала удаленье,
Тогда законом ей пресекли возвращенье.
Твой гроб, залог побед, твой прах нам нужен днесь:
За мною следуй ты, ее оставя здесь.

Эдип

О верх прискорбия! несчастье беспримерно!
Теперь я чувствую, унижен как безмерно.
С терпеньем должен был словам твоим внимать,
Бессилен будучи за дерзость наказать.
Не удивляюся о варварском законе,
Которым Фив врата закрыты Антигоне:
Несправедлив, жесток, бесчеловечен он,
И града вашего достойнейший закон,
Чтоб за священный долг, за долг, свершенный ею,
Определить ей казнь, приличную злодею.
Но ты, Креон, но ты, жестокий человек!
Мне предложение какое ты изрек?
Чтобы расстался днесь я с дочерью моею,
С единым благом, чем я на земле владею,
С моей опорою, с отрадой мне одной,
Против отчаянья оставленной судьбой.
Теснее связан с ней, чем узами рожденья:
Я у́злом съединен ее благотворенья.
В ней зрю не только дочь, она мне мать, отец,
Сестра, и друг, и всё, что мило для сердец,
И всё, чего меня злодейства, рок, бессмертны,

Неблагодарный град, сыны жестокосердны
Лишили наконец изгнанием из Фив.
Я ею лишь дышу, я ею только жив,
А ты расстаться с ней мне, варвар, предлагаешь?
Терзать меня, увы! как ты искусство знаешь.
Нет, лучше бы, злодей, извлекши острый меч,
Не дрогнув, жизнь мою стремился ты пресечь,
Чем сметь мне предлагать толь горестну разлуку.
Приди, о дочь моя, приди, подай мне руку,
Дай мне увериться, что я еще с тобой;
Склони главу ко мне и сердце успокой, —
Нет! смертию одной мы будем разлученны.

Креон

Когда прошения тобою все презренны
И следовать за мной не убежду тебя,
К насильствию, Эдип, прибегнуть должен я:
Вступите, воины!

Явление третье

Прежние, Нарцес и воины Креона.

Антигона

О горесть, о измены!
Фивянами мы здесь отвсюду окруженны.

Креон
(воинам)

Эдипа в город наш спешите возвратить!

Эдип
(воинам)

Кто руку на меня посмеет наложить?
Кто дерзостен и нагл из вас толико будет
И бывшего царя в моем лице забудет?

Креон
(остановившимся воинам)

Вы повинуйтеся не мне — самим богам!

Нарцес с некоторыми воинами устремляется на Эдипа и разлучает его с Антигоною.

Антигона

Креон! жестокий! ах! паду к твоим ногам,
Не разлучай ты нас; будь, будь великодушен
И состраданию единожды послушен.
Узри у ног сестру и дочь твоих царей;
Слезами ты смягчись и горестью моей!

Эдип

Не унижайся, дочь, не будь сраженна роком!
Невинности ль клонить колена пред пороком?
Лишаяся тебя, я с жизнью расстаюсь,
Но пред злодеями главою не склонюсь.
Нам твердым должно быть, им — чувствовать боязни:
Злодеев торжество предшественник их казни.

(К Креону)

Есть громы в небесах, есть боги, о Креон!
И притесненного до них восходит стон!

Креон

Мы, исполняя долг к отечеству священный,
Не мести ждем богов, но похвалы вселенной.

Креон уходит, за ним воины ведут Эдипа.

Явление четвертое

Антигона и два воина, коим Креон подал знак, чтобы они удержали Антигону.

Антигона

Постойте, варвары! пронзите грудь мою,
Любовь к отечеству довольствуйте свою.
Не внемлют и бегут поспешно по долине,
Не внемлют; и мой вопль теряется в пустыне.
Есть громы... но в сей час на небе тишина,
Есть боги... и земля злодеям предана,
И стонут слабые у сильных под рукою!
Увы! что я? где я? Что станется со мною?
Забыта братьями, оставлена родней,
Изверженна из Фив, в стране, в стране чужой
Жизнь горестну вести и умирать мне должно.
С родителем моим сносить бы всё возможно.

Суровости богов, гонение людей
Лишь твердость новую несли душе моей:
Несчастье было мне наставником в терпеньи,
Но без родителя, в моем теперь мученьи,
Лишенная надежд... мой дух во мне уныл,
Удар жестокий сей моих превыше сил,
И всеми чувствами отчаянье владея...

(Увидя Тезея)

Иль небо шлет ко мне для помощи Тезея?

Явление пятое

Тезей, Антигона, народ афинский, воины Тезея.

Антигона

Великодушный царь! на помощь мне спеши;
Ах, возврати покой и жизнь моей души!
Отрядом фивских войск, насилием Креона
Родителя, увы, лишенна Антигона:
Ссылаясь на богов и на небесный глас,
В отечество свое его влекут в сей час.
К твоим ногам, Тезей, я в грусти припадаю,
Я мщения прошу, я мщенья ожидаю,
Иль смерть реши, коль мне откажешься помочь.

Тезей

Восстань, о нежная, несчастливая дочь!
Душевно я делю твои печали новы.
Я мнил, что боги к вам престали быть суровы;
Спешил от алтаря, уведомить чтоб вас,
Как щедро наградить их обещает глас
Народ, к спокойствию который вас приемлет, —
Награду ли сию Креон от нас отъемлет?
Без наказания ужели мыслил он
Нарушить нагло здесь священнейший закон
Народных общих прав, гостеприимства, чести?
Афиняне, я вас, вас призываю к мести!
Постыдно будет вам, позорно будет мне
Терпеть насилие в отеческой стране.
За похитителем немедля устремимся
И наглость наказать Креонову потщимся.

О Антигона, верь, что за тебя отмщу;
Любви твоей отца, конечно, возвращу.
Спокойся, в град иди, вступи в мои чертоги
И ожидай конца, какой даруют боги.
Старейшины, ей путь в дом покажите мой,
А вы, о воины, последуйте за мной!

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет чертоги афинского царя.

Явление первое

Антигона

(одна)

Сраженная тоской, с родителем в разлуке,
Как медленно часы в моей проходят муке!
День радости есть миг, печали день есть век,
И умирающий несчастный человек
Сей оставляет мир, как путник утомленный.
Подобно смерти ждет мой ныне дух смущенный.
Народная молва здесь ею мне грозит;
Здесь жертвы требует глас страшных эвменид,
И, к смертным в ярости в сей боле день жестоки,
Они велят пролить не козлищ кровны токи —
Такая жертва им обычная мала, —
Но чтоб рука жреца кровь царску пролила.
Меня на жертву им народ определяет,
И над главой моей смерть страшная зияет.
О нежный мой отец! единый ты предмет,
О коем плачу я, сей оставляя свет!
Как возвратит тебя Тезей великодушный,
Ты здесь найдешь мой прах холодный и бездушный.
Скорбь новая твой дух, как туча, омрачит,
И горести твоей никто не облегчит...
Свирепой смертию удержана в неволе,
Печаль твою делить не возмогу я боле,
Уже твой стон ко мне до сердца не дойдет,
Нестертая слеза на землю упадет.

Ужасна ты, о смерть, коль узы разрываешь,
Когда чувствительность во хладность пременяешь
И дружбу и любовь коль истребляешь в нас...
Я слышу страшный шум: настал мой лютый час,
Увы!

Явление второе

Антигона, Полиник, некоторые из старейшин афинских.

Полиник
Ах! где она? вы к ней меня ведите.

Антигона
Не дайте мне страдать: скорей судьбу решите!

Полиник
Ее ль зрю в рубище? О жалостнейший вид!

Антигона
Без жалости во храм влеките эвменид!

Полиник
Или во мне уже премена толь велика,
Что ты не узнаешь и гласа Полиника?

Антигона
(бросаясь в объятия Полиника)
Мой брат!

Полиник
Сестра! Се ты ль в объятиях моих?
Увы, твой злобный брат причиной бед твоих,
И ты, как изверга, меня не убегаешь?
Ты слезы льешь, молчишь и брата обнимаешь.

Антигона
Ах! ты, подобно мне, в несчастье ныне впал:
Я забываю всё.

Полиник
Так, так, и брат твой стал
Изгнанником из Фив, но не тебе подобно:

С твоею ли душой сравнится сердце злобно?
Могу ль судьбу свою, как ты, спокойно несть?
Твое изгнание твоя есть слава, честь,
Утеха сладостна и радости сердечны,
Но я, жестокий брат и сын бесчеловечный,
Изгнание терплю как казнь, достойну мне.
Ты дни свои ведешь в всегдашней тишине,
Ночь сладкое несет тебе успокоенье,
Твой осеняет сон отца благословенье,
И бестревожны в ночь невинные сердца.
Но я, отягощен проклятием отца,
Терзаюсь в день страстьми, и злобой,
и отмщеньем,
Тоской раскаянья и совести мученьем,
А в ночь, в ночь темную, когда окрест меня
Земля покоится, молчание храня,
С зверями хищными и с птицами ночными
Один беседую стенаньями моими.
Мечты от глаз моих не убегают прочь.
Ах, для злодеев как страшна, ужасна ночь!
Конечно, я на зло назначен от рожденья:
Кляня злодейство, стремлюсь на преступленья.
С губительным мечом и с пламенем в руках
Иду в отечество, несу пожар и страх,
Союзников моих веду с собою силу,
Чтоб фивскому царю из стен сложить могилу.

Антигона

Какую, Полиник, жестоку слышу речь,
И на кого, увы, ты обнажаешь меч —
На брата?

Полиник

На врага, на хищника короны,
И чести и родства презревшего законы,
И на виновника моих несносных бед.
Иль Этеокл, иль я оставить должен свет:
На солнце общее нельзя взирать нам боле.
Кто с трона предков пал и мне подобен в доле,
Тому осталася одна надежда — месть,
И долг один — чтобы иль гроб, иль трон обресть.

Не осуждай меня: вини мои ты чувства,
Которых умерять не знаю я искусства,
Вини сей огнь, в моей пылающий крови.
Чрезмерен я во всем: и в злобе, и в любви,
В самом раскаяньи, которым вслед за вами
Я приведен к отцу и, пред его ногами
Упав, хочу стопы его слезами оросить
И преступлению прощенье испросить!
Ко гласу моему глас съедини свой нежный,
И умолить его успех тогда надежный.

Антигона

Увы! родитель наш Креоном похищен!

Полиник

Тезеевой рукой тебе он возвращен.
Креон, вдали узрев афинского героя
В погоне за собой и устрашася боя,
От казни чтоб своей поспешнее уйти,
Эдипа должен был оставить на пути.
Отец сюда ведом отрядом войск Тезея;
Но царь с другими сам преследует злодея.

Антигона

О весть отрадная! еще единый раз
Увижу я отца, его услышу глас;
Еще пред тем, мою как кончу я судьбину,
Я отереть могу его слезу едину.
Ах, вместе поспешим в объятия его.

Полиник

Постой, сестра, постой! Для брата твоего
Объятия отца закрылися, конечно,
И, может быть, увы, закрыты будут вечно!
Я б должен от себя все отвратить сердца.
Как возмогу взирать на бедного отца,
Когда всяк страждущий, убогий и несчастный
Напоминает мне, что изверг я ужасный,
Что на земли уже прощения мне нет,
Что мною навсегда гнушаться должен свет
И что известен я единым преступленьем!

Ах, сжалься над моим несноснейшим мученьем!
Будь мне заступницей и грусть моей души
Родителю представь и живо опиши,
Чтобы дозволил мне перед него явиться,
Услышать глас его, сим гласом насладиться,
Чтоб на челе его я милость мог узреть,
Или б у ног своих дозволил умереть.
Но шум... отец идет... о, зрелище плачевно!
Иду, бегу, чтоб скрыть смущение душевно.

(Уходит.)

Явление третье

Эдип, Антигона и часть воинов Тезея.

Антигона

(бросаясь в объятия к Эдипу)

Родитель, зрю тебя... благословенный час!

Эдип

О, утешительный, животворящий глас!
Дочь милая! опять я съединен с тобою!
Так не совсем еще оставлен я судьбою,
Так не совсем еще забыт я от небес:
Минуты мне дают для радостнейших слез,
И сердце, горестью столь долго изнуренно,
Отдохнет наконец, весельем оживленно.
О боги щедрые, благословляю вас!
На землю временно вы посылая нас,
На жизненном пути рассеяли печали,
Чтобы мы радости живее ощущали
И чтобы грустию томимый человек
В один веселья час забыл страданий век.

Антигона

О добродетели власть сильна и священна!
Гонима ль ты — в самой себе ты утешенна,
И чистой совести приятный, тихий свет
Чрез бездну горестей спокойно нас ведет;
Но здесь я видела несносну грусть порока:

Она мучительна, терзательна, жестока.
Пред тем, как ты меня в объятия приял,
Несчастный юноша в глазах моих стенал.

Эдип

Несчастный, говоришь? кто он? ах, все несчастны
Моим вздыханиям, моим слезам причастны,
Страдающих всегда чувствительней сердца.
Сей юноша, скажи, ужели без отца?
Ужель не носит он названия супруга?
Ужели в мире сем себе не знает друга,
Ни брата, ни сестры и, словом, никого,
Кто б слезы пролил с ним, печаль делил его?
Пущай приходит он: одним благополучным
Вид огорченного бывает только скучным;
Но я с несчастными охотно слезы лью.
Пусть он придет печаль поверить мне свою!

Антигона подает знаки Полинику, который, вошед, останавливается.

Антигона

Не смеет он прийти, ужасно преступленье...

Эдип

Не смеет?.. ты молчишь!.. какое подозренье
Вселяешь в сердце мне? ты дух смущаешь мой.
Не смеет... кто же он? не брат ли злобный твой?
Не он ли грусть влачит себе в достойной доле?
Пущай грустит: к нему не сострадаю боле;
Чтоб он не приходил, чтобы бежал, и с ним
Я не хочу дышать здесь воздухом одним.

Явление четвертое

Прежние и Полиник.

Полиник

Итак, я осужден на вечные мученья,
Итак, не должно мне надеяться прощенья!
Нет, недостоин я, чтоб ты когда простил:
Я добродетели, природу оскорбил;
Неблагодарен был, я был бесчеловечен;

Твой справедливый гнев быть должен бесконечен,
И клятвою твоей страдания, напасть —
Вот всё, что на земли мне отдано на часть!
Но если может в нас раскаянье живое
К нам небо мстительно переменить в благое,
Когда богов оно с злодеями мирит,
Твой гнев, твой правый гнев ужель не укротит?
Ужели в ярости всегда пребудешь твердым?
Родитель будет ли один немилосердым?
Склонися к милости, подобен будь богам!

(Бросается к ногам Эдипа.)

Твой кающийся сын падет к твоим ногам.
Тронись раскаяньем, в котором я стенаю,
Почувствуй жар тех слез, которы проливаю,
Они от чувств текут, душа источник им,
И едкостью равны мучениям моим.

(По некотором молчании)

Но ты молчишь... но ты чело свое скрываешь...
Прошенья, жалобы и слезы отвергаешь.

Антигона

(упадая к ногам Эдипа)

Родитель мой! и я соединяюсь с ним.
Чтоб умолить тебя, паду к ногам твоим.
Встречались ли когда с тобою огорченны,
Которы б не были в печали облегченны,
Которых речью ты отрадной не дарил
И коих с жизнию опять не примирил?
Иль сына своего ты не услышишь стона?

Эдип

(поднимая Антигону)

Ты просишь? За кого, любезна Антигона?
Пусть нечестивец сей тебя благодарит,
Что здесь чело мое еще он ныне зрит,
Что слышит голос мой. Клянуся небесами,
Что без тебя его не тронулся б слезами.
Хотя б у ног моих в сей час он умирал
И слова моего к спасенью ожидал,
Никак бы жалости душа не изъявила,

Я бы безмолвен был, как хладная могила.

(К Полинику)

Скажи, злодей, чего ты хочешь от меня?

Полиник

Чтоб, чувствия свои ко мне переменя,
Мой стон услышал ты, раскаянье увидел
И чтоб родитель мой меня не ненавидел.
Нет, я не варваром, не извергом рожден:
Пороком мог я быть мгновенно побежден
И уподобиться ужасному злодею,
Но душу пылкую, чувствительну имею,
И сердце нежное тобою мне дано.
Увы, днесь страждуще, растерзанно оно,
Покрыто язвами, тоскою изнуренно
И страшной клятвою твоей обремененно.
Ты даровал мне жизнь, даруй ее мне вновь,
Дай сердцу тишину и возврати любовь!
Любовь твоя, как луч божественный, небесный,
Проникнет в душу мне, мой ток престанет слезный,
И в добродетелях я укреплюся ей.
Родитель! убедись мольбою ты моей
И, милосердия являя совершенство,
Дай сыну своему хоть раз вкусить блаженство.
Ты согласись идти в отеческу страну:
Мою перед тобой исправлю там вину.
Семь вождей за меня все силы воружают,
Мой стан, победа, трон Эдипа ожидают,
Над войском, надо мной тебе вручаю власть.
Фив стены гордые должны пред нами пасть,
И не изгнанника в тебе увидят боле,
Но мощного царя на отческом престоле,
Страдальчеством своим достойного венца
И посреди детей счастливого отца.
Я буду подданным послушнейшим, вернейшим,
И ревностным рабом, и из сынов нежнейшим.
В супруге же моей найдешь ты нежну дочь:
В день будет утешать, твой сон покоить в ночь,
И так любить тебя, как любит Антигона.
Поверь, иного мы не будем чтить закона,
Как волю лишь твою и, твой храня покой

Семейства целого союзною рукой,
В забвенье у тебя привесть мое злодейство.

Эдип

Какой несчастный царь тебя приял в семейство?
Какой отец возмог без чувств толико быть,
Чтоб дочь свою тебе супругою вручить,
Чтобы предать ее на горесть и напасти?
Илѝ он о моей не ведал скорбной части?
Жестокосердый сын и подданных тиран,
Чувствительности дар тебе ль когда был дан?
Тебе ли можно быть отцом, супругом нежным,
Главою чад своих и другом их надежным?
Для сердца твоего какой союз священ?
Одною гордостью упитан, пресыщен,
Священнейший союз ты ниспроверг природы,
Который первым чтут по всей земле народы.
Нет, не раскаянье тебя ко мне вело:
Тщеславие твое унизило чело;
Оно причиною и слез твоих и стона:
Сим чувством приведен и алчностию трона.
Ты мыслишь оправдать пред небом и землей
Войну, подъятую против страны своей,
Когда предлогом дашь Эдипа защищенье,
Мое в отечество и к трону возвращенье.

Полиник

Клянуся всем тебе, что свято в мире есть,
Что для тебя хочу я фивский скиптр обресть.

Эдип

Меня склонить к себе ты тщетно уповаешь.
Сей скиптр, который мне толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставил сам, не я ли вам вручил,
Не я ли дней моих покой вам поручил,
Быть с вами навсегда одной считав отрадой?
Неблагодарные, что было мне наградой?
Презренье, ненависть, изгнанье и позор.
Коль смеешь, ты на мне останови свой взор!
Зри ноги ты мои, скитавшись изъязвленны,
Зри руки, милостынь прошеньем утомленны,
Ты зри главу мою, лишенную волос:

Их иссушила грусть и ветер их разнес!
Тем временем тебя как услаждала нега,
Твой изгнанный отец, без пищи, без ночлега,
Не знал, куда главу несчастну приклонить:
Повсюду должен был ваш стыд с собой влачить,
И дебри темные, и глубины пещерны,
Природа зрела вся злодейства беспримерны.
Иди, жестокий сын, усугубляй вины,
Будь истребителем отеческой страны,
Союзников своих веди противу брата,
Яви еще пример неслыханна разврата!
Но там, у фивских стен, не трон тебе готов —
Десница мстящая там ждет тебя богов.
От фивских областей удел тебе сужденный
То место лишь одно, где ты падешь сраженный.
Как без пристанища скитался в жизни я,
По смерти будет так скитаться тень твоя:
Без гроба будешь ты; тебя земля не примет,
От недр отвергнет труп, и смрад его обымет,
И призовет зверей, птиц хищных из лесов
И домы подданных твоих стрегущих псов.
Иди, беги, спеши на ново преступленье.
Всех вас я чужд: мне дочь — семья и утешенье.

За театром слышен шум толпы народной.

Явление пятое

Прежние и некоторые из старейшин афинских.

Афинянин

Несча́стливый Эдип! ты духом укрепись:
Удар суровейший сносить в сей час решись!
Народ, день целый ждав Тезея возвращенья,
Восстал против тебя, наполнен град смущенья:
Тебя причиной чтут, твой проклинают род,
И дочери твоей весь требует народ.

Шум за театром становится сильнее.

Ты слышишь ли сей шум? Окружены чертоги;
Весь город вопиет: «Разгневаны суть боги;
Чтоб умолить их гнев и отвратить напасть,
Эдипа дочь должна во храме жертвой пасть».

Эдип

Имеете ль, судьбы, еще какие казни?
Вы истощили все удары неприязни,
Собрав их над моей печальною главой.
О дочь, могу ль расстаться я с тобой?
Остануся убог, совсем осиротею...
Ты плачешь? .. я и слез уж боле не имею.

Антигона

Увы! я слезы лью не о моей судьбе:
Я смерти не страшусь... и плачу о тебе.

Народ врывается в двери.

Полиник
(бросается к народу)

Не совершится, нет, сей замысл их ужасный,
Доколе я дышу...

Эдип
(останавливая его)

Что можешь ты, несчастный?
Порывы поздныя усердия умерь:
Безвременна твоя защита нам теперь.

(К народу)

Афиняне, во храм меня ведите с нею,
На эвменид еще надеяться я смею.
Не дочь мою одну, две жертвы примет жрец
И совершит моим страданиям конец.

Эдипа и Антигону уводят.

Полиник

О ярость! о позор! .. а вы, о боги чудны!
Когда не тщетны вы, когда вы правосудны,
Спасите от меча невинные главы!
Преступник я один, меня разите вы:
Подземный огнь и гром небес соедините
И нечестивого из мира истребите!

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет внутренность храма эвменид, который разделен на две части; в отдаленной виден жертвенник и три статуи, изображающие богинь сего храма; в их руках факелы возжженные, и на главах волосы змиями извиваются.

Явление первое

Первосвященник в отдаленной части храма при жертвеннике и жрецы.

Хор жрецов

Богини, адом порожденны
Народам в страх, злодеям в казнь!
Что возбуждает неприязнь?
Почто вы ныне раздраженны
Предстали, грозные, пред нас?

К рабам, к царям равно вы строги;
Как смерть ваш общий всем устав.
И смертный, злобный и лукав,
Ни в хижину, ниже́ в чертоги
Не скроется от ваших глаз.

Вотще злодейства сокровенны:
Вы зрите сердца глубину.
За скрыту, тайную вину
Из мрачной пропасти геенны
К злодею ваш взывает глас.

Первосвященник

Прервите пение, священные жрецы!
Изготовляйте вы повязки, и венцы,
И ризы чермные, и прочи украшенья,
Приличные для нас в день жертвоприношенья!
Невидимой рукой ведется жертва к нам.

Жрецы уходят.

Но кто сей юноша, вступающий во храм?
В чертах отчаянье и в поступи смущенье...

Явление второе

Первосвященник и Полиник.

Полиник

Служитель алтарей! скончай мое мученье.
Здесь жертвы требует богинь суровых глас, —
Им в жертву предстою; рази, не убоясь!
Сей смертию смиришь народную строптивость
И совершить не дашь богам несправедливость.

Первосвященник

Кто ты, о юноша, чтоб о богах судить?
Иль не страшишься ты их ярость возбудить?
Сей храм сооружен их мщению и гневу.

Полиник

Хотя б разверзнуться велели адску зеву,
Чтоб поглотить меня, я в день несчастный сей
Не устрашусь: весь ад ношу в душе моей.
Зреть грозных эвменид мои привыкли очи,
В беседе страшной их провел я многи ночи,
Отринут от богов, отвержен естеством...
Мне фурии одни остались божеством.

Первосвященник

Тебя ужасное терзает преступленье?

Полиник

Вся жизнь ужасная и самое рожденье.
Слух о судьбе моей во все страны достиг:
Я тот Эдипов сын, тот злобный Полиник,

Враг подданных своих, отечества губитель,
Виновник бед сестры, кем изгнан был родитель,
Кем угрожаем брат, и тот я, наконец,
Над чьей главой изрек проклятие отец.
Когда злодейска кровь для эвменид пристойна,
Вот грудь моя, рази: я жертва им достойна.

Первосвященник

О часть прискорбная, о злополучный царь!
Вотще в смущении предстал перед алтарь
И смерти требуешь, тобою толь желанной:
Я не приму главы, проклятию преда́нной.
Твоих страданий, слез я не могу пресечь
И кровию твоей не оскверню мой меч:
Тельцы, упитанны для принесенья в жертвы,
Очищены пред тем, как упадают мертвы.

Полиник

Иль не довольно я еще злодеем был,
И смерти я себе еще ль не заслужил?
Она не есть ли верх небесной неприязни?

Первосвященник

Нет, боги не всегда дают нам смерть для казни.
Она для тех одних каранием небес,
В ком нет раскаянья, свет совести исчез,
Пред кем о промысле безмолвствует вселенна
И власть кому богов открыть должна геенна.
Но смерть есть сущий дар для страждущих сердец,
По трудных странствиях отраднейший конец,
И вечность им — как дуб осанистый, ветвистый,
Стоящий на пути и древностью тенистой
Сулящий путнику прохладу и покой.
Но час еще, мой сын, не наступает твой!
И клятвою отца, как у́злом неразрывным,
Привязан ты к земле, к страданьям беспрерывным,
Доколь исполнится тебе суждена часть,
Которой пременить богов не может власть.

Полиник

Коль смерти от небес я тщетно ожидаю,
Отчаянье, тебя на помощь призываю!

Явление третье

Прежние, Эдип, Антигона, жрецы, народ афинский.

Афинянин

Первосвященный жрец! встревоженный народ,
Считая бед виной Эдипа к нам приход,
Чтобы спасти царя, чтобы спасти Афины,
Чтоб умолить богинь и гневные судьбины
И удовольствовать их воспаленну месть,
Эдипа дочь привел на жертву им принесть.
Пусть гнев погаснет их в ее потоках крови:
Да возвратят предмет народныя любови,
И возвратится к нам с Тезеем тишина!

Антигона

Гражда́не! вами быв на смерть осуждена,
Как ни ужасна смерть, как участь ни сурова,
Без страха, ропота принять ее готова.
Мне жизнь казалась тем отрадна и мила,
Что утешеньем быть родителю могла,
Что он на грудь мою слагал свои печали.
Сию пронзая грудь, вы право днесь мне дали
Афинам поручить отца несчастны дни.
Залогом верным пусть пребудут вам они
Союза страшного, союза смерти лютой,
Который с вами я сей совершу минутой.
Так, жители Афин, я заклинаю вас
Пред жертвенником сим, в торжественный сей час,
Перед лицем богинь, теперь во храме сущих,
Пред сонмом всех богов, меня у гроба ждущих,
Чтобы хранили вы родителя покой,
Блюли его главу, тягченную тоской!
Тогда лишь смерть моя вам может быть полезна,
Не то для вас она навеки будет слезна;
Мой прах вам будет в казнь, и гроб мой будет вам
Жилищем эвменид, другой их мести храм.
Ничем тогда судьбы, ничем не умолятся,
И кровью сей главы чад ваших отягчатся.

(К Эдипу)

В последний раз, отец, благослови ты дочь,

Да будет в вечности приятная мне ночь
И сон глубокий мой пребудет ненарушен!

Эдип

(обнимая Антигону, к народу)

Народ! который был всегда великодушен,
Ты добродетелей в ней совершенство зришь,
И сердце ли сие ты смертью поразишь?
Ужель меж вами нет отцов чадолюбивых,
Сердец чувствительных и смертных справедливых,
Чтоб видеть, чувствовать и убежденным быть,
Что, кровь невинную решившися пролить,
Вы оскорбляете сей храм, богов, природу
И призываете бессмертных казнь народу.
Коль с гробом вам моим победа суждена,
Коль кровию спастись должна сия страна, —
Пролейте кровь мою: уж я давно как мертвый,
И фурии меня блюли себе для жертвы.

Антигона

Ах, дай мне смертию твой искупить покой!

Эдип

Невинна кровь тому не может быть ценой.

Антигона

Чем я невиннее, тем жертва я достойна.

Эдип

Насильственная смерть злодеям лишь пристойна:
Она прилична мне, и к оной осужден
Я был еще пред тем, как бедственно рожден.
Так, боги! щедро лив несчастья и печали
На жизнь Эдипову, вы жертву умащали,
Вы руку на меня назначили простерть.
Первосвященный жрец, веди меня на смерть!
Но дай, позволь почтить последним целованьем
Тот меч, которым я расстануся с страданьем!

Первосвященник, приняв меч, который один из жрецов держал на блюде, хочет вручить оный Эдипу, но Полиник вырывает из рук его.

Полиник

Подай сей меч, подай: он мне принадлежит!

Первосвященник

Какой, о Полиник, злой замысл в сердце скрыт?

Эдип

О Полиник! ты здесь? Пришел ли ты ругаться
Моею смертию и ею наслаждаться?
Или́ уже ничто — ни час плачевный сей,
Ни веры торжество, ни святость алтарей —
Не сильны удержать твой ярый дух и злобу?

Полиник

Твой сын пришел сюда искать путей ко гробу.
Тобой отверженный и проклятый тобой,
Гнушаюсь жизнью я, гнушаюсь я собой.
Коль смерти не дают разгневанные боги,
То пусть ко смерти мне откроет меч дороги.

Эдип

Самоубийством ли ты осквернишь сей храм?

Полиник

В отчаяньи оно едино средство нам.

Эдип

Каким неистовством твой ныне дух встревожен!

Полиник

Бесчеловечен был, пусть буду и безбожен!
Так, здесь, у ног твоих и совершу удар
И, кровь пролив, тебе я возвращу твой дар.
Жестокостью своей знав сына умерщвленным,
Ступай потом к богам путем окровавленным!

(Упадает к ногам Эдипа.)

Эдип

Иль все возможные я бедства соберу?
Восстань, несчастнейший...

Полиник

Не встану, но умру.

Эдип

Ах, если бы тебя раскаянье терзало!

Полиник

Чем сердце бы иным жестоко толь страдало?
Раскаянье в душе... ах, что я говорю?
Оно в крови моей, снедаем им, горю!
И фурий мстительных терзающие руки,
Их змеи, их бичи — ничто против сей муки,
Ничто в сравнении и весь ужасный ад.

Антигона

Родитель, вспомни ты, что Полиник мне брат;
Внимай, как в истинном раскаяньи стенает!

Эдип

Восстань, несчастный сын: отец тебя прощает.

При сих словах Полиник роняет меч и бросается в объятия отца; один из жрецов оный меч подымает.

Приди в объятия и, примирясь со мной,
Ты примириться тщись с богами и с собой!
О боги, коих я, во гневе огорченный,
К отмщенью призывал, быв сыном раздраженный,
Раскаянье теперь когда в нем зрите вы,
Проклятие мое сложите с сей главы.
Вам добродетельный не столько муж приятен,
Как тот, кто кается, быв злобен и развратен.

(По некотором молчании)

Но боги ждут меня; настал уже мой час.
Где ты, о дочь, приди и дай еще мне раз
Прижать к груди моей твою главу любезну.
С тобой в терпении чрез жизнь прошел я слезну
И, предназначенный свершая ныне путь,
Благодарю тебя: благословенна будь!
О Полиник, тебе сестру я здесь вверяю:
Сокровища мои все с нею поручаю.
Дни драгоценные, покой ее храня,

Ты помни, как она покоила меня!
Где меч? подай!

(Приняв меч от первосвященника и поцеловав оный)

Жрецы! орудие примите.
В последний раз отца, о дети, обоймите!

Полиник

Жестокий час!

Антигона

Тебя ль я буду лишена!

Эдип

Ты вспомни, что нам жизнь другая суждена.

(К жрецам)

Ведите вы меня на жертвоприношенье!

Тезей стремительно входит и останавливает Эдипа, который, опираясь на Антигону и Полиника, шел ко внутренней части храма.

Явление четвертое

Прежние, Тезей, Креон обезоруженный, воины афинские.

Тезей

Остановись, народ! какое преступленье
Ты хочешь совершить пред правдою богов?

Антигона

Конечно, нам она дарует твой покров!

Полиник

Спаси родителя, Тезей великодушный!

Эдип

Ах, дай мне смерть принять: будь муж, богам послушный!
Кровь царскую пролить здесь повелел их глас:
Мой род полезен мне хотя в сей первый раз.
Так смертию моей жизнь дщери сохраняю
И тишину тебе и граду возвращаю.

Антигона

Я радостно умру к спасению отца.

Полиник

Пущай меня разит священный меч жреца!

Тезей

Нет, не умрете вы: ни ты, о муж почтенный,
Ни нежна дочь твоя, ни сын, тобой прощенный!
Не с тем судьбы, не с тем вас привели сюды,
Чтобы над вами днесь усугубить беды.
Они готовили вам тишину, отраду,
За ваш покой дают победу нам в награду.
К спасенью сей страны сам прежде кровь пролью,
Чем вам обиду здесь какую потерплю.
Но нет, бессмертным кровь невинна, благородна
Для жертвы никогда не может быть угодна!
Креон один возмог небес восставить гнев.

Гром сильный раздается.

Первосвященник
(к Тезею)

Гром подтверждает речь. Сей родственник царев
Против отечества крыл замыслы лукавы;
Послом здесь испроверг общенародны правы;
И как злодей богов и к смерти осужден;
Твоей рукой на казнь он ими приведен.

(К Креону)

Умри, враг общества и враг бессмертных дерзкий!
И от лица земли сокрой свой облик зверский!

Креон

В стране сей при́зренных я зря моих врагов,
Терзаюсь и принять смерть лютую готов.

Жрецы уводят Креона.

Эдип

Какой судьбой на казнь преступники ведомы!

Гром упадает и поражает Креона, вошедшего во внутренность храма.

П е р в о с в я щ е н н и к

Внемлите, что в сей час мне возвещают громы:
Неистовый Креон сей видеть свет престал,
Небесный гром сразил и ад его пожрал;
Богини вслед ему из храма удалились.
Эдип! твои беды отныне прекратились.
Но вы, цари! народ! в день научитесь сей,
Что боги в благости и в правде к нам своей
Невинность милуют, раскаянью прощают
И, к трепету земли, безбожников карают.

<1804>

ФИНГАЛ

Трагедия в трех действиях,
в стихах, с хорами
и пантомимными балетами

Алексею Николаевичу Оленину

С совета твоего, Оленин, я решился
Народов северных Ахилла описать
И пышность зрелищу приличную придать.
Твоею дружбою глас слабый оживился,
И к песням бардов я склонил прельщенный слух,
Чтобы извлечь черты разительны, унылы,
В которых Оссиан явил Фингалов дух
Под строем звучных арф, близ отческой могилы.
Ах, если бы, ему подобно, не умолк
И мой несмелый глас, нестройный, без искусства,
Сказал бы в сердце я, платя сей дружбы долг:
«Меня переживут мои сердечны чувства».

Владислав Озеров

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Старн, царь Локлинский.
Моина, дочь его.
Фингал, царь Морвенский.
Уллин, бард Фингалов.
Колла, наперсник Старнов.
Морна, наперсница Моины.
Верховный жрец Оденов.
Дева локлинская.
Карилл, из воинов Старновых.
Жрецы.
Барды, или скальды, Старновы.
Барды Фингаловы.
Воины локлинские.
Воины морвенские.
Народ локлинский.
Девы локлинские.

Действие происходит в земле Локлинской.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет палату, открытую сводами в сад; вдали видны на возвышениях храм Оденов и холм могильный.

Явление первое

Моина сидящая, Морна, Уллин, барды, девы локлинские.

Хор бардов и локлинских дев

Какое сильно дарованье
Во власти, красота, твоей?
Сердец, умов очарованье,
Веселье пламенных очей
И нежных душ любовь-отрада
От твоего родится взгляда.

Одна из дев локлинских

Цвети, о красота Моины,
Как в утро раннее весной
Цветут прелестные долины
Благоуханной красотой!

Хор бардов и дев

Фингала сердце ты пленила
И тишину нам возвратила.

Моина

О дев и бардов сонм! не славьте красоту,
Сию обманчиву, прелестную мечту!

Она... как слабый цвет, который украшает
Вид утренний пустынь и в полдень увядает.
Гордиться можно ли Моине красотой?
Единым только дух гордиться может мой,
Единым... О Уллин, Фингалов бард любимый,
Ты, коего прислал сей вождь непобедимый
Во званьи мудрого и мирного посла,
Воспой геройские Фингаловы дела.
Со дня, как мой отец, Локлинских стран владетель
Морвенского царя уважил добродетель,
Вручить меня ему священный дал обет,
Желаю я, Уллин, чтобы мне целый свет
Вещал, гласил, твердил о имени Фингала,
Чтоб слава лишь его Моину восхищала.
Прими же арфу, бард, воспламени свой дух
И дщери Старновой увеселяй ты слух!

Уллин

Умолкни всё в стране подлунной,
Чтоб гласы арфы златострунной
По хо́лмам дальним пронеслись,
В пустынях гулом раздались!
Пою Фингала дивны бои,
Его забавы юных дней.
А вы, почи́вшие герои,
Покрытые сырой землей,
Восстаньте от могил безмолвных,
На высотах явитесь холмных!

Хор бардов

Ударили в медяный щит,
Ко брани глас обыкновенный, —
Во бро́ню ратник облеченный
Вои́нским гневом уж кипит;
Дубы столетни загорелись,
И тучи заревом оделись.

Уллин

Встает Морвена вождь Фингал;
Оружье грозное приял;
Стрела в колчане роковая;
На гру́ди рдяна сталь видна;

Копье как со́сна вековая,
И щит как полная луна,
Воссевшая над океаном
И вся подернута туманом.

Хор бардов

Мелькают, сеются, падут
Враги пред ним, как легки тени
Или как робкие елени,
От мстительной руки бегут:
И стала вкруг него равнина
Как смерти мрачная долина.

Уллин

Падут... и не избег судьбин
И ты, Тоскар, о Старнов сын!
Локлинских чад стена надежна!
Закрыла смерть твой юный взор.
Ты пал в полях, как глыба снежна,
С крутых отторгнутая гор:
Паденья шум в лесах раздался,
Высокий холм поколебался.

Моина

(встает и прерывает песнь Уллина)

Какую смерть, о бард, напоминаешь мне?
Тоскар, несчастный брат, погибший на войне
Фингаловым мечом, мне стоил слез довольно.

Уллин

Фингалом нанесен удар тебе невольно.

Морна

Он прелестей твоих еще тогда не знал.

Моина

Конечно, предо мной не винен в том Фингал:
Случайность браней то, судьбы случайность гневной.
Ах, если б мой отец о смерти сей плачевной
Забыть, утешиться от времени возмог,
Была бы я тогда, была бы без тревог!

Но нет, ничто отца не развлекает муки:
Ни бардов пение, ни арф согласны звуки,
Ни шум, восторг пирше́ств и чаши круговой;
И мрачный дух его, питаяся тоской,
Ни в чем утех не зрит, ловитву забывает
И гулов ловчих глас в лесах не возбуждает.
Ему в молчании засели, как во мгле,
Уныние в душе и дума на челе...
Но он идет: в сей день спокоит ли Моину?

Явление второе

Старн, Колла и прежние.

Старн

(Моине)

О дочь! Фингал преплыл чрез синих волн пучину;
Ладей его ничем удержан не был бег,
И с утренней зарей на наш вступил он брег.

(К Уллину)

Уллин, Фингаловых певец сражений дивных,
Ты, присланный ко мне для предложений мирных,
Ты, зревший здесь луной свершенны три пути,
К Фингалу можешь ты во сретенье идти.

(Дает знак бардам, чтоб удалились.)

А ты, о дочь, во храм будь шествовать готова:
Сверши обязанность Фингалу данна слова!
Он требовал, чтоб я вручил тебя ему
В тот день, как взору он предстанет моему:
К нетерпеливости моей настал день ныне.

Моина

В сей самый день? Восторг... благодарю судьбине.

Старн

Так ты Фингаловой ответствуешь любви?

Моина

Ах, неизвестный огнь пролит в моей крови
Со дня, мне памятна, как вождь племен Морвена,

Нам ужасом грозив иль смерти, или плена,
Все хо́лмы, все леса наполнивши войной,
Рассыпав рать твою, сей овладев страной,
Предстал перед меня в моем уединеньи.
Мгновенно сердца мне прервалися биеньи;
Как вепря дикого, его страшилась зреть;
Отчаянна, бледна, желала умереть...
Но очи юношу прекрасного узрели;
Хотела укорять... уста мои немели.
Под шлемом вид любви блистал в его чертах,
Прешел к моей душе и мой рассеял страх.
С тех самых дней мои Фингалом мысли полны.
Спокойствие мое он уносил чрез волны,
Когда, окончив брань, пленение твое,
Отплыл от сей страны в отечество свое.
За ним желания неслись нетерпеливы...
Настали наконец Моине дни счастливы:
Фингал, пред алтарем соединясь со мной,
Почтит в тебе отца как сын нежнейший твой...
Но ты смущаешься, бледнеешь и трепещешь;
На дочь, вокруг себя ты взоры гневны мещешь,
И вздохи горести твою стесняют грудь...

Старн

(по некотором молчании и скрывая свою ярость)

Ах, нет... без гнева я; спокойна духом будь!
Как ты, я веселюсь Фингаловым приходом,
И вскоре мой восторг явится пред народом.
День оный, может быть, счастливейший мне день...
Иди, чело свое покровами одень!

Моина

Твоей лишь радостью могу я быть спокойна.

Явление третье

Старн и Колла.

Старн

О малодушная, дочь Старна недостойна!
Злодея моего ты возлюбить могла,
У коего в плену глава моя была

И чье оружье кровь Тоскара проливало:
К несчастью моему сего недоставало!
О Колла, ты, кем Старн был прежде в славе зрим,
Сей счáстливый отец, сей вождь непобедим.
Ты зришь, ко гробу он склоняет жизнь позорну.

Колла

В Моине вижу дочь, родителю покорну.
Готовая предстать ко брачну алтарю,
Не сердце ль несть должна Морвенскому царю?

Старн

Но сердце, Колла, в ней моею бьется кровью:
Так может ли оно к нему гореть любовью?
Нет! злобу, и вражду, и ненависть, и месть —
Вот всё, что дочь должна во брак Фингалу несть.
Когда б она меня достойной быть хотела,
Проникнуть замысл мой она давно б умела,
Умела бы узнать, что мой жестокий гнев
Не радости врагу — готовит смерти зев,
Готовит горести и все мученья, казни
И все терзания свирепой неприязни.
О ты, на облаках носящаяся тень!
Тень сына моего! Настал, настал тот день,
В который ты, узрев над мрачною могилой
Пролиту кровь врага, престанешь быть унылой.
Тоскливая доднесь, отдóхнешь в те часы,
Как нива сохлая от майския росы,
И, с торжеством вступив в могилу, твой родитель
К тебе прейдет как пар во горнюю обитель.

Колла

И вот обычная твоя со мною речь!
Не ищешь, государь, ты горести развлечь.
Два раза по лесам лист хрупкий устилался,
И дерн уж две весны на холмах обновлялся
Со дня, когда погиб твой храбрый сын Тоскар,
И ты забыть печаль...

Старн

Печаль забыть? сей дар
Один, оставленный сердцам в несчастной доле!

Без грусти я бы жить не мог на свете боле.
О Колла, без нее, с того плачевна дня,
Как сын в бою погиб, вкруг Старна, вкруг меня
Безмолвным, мертвым всё казалось бы в природе.
С ней прелесть нахожу я в бурях, в непогоде;
Со мною говорят и ветров страшный рев,
И моря грозный шум, и томный скрып дерев, —
Во всем мне слышатся сыновние стенанья.
Я чувствую тогда тех камней содроганья,
Под коими лежит Тоскара хладный прах,
И он мне зрится сам со бледностью в чертах,
На персях тяжкую указывает рану:
Отмщения, гласит, и казнь и смерть тирану,
Которого рукой нам бедствия неслись!

За театром слышен шум.

Но плески в воздухе народа раздались:
Конечно, к сим местам царь шествует Морвена.
Иди во храм к жрецу великого Одена,
Перед кумиром чьим брак должно совершать:
Скажи, чтоб шел в чертог со мною совещать!

Явление четвертое

Старн, Фингал, Уллин, воины Фингала, барды Старновы и Фингаловы, народ локлинский.

Фингал

О мужественный Старн, ты зришь опять Фингала,
Которого пред сим лишь слава занимала,
Которого на брань кипела в сердце кровь,
Которого сюда ведет теперь любовь,
Любовь, души моей единственное чувство.
Красноречивым быть — мне чуждое искусство:
Во стане возращен, воспитан на щитах...
Мое искусство всё — бесстрашным быть в боях.
Итак, не жди, о Старн, чтоб изъяснил я ныне
Признательность к тебе, любовь мою к Моине:
Кто сильно чувствует, тот не теряет слов.
Но испытуй меня, скажи своих врагов,
Скажи, в который край иль отдаленну землю

Идти сражаться мне; оружие приемлю —
И страх врагам: сей меч главы их должен стерть.

Старн

(в исступлении)

Так, страх моим врагам, им страх и люта смерть!

(Пришед в себя)

Но в сей ли день, Фингал, утех и восхищенья
Мне называть врагов, достойных отомщенья,
Виновников моих пролитых втайне слез.
Я, видя здесь тебя, щедротой чту небес:
Рукою их ко мне ты прислан в утешенье,
И пусть трепещет свет, зря наше примиренье!

(К предстоящим бардам)

Зовите дочь мою... вручив тебе ее,
Тем обещание исполню я мое.
Но, государь, страны законами различны,
К обрядам отческим от давних лет привычны.
В Морвене божество Фингаловых отцов
Оставлено доднесь без храмов, без жрецов;
Друидов истребив, их властью недовольны,
Низвергли храмы вы на их главы крамольны.
Но здесь покоится во храмах божество,
И клятвы мы пред ним свершаем торжество.
Итак, я буду ждать от храброго Фингала,
Чтоб в храме дочь мою его рука приняла.

Фингал

Не рассуждаю я, приличен ли кумир,
И храм, и жертвенник тому, кто создал мир;
Кому как вечный храм вселенная чудесна,
Кому восстать тесна и высота небесна.
Чтоб мыслью вознестись к сему миров творцу,
Не прибегаем мы к друиду иль жрецу;
Без них несем ему с зарей, на холме красном,
Сердца толь чистые, как день при небе ясном.
Но храма твоего хочу я святость чтить,
Коль должно в оный мне с Моиною вступить.
Так, к дочери твоей в любви неизъясненной
Готов в свидетели призвать богов вселенной.

Хотя сбери во храм кумиров всей земли,
Их всех жрецов и мне поклясться повели
Пред всеми ими там, пред небом и землею,
В любви ручаюся я жизнию моею;
Моине жизнью сей пожертвовать готов.
Но вот она... Каких желаешь клятв и слов?
Ах, взгляд ее, луны полночныя светлее,
Для сердца в верности всех клятв моих сильнее!

Явление пятое

Прежние, Моина, Морна и девы локлинские.

Старн

Утеха Старнова, о дочь моя, приди!
С Фингалом наш союз согласьем утверди,
Чтобы в твоей красе нашел родитель средства
Изгладить навсегда с души прошедши бедства!

Моина

Ты сердца моего читал во глубине,
Сколь должен сей союз желателен быть мне.
Ты знаешь, государь! твоей причастна славы,
В союзе вижу сем оплот твоей державы;
Но что еще лестней для сердца моего —
Надежду вижу в нем покоя твоего.
Коль на земле дано нам счастья совершенство,
Какое днесь с моим сравняется блаженство!

Фингал

Моина, ах, поверь, что счастья твоего
Священнее иметь не буду ничего;
Запечатлеть обет готов моею кровью.

Старн

Я восхищаюся взаимной сей любовью.
Чтоб ускори́ть давно желанный мною час,
На время в сих местах оставить должен вас.
Во храме принеся моление обычно,
Устрою празднество тебе, Фингал, прилично.

Явление шестое

Фингал, Моина, Уллин, Морна, барды, девы и все бывшие в предыдущем явлении.

Фингал

О небо! доверши блаженство дней моих!
Моина, повтори приятность слов твоих!
Скажи, что, моему ты не противясь счастью,
Не оскорбляешься моею нежной страстью,
Что ты довольна ей, что мил тебе Фингал.
Когда бы знала ты, как много я страдал
Со дня, как в первый раз твои красы увидел!..
Дотоле, мыслью дик, любовь я ненавидел,
Считал ее мечтой и слабостью умов,
Как стужа наших зим, был дух во мне суров.
Твой взор переменил нрав дикий и суровый:
Он дал мне нову жизнь, дал сердцу чувства новы
И, огнь, палящий огнь пролив в моей крови,
Мне дал почувствовать страдания любви,
Уныние, тоску, отчаянье разлуки,
И страх немилым быть, и ревности все муки.
Не утолялся огнь в прохладности ночей,
И сон не мог тебя скрыть от моих очей.
Сей голос, коим ты со мною говорила,
Твой тихий, светлый взгляд, твоя улыбка мила,
Твое дыхание и легкий шум шагов,
Как вешний ветерок, журчащий меж листов,
И всё, что ты, пленя мое воображенье,
В разлуке множило любовное мученье,
Как ныне всё, что ты, Фингала веселит.
Пусть счастие мое Моина подтвердит!

Моина

В пустынной тишине, в лесах, среди свободы,
Мы возрастаем здесь как дочери природы,
И столько ж искренны, сколь искренна она.
Итак, о государь, открыть тебе должна,
Что с первого тебя я возлюбила взгляда.
К герою страсть души высокия отрада:
Гордяся чувством сим и радуясь ему,
Призналась в том отцу, народу и всему,
Что в отческой стране чувствительность имеет,

И праху матери, который в гробе тлеет,
Природе, словом, всей известна страсть моя,
О коей небесам сказать готова я.
Поверь, Моина здесь не менее Фингала
Терзалась мыслию, разлукою страдала.
Как часто с берегов или с высоких гор
Я в море синее мой простирала взор!
Там каждый вал вдали мне пеною своею
Казался парусом, надеждою моею,
Но, тяжко опустясь к глубокому песку,
По сердцу разливал мне мрачную тоску.
Как часто в темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я к морю приходила;
Внимая шуму волн, биющихся о брег,
Мечтала слышать в нем твой быстрый в море бег.
Ты прибыл наконец, Фингал перед Моиной, —
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.

Фингал

Не столько звуки арф в вечерний тихий час
Приятны при заре, сколь твой приятен глас.
Сколь кажду речь твою я нахожу прелестну,
Несущу радость мне, доныне неизвестну!
Но я, блаженствуя в моей теперь судьбе,
Не знаю, чем и как воздать могу тебе,
Которой должен я толикою отрадой!

Моина

Любви лишь может быть одна любовь наградой.
Люби меня, Фингал, и, чувство то храня,
В родителе моем спокой, утешь меня!
Ты зрел, как очи в нем под брови углубленны,
Как все черты лица печалью измененны
И как чело его наморщила тоска,
Которую развлечь моя слаба рука:
Он не участвует в веселии безвинном
И стонет, как волна при береге пустынном.
Старанием, Фингал, соединись со мной,
Чтоб прежний возвратить душе его покой
И сына нежного чтоб заменить потерю!
По сим стараниям любовь твою измерю

И, сердце разделив меж Старна и тебя,
Почту тогда, почту счастливою себя.

Фингал

Не ошибался я: судьба моя надежна!
Супруга та верна, которая дочь нежна,
Священным долгом чтит родителей покой.
Моина, мне отцом родитель будет твой.
Любовь моя внушит мне нежные старанья,
Чтоб в Старне облегчить душевные страданья,
Чтобы тоску, его снедающу, развлечь,
Чтоб радости слезу из глаз его извлечь,
Чтоб видеть наконец нам дух его спокойным
И мне соделаться твоей любви достойным.

Явление седьмое

Прежние и бард Старнов.

Бард

Морвенския страны непобедимый царь!
Ко браку твоему готов уже алтарь.
На жертвеннике огнь усердия пылает,
И мудрый Старн тебя с Моиной ожидает.

Фингал

Пойдем, любезная! Во храме счастье ждет
Чету, которую любовь туда ведет.

Хор бардов

Иди во храм, чета прелестна!
Венчай свою взаимну страсть!
Душам чувствительным известна
Та сладостна, счастлива часть,
Когда любовь в сердцах пылает
И брак веселый страсть венчает.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет внутренность храма Оденова, отверстого сверху; кумир божества поставлен посреди, пред ним жертвенник курящийся. Чрез свод диких камней видны холм могильный и палата первого действия.

Явление первое

Старн

(один перед кумиром)

О древне божество обширных стран полнощных,
Надежда страждущих и сила, крепость мощных,
Оден, которого невидимой рукой
Природа держится и круг вращает свой!
Ты, воля коего быстрее ветров горных
И месть мрачнее бурь, висящих в тучах черных,
На коих возлегла Тоскара грустна тень,
Яви свой ярый гнев в торжественный сей день!
Помощником мне будь к погибели Фингала,
Которого рука кумир твой потрясала,
Которого мечом мой сын погиб в бою,
Чей хитрый взгляд прельстил дочь слабую мою
И чрез кого я стал без чад моих, без чести,
С одною грустию, с одним желаньем мести,
На старости моей в печальном сиротстве!
Мой враг перед тебя явится в торжестве;
Нашли на дух боязнь, на мысль недоуменье,
Предзнаменующи могущего паденье!

Чтоб он, как лютый зверь, страшилище лесов,
Гонимый ловчими, преследован от псов,
В расставленную сеть стремился торопливый,
И веселился б Старн добычею счастливой!
Внесу тогда, Оден, я в капище твое
Его булатный меч, огромное копье,
И щит, и шлем, крылом орлиным осененный,
И весь доспех его, чтобы вещал вселенной
Из рода в поздний род, от века в дальний век,
Сколь слаб перед тобой сильнейший человек!
Мечтав не знать себе в величестве примера,
Он пал, и три шага... его жилищу мера.

Явление второе

Старн и Колла.

Старн

Благоприятну ли несешь мне, Колла, весть?
Готовы ль воины мою исполнить месть?
Могу ль надеяться на их неустрашимость?

Колла

Колеблет, государь, их мысли нерешимость:
Еще им памятен неизъяснимый страх,
Который рассевал Фингалов меч в боях,
Как целые ряды им были низложенны,
Иные ранены, другие быв плененны,
И все в Фингале зрят как браней божество,
Которому что бой, то ново торжество.
Осьмнадцать ратников тебе, о Старн, послушны,
Страшатся прочие...

Старн

Страшатся? Малодушны!
Что сей Фингал доднесь никем не побежден,
Бессмертным разве он от матери рожден?
Иль грудь его тверда, как камень древних башен?
Нет, нет, не должен быть, не может быть тот страшен,

Которого прервать блестящий может век
Кинжалом иль мечом отважный человек,
Который так, как мы, и временен и тщетен,
Который так же слаб, который так же смертен.
Фингаловы отцы, подобные мечте,
Прешли и скрылися в могильной темноте.
Проходят роды все, и восстают другие,
Как с ветром по морю идут валы седые
Иль как осенний лист от древа отнесен
И листом по весне зеленым заменен.
Подобно и мой род со мною пресечется.

Колла

Почто же мыслишь ты, что род с тобой прервется,
Род славный, сей страной владевший столько лет?
Он утвердится вновь и снова процветет!
Имеешь дочь еще...

Старн

Нет, Колла, не имею.
Моину дочерью не признаю моею,
Коль в сердце ко врагу питает нежну страсть.
Фингал мне горести устроил полну часть
И, окружив меня убийством и прельщеньем,
Мой дом соделал мне глухим уединеньем.
Не остановится в последний жизни час
На детях мысль моя и умиленный глаз,
И вознесенный холм над Старновой могилой
Ввек будет так, как я, безмолвный и унылый.
Никто на гроб ко мне цветов не принесет,
И путник знаков слез на камнях не найдет.
Гроб хладно молчалив умерших без семейства.
Но я отмщу врагу за все его злодейства.
Фингаловой крови Тоскаров жаждет прах,
Он на могилу ждет, и там ждет плач, ждет страх,
И ждет конец его мучителен, ужасен.
Оденов жрец со мной во мщении согласен.

Колла

Ужели, государь, во ярости твоей
Ты от обычаев страны отступишь сей?

Гостеприимства здесь закон всегда священный.
Хотя к нам враг приди: чрез три дни угощенный,
Как в доме собственном спокоен должен быть.
Обычай древний сей кто может преступить,
В толиком же у нас позоре и презреньи,
Как воин боязлив, бегущий во сраженьи.
Гостеприимство ли, знак нравов чистоты,
Во гневе, государь, нарушить хочешь ты?
Ужель не посвятишь трех дней на угощенье?
Потом уж можешь ты свое исполнить мщенье.

Старн

Что, Колла, говоришь? Чтобы три дни я ждал;
Чтоб зрением врага еще три дни страдал;
Чтоб, съединившись с ним, несчастная Моина
В дом Старнов привела врага наместо сына?
Ах, нет! моя вражда столь сильна, что едва
Не изменяют мне мои к нему слова.
Не отвечаю я, чтоб мог скрываться доле.
Чрез три дни смерть его в моей не будет воле.
Пущай винят меня народ и целый свет!
Как мертв, без сына быв, мне нужды в оном нет.
Надежда отомстить и муки зреть Фингала
Одна жизнь Старнову доныне подкрепляла.
Надеждой сей дышал, для мести только жил —
И хочешь, чтоб я смерть Фингала отложил,
Чтоб случай потерял для сохраненья славы!
Померкни блеск венца и честь моей державы,
Погибни вся страна, пущай погибну сам,
Лишь бы мой враг погиб, пал мертв к моим ногам,
Лишь на челе б его я зрел погасшу смелость,
Глубоких язв болезнь и смерти цепенелость,
И к радости моей чтоб я услышать мог
Из уст трепещущих тот тяжкий, томный вздох,
За коим для него придет молчанье вечно.
Но раздается шум... Фингал идет, конечно.
Еще притворствовать, еще вражду таить,
Лишь взором избирать то место, где разить,
Чтоб ни один удар не проносился мимо...
Для ярости моей притворство нестерпимо!

Явление третье

Старн, Фингал, Моина, Морна, Колла, первосвященник, жрецы, барды Фингаловы и Старновы, воины обоих царей, народ локлинский

Фингал

Доволен ли ты, Старн, покорностью моей?
Во храме предстою по воле я твоей,
Во храме, коего отцы мои чуждались.

(Указывая на кумиры)

Так, сим богам твоим они не поклонялись;
Но я и сих богов хочу теперь призвать.
Познай чрез то, тебе как мыслю угождать
И сколь желаю я, чтобы отец Моины,
Раздора прежнего забыв меж нас причины,
В преда́нности моей уверен ныне был;
Чтоб к сердцу своему Фингалу путь открыл;
Был мною навсегда утешен, успокоен;
Чтоб сына именем я был им удостоен!

Старн

(с притворною радостию)

О ты, Комгалов сын! На старости моей
Ко утешению моих последних дней,
Когда осталась мне единая Моина,
То как тебя в сей день мне не признать за сына?
Не помышляю я о детях никогда,
Чтоб о тебе, Фингал, не помышлял всегда.
Ты думы моея давно уже предметом.
Давно желает Старн явить пред целым светом
Те чувствия, к тебе которые хранит,
И прежний наш раздор как мною позабыт.

(К жрецам)

Служители богов, воспойте песнь священну
Предвечному творцу, великому Одену!
Пусть именем его верховный храма жрец
Благословит союз сих искренних сердец.
Ничто пред божеством цари с их властью мощной.
Как огнь, носящийся над тундрой полунощной,
Их блеск мечтателен, их замыслы как дым,
Стремящийся из горн и бурей разносим.

Перед Фингалом я обет мой исполняю,
Но подтверждения Одена ожидаю.

Хор жрецов

Властитель неба и земли,
О ты, единый, вечный, сильный,
Источник благ обильный,
Воззванью нашему внемли.

Светилами лазурь украсил ты небесну,
Чтобы свою премудрость доказать;
И в знак щедрот любовь и красоту прелестну
Благоволил на землю ниспослать.

Соедини союзом нежным
Сию любезную чету
И мирных дней их долготу
Исполни счастьем безмятежным!

В продолжение пения юноши и девы локлинские составляют балет; приносят венцы и цепи из цветов, украшают Моину и Фингала и ведут их к жертвеннику перед кумир Оденов.

Фингал

Оден, локлинцев бог! Коль ныне в первый раз
Ты каледонина во храме слышишь глас,
Не удивись тому... ты божество Моины.
Пред жертвенником ждет она своей судьбины.
Хочу тебя призвать, хочу тебя почтить
И, в пламенной любви клянясь ей верным быть,
Сих клятв хочу иметь свидетелем Одена.
Мне будь свидетелем и ты, племен Морвена,
Отцов Фингаловых могуще божество!
Ты, коего весь мир являет существо,
Но смертные умом кого не постигают,
Кого именовать уста мои не знают;
Ты, исполняющий вселенную собой,
И в храме чуждом сем обет услышишь мой.
Когда Моинины любовью полны взгляды
Не будут находить в глазах моих отрады,
Когда не будут зреть в них страстного огня,
Которым днесь горю, то накажи меня:

Чтобы руки моей исчезла дивна сила,
Котора страх врагам в сраженьях наносила,
И твердость, мужество Фингаловой души,
Как былие долин, во цвете иссуши;
Чтоб, бесполезный царь, против любви бесчестен,
Влачил я мрачну жизнь и умер безызвестен;
Чтоб в песнях бардов я в потомстве не гремел;
В дому моих отцов чтоб щит мой не висел,
И меч, мой тщетный меч, притупленный и ржавый,
Был в дебри выброшен, как меч царей без славы!
Жрецы, народ, и ты, о мудрый Старн, в сей час
Свидетелями клятв я поставляю вас.

Моина

А я клянуся здесь...

Верховный жрец

Остановись, царевна!
Тень брата твоего, являясь в тучах гневна,
Через меня претит обет произносить,

(указывая на Фингала)

И ты супругою ему не можешь быть.

Фингал

Не может быть?

Моина

О рок!

Старн

(в сторону)

Решительно мгновенье!

Фингал

О ты, коварный жрец! какое дерзновенье
Ты принял на себя, чтобы умерших глас
От горних слышать мест, смущать здесь оным нас!
Оставь все хитрости, жрецов обычны свойства,
И в гробе сущего не нарушай спокойства!

Верховный жрец

Ты лучше сам почти умершего покой.
Пронзив Тоскару грудь свирепою рукой,
Сию ль сестре его ты предлагаешь руку?
Или и в гроб ему пренесть ты хочешь муку?
Нет, прежде ты к его могиле поспеши,
Отдай там праху долг и тризну соверши,
Потщися с тению Тоскара примириться, —
Тогда лишь можешь ты с Мойной съединиться.

Фингал

С терпеньем слушал я твою лукаву речь.
Ты мыслишь ею здесь раздор опять возжечь:
Напоминаешь нам об участи Тоскара.
Так, в поле он погиб от моего удара,
Но не изменою: он пал как вождь-герой.
Меж нами смерти спор решил кровавый бой,
И подвергался я его ударам равным.
Коль жизнь венчает вождь концом толико славным,
Коль за отечество он может умереть,
Не будет тень его о жизни сожалеть,
Не будет в облаках ни гневна, ни смущенна.
Могила храброго отечеству священна:
И старцы на нее должны сынов водить,
Чтоб в юных их сердцах геройство возбудить.
Но чуждо для жрецов высокое толь чувство:
Раздор воспламенять — их главное искусство.

(Указывая на Моину)

Ты не успеешь в том... Прими ее обет
И совершай свой долг!

Верховный жрец

Не принимаю, нет.
Когда Тоскаров прах почтить не хочешь ныне,
Супругом быть тебе нельзя тогда Моине.
Одена именем я запрещаю ей
Надежде и любви ответствовать твоей,
И сим же именем я Старна разрешаю
От слова данного. Я зрю, что прогневляю
Твой гордый дух; иду от гнева твоего.

Фингал

Остановите вы, о воины, его!

Старн

Иль ты пришел во храм над святостью ругаться?

Фингал

Иль за крамольного Старн может здесь вступаться?

Старн

Почти, Фингал, почти его священный сан!

Фингал

К сплетенью ль хитростей ему был оный дан?

Старн

Он дан ему на то, чтоб слышать глас небесный,
Чтоб оный возвещать.

Фингал

Какой сей дар чудесный!
И как пред нами он небесный слышал глас,
Которому никто не мог внимать из нас!
Что в вашем храме я, мне должно ль лицемерить?

Старн

Ты верь ему иль нет, но мы привыкли верить.
И дочери моей не отдаю тебе,
Когда противен брак разгневанной судьбе.

Фингал

Что слышу?

Моина

Небеса!

Колла

(тихо Старну)

Себе ты изменяешь.

Фингал

Меня ль...

Старн
(с притворною ласкою)

Почто, Фингал, почто не поспешаешь
Союзу нашему препятство отвратить,
Одена и судьбу с сим браком примирить
И возвратить покой Тоскара тени гневной?
С каким веселием и радостью душевной
На холме смерти я Фингала буду зреть!

Фингал

Ты б должен был меня в душе своей презреть,
Когда б увидел здесь толико малодушным,
Чтобы твоим жрецам я сделался послушным,
Чтобы их глас считал за глас самих богов.
Тоскара гроб почтить я б был, о Старн, готов,
Но как союзник твой, но как супруг Моины·
И долг сей совершить имел бы я причины.
Что волей сделал бы, неволей — никогда!

Старн

Почто ж, о гордый вождь, ты прибыл к нам сюда?

Фингал

Ты прежде дай ответ, почто надеждой льстивой
Ты вызвал по морям мой бег нетерпеливый?
Когда чрез барда я союз сей предложил,
Почто условий мне своих не объявил?
Я вправе от тебя потребовать ответа.

Старн

Царь, равным мне царям я не даю отчета.

Фингал

Царь, изменяешь ли ты слову своему?
Когда не веришь нам, то веришь ли кому?

Старн

Фингал! теряется уже мое терпенье.

Фингал

О Старн! угрозы мне я чту за оскорбленье.

Старн

Ты в областях моих.

Фингал

Я здесь не в первый раз.

Моина

Фингал, остановись и мой услыши глас,
Коль может мне внимать дух, гневом распаленный!
Опять ли видеть мне раздор возобновленный
Меж теми, коих я дороже чту всего?
Опять отечества увижу ль моего
Пожарны зарева и быстры токи крови?
Где уверения, Фингал, твоей любови?
Давно ль еще пред сим ты лестью страстных слов
Моину уверял, что облегчить готов
В родителе ее сердечны огорченьи?
Те страстные слова забыл в своем киченьи...
Забыл, дух вспыльчивый, от ярости смущен,
Что должен мой отец Фингалу быть священ.
Ты жизнию хотел пожертвовать Моине —
И самолюбием не жертвуешь мне ныне.

Фингал

Ужель в волнении сего несчастна дня
И ты, жестокая, и ты против меня?
Ты знаешь, сколь чужда моя душа притворства.
Но не довольно ли уже явил покорства,
Когда в противный храм предстал с тобою я?
Во храм сей пагубный вела любовь моя.

Моина

Сию любовь свою ты докажи мне боле
И, Старновой в сей час ты повинуясь воле,
Иди на братний холм, обряды соверши,
Яви величество твоей, Фингал, души!
Моя рука в сей день наградой снисхожденью.

Фингал

Меня ли привести ты хочешь к униженью?

Моина

Несправедливый друг! в любви к тебе моей
Могу ль не дорожить я честию твоей?
Когда был милым тот, кто быть возмог бесчестен?
Ты храбростью своей в летах младых известен,
И кто подумает, чтобы Фингал в сей день
Был робостью ведом почтить Тоскара тень!

(По некотором молчании)

Жестокий, ты молчишь и взоры потупляешь;
Я слышу твой отказ, хотя не отвечаешь,
И узнаю теперь, и поздно, и стеня,
Что ты обманывал и не любил меня,
Что издевался здесь ты над моею страстью.
Оставь меня, беги, предай меня несчастью,
Меж нами положи обширности морей!
Ты возмутить пришел моих спокойство дней,
Ты погубил меня. Я не снесу разлуки,
И вскоре, вскоре смерть мои окончит муки;
Она с спокойствием Моину примирит
И с сердца вид сотрет, меня прельстивший вид.

Фингал

О, как души моей ты слабости узнала!
И как, жестокая, терзаешь ты Фингала!
Могу ли без тебя быть счастлив на земли?
Надгробно празднество готовить повели,
О Старн! Оден, жрецы, их глас, твои угрозы
Бессильны надо мной: ее лишь сильны слезы,
Ее любви одной я предаюся весь.

Моина

Премена счастлива!

Старн
(тихо Колле)

Я торжествую днесь.

(К Моине)

О дочь, принесшая родителю отраду,

Получишь вскоре ты достойную награду,
И чувствиям твоим готовлю я покой.

(К Колле)

Иди на грустный холм и торжество устрой!

(К Фингалу)

А мы, Фингал, союз чтоб ускори́ть счастливый,
Чтоб наконец возмог мой взор нетерпеливый
Тебя на холме зреть, к могиле поспешим!

Хочет его вести, но при виде воинов Фингаловых остановляется.

За нами ли идти сим воинам твоим?
Иноплеменники обрядов наших чужды:
Их любопытный дух...

Фингал

Мне в них не будет нужды.
К чертогу царскому они пускай идут
И возвращения вождя их тамо ждут!

Воины Фингаловы уходят.

Старн

(в сторону)

Пусть тщетно ждут!..

(К Фингалу)

Фингал, пойдем к могиле сына!

Фингал

Приди со мной, приди, любезная Моина!

Старн

Ах нет, чувствительный ее не должен взгляд
Зреть смерти празднество, надгробный зреть обряд!
Печальна для нее могила будет брата.
В сем храме пусть она ждет нашего возврата!

Фингал

Итак, опять с тобой я расстаюсь теперь!
Моина, страсть мою послушностью измерь!

Старн и Фингал уходят, за ними следуют все предстоявшие во храме.

Явление четвертое

Моина и Морна.

Морна

(по некотором молчании)

Виновница в сей день нам прочного покоя,
Ты, удержавшая стремление героя,
За коим, может быть, для нашея страны
Возобновились бы злосчастия войны,
Когда всё льстит тебе, когда ты торжествуешь,
Когда твой верен брак, на что ты негодуешь?
Почто веселию свой дух не предаешь,
Хранишь молчание, вздыхаешь, слезы льешь?
Иль новых бед каких еще нам ждать?

Моина

Не знаю.
Неволею грущу и слезы проливаю.
Предчувство ль томное мне некия беды,
Или в крови моей оставило следы
В сем храме бывшее несчастное волненье?
Иль, может быть, обряд и тризны совершенье,
Напоминающе всему конец и смерть,
По сердцу моему могло печаль простерть.
Увы, не смею я еще ласкаться браком:
Час будущий судьба от нас сокрыла мраком.
Кто знает, счастлив ли он нам определен?
Сей верный, Морна, брак еще не совершен,
Еще я не зовусь супругою Фингала,
Еще союз не тверд. Уже я испытала,
Как верностью надежд нельзя ласкаться нам!
Когда веселая с Фингалом шла во храм,
Могла ль предвидеть я, что наш обряд венчальный
Пременится в обряд надгробный и печальный?
Что вместо храма гроб, жреца наместо тень
К союзу нашему представятся в сей день?
Кто, Морна, ведает мне рок определенный?
Но шум... вступают в храм. Уллин идет
смущенный...
Боязнь в его чертах...

Явление пятое

Прежние и Уллин.

Уллин

Царевна, где Фингал?

Моина

Ко гробу братнему с царем он путь приял
И, может быть, теперь уже над мрачным холмом.

Уллин

Но воинов своих сопровожден ли сонмом?

Моина

Один пошел... но что?..

Уллин

О горесть, о беда!
Он гибнет, может быть; бегу к нему туда.

Моина

Постой, Уллин, постой! Чем столько ты смущаем,
И гибелью Фингал какою угрожаем?

Уллин

Твой яростный отец, презрев и долг и честь,
И всё, что на земли священное ни есть,
Быть может, в сей же час Фингала умерщвляет
И смерть Тоскарову изменой отомщает.

Моина

Не верь, Уллин, не верь: сего не может быть.
Изменою ль цари обиды будут мстить?

Уллин

Едва поверить мог... Но, свобожденный плена,
Карилл, со мной сюда приплывший из Морвена,
Сей храбрый воин ваш, которого Фингал
Любил отважный дух и в плене отличал,
Остановил меня, когда в веселом ходе
Ко храму с торжеством за вами шел в народе,

Он всё поведал мне, и, способ чтоб найти
Локлинския страны падущу честь спасти,
Он сам в числе убийц... Еще ли усомнишься?
Но медлю здесь, бегу на холм.

Моина

Куда стремишься,
И что против убийц предпримешь ты один?
Сонм воев у чертог. Спаси царя, Уллин!

Уллин поспешно уходит.

Увы, несчастная, и я на холм послала,
И, может быть на смерть, любезного Фингала!
Остановленный брак, смятение жреца,
Веселье мрачное жестокого отца,
Когда Фингал идти согласен был ко гробу, —
Всё Старнову явить могло мне скрытну злобу,
И ничего, увы, не зрел мой страстный взор!
О Морна, поспешим предупредить позор!
Когда ж не отвращу измену толь поносну,
У самых ног отца окончу жизнь несносну.

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет дикий лес с рассеянными камнями. Посреди холм, под коим погребен Тоскар. Гробница, по обычаю, означена четырьмя большими камнями по углам. На холме посажено дерево, на котором висит щит, меч и стрелы погребенного царевича. У дерева жертвенник воздвигнут из камней. В отдалении видно море и на берегу оного храм Оденов.

Явление первое

Старн, Фингал, Колла и барды Старновы.

Старн

(остановясь с Фингалом у холма)

Фингал! ты видишь холм, под коим скрыт Тоскар,
Под коим сына прах, твоей руки мне дар!
На холме мрачном сем, на камнях сих надгробных,
Провел течение я дней моих прискорбных,
И утро каждое, и каждый вечер дня
Встречали в роще сей стенящего меня.
Тоскара грустна тень со мною здесь стонала:
Она тебя, Фингал, к могиле призывала
От стран твоих отцов, из-за пучин морей.
Тень сына, отдохни от горести твоей
И боле не скорби Фингаловой победой!
Утешит вскоре он тебя своей беседой
И радость принесет он сердцу моему.

Фингал

(обращаясь к холму)

О храбрый юноша, мир праху твоему!
В твоих младых летах ты был примером воев
И смертью кончил жизнь, достойною героев.

С почтением на холм взираю я в сей час.
Ах, мир, мир храброму еще единый раз!

(К Старну)

Я горести твоей, о мудрый Старн, поверю.
В нем сделал ты, народ, чувствительну потерю,
Которую судьба ничем не заменит.
Отважный сын царев — отечественный щит:
На нем основано народное спокойство.
Я сам, сражаясь, чтил Тоскарово геройство,
Я прослезился сам о юноше твоем,
Когда в бою погиб под роковым мечом,
Когда, как твердый дуб, от бури преломленный,
Он пал и восшумел сонм воев удивленный.

(К бардам)

Воспойте, барды, песнь Тоскару в похвалу.
Глас мудрого певца могил проходит мглу,
Тень храбрых веселит и предает в потомство
Согласной звучностью их доблесть и геройство.

Фингал садится на камень по одну сторону театра, а Старн по другую. Барды подходят к холму и поют хором без оркестра.

Хор бардов

Надежда бывшая сих стран,
От нас взятый судьбою гневной!
Ты был своим народам дан,
Как в месяц зимний луч полдневный.
Блеснув на час, ты вдруг исчез
И стал предметом наших слез.

Явление второе

Те же и служитель Старнов, несущий чашу пиршеств.

Колла

Для излияния, по воле, Старн, твоей,
Из сотов пчельных мед несется в чаше сей.

Старн

Внеси на холм, поставь на жертвенник могильный:
Там примирения прольется ток обильный.

Когда возьмет Фингал там чашу празднества́,
Ты, Колла, знак подай к свершенью торжества.

Колла, приняв чашу от принесшего, идет с нею на холм.

Хор бардов

Во мраке туч как грозный гром,
Ты не носись в странах воздушных;
Но преселися в горний дом
Твоих отцов великодушных,
Седящих в радужных кругах
С спокойством светлым на челах.

Фингал

Нет, гласам никогда надгробным я не внемлю,
Чтоб мысль не возвращал в отеческую землю,
Где возвыше́нный ряд родительских могил
Служил источником моих душевных сил;
Где часто при заре, над молчаливым холмом,
Под облачной грядой, беседовал я с сонмом
Почиющих отцов... Казалось, глас взывал,
Который мужество мне в душу проливал.
Унылы высоты́ теперь остались холмны,
И тени в облаках печальны и безмолвны,
С вечерней тишиной, при уклоненьи дня,
По холмам странствуют, искав вотще меня.
Я удалился вас и оных мест священных
За волны шумные, в страну иноплеменных,
Куда меня влекла могущая любовь.
Но вы не сетуйте! Она и вашу кровь
В весенний возраст дней как огнь воспламеняла;
Улыбка красоты и вас равно пленяла.
Вы были счастливы; но я...

(Впадает в задумчивость.)

Старн

(тихо Колле)

Еще ли ждать?
В нем дух уныл: нам знак не в сей ли час подать?

Колла

Доколе, государь, свой меч Фингал имеет,
Противостоять никто из воинов не смеет.

Старн

(Колле)

Я способы найду его меча лишить.

(К Фингалу)

Не время ли, Фингал, нам к играм приступить,
Почтить сражением умершего героя?
Отборны воины готовы здесь для боя.
Но, чтобы большее в них мужество возжечь,
Наградой лестною им предложи свой меч:
Потщатся воины быть оного достойны.

Фингал

Над гробом храброго сражения пристойны;
Отрадою и в жизнь их почитал твой сын.
Я победителям не только меч один,
Но и мой звучный рог наградой предлагаю.
Познай, о Старн, как прах Тоскара почитаю.

Явление третье

Прежние и осьмнадцать воинов Старновых во всеоружии выходят из-за холма и, проходя мимо могилы Тоскаровой, преклоняют оружия. Между ними идет Карилл. Потом изображают они сражение, в котором Карилл и другой воин, оставшись победителями над прочими, сражаются между собою. Карилл обезоруживает своего противника, и оба являются пред Старном, который подводит их к Фингалу для получения назначенного награждения.

Старн

Фингал! как судия, как славный сам боец,
Ты награди теперь отважность их сердец!
Сему принадлежит твой рог далекозвучный,
А сей, пред прочими в бою благополучный,
Пусть примет славный меч от рук, Фингал, твоих.

Фингал

(к воину, отдавая свой рог)

Прими мой рог: всегда он воинов моих
К сраженьям призывал и призывал ко славе.

(К Кариллу)

А ты, искуснейший из всех, который вправе
Носить Фингалов меч... Что вижу я? Карилл!

Ты ль мужеством в бою награду заслужил?
В отважности твоей уверен был и прежде.
Вот меч: ответствуй ты всегда моей надежде!
Но ты колеблешься и не берешь его,
Смущенье на челе зрю духа твоего...
Что значит то?

Старн

(поспешно взяв Фингалов меч, к Кариллу)

Почто безмолвным остаешься?
Иль недостойным ты награды признаешься?

(Вполголоса)

Прими, беги и скрой страх слабыя души!

(К Фингалу)

Иди, Фингал, на холм и тризну доверши!

Фингал восходит на холм и берет чашу, поставленную на жертвеннике. В сие самое время ударяют в щит.

Фингал

Я слышу браней глас...

Старн

И смерть тебе, злодею!

Воины

(устремляются к холму)

Умри, Фингал!

Фингал

(бросая чашу)

И я оружья не имею!

(Увидев висящий на дереве меч, срывает оный.)

Тоскаров вижу меч: защитою мне будь!

Старн

(остановившимся воинам)

Чего робеете? Врага пронзайте грудь!

Фингал

Лишь шаг — и будет Старн моею первой жертвой.

Старн

Не бойтеся угроз! Пущай паду я мертвый —
Лишь кровию его спокойте сына прах!

Фингал

Кто смеет приступить?

Воины

(устремляются еще раз)

Умри!

Старн

Разите!

Колла

Страх!
Фингала воинов сюда ведет Моина.

Воины удаляются к стороне Старна.

Старн

О ярость! не могу я отомстить за сына!

Явление последнее

Прежние, Моина, Уллин и воины Фингала.

Фингал

(бросается к Моине)

Моина! ныне жизнь твоей любви мне дар!

Моина

О радость! я могла тот отклонить удар,
Который наднесла невольно на Фингала!
Тебя, на холм послав, на смерть я посылала.
Но если счастливо спасен ты ныне мной,
Останется ль отец виновным пред тобой?

Фингал

Достоин твой отец... но не окончу слова.
Взирай, страдает как его душа сурова!
Но не раскаяньем сия душа полна:
Отмщеньем, злобою терзается она.

Старн

Ты наконец познал мои сердечны чувства!

Фингал

Познай и ты тщету коварного искусства!
В расставленну мне сеть ты сам, о Старн, упал,
И, саном возвышен, ты сердцем столько мал,
Что ныне жизнь твоя от рук моих зависит.

Старн

Здесь жизнь... от рук твоих?.. Фингал легко
то мыслит.

Фингал

Моими войсками отвсюду окружен,
По слову одному ты можешь быть сражен:
И ты, и ратники, служители лукавства, —
Все могут казнь приять, достойную коварства.
По справедливости измену наказав,
Пред всей твоей страной, пред светом буду
прав.
Но безоружного разит один бесчестный —
С моими мыслями поступок несовместный!
Сколь сердцу Старнову всегда приятна месть,
Мне столько же всегда священна будет честь.
Обиды от врагов свирепый отомщает,
Дух кроткий их простит, великий забывает.
Ты мстил; забуду я: вот разность между нас!
Ты пленником моим уже один был раз;
Теперь в моих руках, но будь опять свободен!
Мир искренний со мной когда тебе не сроден,
Позволь ты дочери моей супругой быть,
И с нею поспешу от сей земли отплыть.

Моина

Как можешь речь к отцу толь обращать жестоку?

Фингал

Быть твердым надлежит, как говоришь пороку.

Старн

(по некотором молчании)

Сердечны чувствия и мой свирепый нрав
В сей самый день, Фингал, в несчастный день познав,
Ты хочешь, чтоб я дочь тебе вручил супругой;
Ты можешь требовать? Скажи, какой заслугой
Ты право получил? или мой плен, позор...
Иль, лучше, на сей холм ты обратя свой взор,
На холм, воздвигнутый тобой сраженну сыну,
Союза объяви мне право и причину!
Печаль мою, и нрав, и мщение порочь
И докажи отцу, что должен ныне дочь
На самом холме сем, над прахом здесь сыновным,
Тебе в супруги дать согласием виновным!
Нет, нет, Фингал, меж нас несбыточен союз.
Отмщение... других мне нет с тобою уз.
Мне брак предлогом был, но смерть твоя желаньем;
Дарить тебя хотел не дочерью... страданьем.
Не храм готовил — гроб; не брачных свет огней,
Но блеск, но грозный блеск убийственных мечей.
Хотел, чтобы погиб ты смертию бесчестной,
И не моей рукой — рукою неизвестной;
Чтобы к страданию по смерти ты возлег
На тучи хладные, носящи град и снег;
Хотел, чтоб ты вкусил в те смертные минуты
Все долговременны мои мученья люты.
Оден, судьба и дочь, — мне изменило всё:
Не изменит теперь отчаянье мое.

Вынимает из пояса кинжал и стремится на Фингала. Моина, приметившая движение его руки, бросается спасти Фингала.

Моина

Что делаешь, отец?

Старн

Еще ль остановляешь?

(Поражает ее кинжалом.)

Несчастная, умри, коль долгу изменяешь!
И пусть со мною здесь погибнет весь мой род!

(Закалается.)

Фингал
(хочет устремиться на Старна, и воины Фингала за ним также устремляются)

Злодей!

Моина

Постой, Фингал! Остановись, народ!
Мой горестный отец сам ныне гнева жертва.

(К Фингалу)

О радость! за тебя я упадаю мертва!

Фингал

Увы! она прешла!.. Неистовый отец!

Старн

Ты страждешь горестью! Итак, я наконец
Доволен... отомщен... и счастлив умираю...

Колла относит его на камень.

Фингал

Моины нет! увы, я с нею всё теряю!
О злополучие! о горестный удар!
И я живу еще?.. И жизнь, Моины дар,
Сей злополучный дар виной ее кончины!
И я живу еще! жить должен без Моины!
И всякий день в мечтах ее я буду звать,
И будет всякий день мне сердце отвечать,
Что я лишен ее, остался на мученье.
Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней теченье,
Когда к страданию даны мне грустны дни?
Прерву...

(Вырывает из рук Уллина меч и хочет заколоться.)

Уллин
(остановляет руку Фингала)

Фингал! тебе ль принадлежат они:
Ты царь, с народами священным у́злом связан,
Для подданных твоих ты жизнь хранить обязан.
Рассудка, должности днесь гласу ты внемли.

Фингал

Увы, жестокий долг! Мой друг, из сей земли
Ты извлеки меня, из сей земли плачевной;
Но, в облегчение моей тоски душевной

(указывая на тело Моины)

Возьми ты сей предмет, чтобы́ я каждый день
Из гроба воззывал Моины легку тень.

В отчаянии упадает к Уллину; воины подходят к телу Моины; занавес опускается.

Конец трагедии

<1805>

ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Трагедия в пяти действиях, в стихах

Его императорскому величеству
Всемилостивейшему государю
Александру Павловичу

Всемилостивейший государь!

Димитрий, поразив высокомерного Мамая на Задонских полях, положил начало освобождению России от ига татарского. Ваше императорское величество возбудили славу россиян на защищение свободы европейских держав. Будущие века благословят твердость и великодушие монарха, принявшего оружие для спасения разноплеменных народов от ига честолюбивого завоевателя. Певец Димитрия, облагодетельствованный вашим благоволением, приемля смелость посвятить вашему величеству сию трагедию, завидует счастию тех певцов, кои чрез столетия, воспламенясь великими деяниями, воспоют кроткое ваше царствование, славу вашего оружия, благоденствие подвластных вам народов и не будут порицаемы лестию. Благодарное потомство будет с восхищением внимать истине их гласов; ибо человеколюбивый и милосердый государь принадлежит не одному веку, но последствию неизмеримому веков.

Всемилостивейший государь,
Вашего императорского величества
верноподданный *Владислав Озеров.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Димитрий, великий князь Московский.
Князь Тверской.
Князь Белозерский.
Князь Смоленский.
Ксения, княжна Нижегородская.
Избрана, наперсница Ксении.
Михаил Бренский, оруженосец Димитрия.
Боярин московский.
Посол Мамаев.
Воины.
Князья русские.
Бояре московские.
Рынды.
Войско русское.
Татары, пришедшие с послом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет шатер великого князя Московского.

Явление первое

Димитрий и прочие российские князья, бояре, военачальники, сидящие и составляющие совет.

Димитрий

Российские князья, бояре, воеводы,
Прешедшие чрез Дон отыскивать свободы
И свергнуть наконец насильствия ярем!
Доколе было нам в отечестве своем
Терпеть татаров власть и в униженной доле
Рабами их сидеть на княжеском престоле?
Уже близ двух веков, как в ярости своей
Послали небеса жестоких сих бичей;
Близ двух веков, враги то явные, то скрытны,
Как враны алчные, как волки ненасытны,
Татары губят, жгут и расхищают нас.
К отмщенью нашему я созвал ныне вас:
Беды платить врагам настало ныне время.
Кипчакская Орда как исполинско бремя
Лежала в целости на росских раменах
И рассевала вкруг уныние и страх;
Теперь от тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздор и все напасти,
Которыми пред сим Российская страна
До расслабления была доведена,
Прешли в сию Орду. Возникли новы ханы,

Отторглись от нее; но алчные тираны,
Едва возникшие, наш угрожают край.
Из них алчнее всех, хитрее всех, Мамай,
Задонския Орды властитель злочестивый,
Восстал противу нас войной несправедливой.
Он к нам уже спешит, и, может быть, сей хан
С зарею завтрашней пред наш явится стан.
Но, видя росских сил внезапно съединенье,
Смутился сердцем он и мыслью впал в сомненье;
Посольство пред собой решился к нам прислать.
Друзья Димитрия, рассу́дите ль принять?
Иль, твердыми пребыв в намереньи геройском,
Мамаю отвечать мы будем перед войском,
Чтоб первый россиян и смелый их удар
Раздался по земле и ужаснул татар?

Тверской

Так, будем отвечать пред войском в ратном поле.
Никто из вас, князья, меня не может боле
Желать отмщения врагам свирепым сим.
Чей род во бедствиях сравняется с Тверским?
Мой дед и прадед мой в мучениях безмерных
Главы сложили в гроб изменою неверных,
И прах стонает их под властию Орды.
Великий россов князь, ты созвал нас сюды
Не с тем, чтобы вступать с Мамаем в договоры,
Но битвою решить и кончить с ним раздоры.
Тверское воинство родитель вверил мне,
Нижегородский князь, участвуя в войне,
Но, древностию лет, не в силах выдти в поле,
Свою отважну рать моей поверил воле.
От устия Оки, от волжских берегов
Привел я храбрых сонм искать, сражать врагов,
Или за веру пасть и лечь за Русску землю.
Когда наградою я Ксению приемлю,
Коль града Нижнего прелестная княжна
Отцом ее мне быть супругой суждена, —
На все опасности отважиться я смею.
Я ждал ее во стан; но съединюся с нею,
Когда велит мне бог с сражения сойти
И в дар ее отцу доспех врага нести.
Все русские князья с отважностию равной

Горят принять мечи и в бой стремиться славный;
Почто же видеть нам Мамаева посла?
Когда приязнь татар быть искренной могла?
Пойдем противу них, сотрем их горды силы,
Или найдем себе здесь славные могилы!

Белозерский

О, сколько счастлив я, до сих доживши дней,
Согласье видя здесь, любовь между князей
И на врагов в сердцах единодушну ревность!
Итак, в отверстый гроб мою склоняя древность,
Почиющим отцам могу надежду несть,
Что восстановится страны Российской честь,
Что возвратится ей могущество и слава.
О тень Владимира, и ты, тень Ярослава,
Родоначальные домов княжи́х главы!
На лоне ангелов возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Как разделенное народов русских племя,
Соединясь душой одной в состав один,
Явится в торжестве как грозный исполин
И миру даст закон Россия съединенна.

(К Димитрию)

Димитрий, для тебя победа несомненна.
Нет, никогда еще в такой обширный стан
Не собирали войск ни дед твой Иоанн,
Ни гордый Симеон, ни кроткий твой родитель,
И белозерских сил я давний предводитель
Не видел, чтоб когда Россия извела
Отважных ратников толикого числа.
Из русских всех князей один Олег в Рязани
Остался в праздности и без участья в брани:
Один на общий стон его бесчувствен слух.
Погибни память тех, которых может дух
Беды отечества спокойным видеть взором,
Иль лучше имя их пускай прейдет с позором
В потомство позднее и в бесконечный стыд!
Но сколь, о государь, успех тебе ни льстит,
Совет, однако ж, мой — принять татар посольство.
И если можем мы восстановить спокойство,
Платя Мамаю дань...

Все князья изъявляют негодование.

Димитрий

О Белозерский князь,
Что предлагаешь ты? чтоб, брани убоясь,
Постыдной податью мы власть признали ханску?

Белозерский

Чтобы щадили кровь бесценну христианску.
Мамая победив, брегися, чтоб Орды
Не съединились вновь для нашея беды;
Брегись, чтоб подвиг сей, нам временно
счастливый,
Не возбудил опять их дух властолюбивый
И чтобы наконец не усмотрел их взор,
Сколь вреден власти их тщеславия раздор,
Который меж собой их ханов разделяет.
Скорей обиженный обиды забывает,
Чем тот, кто их нанес в свирепости своей.
И грабежи, пожар, убийство жен, детей,
Которые на нас татары изливали,
По мненью их, Ордам над нами право дали;
Своею вотчиной они Россию чтут;
Зря наше мужество, нестройствия прервут;
На бедства россиян согласны будут вскоре.
Дай лучше им слабеть в их пагубном раздоре,
Дай нам усилиться средь мирной тишины,
И, отклонив от нас случайности войны,
Ты мир предпочитай победе бесполезной!

Димитрий

Ах, лучше смерть в бою, чем мир принять
бесчестный! —
Так предки мыслили, так мыслить будем мы.
Прошли те времена, как робкие умы
В татарах видели орудие небесно,
Чему противиться безумно и невместно.
Но в наши дни и честь, и самой веры глас
Против мучителей вооружают нас.
Сей глас вещает нам, сей веры глас заветный,
Что павшему в бою венец готов бессмертный,
Что в радость райскую чрез гроб вступает он.
О Сергий, пастырь душ, кого сограждан стон
Толико раз смущал среди молитв пустынных,

Толико слез извлек на участь неповинных,
О ты, который нам, священною рукой,
Явив, благословил сей предлежащий бой!
Из той обители, где дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенят российские сердца
Искать свободы здесь иль райского венца!
Так, лучше жить престать иль вовсе не родиться,
Чем племенам чужим под иго покориться,
Чем званьем данников корыстолюбью льстить.
Сим рабством ли беды мы можем отвратить?
Кто платит дань, тот слаб; кто слабый дух являет,
Тот алчность наглую к обиде призывает.
Но ханского посла согласен я принять
И ввесть пред сонм князей не с тем, чтобы внимать
Татарской наглости постыдным предложеньям,
Но чтоб явить ему готовый дух к сраженьям;
Чтоб мужество читал на ваших он челах,
Содрогся б и пренес во стан к Мамаю страх.

Смоленский

Весь сонм на твой совет согласье изъявляет.

Димитрий

Посланник близ шатра решенья ожидает;
Ты, Бренский, приведи прибывших к нам татар!

Явление второе

Все прежние, исключая Бренского.

Белозерский

Твоим младым летам приличен, свойствен жар,
С которым, государь, стремишься на сраженье:
Любви к отечеству похвальное внушенье!
Ах, дал бы бог венчать свободою нам бой!..
Но я исполнил долг. Покрытый сединой,
Я почерпнул совет не в пылкости сердечной,
Всегда решительной минутой скоротечной,
Но в долгих опытах прожитых мною лет,
И, старец, вправе я нельстивый дать совет.
Он робким кажется, — но смельство нужно вою,

В советах истиной вещать хощу одною.
Посол вступает к нам: Димитрий, не забудь,
Что предлежит тебе избрать надежный путь,
Которым возвести отечество обязан,
Что русский весь народ с твоим глаголом связан.

Явление третье

Русские князья сидящие, Посол Мамаев, сопровождаемый несколькими татарами.

Посол

Российские князья! непобедимый хан
Задонския Орды и всех восточных стран,
И Русския земли верховный обладатель,
Ваш грозный судия, крамольников каратель,
Ту руку, коею нанесть вам должен смерть,
Благоволил еще на благости простерть:
Остановляет он грозящи вам удары,
И за Непрядвою удержаны татары.
С Мамаем девять Орд и семьдесят князей, [1]
С ним страшный исполин, наездник Челубей, [2]
Чья грудь широкая как бы стена средь боев,
Чей меч ужаснее великой рати воев.
Противу наших сил вам можно ль устоять?
Смиритесь лучше вы, рассейте вашу рать,
Отправьте должну дань, покорствуя Мамаю!
Я именем его вам милость обещаю.
Раскаяние зря, решится он простить
И вашу жизнь еще позволит вам продлить.

Димитрий

О дерзостный посол надменнейшего хана!
Обширность видел ты российских воев стана,
Здесь видишь храбрых сонм — и жизнь как некий дар
Нам смеешь предлагать от благости татар!
Но жить еще кому — иль нам, или Мамаю —
Оружие решит; и твердо уповаю,

---

[1] По истории, см. Штриттера.
[2] Одно несчастие Мамая сокрушает,
Что сильный Челубей пронзен в крови лежит,
Лежит и поля часть велику покрывает.
Ломоносов, в трагедии «Тамара и Селим».

Что чудный крепостью и справедливый бог
Поможет нам сотреть гордыни вашей рог;
Поможет нам отмстить убийства, расхищенья,
Пожары, грабежи, все роды истребленья,
Которые от вас Россия пренесла.
Вот ваши подвиги, вот славные дела,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конец правам, добытым через брани.
Осталось мужество единым нам добром,
И хану дань несем не златом, не сребром;
Нет, дани для него мы сóбрали иные:
Мечи булатные и стрелы каленые, —
Пусть оные принять Непрядву перейдет!

Посол

Какая слепота вас к гибели ведет?

Димитрий

Какою алчностью вы к гибели ведомы?

Посол

По праву сильного, все ваши земли, домы
И всё имущество — стяжание татар,
И самый солнца свет — вам ханов наших дар.

Димитрий

Но право храброго мечом отмщать убийство,
Свободу защищать и отражать насильство.

Посол

Или не помните Батыевых побед?

Димитрий

Для мести нам Батый оставил вечный след.

Посол

Страшитесь раздражить Мамая непокорством!

Димитрий

(вставая, и за ним все князья встают)

Татарин! я твоим скучаю уж упорством;
Но, чтя в лице посла народные права,
Презренье мой ответ на дерзкие слова. —

Ты наше войско зрел, решимость нашу знаешь,
Чего же медлишь здесь, чего ты ожидаешь?
Иди к пославшему и возвести ему,
Что богу русский князь покорен одному.

Посол

Иду отсель. Но знай, о князь высокомерный!
Что будет над тобой Мамая гнев примерный!
И от сего часа́, покорствуй ты иль нет,
Наш хан Димитрию пощады не дает.
Для русских всех князей на милость он склонится;
С тобою же никак, ничем не примирится, —
И будет тот владеть престолом и Москвой,
Кто явится к нему с твоей в руках главой.

Бренский

(берется за меч)

Ордынец дерзостный!..

Димитрий

(останавливая Бренского)

Оставь его безумство!
Престола хищника послу прилично буйство.

(К послу)

Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правде враг, тот враг, конечно, мой.

(Подает знак, чтоб татар вывели.)

Явление четвертое

Все прежние, исключая татар.

Димитрий

Вы видели, князья, татарскую гордыню!
России миру нет, доколь ее в пустыню
Свирепостью своей враги не превратят
Иль, к рабству приучив, сердец не развратят
И не введут меж нас свои злочестны нравы.
От нашей храбрости нам должно ждать управы,
В крови врагов омыть прошедших лет позор
И начертать мечом свободы договор.

Тогда поистине достойными отцами
Мы будем россиян, освобожденных нами.

Белозерский

Я прежде, государь, противился войне —
Теперь согласным быть с тобою должно мне.
Какой российский князь пребудет равнодушен,
Словам посла внимав, и, сердцем раб послушен,
Захочет в страхе жить и дни, как цепи, влечь?
Кто склонится на мир, когда убийства меч
Главе вождя князей паденьем угрожает?
Пусть хан тебе даст мир, иль всех нас поражает!

Тверской

Но ждать ли, чтоб Мамай Непрядву перешел?
И нашей храбрости сия ль река предел?
Коль в поле боевом нам суждена свобода,
Во стане ль заключась, ордынцев ждать прихода?
Отважностью, князья, предупредим их труд.
Посольские следы к их стану нас ведут:
Смятенье принесем для них внезапным боем
И ханские шатры их трупами покроем.

Димитрий

Так, там вранáм степным их предадим тела!
Но вечереет день, и храбрые дела
Должны ль сокрыты быть в покровах ночи мрачной?
Ах, нет: чрез ряд веков, как бы чрез ток прозрачный,
Они должны сиять в блестящей их красе.
При первом свете дня, по утренней росе,
Следы горячие к бессмертию проложим
И явностию дел их славу мы умножим.
Тверской, вид мужества носящий на челе,
Начальствуй завтра ты на правом войск крыле.
Крыло же левое пускай ведет Смоленский!
А ты, почтенный муж, князь мудрый Белозерский!
Известный доблестьми, ты полк веди большой.
С сторожевым за лес пусть брат засядет мой
И, выждав случай там к внезапну нападенью,
Способствует врагов к сугубому смятенью.
Но полк передовой я завтра сам веду.

Белозерский

Какую, государь, вещаешь нам беду!
Тебе ль в опасности вдаваться ныне можно
И несть свою главу врагам неосторожно?
Для россов, счастливых правлением твоим,
Младый, цветущий век твой должен быть храним;
И подданных покой в твоей хранится длани.

Димитрий

Мой долг: в день мира суд и мужество в день брани.
Могу ли ратнику сказать «иди вперед»,
Коль духу мой пример ему не придает?
И если бог судил в своем благом совете
Для счастья россиян мне дни продлить во цвете,
Чего страшитеся? Средь вражеских полков
Приосенит меня, как щит, его покров.
Идите же, друзья, и во́йскам объявите,
Что к утру бой решен! Их ярость возбудите,
Пролейте мести жар в ретивы их сердца, —
Кто над могилою иль деда, иль отца
Не плакал о бедах российского народа?
Днесь мщенье предстоит, наградою — свобода;
Надеждой верною бог крепости и сил,
Чей дух израиля в пустыне предводил
И был кто некогда споборник Маккавею. —
Одушевите рать отважностью своею.

Все князья уходят.

Явление пятое

Димитрий и Бренский.

Бренский

Сынов отечества для радостных сердец
Какое чувствие, раздору зря конец,
Который разделял Владимира потомство!
Одних поистине мужей великих свойство
Соединять умы, поставить целью честь
И мысли всей страны своею мыслью весть.
Бояре и князья, народ и воеводы
Через тебя горят желанием свободы;

Разноначальственна Российская земля
Покорна одному, твоим словам внемля.

Димитрий

Счастливее стократ, кто, в неизвестной доле
Рождением сокрыт, в своей свободен воле
И может чувствами души располагать!

Бренский

Прилично ль на судьбу Димитрию роптать!
Иль хочешь возвестить, что мы увидим вскоре
Отечественный край вновь гибнущим в раздоре
И что, души твоей нисшед во глубину,
Усматриваешь ты в ней тайную вину,
Рушительницу впредь российского спокойства?

Димитрий

Вседневна речь твоя.

Бренский

Вседневно без притворства
Глас дружбы будет мой о должности твердить,
Стараться страсть твою несчастну истребить.

Димитрий

Ты не успеешь в том: нет власти столько сильной;
И огнь погаснет мой лишь в хладности могильной.
Мой друг, вид Ксении, прелестнейший сей вид,
Все помышления, весь дух во мне живит;
Им сердце страстное в Димитрии биется,
И смертию одной любовь в душе прервется.
Не осуждай ее: она счастливый дар;
Она произвела сей доблественный жар,
С которым я стремлюсь отечество избавить,
Свободу возвратить и мой народ прославить.

Бренский

Итак, геройский жар, который произвесть
Должны бы звания верховный долг и честь,
В тебе случайный жар, от взора порожденный!
Итак, не зрев княжны, Димитрий униженный
Под игом у татар спокойно б дни провел
И память с жизнию во тленный гроб низвел!

Нет, нет, твои слова любови лишь искусство,
И более тебя твое я знаю чувство
И сколь к отечеству твой предан верный дух.
Не взора страстного мог ожидать мой друг,
Чтобы отважиться на подвиг благородный, —
Довольно для него и горести народной,
Довольно храбрости, носимой им в крови.
Но я б не осуждал сей пылкия любви,
Когда б не видел в ней несчастнейших последствий,
Междоусобий вновь и вновь народных бедствий.
Ты сам реши: Тверской, тебя предупредив,
Родителя княжны согласье получив,
Потерпит ли еще любовь ему совместну?

Димитрий

Почто напоминать души печаль известну!
Так, Ксения ему в супруги суждена.
Но коль союз с княжной любовь свершать должна,
Когда взаимна страсть дает права над нею,
О Бренский, я один всех боле прав имею;
Всех более люблю, все более любим.
Ты не был в храме том, где вдруг глазам моим
Предстала Ксения в день первого свиданья.
Во мне то жар, то хлад, невольны трепетанья,
И вся душа в очах, чтоб зреть ее красы,
Явили, что люблю. В те самые часы
Исчезли в мыслях храм, останки те нетленны,
Пред коими и дочь и матерь преклоненны
Молили пременить на милость гнев небес.
Скорбь матери была виной дочерних слез,
Виной приезда их во град первопрестольный.
С какою прелестью мой страстный дух, довольный,
Чувствительность княжны в слезах ее читал!
Влеком надеждою, молчанье я прервал:
Пред матерью ее признался в страсти нежной.
Ах, взор родившия, сей взор всегда прилежный,
В дочерниной душе взаимность чувств открыл,
И, ею ободрен, уж я в надежде был,
Что брак, противный брак с Тверским, не совершится,
Что страстный пламень мой достойно наградится.
Но сей отрады луч блеснул на краткий час
И с жизнию, увы, княгини он погас.

Болезнь медлительна, в груди носима ею,
Свела ее во гроб с надеждою моею.
Я предприял тогда к родителю княжны
Дочь грустну проводить до Низовой страны
И там, в любви нашед язык красноречивый,
Склонить отца на брак ее со мной счастливый.
Восстал Мамай и, огнь военный воспаля,
Нас вызвал с местию в Задонские поля,
Где образ Ксении, в душе изображенный,
Пред мною носится среди грозы военной,
Где я надежды всей дотоле не лишен,
Доколь ее союз с Тверским не совершен.

Бренский

Надежда тщетная! иль Ксении родитель
Обетов пред концом престанет быть хранитель?
Когда россиянин решился слово дать,
То без стыда ему не может изменять.
Иноплеменникам, корысти лишь послушным,
И сила клятв мала; но россам добродушным
И слова честного довольно одного.
Ты знаешь, что союз сей верен до того,
Что князь Тверской во стан невесту ожидает,
Где Ксении отец для дочери желает
Пред взорами татар воздвигнуть брачный храм.

Димитрий

Не мысли, чтоб княжна могла приехать к нам.
В Москве, где верность мне любови сохраняет,
Судьбы и сей войны решенья ожидает.
Но вижу воина: какую слышать весть!

Явление шестое

Димитрий, Бренский и воин.

Воин

Великий государь, спешу тебе донесть,
Что князя мудрого земли Нижегородской
Младая дочь во стан к нам прибыла задонской.
Шатры шелко́вые средь Низовых полков
Раскинуты ее.

Димитрий, в удивлении и впадая в задумчивость, хранит молчание.

Бренский

(К воину)

Иди!..

(К Димитрию)

Но ты без слов
При вести таковой задумчив пребываешь,
Вздыханья тяжкие в груди своей скрываешь,
И горесть мрачная в чертах твоих видна.
Пред дружбой не таись: хоть с строгостью она
В часы спокойствия о страсти рассуждает,
В часы страдания молчит и сострадает.
Но можешь коль еще совет услышать мой:
От вида Ксении ты взор избави свой!
Наш к утру бой решен, — приуготовься к бою
И с поля с славою, приличною герою,
Спеши в Москву делить народно торжество,
Венец трудов князей!

Димитрий

Чтоб брачно празднество
Сопернику свершить дозволил я спокойно;
Чтоб ярости моей не предался достойно;
Неверной Ксении измену бы терпел!..
По клятвах, кои я в любви ее имел,
Хочу в последний раз предстать перед неверной,
Чтоб укорять ее любовью лицемерной;
Чтоб при сопернике в измене обличить
И ревностью его веселье помрачить;
Чтобы Тверской, моим примером наученный,
Не верил также ей, сомнением смущенный...
Пойдем, уверимся, что я уж не любим.
Но завтра бой... конец мучениям моим.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Оное происходит пред шатрами нижегородской княжны Ксении.

Явление первое

Ксения, Избрана.

Избрана

Какое зрелище для росских воев ново!
Средь стана шумного, где чувствие сурово
Одной питается военною грозой,
Увидят мирный храм и ход блестящий твой,
Который брачными свещами озарится.

Ксения

Избрана! никогда сей брак не совершится,
И в храме для меня свещей печальный свет
Лишь должен осветить монашества обет,
Мне должен быть зарей желанного спокойства.
Приезд в задонский стан — последний долг покорства,
Чем я родителю обязана была.
Но, руку чтоб мою Тверскому в храм несла
И тамо клятвою, с душою несогласной,
Я б утвердила брак для обоих несчастный,
Сказала б, что люблю, что буду век любить,
Как сердце о другом не престает твердить,
Когда Димитрия сие мне сердце страстно
Не престает являть повсюду и всечасно, —
Нет, клятвою такой у брачных алтарей

Язык бы мой солгал пред небом и землей,
И произнесть ее во мне не будет силы.
Обитель тихая, подобие могилы,
Меня пусть скроет в сень священной тишины!

Избрана

Увы, и там сердца страстей не лишены;
И там любезный вид, от мыслей неотступный,
Питать твой будет огнь, пред званием преступный.

Ксения

Но там хотя могу свободно в день страдать,
Свободно в ночь мой одр слезами орошать,
Которые б должна перед супругом гневным
В груди удерживать с усилием душевным,
И горести пред ним как таинство хранить.
Но мыслить не хочу, чтоб небо оскорбить
Могла, любовью я сгорая безнадежно.
Ах, не оно ли нам дарует сердце нежно,
Дает чувствительность, несчастия печать
И в храмы нас зовет, чтоб скорби облегчать?
Там вера кроткая к несчастливым вещает,
Что бог утешитель и слабостям прощает;
И там среди подруг мой будет томный глас
Желанный призывать последний жизни час.
Как сельно былие, от зноя иссушенно,
Так сердце, от тоски любовной сокрушенно,
Прервет биения в груди прискорбной сей,
И вскоре сопрягусь с могилою моей.

Избрана

Ужели молодость погубишь ты во цвете?
Тебе ль с весенних дней иметь лишь смерть
в предмете?
Ах, лучше, Ксения, совет приемля мой,
Сердечны чувствия родителю открой!
И уповаю я...

Ксения

Нет, упованье ложно!
Родитель слово дал; то слово непреложно.
Спросился ли меня иль с сердцем он моим,
Когда предположил мой грустный брак с Тверским?

Под игом у татар мы заняли их нравы,
И пола нашего меж нас ничтожны правы:
Родимся, чтобы несть в терпении ярем
В дому родительском, в супружестве своем,
Которое всегда отцов решится властью,
И редко счастливы четы взаимной страстью.
Еще б надеялась, когда бы нежна мать
Могла плачевну дочь любовью защищать;
Но у меня ее отъяла смерть сурова.
О матерь добрая, на свете без покрова
И беззащитную оставила ты дочь!
Ах, в мертвой тишине, через глубоку ночь,
Которая тебя в могиле покрывает,
Внемли ты ей: здесь мне никто не отвечает;
Здесь грусть мою ценить не можно никому:
И смертный тот один, чье сердце моему
Могло б ответствовать, кто чувство разделяет,
Того мне строгий долг забыть повелевает.
О друг единственный, от смерти пробудись
И тенью легкою вокруг меня носись;
Пролей во грудь мою отраду упованья;
Скажи, что ждешь меня к скончанию страданья;
Скажи, что скоро ждешь; скажи, что близок час,
Который съединить во гробе должен нас.

Избрана

Ах, нет! доднесь еще толь мрачныя печали
Ни взоры, ни уста твои не выражали!

Ксения

Увы, чем ближе день, в который я должна
С моим любезным быть навек разлучена,
Тот день, в который долг мне повелит стараться
И самой мыслию с Димитрием расстаться, —
Тем более тоска тягчит мой слабый дух!
И здесь, во стане сем, где всё вещает вкруг,
Сколь прочих смертных он душою превосходит,
Где к славе россиян он доблестью предводит,
Где всё гласит, что он достоин быть любим,
Где с ним теперь дышу я воздухом одним,
И всё, что восхищать могло б любовь счастливу,
Всё душу то мою терзает здесь тоскливу.

Но ты велела ли Тверскому объявить,
Что вечера сего хочу с ним говорить,
Что жду его сюда? Ах, завтра же, Избрана,
При утренней заре я выеду из стана!

Избрана

С приезда воина послала я к нему.
Но между тем к шатру я вижу твоему
В сопровождении Димитрия идуща.

Ксения

Минута тяжкая и горести несуща!

Явление второе

Димитрий, Ксения, Бренский, Избрана.

Димитрий

(подошед к Ксении, по некотором молчании)

Я вижу Ксению, и сей свиданья час
Печален, молчалив и утомляет нас!
Тебя моим очам смущенною являет,
Мне бедствием грозит и страхи подтверждает:
Так, нет сомнения, отвергнут пламень мой;
Другой уже любим... Увы, но кто другой,
Но кто из смертных всех любить так может страстно,
Как я тебя любил, как я люблю несчастно!

Ксения

Но ты несправедлив!

Димитрий

Несправедлив! скажи...
Моих сомнений мне неправость докажи!
Чтоб голос ныне твой, веселье, прелесть слуха,
Спокоил, утолил во мне смятенье духа.
Один лишь может он мою тоску развлечь;
Как дар живительный твоя мне будет речь.
Скажи, что любишь ты, как ты любила прежде;
Уверь и утверди меня в моей надежде,
Что нас никто, никак, ничем не разлучит.

Ксения

Могущею рукой нас всех судьба влачит:
И, покоряяся родительской я воле,
Во стан сей прибыла...

Димитрий

(прерывая речь ее)

Чего мне слушать боле!
Отцу покорна ты? итак, мой рок свершен!
Страшиться нечего, мой страх уже решен.
Но пре́зреть страсть мою тебе казалось мало:
Жестокости твоей того недоставало,
Чтобы свидетелем Димитрию здесь быть,
Как будешь ты собой соперника дарить.
Но столько ж прав, как он, я над тобой имею:
Он избран стал отцом; я избран был твоею
Умершей матерью перед концом ее,
И более еще согласие твое,
Обет твоей любви дают права бесспорны.
Но укоризн не жди за клятвы те притворны, —
Мне укорять тебя недостает речей.
Но брак остановить довольно здесь мечей;
К защите прав моих довольно рук, готовых
Против тиранов стать бесчувственных, суровых,
Располагающих любовию твоей.
И горе будем им! Во ярости моей
На брань, на люту брань пойду, мой стан подвигну
И твоего отца я местию достигну.

Ксения

Постой, о государь! куда стремишься ты!
И ревности куда влекут тебя мечты?
Иль хочешь ты в своем свирепом исступленьи
К несправедливости прибавить преступленья?
Иль хочешь, пагубный воспламеня раздор,
Явить татарам здесь отечества позор,
Приуготовить им победу несомненну,
Россию под ярем вести окровавленну?
О ты, поставленный щитом ее, главой!
Ах, нет, пред страшною напастью таковой,
Пред тем, как россов вождь бесславьем посрамится,
Пускай рука твоя сразить меня стремится!

Не дай увидеть мне бесчестья твоего!
Ты, небо, ведаешь, любила ль я его!
Внимало вздохам ты, мои считало слезы,
И слышишь ныне мне Димитрия угрозы!
Жестокий, дочь губив, отцу грозить возмог.

(К Димитрию)

Но мщению какой ты можешь дать предлог?
Обетом ли с тобой мой был родитель связан;
Отчетом ли тебе о дочери обязан;
Не властен ли всегда он мной располагать;
Хотя несправедлив, тебе ли обвинять?
Несправедлив ко мне, к своей единокровной:
Одна я жертвою, и жертвою безмолвной.
Но сколь ты сам неправ, сколь ты жесток, познай...
Тверской сюда идет: умеря гнев, внимай!

Явление третье

Все прежние и Тверской.

Тверской

О мила Ксения! О, день, стократ счастливый,
В который взор, тебя узреть нетерпеливый,
Остановляется на красоте твоей;
В который может он от чувств души моей
Без речи выражать любовь и восхищенье!
Любовь...

Ксения

Прерву твое любовно изъясненье;
Гордиться оным я напрасно не хочу
И слово на предмет важнейший обращу.
Обещана тебе еще в такие годы,
Как выходила я едва из рук природы,
Когда едва себя я знать еще могла;
Вражда против татар той связию была,
Которая наш род с Тверскими согласила;
Нам общая вражда наш брак предположила:
И мудрый мой отец, в тебе потомка зрев
Князей, которых гнал татар свирепый гнев,

Решился чрез меня, пред русским всем народом,
Соединить свой род с достойным вашим родом.
Не мог того свершить во время тишины;
Он брак назначил наш средь шумныя войны,
Среди случайностей кровопролитных боев,
Пред сонмом всех князей, пред сонмом храбрых воев,
Чтоб радостный их клик нас к храму провожал
И новым бедствием ордынцам угрожал,
Чтобы сей громкий клик, наместо песен брачных,
Врагам предвестник был дней горестных и мрачных.

Тверской

Как счастлив твой приезд: нам к утру сказан бой.
И я надеюся, что завтра сей рукой,
Ордынцев кровию рукою обагренной,
Ко браку поведу тебя во храм священный,
И там, увенчанным мой видя страстный жар,
Я снова поклянусь в вражде против татар!

Димитрий

(в сторону)

О гнев! Мне должно ли еще хранить молчанье!

Ксения

(к Тверскому)

Не всё сказала я: умножь свое вниманье!
Враждою, государь, предположенный брак
Полезным может быть, но радостным никак:
Взаимная любовь в нем счастье утверждает
И узы брачные весельем облегчает;
Но без нее, увы, для связанных сердец
Союз — как тяжка цепь и брак — тернов венец,
Венец вздыхания и долгой муки лютой,
Котора кончится лишь смертною минутой.
И я б коварною перед тобой была,
Когда б за страсть твою во храм тебе несла
И руку трепетну, и сердце, чувством хладно,
И в дом бы твой ввела прискорбье безотрадно.
Нет, государь, познав, что никогда душей
Я не могу любви ответствовать твоей,
Укроюсь навсегда в священную обитель.

Димитрий

Что слышу!

Тверской

Небеса! Иль слово твой родитель...

Ксения

Он слово данное исполнил пред тобой.
Всю власть, природою врученну надо мной,
Он истощил уже твоей в угодность воле —
И робку дочь его ты зришь во бранном поле.
Но власть отцовская, как оставляем свет,
У врат обители слабеет и падет,
Обеты на устах остановить несильна;
И нас там веры сень, как темна ночь могильна,
Скрывает навсегда от всех мирских властей.
Я бы могла пред тем еще прибегнуть к ней,
Как путь несчастливый в стан здешний предприяла,
Но оправдать отца перед тобой желала.
Не осуждай его, одну вини меня:
Одна я рушу брак... и с завтрашнего дня
Ко гробу для живых путь грустный предприемлю.

(К Димитрию)

А ты, свидетель здесь, как покидаю землю,
Как покидаю всё, что сердцу льстить могло,
Чтоб не краснелося родителя чело,
Поведай ныне всем, что я виной разрыва,
Что жизнь для Ксении была как тоща нива,
На коей гибнет злак, на коей сохнет цвет,
На коей для меня надежды боле нет!
Поведай, что сняла одежды я венчальны
И пременила их во вретища печальны,
Что в гробовой союз преобратила брак
И сана светлый блеск в смиренный скрыла мрак.
Поведай, что иду в обитель не к покою,
Но чтоб свободнее беседовать с тоскою,
С тоскою... коей здесь обременяю вас...
Иду, чтобы сокрыть мой плач от ваших глаз.

Ксения и Избрана уходят.

Явление четвертое

Димитрий, Тверской и Бренский.

Димитрий

(тихо к Бренскому)

Речь каждая ее мне сердце раздирает!

Бренский

(тихо к Димитрию)

Скрывай свою печаль: соперник примечает.

Тверской

Как громом поражен... Реши, Димитрий, мне:
Что видел, слышал я, то въяве ль иль во сне?
Ты, взоров, слов княжны свидетель беспристрастен,
Скажи, уверь меня, я точно ли несчастен?
Я точно ль не любим, и в горестный сей день
Надежда вся моя исчезла ли как тень?
Меня ли Ксения, о небо, оставляет?

Димитрий

Тебя ли одного? свет целый покидает. —
Ее отцу, тебе, земле Российской всей
Осталося жалеть и слезы лить о ней.

Тверской

Лить слезы и сносить ее премены нрава!
От данного отцом мне отступиться права!
Терпеть ее отказ и вместе с ним мой стыд,
Который на себя всех взоры обратит!
Нет, нет! и Ксения напрасно оным льстится;
Наш брак назначен здесь, он здесь и совершится.

Димитрий

Что предприемлешь ты?

Тверской

Что раздраженна честь
И оскорбленна страсть велят мне произвесть.

Моею пленницей здесь Ксению оставлю;
И завтра, с боя сшед, здесь брачный храм
поставлю;
И завтра, в торжестве перед лицом небес,
И не смотря на грусть и токи горьких слез,
Любим иль не любим и волей или силой,
С моей судьбой свяжу я век ее унылый.

Димитрий

Не помышляешь, князь, в намереньи своем,
Что ты препятствия найдешь во стане сем;
Что здесь для Ксении защитники явятся,
Которы ярости твоей не устрашатся.

Тверской

Кто будут дерзкие? и кто...

Димитрий

Я.

Тверской

Ты?

Димитрий

Я сам.
Не потерплю, чтоб вел ее кто силой в храм;
И, помня честь и долг, ее приличны роду,
Димитрий защитить готов ее свободу.

Тверской

Но кем она была тебе поручена?
Суждéнна мне отцом и мне обручена...
Один располагать могу ее судьбою
И не обязан в том отчетом пред тобою.
Тебя главой признал российский сонм князей;
Но, в брани вождь, ты мне не можешь быть
судьей.
С каких же хочешь прав?..

Димитрий

С каких я прав?..
Довольно
И ясно я сказал, что ты княжну невольно

Во храм не поведешь... Прими сей мой совет!
Прости!

(Хочет идти.)

Тверской
(останавливая Димитрия)

Постой и мне свой объясни ответ!
Дай боле мне причин тебя возненавидеть!
Скажи, соперника ль в тебе я должен видеть?

Димитрий

Коль тайну ты проник, не скрою, что люблю:
Суди чрез то, как я от слов твоих терплю!

Тверской

Угодна ль Ксении любовь толь чрезвычайна?

Димитрий

Угодна или нет, ее то лична тайна.

Тверской

Так тайну мысль мою, Димитрий, ты познай.
На поле боевом нас завтра ждет Мамай:
Судьба твоей главы должна в бою решиться;
Но силою моей коль хочешь подкрепиться,
Склони ты Ксению на брак ее со мной,
Чтоб мне вручилася соперника рукой.—
Уверен, что над ней власть полную имеешь
И убедить ее, конечно, ты успеешь;
Не то в сию же ночь с полками отступлю.

Димитрий

Я помощи твоей бесчестьем не куплю.
Одну ль мою несу я завтра в бой судьбину?
Несу отечества колеблему годину.
Коль слаб душой, иди, умножь число князей,
О коих вся молва, что жизнию своей
Без пользы обществу тягчили только землю;
Иди — удерживать тебя не предприемлю.
Довольно сильных рук и храбрых здесь сердец,
Готовых разделить победный мой венец.

Тверской

Итак, покину стан, коль ты того желаешь.
Но самовластвовать ты рано начинаешь.
Пойду и всем князьям наш объявлю раздор:
Брегися, мой пример открыть им может взор.

Тверской уходит.

Явление пятое

Димитрий и Бренский.

Бренский

Чего страшился я, то ныне совершилось!
На край погибели отечество склонилось.
Что сделал, государь?

Димитрий

Скажи ты лучше мне,
Чего не сделал я! Тверской грозил княжне:
И я, против угроз любовник хладнокровен,
Остался б терпелив, остался бы безмолвен,
И здесь, в глазах моих, позволил бы ему
Предаться наглости и гневу своему?
Ах, нет! Не от него ль, в свои цветущи годы,
Несчастна Ксения лишается свободы,
В обитель кроется и покидает свет?
Но, Бренский, ей нельзя позволить сей обет:
Ее погубит он, меня погубит с нею,
И сердцем жизнь ее сопряжена с моею.
Мне должно Ксению от мысли сей отвлечь.
Пойдем... Ее склонить, любовь, внуши мне речь!

Бренский

Не внемлет боле мне, своей предавшись страсти.
О небо, отврати грозящи нам напасти!

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Театр представляет шатер первого действия.

Явление первое

Тверской, Белозерский и прочие князья.

Тверской

О Белозерский князь, о храбрые друзья!
В угодность только вам сюда вступаю я,
В шатер Димитрия, кого я ненавижу,
Кого в последний раз здесь, может быть, увижу.
Довольно гордый дух известен мне его,
Чтоб примиренья с ним мог ждать я моего.
Не покорит себя он вашему совету.

Белозерский

Пред всем отечеством подвергнется ответу,
Когда, любовь свою вменяя нам в закон,
Еще упорствовать в неправде будет он,
Коль Ксении судьбу твоей не вверит воле.

Тверской

Не должно бы о ней и помышлять мне боле,
Коль, мне сужденная родителем своим,
Могла, забывши долг, прельщенна быть другим,
Коль, сердцем неверна и мыслью малодушна,
Любовной слабости является послушна,
Когда за страсть мою наносит мне позор.

Спокойно б должен был мой ныне видеть взор
Остановлённый брак и торжество венчально,
Ее к обители отшествие печально,
К обители, где грусть, снедающа ее,
Ей поношение отмщала бы мое,
Где б о любезном мысль ей всякий день отмщала,
Где б красота ее день всякий увядала,
Где б блеск ее очей с тоски погас, исчез
И на чертах следы б отлились горьких слез.
Но для соперника того к страданью мало:
Чтоб в грусти ничего ему недоставало,
Чтоб в полной мере дух исполнить в нем тоской,
Хочу, чтоб видел он союз здесь брачный мой.
И пылкой в нем души чтоб помыслы ревнивы
Являли дни мои, любовию счастливы;
Мои веселия в уме б своем считал,
Воображал бы их и ими бы страдал.
Познайте из сего, что не любовь, но мщенье
В сем браке для меня предвидит восхищенье.
Хоть в оном не найду я нежностей отрад,
Но в грудь Димитрия пролью мученья яд.
А вы, в моем лице все ныне оскорбленны,
Вы будете, как я, достойно отомщенны,
И самовластию преткнете первый шаг.

Смоленский

Конечно, сам Мамай, жестокий россов враг,
Толико для князей не может быть ужасен,
Как тот из-между нас нам должен быть опасен,
Кто властолюбием свой дух возмог прельстить
И нас под свой ярем желает покорить. —
Ордынец в алчности, горя любостяжаньем,
На злато россиян свой взор стремит с вниманьем;
Но самовластному не злато лишь предмет:
На все деяния цепь тяжкую кладет;
Путями скрытыми находит он искусство
Поработить и мысль, поработить и чувство,
И мы б увидели в одних его руках
И собственность, и жизнь, и милость нам, и страх.
Ах, нет, не для того сражаться мы готовы,
Чтоб нам переменить несомые оковы,
Чтобы владычества переменить кумир, —

И лучше от татар принять хочу я мир,
Чем родом равного себе владыкой видеть.

Белозерский

Как ты, Смоленский князь, я б должен ненавидеть
Верховну над собой, самодержавну власть,
Под кою, о князья, страшитесь вы подпасть,
Но к избавлению страны отцов от бедства
Без власти сей для нас надежного нет средства. —
Славянски племена, столь сильные числом,
Столь храбрые душой, зрят ныне над челом,
Поникшим в горести, ярем иноплеменный,
Гнетящий их главы, несчастно разделенны.
Но вспомните, друзья, российску прежню мощь,
Как с внуком Рурика подвинулась полнощь
На земли южные, на полуденны воды,
Где предков мужеству поддалися народы!
Тогда один был вождь стране Российской всей,
Теперь князей числом считаем мы вождей;
Тогда в владычестве мы дани налагали,
Теперь мы платим дань и в цепи рабства впали.
Тогда россиянин, достойно горд и смел,
Отважности своей знавал ли в чем предел?
Теперь ни засеки, леса непроходимы,
Ни степи дикие, вокруг неизмеримы,
Где водные струи не повстречает глаз,
От наглости врагов не защищают нас.
С блестящим веком тем сравнив наш век печальный,
Не должно ль власти нам желать одноначальной?

Тверской

Иль речью таковой ты хочешь нам внушить,
Что пред Димитрием мы дóлжны преклонить
Главы, послушные присвоенной им власти,
И чтить в молчании его порывны страсти?

Белозерский

Ах, нет, — тем мене он быть может извинен,
Что, с свойствами души геройскими рожден,
Нас мог бы уловить под сень своей державы,
Спасти отечество, вознесть на степень славы;

И он, неправдою нам власть знаменовав,
Явил, что уважать не хочет наших прав.
Когда ж вину свою усилит он упорством,
То первый я готов послать с моим покорством
К Мамаю гордому платиму прежде дань.

Тверской

А мне, хоть честь велит прервать с Мамаем брань,
В сраженье не входить и выступить из стана,
Но честь сильнейшая не позволяет хана
О мире мне просить, владычество признать
И данником его с позором отступать.
Московский князь мне враг; обижен им несносно,
Сражаться за него мне было бы поносно.
Татарин россам враг, и мира никогда
Мне от него принять не можно без стыда,
Не изменив отцам, несчастно убиенным,
Которых прах в гробу лежит неотомщенным.
И тем виновнее Димитрий предо мной,
Что случая меня лишит моей рукой,
Рукою яростной ордынцев здесь постигнуть
И мести памятник из их могил воздвигнуть.

Смоленский

Прервем мы нашу речь; идет Димитрий к нам.

Явление второе

Все прежние, Димитрий и Бренский.

Димитрий

(не видев Тверского)

Сподвижники мои, я возвещаю вам,
Что, в нощи скрыв свой ход и нас предупреждая,
К нам вражески полки приближились Мамая.
Неизмериму степь палящи их огни
Являют, сколь числом несчетны суть они.
Но сердце робкое число врагов считает,
А храбрый никогда о том не вопрошает;
И брата моего к засаде я послал,
Чтоб он Мамаевы движенья наблюдал.

Тем боле подлежат нам меры осторожны,
Что части наших сил лишиться ныне должны;
Тверской...

Тверской

Он здесь еще. Не повторяй того,
Что знают уж они от гнева моего.

Димитрий

Коль знают, так почто ж отечества любезна
Меж истинных сынов зрю сына бесполезна?

Тверской

Ты более дивись, что сонм князей, познав
Твой самовластный дух и твой надменный нрав,
Не отступил еще; что здесь один средь стана
Не остаешься ты на жертву мести хана.

Белозерский

Так, не отступим мы, когда Димитрий вновь
Докажет нам свою к отечеству любовь;
Когда явит в сей день нам опыт несомненный,
Что всем он жертвует для сей любви священной.

Димитрий

О Белозерский князь, что значит речь сия?

Белозерский

Что ныне чрез меня все требуют князья,
Чтоб распрю ты с Тверским, возжженную киченьем,
Окончил искренним и скорым примиреньем
И брак его с княжной был оному б залог.

Димитрий

Кто? я чтобы сей брак ему позволить мог?
Чтоб взор иль мысль моя ко храму провожали
Плачевну Ксению, влекомую в печали,
Где горестной княжны соперник будет мой
Все слезы примечать, пролитые тоской,
Чтобы за каждый стон, за каждое вздыханье
Ее в супружестве усугубить страданье?
Нет, примирения предложенного с ним

Нельзя мне утвердить несчастным браком сим,
Которого от вас он требует для мести,
Который допустить не должно вам из чести.
Так, верьте, что хотя б я Ксении не знал,
В ней счастья моего хотя б не полагал,
То честь, для храбрых душ источник чувств
обильный,
Внушила б мне союз остановить насильный
И, к избавлению от горестей и мук,
Исхитить Ксению из ненавистных рук.
Для сильных на земле долг первый, знаменитый
Невинных охранять и слабых быть защитой.

Смоленский

Но как нам Ксению невинною признать,
Коль чувств своих отцу не хочет покорять
И отвергает брак, его противясь воле?

Димитрий

Ее родителя вы в том вините боле,
Который против чувств сей брак назначить мог.

Смоленский

Коль он несправедлив, ему судья в том бог;
Но детям на отцов меж нами нет расправы;
Не нам его винить.

Димитрий

Обидными чту правы,
Которы делают тиранов из отцов
И вводят их детей в роптание рабов.

Белозерский

Те правы, государь, суть первые в природе,
Священны там еще, где нравственность в народе.
Чтобы о них судить, ты прежде будь отцом,
И святость оных прав познаешь ты потом
Не рассуждением, холодных душ искусством,
Но верным, истинным, горячим сердца чувством,
Без коего нельзя измерить силу слов
Отца, приведшего во цвете шесть сынов,
В которых бог судил родительскому взору
Зреть старости моей отраду и опору

И в коих ныне я к сражению татар
Сокровище отца несу гражданам в дар.
И ты ль отечеству, о князь неправосудный!
Откажешь жертвовать любовью безрассудной?

Димитрий

Не ясно ли, князья, я вам уж объявил,
Что если б Ксению и страстно не любил,
То чести мне одной довольно б было ныне,
Чтобы противостать грозящей ей судьбине,
Чтоб быть защитником несчастныя княжны?
Какая нужда в том для Русския страны,
Получит ли Тверской сию княжну в супруги,
Иль сердце склонное найдет иной подруги,
Иль, бесполезно жив, безбрачный кончит век?
Вниманья общества достоин человек,
Когда заслугами был оному полезен;
Того и самый род отечеству любезен.
Но чем любовь граждан соперник заслужил?
Иль тем, что ныне, нас своих лишая сил
И вам, отечеству и долгу изменяя,
Бежит, как робкий вождь, от ярости Мамая?

Смоленский

Так пусть Димитрий всех нас робостью винит;
Все отступаем мы... Но не Мамай страшит:
Хотя б татарских Орд с собой привел он боле,
Хотя бы витязьми покрыл широко поле,
Бестрепетно сразясь и в их упав рядах,
Потомства бы хвалу привлек наш славный прах;
Но пременять почто печальну нашу долю,
Когда готовишь ты нам пущую неволю?

Димитрий

Неволю, вам! не я ль извлек свободы меч,
Чтоб вековую цепь неволи вам пресечь?

Смоленский

И самовластным быть... Что пользы или нужды,
Что ты с отечества сорвешь оковы чужды
И цепи новы дашь? Раздор с Тверским пример,
Что власти ты своей не полагаешь мер.

Димитрий

Причина личная сему меж нас раздору,
И вашему она не подлежит разбору;
Не приглашаю нам судьею никого.

Смоленский

Но мы оскорблены тобой в лице его:
Нам всем грозишь, к нему явясь неправосуден.
Властолюбивому шаг первый только труден;
Но беспрепятственно коль шаг ступил один,
Стремится к цели он, и скоро властелин.
Иль примирись с Тверским, иль ныне же с Мамаем
Мы заключаем мир и с поля отступаем.

Димитрий

Вы властны отступить; но я неколебим:
Чем боле мне угроз, тем мене примирим.

Белозерский

Когда наш общий глас бессилен над тобою,
То сжалься, государь, хоть над своей судьбою!
Нам к миру путь открыт... Послав к Мамаю дань,
Умолим гнев его, отклоним грозну брань
И в домы отчески мы с миром возвратимся.
Но что предпримешь ты, коль ныне удалимся?
Ордынцам можешь ли один противустать
Иль мира для себя от хана ожидать?
Мамай, душой свиреп, к тебе неумолимый,
Не возвестил ли нам, что враг непримиримый
Димитрию он стал, что гнев окончит свой
Над павшею твоей кичливою главой?
В сраженьи смерть найдешь и в бегстве гибель равну...

Димитрий

В сраженьи смерть найду, но смерть завидну, славну
И предпочтительну той жизни, кою стыд
Побега вашего по гроб обременит.
Идите: вас от клятв я ныне разрешаю;
Сложите верность мне, покорствуйте Мамаю,
Влачите на себе неволю и позор.

Но, верные рабы, свершите приговор
Сего властителя, над мною изреченный:
Купите мир главой, им к смерти осужденной;
Сей дар ему от вас достойно удружит.
Тверской, твоей руке сей дар принадлежит:
Сорви мою главу, коль смелости довольно,
И, сердце ты свое увеселив крамольно,
Спеши к Мамаю с ней и данью похвались!
Иль, лучше, с оною пред Ксению явись!
Заставь ее над сей главой окровавленной
Произнести обет любови принужденной.
Но знай, и здесь тебе пред всеми я клянусь,
Что, искры жизненной доколе не лишусь,
Доколь главу ношу, ты Ксению дотоле
Не поведешь, Тверской, ко храму поневоле.

Тверской

Димитрий, долго здесь терпение храня,
Слова твои сносил обидны для меня;
С намереньем молчал и время дал свободно
В речах твоих излить тебе киченье сродно:
Всю меру ты моей надежды совершил
И сердца гордостью судьбу свою решил.
Доволен, не хочу здесь оставаться доле;
Терпенье, может быть, в моей не будет воле:
Иду отсель. Но верь, что без руки моей
Паденье скорое найдешь главе своей.
Мечом татар моя изгладится обида;
И бледная глава, безмолвна и без вида,
Вонзенна на копье, к смирению сердец,
Покажет гордости погибель и конец.

(Уходит.)

Смоленский

Почто же нам, друзья, здесь доле оставаться?
Склонить Димитрия не тщетно ли стараться?
Его гордынею отвергнут наш совет,
Стремится в пропасть он: пусть в оную падет!
От участи его мы отделимся ныне
И покорим главы Мамаю и судьбине.

Уходит, за ним все князья следуют.

Явление третье

Димитрий, Белозерский и Бренский.

Белозерский

Итак, свободы луч, сей дар благий небес,
Нам временно блеснул и молнией исчез!
И храбры воины, с надеждою приятной
За Дон стремившися, предпримут путь возвратный
С печалию в душе, с позором на челах
И в домы принесут смущение и страх
И цепи тяжкие сугубыя неволи!
Такой ли, государь, ждала Россия доли,
Под знамена твои собрав своих сынов
На поражение давнишних ей врагов,
К завоеванию и чести, и свободы,
По коих, рабствуя, вздыхает многи годы
И кои были ей терпения предмет?
Но в день, но в час один надежду стольких лет
Опровергаешь ты неистовым упорством,
Ты, первый вождь ее, ты, коего геройством
Одушевилися князья, народ, весь край,
Кого во брани сам вострепетал Мамай,
Покрыв тот трепет свой гордынею суровой.

Димитрий

Коль, смерть в бою приняв, возмог бы жизнью новой
России жертвовать, пожертвовал бы вновь,
И в дар отечеству пролить в сраженьи кровь
Не только долгом чту, за первую чту славу.
Но Ксению предать насильственному праву
И беспокровной здесь в защите отказать,
Не для отечества, Тверскому угождать
И вам, колеблемым сомненьем неизвестным, —
Такою слабостью я б сделался бесчестным.
А в чести, князь, моей не властен я и сам.
Пример принадлежит потомству и векам.
И только я могу Мамая встретить в поле
И, мстивши, умереть.

Белозерский

Димитрий может боле:
И, волею своей полки соединив,

Россию свободить, Мамая победив.
С московским воинством против татарской силы
Не мщение найдешь, но верныя могилы,
Могилы хладныя, где бесполезну смерть
Из памяти должны текущи годы стерть.
Но муж, отечеству доставивший свободу,
Благотворителем останется народу,
Доколе стогны сел пременой вековой
Не порастут везде пустынною травой
Или доколь сердцам, от плевел развращенным,
Не будет на земли ничто уже священным.
Помысли, государь! Князей еще на час
Удержит, может быть, просительный мой глас;
Я к ним теперь спешу, чтоб убеждать их снова,
И буду от тебя согласного ждать слова.
Не дай, Димитрий, мне на старости моей
Оплакивать конец твоих цветущих дней
И с мыслью в гроб сойти, что вновь, на долго время,
Татарского ярма на вые росской бремя,
Что в глубине могил с отцами будет прах
Делить отечества и плач, и стон, и страх,
Что придут сироты и горестны вдовицы
Смущать наш смертный сон и тишину гробницы.

(Уходит.)

Явление четвертое

Димитрий и Бренский.

Димитрий садится в молчании и задумчивости.

Бренский

Или ничто тебя не может убедить?

Димитрий

О Бренский, ты вотще мне будешь говорить!
Нет, после слышанных в сей день речей угрозных
Я не могу принять ничьих советов поздных.
Но, осуждая нрав иль страсть мою виня,
Оставить можешь ты в погибели меня.
Иди, умножь число крамольныя дружины
И дай в бою искать сужденной мне кончины!

Бренский

Советов, государь, не стану повторять.
Что дружба нежная тебе могла сказать,
Вражда и гнев князей язвительно сказали
И пропасть, под тобой лежащу, указали.
Но где советами скучают наконец,
Там скромный друг молчит, не так, как подлый льстец,
Который свой кумир в несчастье оставляет,
Но так, как друга тень, с ним вместе погибает.
Стремишься ты на смерть — и я стремлюсь с тобой
И часть мою с твоей не разлучу судьбой.

Димитрий
(вставая)

Приди в объятия, о сердца друг надежный,
Во счастье строгий мне и в злополучьи нежный!
Погибнем вместе мы среди врагов в бою,
Но жизнь в цене драгой им отдадим свою!
Чтобы их тел вкруг нас не мог и взор исчислить;
Погибнем... Но почто нам унывать и мыслить,
Что неизбежна смерть в сраженьи предлежит?
Я с воинством еще: так пусть Мамай дрожит!
Мой брат Серпуховской остался долгу верен,
Полков московских дух чрез опыты измерен,
Против татарских орд не первый их поход;
Иду, чтобы собрать бояр и воевод
И возвестить князей постыдно отступленье.
А ты иди к княжне, и ревности стремленье,
Которым Ксению я столько огорчил,
Прощенья коему еще не получил,
Ты оправдай пред ней моим о том страданьем,
Чтобы утешила она меня свиданьем,
Которо с строгостью отказывает мне.
Скажи, о верный друг, изобрази княжне,
В каком отчаяньи паду мечом Мамая,
Под гневом Ксении несчастно умирая.
Но дух коль ободрит хоть взором лишь одним,
Могу любить я жизнь и быть непобедим.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Театр представляет сборное место среди лагеря и близ шатра Димитрия. Действие продолжается в конце ночи перед рассветом.

Явление первое

Димитрий и воин.

Димитрий

Допрошен ли уж был начальник полоненных,
От войск сторожевых отрядом приведенных?
Известна ль мысль его и кто ордынец сей?

Воин

Он рода знатного, он из числа князей,
Пришедших на грабеж под бунчуки Мамая;
Неосторожными найти нас уповая,
Для поисков ночных он предводил татар —
Вот всё, что знаю я. Но сонм твоих бояр,
Пред коим, может быть, ордынец сей признался,
Окончив думы час, в шатре твоем собрался.

Димитрий

Зови бояр сюда!

Воин уходит.

Здесь обещал я ждать
Возврата Бренского. Надежду ли терять?
Ночь клонится к концу, и близок час рассвета,
Кровавый битвы час; и Бренский мне ответа
Еще не мог принесть; еще не знаю я,
Мила ли Ксении тосклива жизнь моя

Иль, равнодушен ей и вовсе злополучный,
В сей день желать конца я должен жизни скучной
И без надежды мне стремиться должно в бой,
Чтобы отчаянье скрыть ночью гробовой?

Явление второе

Димитрий и московские бояре.

Димитрий

Опоры твердые престола и державы,
Советный дух князей, лучи их прочной славы,
Которых мне избрал не собственный мой глас,
Но указал народ молвой своей о вас —
Ценитель доблестей, и часто справедливый, —
Бояре, решено ль? От рати злочестивой
Еще ль хотите вы, чтобы я шел чрез Дон?
Иль, мужества приняв единственный закон,
Не лучше ль, ни на шаг пред ней не отступая,
С отважностью идти во сретенье Мамая?

Боярин

Хоть прежде, государь, совет твоих бояр
И предлагал тебе от ярости татар
Наш стан перенести чрез быстры Дона воды,
Где переправа им, препона от природы,
Остановила бы стремление их сил;
Но пленник нашу мысль признаньем просветил:
Постыдно будет нам от боя уклоняться,
Когда священный долг и честь велят сражаться.

Димитрий

Какую ж тайну вам ордынец сей открыл?

Боярин

Что хан посольские угрозы подтвердил;
Что, русской смелости признав тебя душою,
Он обещался брань не прекращать с Москвою,
Доколе не сорвет с главы твоей венец,
Доколе сей главы не сокрушит вконец
И оной в ярости, для трепета вселенной,
Не выставит в Орде залог окровавленный.
Татар воспламенил свирепостью своей;

И, гордый силою, огромный Челубей
Мамаю поклялся словами Алькорана
Димитрия главу повергнуть перед хана.
Живым ли, государь, ту наглость нам терпеть?
Нет, лучше средь врагов с оружьем умереть.

Димитрий

Не столь легко, друзья, надменну Челубею
Сорвать мою главу и похваляться ею!
И, бога браней я на помощь нам призвав,
Сражусь, и ниц падет сей новый Голиаф.
Исчезнет дерзких путь, сотрется мощь строптива,
И с шумом память их погибнет нечестива!
Не в сонме сил земных, но в правде явен бог.
И ваш ордынцам меч то доказать возмог,
Когда с Бигичем их он поражал на Воже.
Тот самый с нами бог, и мужество в нас то же, —
Так смертью ли смущать и мысль и тверду грудь?
Мечи к победе нам прольют кровавый путь.

Боярин

Победы, государь, для нас надежда тщетна.
Как зимней вьюги снег, так рать врагов несметна,
И сборно воинство российских всех князей
Едва противостать могло бы ныне ей.
Но мы, оставленны большою войска частью,
Не устрашаемся грозящей нам напастью;
На верну смерть течем, как к морю сонмы вод.
Где, благостью князей блаженствуя, народ
В владыках зрит любовь отечественной славы,
Там в них он признает отцов священны правы,
И подданные там не так, как их рабы,
Которы, от премен ждав лучшия судьбы,
В день брани преклоня и выи и колена,
О жизни молят лишь и не стыдятся плена.
Но так, как дети их, ордынцев презря меч,
За честь своих князей костьми готовы лечь, —
На смерть решительно так мы идем с тобою.

Димитрий

Умрем, коль смерть в бою назначена судьбою;
Не преживем, друзья, надежды лестной той,

Чтоб свергнуть с нас ярем отважною рукой!
Пусть цепи тот влачит, кто их сорвать не смеет!
В могиле нет оков, там звук цепей немеет.
Умрем как храбрые — и, в память наших дел,
Чтобы надгробный дерн над нами зеленел;
Чтоб робкого стопы к нему не прикасались
И праху мыслию потомки поклонялись.
Грядущи времена, сокрытые от нас,
Судьями наших дел я призываю вас!
Вы будете ценить наш подвиг знаменитый.
И коль свободы днесь мы слабою защитой,
Когда отечества не можем мы спасти,
Хотим себя в его паденьи погребсти;
Но память пусть живет: в пример ее почтите!
Бояре мудрые, вы к воинам идите,
Устройте их ряды, и, как наступит час,
Пусть битву возвестит войнский трубный глас!

Бояре уходят.

Явление третье

Димитрий
(один)

Когда надежды нет, отечество любезно,
Чтоб было мужество мое тебе полезно,
Коль рабствовать еще тебе назначил рок, —
Над бедствием твоим пролью не слезный ток,
Но с жизнию моей последню каплю крови.
А ты, о Ксения, предмет моей любови,
Без коей бытия сносить бы я не мог,
Ты в мыслях от меня последний примешь вздох.
Когда б себя меж вас делить имел искусство,
Всю жизнь отечеству и Ксении всё чувство
Я с восхищением навеки б посвятил;
Ах, что я говорю: я б их не разделил;
Но вместе вы в душе моей соединенны,
Вы вместе милы мне, вы вместе мне священны,
И в роковой сей день покинут я от вас!
Но шум... Зрю Ксению! благополучный час!
Мамай, вострепещи: я с жизнью примиряюсь.

Явление четвертое

Димитрий, Ксения, Бренский, Избрана.

Ксения

К тебе, о государь, в отчаяньи являюсь.
Скажи, правдива ль весть, правдив ли общий
слух,
Которым сокрушен мой слабый ныне дух?
То правда ль, что от всех Димитрий оставляем,
Что клонят все князья главы перед Мамаем,
Что в бой, на верну смерть, стремишься ты один,
Что гордый сей Мамай, свирепый властелин,
Над русской храбростью раздором торжествует,
И в грусти Ксения все бедства испытует?

Димитрий

К стыду князей навек, та справедлива весть!
Строптивость их сердец, забыв и долг и честь,
Пред ханом рабствует и предо мной кичится.
Но торжеством еще Мамай не должен льститься,
Доколь среди татар не упаду я мертв.
И крови лишь ценой, и тысящами жертв,
И смертью витязей, и страхом смерти близкой
Он купит торжество над храбростью российской.
Но если, Ксения, иль слово, или взгляд
Отчаянну любовь надеждой оживят;
Коль обещаешь мне, отвергнув мысль жестоку,
Не сокрывать себя в обитель ту глубоку,
Где тяжкий твой обет нас должен разлучить,
Где должен он с тобой навеки заключить
Веселие души и дней моих отраду;
Коль обещаешь ты за подвиг мне в награду
Дар сердца твоего, любви нежнейший дар,—
То храбрости моей придашь ты новый жар,
Руке моей придашь чудесной силы свойство.
Не смерть тогда найду: нет, всех татар
геройство
Перед мечом моим преткнется и падет,
И яростный Мамай в побеге унесет
В безлюдные страны и в дальние пустыни
Разбития позор и казнь своей гордыни.

Ксения

Нет, с участью моей не приобщай к себе
Всех злополучий тех, которыми судьбе
Усеять на земле мой путь угодно было.
Ах, небо грусть и плач мне щедро уделило,
И по следам моим везде текут беды!
Едва-едва прибыть успела я сюды,
И над Россией рок опять ожесточился,
Геройский жар погас, раздор воспламенился;
Ко узам руки вновь князья спешат простерть,
И облегли тебя измена вкруг и смерть.

Димитрий

Пущай князья свою измену совершают —
Сердца дворян, бояр усердны пребывают.
Тот безопасен князь средь ревностных граждан,
Где сонм бояр премудр, где верен сонм дворян.
Не будем обвинять судьбы определенье!
Быть может, что она России свобожденье
Предоставляет мне со славой произвесть
И мне единому предоставляет честь
Мамая поразить, и витязей коварных,
И снять оковы с рук князей неблагодарных.
Честь оная прейдет в позднейши времена —
И россов в торжестве свободны племена
Воспоминанием почтут меня надгробным.

Ксения

Бесстрашием твоим, отчаянью подобным,
Я ныне более должна еще страдать.
Ты хочешь в бой идти? Что может слаба рать,
Против татарских сил толико ненадежна?
В сраженьи ждет тебя погибель неизбежна.
Но что я говорю? Несчастная, увы!
В побеге равная ждет смерть твоей главы,
И ею алчут днесь свирепые татары.
О гневная судьба, ты собрала удары,
Чтоб ими поразить чувствительный мой дух!
Лишившись матери, мне оставался друг,
Для коего сносить я жизнь еще хотела —
Но ты расстаться с ним мне грозно повелела.

Я шла к обители и покидала мир,
Чтоб в тайне сердца скрыть любви моей кумир,
Чтоб с мыслию о нем в убежище скитаться,
Там именем его и славой утешаться
И там с восторгами молениям внимать,
В которых будет клир его благословлять;
Но ты и сих отрад меня лишить желаешь,
Последню связь мою с землею разрываешь
И смертию его грозишь мне сиротством.
Нет, государь, тебе с толь малым войск числом
Нельзя стремиться в бой. Князей сюда сзываю;
И, может быть...

Димитрий

Чего ты ждешь от них?

Ксения

Не знаю;
Но, чтоб спасти тебя, чтоб гибель отвратить,
Я все старания должна употребить.
Коль полу нашему природные законы
Не дали сил других, как только плач и стоны,
Я их употреблю. — Раздору я виной:
Пущай князья свой гнев свершают надо мной;
Пущай меня разят, лишь бы тебя спасали!
Мне благом будет смерть — она конец печали.

Димитрий

И буду я терпеть, чтоб ими ты была
Оскорблена при мне?

Ксения

Коль я тебе мила,
Коль ты любовию горишь нелицемерной,
Терпением своим яви залог мне верный!
В бедах отечества что значит жизнь моя?
Их сонм сюда идет!

Явление пятое

Все прежние, Тверской, Белозерский, Смоленский и прочие князья.

Ксения

О мудрые князья!
Возникшей распри здесь причиной быв несчастной,
Ваш призываю суд: пусть будет беспристрастный!
И ты, Тверской, и ты, столь раздраженный мной,
Плачевной Ксении будь грозным судией!
Обещанна тебе, твою отвергла руку,
И тайную печаль, и тайну сердца муку
В обители сокрыть от всех хотела глаз.
Но ты проник, чему мой приписать отказ;
Проник, что страсть в душе к другому я имею, —
Я подтвердить о том тебе пред всеми смею.

(Указывая на Димитрия)

Вот тот, кого любовь мне другом избрала!

Тверской

На поруганье ль ты меня сюда звала,
Готовив торжество сопернику над мною?

Ксения

Ах, нет: винить себя хочу перед тобою!
Негодованию чтобы не знавши мер,
Ты казнь мою свершил для слабых душ пример,
Чтобы они моим проступком изумились,
Содрóглись казни сей и так любить страшились!
Не оправдаюсь тем, что, слова не давав,
Твоих я над собой не признавала прав
И быть руке моей еще свободной мнила
Искать супруга мне по сердцу боле мила;
Не извинюсь и тем, что нежная мне мать
Позволила любовь к Димитрию питать, —
Конечно, тень ее страдает вкруг безмолвно
За сердце дочери, перед тобой виновно.

Тверской

Виновно! и ничто не может оправдать.
Родитель мог один тобой располагать,

И с обручением им право то священно
Мне было над тобой по смерть твою врученно.
Ты не должна с того торжественного дня
И мысли бы иметь, сокрытой от меня.

Ксения

Так правом пользуйся, что дал тебе родитель,
И в наказание назначь мою обитель,
Обитель строгую, среди пустынных мест,
Где бы в трудах несла я тяжкий жизни крест!
Назначь хоть в той стране, где часть большую года
Без солнечных лучей печалится природа;
Где бурь порывистых мне будет грозный рев
На память приводить твой справедливый гнев!
Но гнев довольствуй сей ты казнию моею!
И вас, князья, о том молить я ныне смею!
Для имени супруг, сестер и дочерей,
Всего, что мило вам быть может в жизни сей,
Моею казнию прервите огнь раздора;
Соединитесь вновь к изглаженью позора
И рабства бледности с российского чела!
Я распрю между вас с собою принесла:
Извергните меня, в безлюдный край ссылайте,
Но днесь стенящее отечество спасайте!

Тверской

Как ни обиден был твой, Ксения, отказ,
Я снисходительным еще хочу быть раз.
Вражда ль против татар, которых жажду крови,
Иль память о моей пред сим к тебе любови —
Внушают мне теперь забыть проступок твой,
Простить обиды все, идти в кровавый бой
И вновь Димитрию союзником быть верным,
Как духом я его ни оскорблен надмерным.
Но для забвения моих от вас обид,
Чтобы твой брак со мной пред войском стер мой стыд!
Клянись, что в сей же день пойдешь к венцу, — и снова
Союзный меч принять рука моя готова.

Ксения

Ах, ты неумолим ко мне, как гневный рок!
Будь мене жалостлив иль менее жесток!
Ты хочешь пощадить — и сердце раздираешь.

Белозерский

Подумай, Ксения, что, может быть, спасаешь
Ты должным браком сим честь Русския страны,
Свободы ждущия плодом сея войны.
Какой пример подашь! Чье сердце оробеет,
Коль сердце Ксении любовь преодолеет
И боле, нежель жизнь, на жертву принесет?
Но ты молчишь. Скажу ль, что оный брак спасет
Того, к кому вся мысль твоя стремится тайно,
Что дни Димитрия...

Димитрий

Какое чрезвычайно
Усердие за дни, покинуты от вас!
Так, Ксении теперь согласье иль отказ
Решат мою судьбу, и чувства, и желанья;
Но вашего меня избавьте сострaданья!
Погибну или нет, что нужды до того.

Смоленский

Пред слабостью княжны, пред гордостью его

(указывая на Димитрия)

Не тщетно ли слова и время мы теряем?
Проходит ночи мрак, и мир еще с Мамаем
Не совершен у нас. К предупрежденью бедств
Пошлем дань собранну, коль нет надежд и средств
К рассудку преклонить Димитрия упорство,
Которо Ксении питает непокорство!

Тверской

Смущаюся стыдом, о твердые друзья,
Что мог унизиться еще прошеньем я.
Но пред отцом княжны и пред Россией всею
Я несомненных в вас свидетелей имею.
Ваш голос возвестит отечеству в слезах,
Кого должно винить оно в своих бедах,
Над чьей главой возлечь должно негодованье.

И пусть позор граждан и общее страданье
Виновных поразят; пусть Ксении отец,
Внимав стенанию всех ропщущих сердец
И ждавший от нее пред гробом утешенья,
Клянет преступницы и самый день рожденья.

(Хочет идти.)

Димитрий

Что смеешь ты вещать?

Ксения

(останавливая Тверского)

Жестокий князь, постой!
От страшных сих угроз весь дух содрогся мой.
Кто, я, отечеством в несчастьях обвиненна,
Я буду клятвою отца обремененна,
Сей клятвой тяжкою, которую и смерть
С главы уже моей не в силах будет стерть,
От коей самый прах в могиле не избегнет
И с коей тень мою тень матери отвергнет?
О мысль ужасная! Избавь от клятвы сей!
И можешь коль еще желать руки моей,
Котору не любовь, но трепет предлагает, —
Прими, и пусть меня отец не проклинает!

Димитрий

Несчастна Ксения! что делаешь?

Ксения

Мой долг,
Природы стон велит, чтоб глас любви умолк.

Димитрий в отчаянии склоняет голову на перси Бренского.

Тверской

Души твоей, княжна, победе удивляясь,
Довольствуюсь рукой, на время полагаясь,
Что и любви твоей достойным буду я.

(К князьям)

О битве помышлять нам следует, друзья!
Наш храбрый дух пред сим обидою был связан;

Она отомщена: Димитрий сам наказан.
И Ксению во храм...

При сем стихе Димитрий от уныния переходит к ярости.

Димитрий

Во храм не поведешь;
Искать сражения ты дале не пойдешь.

(Хочет обнажить меч и бросаясь к Тверскому)

Чтоб меч решил...

Белозерский
(останавливая Димитрия)

Постой! Соперник безоружен.

Димитрий

Пусть меч велит подать!

Ксения
(становится между Димитрием и Тверским)

Нет, меч ему не нужен;
Ему против тебя моя защитой грудь.
Рази и в ярости законы все забудь!
Счастлива, коль спасу дни будуща супруга.

Тверской

Димитрий, пощадим взаимно друг мы друга!
Обычай бо́ев сих, в странах иных закон,
В простые нравы к нам доныне не введен;
Нам меч против врагов отечество вручает,
И враг его Мамай нас в битву вызывает.
Там храбрых воинов сиянье ждет венцов;
Но плач и стон семейств преследуют бойцов.
Пойдем и в подвигах явим на ратном поле,
Кто будет Ксении из нас достоин боле!

Тверской ведет Ксению, за ними следуют Избрана и предстоявшие князья.

Явление шестое

Димитрий и Бренский.

Димитрий

Недвижим... Ксению позволил я отвесть!
Какую может в нас несчастье произвесть
Бесчувственность души! Я мыслить неспособен;
Весь ум рассеян мой; и я теперь подобен
Тому несчастному, кто друга в смертный час
Ловил слова, и вдруг... прервался томный глас:
Своей печали он мгновенно не измерит;
Друг смертью похищен, и смерти он не верит.
О рок, какой удар сулил мне испытать!

Бренский

Уклонимся в шатер, чтоб вместе там стенать!
Здесь любопытный взор быть может привлекаем
Сей грустью, коей ты жестоко толь терзаем.

Димитрий

Пускай всё воинство и вся Россия пусть
Познают, коль хотят, любовь мою и грусть.
Лишь Ксения признать любви сей не хотела;
Всей горести моей она не пожалела,
Сей вечной горести...

За театром слышны трубы.

Но трубный слышу глас...

Бренский

В сраженье, государь, он призывает нас.
Приди опять в себя, и мужеством, пристойным
Димитрия душе, явися ты достойным
Надежды общия отечества всего!

Димитрий

О час, желанный час для сердца моего,
Которо в ярости обманутой любови
Пылает алчностью к пролитью ныне крови!
Вас встречу наконец, Мамай иль Челубей,
Свирепы, ищущи мечом главы моей!

Пойдем и их искать!

(Идет несколько шагов и останавливается.)

Но, не владев собою,
Не в силах учредить моих полков я к бою;
Их погубить могу отчаяньем моим.
О Бренский, верный друг, под знаменем большим
На место стань мое, и мужеством спокойным
Ты рати предводи ко подвигам достойным;
Ты замени меня в решительный сей день,
И знаки княжески и шлем ты мой надень!

Бренский

Чего ты требуешь? Какая мысль сурова...

Димитрий

В сей день приличен вид мне воина простого:
Сияние сих барм всех русских соберет
И от главы моей погибель отженет,
А я опасностей и смерти лишь желаю.

Бренский

С слезами, государь, еще к тебе взываю:
Позволь опасности с тобою мне делить!
Когда погибнешь ты, как возмогу я жить?
Перед отечеством мой будет стыд безмерный,
Что пережил тебя оруженосец верный.

Димитрий

Для друга дни свои ты должен сохранить;
Они полезны мне по смерти могут быть.
Вот цепь, которая груди моей касалась;
Вручи ее княжне! Когда она являлась
Или очам моим, иль мысли лишь моей,
Грудь билась пламенна под скромной цепью сей;
Залогом ей отдай, когда меня не станет,
Как сердце уж мое и биться перестанет!
Но коль любовника оплачет хоть слезой,
Ту радость принеси на гроб печальный мой!

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Театр представляет долину между гор, покрытую лесом. С правой стороны срубленное дерево лежит над большим камнем.

Явление первое

Ксения и Избрана.

Ксения

Что далее бежать? Дай Ксении унылой
В пустынных сих местах собраться с новой силой!
Иль лучше будем здесь свирепых ждать татар,
Чтоб их кровавых рук убийственный удар
Достиг, сразил меня и смерть моя бы слезна
Платила днесь за смерть Димитрия любезна!

Избрана

Ужель известна ты, что он в бою убит,
Иль кто вещал?..

Ксения

Никто; но всё о том гласит.
Расстройство наших войск, стремительно их бегство,
И дикий крик татар, которых нагло зверство
До стана нашего, и даже в самый стан,
Преследует мечом несчастных россиян,—
Не всё ль Димитрия погибель возвещает?

Избрана

Итак, отечество с свободою теряет
И храброго вождя, главу своих князей!

Ксения

День злополучнейший из всех несчастных дней,
В которых я могла всех бедствий быть виною
И руки сограждан моей сковать рукою!

Избрана

Но чем виновна ты? Иль жертва та мала,
Которую ты в дар России принесла,
Когда во храм идти дала Тверскому слово?
Что нас спасти могло, коль небо к нам сурово?

Ксения

Ах, меч Димитрия спасти бы нас возмог!
Великому душой покорен в бранях рок.
Великим небеса Димитрия послали,
Но дух его упал под бременем печали.
И я источником печали тяжкой сей!
Не мог, конечно, он измены снесть моей.

Избрана

Но должность может ли изменой называться?
И клятве ли отца могла ты подвергаться?

Ксения

Не ведаю, увы, не клятва ль надо мной
Уже положена десницей роковой?
Но от рождения, Избрана, я несчастна,
И постоянен рок до дня сего ужасна,
В который ярости всю меру истощил.
Димитрий, может быть, любовь мою винил...
О мысль жестокая! И я не умираю!
От смерти и татар из стана убегаю!
Ах, возвратимся в стан, чтобы ордынцев меч
Мое отчаянье мог с жизнию пресечь!

Избрана

Зрю русских воинов; боярин им предводит.

Явление второе

Ксения, Избрана и боярин московский с несколькими воинами.

Ксения

Боярин доблестный, скажи, ужель приходит
Конечна гибель нам? Неистовый Мамай
Порабощает ли несчастный Русский край?

Боярин

Спокойся, о княжна! Победа совершенна;
Разбитый хан бежит, Россия свобожденна.

Ксения

О милосердный бог, ты наш услышал глас!
Не до конца еще прогневался на нас
И русских осенил ты силою своею!
Ах, в полной радости надеяться я смею,
Что ты Димитрия в бою спасти возмог,
Чтоб видел взор его ордынцев стертый рог
И восходящее отечество из плена!

(К боярину)

Но расскажи ты мне, какая перемена
К спасенью россиян последовать могла?

Боярин

Рука всевышнего отечество спасла.
Кто сильный устоит противу сей десницы?
Она с торжественной срывает колесницы
Кичливого душой среди самих побед,
И гордый, как скала кремнистая, падет!
Подобно замыслы обрушились Мамая.
Полки российские, отмщением сгорая,
Спешили к тем местам, стояли где враги;
Едва завидя их, удвоили шаги.
Но вскоре туча стрел, как град средь летня зноя,
Спустилась с свистом к нам предшественницей боя.
Безмолвно воины меж тем идут вперед:
Шагов лишь только шум гул в поле отдает;
Ряды сомкнув и щит о щит сомкнувши ближный,
Являли ратники вид крепости подвижной.
Идем, и с нами вдруг ордынцев рать сошлась,
Раздался воев крик, и сеча началась.

Незапно сонм бойцов татарских показался;
Пред исполинами войск наших дух смешался.
Как вихри бурные, рожденны среди гор,
Чрез степь пространную летят в дремучий бор,
И слабые древа порывами ломают,
И сосны твердые вверх корнем исторгают,
Так два богатыря, Темир и Челубей,
Стремятся к нам в полки чрез тысячи мечей:
Пред ними страх бежит, и с ними смерть летает,
И мертвая гряда их бега след являет.
Уж множество бояр и сильных воевод,
И доблестных князей, как рушенный оплот,
В крови, на грудах тел рассеянных лежало;
От сих богатырей всё с трепетом бежало;
И Белозерский князь, чтоб войско удержать,
Вотще отважности пример хотел подать:
Все шесть его сынов в глазах его сраженны,
Все шесть смертей душе отцовской нанесенны;
Но тверд, из глаз нет слез, из уст не слышен стон,
Он хочет вместе пасть; и пал, наверно б, он,
Коль не явились бы два воина российских,
Чтоб грозну смерть из рук исхитить богатырских.
Один из них — чернец, известный Пересвет,
Который, в мирны дни оставив шумный свет,
В обители скрывал боярства сан высокой;
Но глас отечества из тишины глубокой
Его призвал на брань со славой прежних дел:
Широк, могущ плечми, душою бодр и смел,
Темира вызвал он, с Темиром он сразился,
И так, как глыба с гор, с ним вместе мертв свалился.
Но между тем вблизи идет ужасный бой;
Огромный Челубей и воин тот другой,
Который прибыл к нам, как помощью небесной,
Влекут внимаңье всех их битвою чудесной.

Ксения

Но кто сей воин был? И как до дня сего
Молчал народный глас о доблести его?

Боярин

Не знаем он никем. Опущенно забрало
Черты его лица от взоров сокрывало;

Без украшений шлем, обыкновенный щит
Простого воина на нем являли вид;
Повязка на руке лишь только отличала;
Но поступь род его высокий обличала.
Искусству воина дивится Челубей,
И в первый раз признал он страх в душе своей.
Российского меча удары сильны, быстры,
Где язвы не несут, там сыплют с брони искры;
Ордынца же рука, поднявшись шлем рассечь,
Встречает твердый щит или проворный меч.
В безмерной ярости, как зверь остервенелый,
Татарин наконец бросает щит тяжелый
И, отступив назад и в две руки приняв
Булатный длинный меч, мечтает, что, напав
С разбега скорого, без хитрости воинской,
Он раздвоит врага под силой исполинской;
Стремится к воину; сей зрит грозу и ждет;
Удар уже над ним, уж на главу падет;
Но воин отступил, меч в воздух ударяет,
И тягостью своей ордынец упадает:
Тут смертию к земле навеки он приник.
С его падением поднялся в поле крик.
Мамай издалека смерть видел Челубея
И, изумившись ей и страхом цепенея,
Не ведал, что начать; в боязни ум исчез.
Тем временем с полком, покинув ближний лес,
Вдруг брат Димитрия в татар ударил с тыла.
Тогда ордынцев рать побегом степь покрыла;
Мамай и витязи, оружье побросав,
От нашея руки бегут, спешат стремглав, —
Им степь широкая как тесная дорога;
И русский в поле стал, хваля и славя бога.

Ксения

Но о Димитрии ты мне не говоришь:
О страх! несчастие ль от Ксении таишь?

Боярин

Об участи его никто еще не знает;
Сие неведенье всё войско сокрушает;
Ни он не сыщется, ни воин храбрый тот,
Кем поражен татар надежнейший оплот.

В долине сей князья назначили собраться,
Близ поля ратного, чтоб вместе совещаться,
Как им Димитрия и воина найти.
Надеясь видеть их, спешил сюда прийти...

Ксения

Увы, чего нам ждать от хладных их стараний!
Но мне сомнения нельзя сносить страданий.
Чтоб время не терять, боярин, в стан пойдем;
Московских воинов и низовых сберем;
Пускай бегут они, рассеются повсюды;
Чтоб мертвых ни одной не пропущали груды,
Где б их усердный взор вождя их не искал!
Быть может, раненный, средь мертвых он упал
И нужной помощи к спасенью ожидает,

(к Избране)

Быть может, что меня он мыслью призывает.

Ксения уходит и все за нею следуют.

Явление третье

Димитрий, раненый, в виде простого воина показывается на горе при последних двух стихах предыдущего явления и, выждав, чтоб все удалились, сходит с горы тихо и опираясь на меч.

Димитрий
(поднимая забрало шлема)

Я Ксению ль теперь в долине видел сей?
Иль то обман моих слабеющих очей,
Прельщение души, мечта воображенья,
Которою мои сугубятся мученья,
Которая в сей час напоминает мне,
Что в стане брачный храм готовится княжне,
Что в стане... Но туда уже не возвращуся:
Уединенный, здесь кончины я дождуся.
О язвы тяжкие, благословляю вас!
Вы приближаете тоски последний час.

(Садится на камень.)

Сей камень будет одр, где кончу дни унылы,
И оный будет кров Димитрия могилы, —

Счастлив, что возмогу близ мест священных лечь,
Где поразил татар отечественный меч!

(Прерывающимся голосом)

А ты, чью испытал я дружбу чрезвычайну,
Один повязки сей хранящий мрачну тайну,
По коей друга ты искать в сей день хотел
Средь умирающих или умерших тел,
О Бренский!.. поспеши!..

(Упадает на камень.)

Явление четвертое

Димитрий, лежащий под деревом, Белозерский, Тверской, Ксения, Избрана, боярин московский, несколько князей и бояр, воины.

Тверской

Друзья! сказать не знаю,
Веселье ли теперь, что Ксению встречаю,
Или предчувствие надежду подает,
Что наше общее усердие найдет
Того воителя, кем Челубей суровый,
Как горда башня, пал и спали с нас оковы.
О праотцы мои! вы днесь отомщены;
Ордынцев кровию поля обагрены;
Восстаньте от гробов вы все, татаров жертвы,
И к радости тела исчислите их мертвы!
Я вами здесь клянусь воителя сего
Принять, признать и чтить за брата моего,
Хотя б рождение в нем род простой явило.

Белозерский

Когда всевышнему угодно ныне было
Лишить меня надежд сраженьем сыновей,
Сим гневом посетить на старости моей,
Не допустив отца пасть мертвым с ними в поле, —
Ужель откажет мне в своей святой он воле
Отмстителя сынов чело высоко зреть
И с утешеньем сим спокойно умереть!

Тверской

(к воинам)

Усердны воины, искать его идите!..

Белозерский

Но более еще Димитрия ищите!
Воспомните, друзья, что сей великий муж
Воспламенить умел отважность русских душ;
Что первый нашу мощь он мыслию измерил
И славе россиян под игом даже верил!
Стремитеся... но шлем и бармы зрю его...

Явление пятое

Все прежние, воин, сопровождаемый большим числом других воинов, приносит шлем, бармы и цепь великого князя. Приносят также бунчуки татарские.

Ксения

(увидев шлем и бармы, упадает к Избране)

Погиб! свершилось всё для сердца моего.

Тверской

О Ксения!

Ксения

(в отчаянии)

Ах, слез моих не сокрываю!
Тебя, о государь, я ими оскорбляю;
Карай виновницу во гневе ты своем!
Но и под гневом сим, и под твоим мечом
Скажу, что, слово дав, тебе я изменяла;
Что я Димитрия любить не преставала;
Обманывала всех: его, князей, тебя,
И небо, и людей, и самую себя.
Пускай преступницу рука твоя сражает,
Когда отчаянье меня не убивает!

Тверской

Соперник мой погиб,— чтоб с смертию его
Погасла навсегда страсть сердца твоего
Для тишины моей, а более для чести!

Белозерский

(к воину)

О ты, в сих знаках нам принесший скорбны вести,
Скажи, Димитрия в каких местах нашел?

Воин

Не на Димитрии я шлем княжой обрел,
Но между мертвыми лежал в сих знаках
Бренский;
Поблизости его повержен князь Смоленский;
И на земле вкруг них татарских груда тел
Являет, сколь врагов их меч сразить успел!

Димитрий

(восставая)

Ах, силы здесь мои сон несколько поправил!
Но Бренского не зрю: иль он меня оставил
Подобно Ксении?..

Белозерский

Я слышу чей-то стон.

(Идет к дереву.)

Димитрий

Внимаю шум вблизи.

(Опускает забрало.)

Белозерский

(подошед к Димитрию)

О небо, это он,
Тот воин, чья рука богатыря сразила
И смерть моих сынов достойно отомстила!
Повязку узнаю. От скорбного отца,
О витязь, не скрывай ты светлого лица,
Дай взору моему сим зреньем насладиться;
Поведай имя нам, которым ты гордиться
В отечестве своем отныне должен ввек!
Хотя б судьбою был незнатный человек,
Но, храбростью смирив гордыню ханской выи,
Велик ты именем спасителя России.
Молчишь! не внемлешь мне!.. почто ж меня спасал?
Ах, лучше б близ детей ты умереть мне дал!

Димитрий поднимает забрало.

Белозерский

Димитрий!

Боярин

(бросаясь на колени перед Димитрием)

Государь!

Тверской

(отступая от Димитрия, в сторону)

Что вижу!

Ксения

(тихо к Избране)

Оживаю
И слезы радости я первы проливаю.

Димитрий

(к Белозерскому)

Твое прискорбие меня превозмогло:
Несчастному открыл несчастного чело.

Белозерский

Как не познал тебя по сильным тем ударам,
С которыми твой меч нес быстру смерть татарам!
Но, государь, твой шлем и твой доспех избит;
Что вижу я, увы! ты ранами покрыт!

Ксения

О страх!

Димитрий

Они теперь отрадою душевной;
Они мне сократят срок жизни сей плачевной.

Белозерский

Но жизнь Димитрия отечеству нужна.

Димитрий

С лишеньем Ксении несносна мне она.
Мне мир пустынею, свет солнца ненавижу;
И только друг один... но Бренского не вижу:
Где медлит он?.. почто ко мне не поспешит?
Но вы без слов... печаль на лицах говорит;

Она вещает мне, что друг погиб, наверно...
Мое несчастие и полно и примерно!
И вы, жестокие, мне предлагать могли
Без дружбы и любви скитаться на земли!

(Упадает на камень.)

Ксения

Избрана! стонет он, и доступить не смею,
Чтоб утешать его любовию моею.

Тверской

О, как пронзителен глас горести его!
Неволею достиг до сердца моего.

(Подходит к Димитрию.)

Димитрий, ободрись! Тверской к тебе взывает.

Димитрий

При крае гробовом чей голос поражает?
Тверской, пришел ли ты мою кончину зреть?
Ужель не дашь ты мне и с миром умереть?
Но доверши вражду: вели прийти невесте,
И смертию моей вы наслаждайтесь вместе;
Умножьте радость сим веселого вам дня!

Тверской

Приближься, Ксения, и оправдай меня:
Уверь, что не пришел я грустью веселиться,
Но сердцем Ксении с Димитрием мириться!

(К Димитрию)

Супругу днесь прими ты от руки моей!
Чего б не сделал я пред властию твоей,
То здесь я делаю, России глас внимая,
Пред победителем свирепого Мамая.

Димитрий

(взяв за руку Тверского)

Великодушный князь!.. Победой над собой
Ты превзошел меня...

(Ко Ксении)

Я съединен с тобой...

Ксения бросается в объятия Димитрия.

Явление шестое

Все прежние и **воин**.

Воин

Твой брат Серпуховской, преследовавший хана,
Ждет, государь, тебя со воинством у стана.
Дивяся доблестям и подвигам твоим,
Всеобщий ратных глас назвал тебя Донским.

Воины опущают знамена и бунчуки, на кои складывают щиты.

Димитрий
(восстает)

Пойдем, веселье их щедротами прибавим,
Спокоим раненых, к умершим долг отправим!

Поддержанный с одной стороны Ксенией и Белозерским, с другой стороны боярином, приходит на средину театра и, упадая на колени:

Но первый сердца долг к тебе, царю царей!
Все царства держатся десницею твоей, —
Прославь, и утверди, и возвеличь Россию!
Как прах земной, сотри врагов кичливу выю,
Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:
«Язы́ки ведайте: велик российский бог!»

Конец трагедии

1806

ПОЛИКСЕНА

***Трагедия в пяти действиях,
в стихах***

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Агамемнон, царь Аргоса и Микен.
Пирр, сын Ахиллов.
Нестор, царь Пилосский.
Улисс, царь Итакский.
Гекуба, вдова Приама, царя Троянского.
Поликсена, дочь ее.
Кассандра, другая дочь ее, пленница Агамемнонова.
Цари, военачальники, жрецы и воины греческие.
Троянки-пленницы.

Действие происходит в земле Троянской, по взятии города Трои, во стане греческом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет греческий стан; в стороне шатер Пирров; посредине могильный холм Ахиллов, из-за которого видно море; вдали зарево пылающего города Трои.

Явление первое

Пирр

(один близ могильного холма, опершись на гробовой камень)

О тень родителя, Ахилла грозна тень,
Спокой свой правый гнев! В наставший ныне день,
Доколь блестящий Феб в моря лучей не скроет,
Троянки кровь твой холм, надгробный холм омоет
И праха твоего здесь жажду утолит.
Когда троянских стен окрест развалин вид
Еще твоей, Ахилл, не насыщает мести,
Коль жертвы требуешь верховной гробу чести,—
Клянуся в том тобой, чьей славой полон свет,
И сына твоего услышит пусть обет
Великий Юпитер, Олимпа обладатель,
Клятвопреступников безжалостный каратель!
Так, он, коль жертвы здесь я крови не пролью,
В теченьи лет младых пусть жизнь прервет мою
И погрузит меня в бесчестное забвенье
Как недостойное Ахиллово рожденье!
Но шествие сюда зрю греческих вождей.

Явление второе

Пирр, Агамемнон, Нестор и прочие греческие вожди.

Пирр

Величественный сонм героев и царей,
О ты, Агамемно́н, о Нестор прозорливый,
Вы все, от коих пал Приамов град кичливый!
Благоволили вы по гласу моему
Ко холму днесь прийти печальному сему,
Под коим мой отец для памяти вселенной
С бессмертным именем свой прах оставил тленный.
Вы помните, как он средь мужественных лет,
Среди своих торжеств, в течении побед,
Изменою погиб; судьба сему герою
Претила в жизни зреть пылающую Трою,
От коей черный дым на наш несется стан.
Но гробовой предел Ахиллу не был дан,
И, смерть он одолев, на холме сем явился:
Пожарным заревом и мертвый насладился.
В сию минувшу ночь, как сладостный покой
Над станом царствовал с глубокой тишиной
И слышен был лишь стон падущих зданий в Трое,
Внезапно прервалось молчание ночное,
Щит звонкий загремел, и в золотой броне,
Как яркая луна, отец явился мне.
В нем прежний образ был, тот образ в гневе страшен;
Три раза он вскричал, три раза в граде с башен
Медяные верхи срывались с шумом в ров,—
Так, быв в бездействии, он некогда с судов,
Зря наглых воинов, стремящихся из Трои,
Единым голосом их вспять подвинул строи,
Их ужасом объял и Гектора смутил.
Троянки требует разгневанный Ахилл,
Троянки, коей кровь, над холмом сим пролита,
Спокоила бы тень героя знаменита.
Лаэртов мудрый сын, Улисс, уже в сей час
Пред алтарем и с ним всеведущий Калхас
Во внутренней тельцов, рукой жреца пожертых,
Стараются прочесть и волю знать бессмертных,
Котору пленницу нам в жертву должно несть.
Откажете ль, цари, отдать Ахиллу честь,
Приличну доблестям мужей богоподобных?

Агамемнон

Иль мало почестей мы отдали надгробных
Ахилла памяти, чтоб после брани вновь
Невинной проливать троянки ныне кровь?
Жестокосердие, обидой возбужденно,
В победе над врагом быть должно укрощенно:
Простительно в боях, как гневом дух кипит,
Оно постыдно в час, как враг у ног лежит
Смирен, уничижен и пленом отягченный.
Коль грозный твой отец, и в гробе заключенный,
Еще не преставал отмщением дышать,
То подвиг сына мог его тоску скончать.
И тысячи теней, сшед в царствие Плутона,
Поведали, что в ночь несчастья Илиона
От Пирра сильного пал Трои скорбный царь,
Что кровию его ты обагрил алтарь,
Пред коим старец сей надеялся пощады.
Ахилла ярость тем исполнил ты отрады,
И должен в гробе днесь почить с покоем он.

Пирр

Не мог я ожидать, чтобы Агамемнон,
Когда родителю прошу достойной тризны,
За смерть Приамову мне делал укоризны.
Не оный ли Приам отец Париду был,
Париду наглому, который воружил
Отмщенье Греции и гнев богов вселенной,
Париду, коего стрелой погиб изменной
Средь брачна торжества божественный Ахилл?
Нет, смертию Приам мне мало заплатил
За жизнь, котору дал преступному он сыну;
И в правой ярости имел бы я причину
Противный истребить Приамов целый род.

Агамемнон

Утешься: истреблен троянский весь народ;
И башни рушенны Приамовой столицы
Являют мрачный вид народныя гробницы.
Над чем же наконец воздержим мы наш гнев?
Иль оный простирать на вдов, сирот и дев,
Остатки горестны исчезнувшего града?
Но нашей храбрости их рабство днесь награда;

Их жизнь купили мы, сражаясь десять лет;
И греческих вождей пред сим решил совет,
Чтоб жребий, между нас распределя плененных,
Живых поработил на груде убиенных.
Супруга Гектора тебе пришла на часть;
Вдова Приамова, прежившая напасть,
Котора чад ее и мужа поразила,
Властителем себе Улисса получила;
Кассандра, дочь ее, досталась мне в удел,
Кассандра, коей глас совет троян презрел,
Как, вдохновенная внушеньем Аполлона,
Предсказывала им погибель Илиона,
И в недрах конских смерть, и роковую ночь.
От чад Приамовых одна осталась дочь
Свободною средь нас, младая Поликсена,
Ахиллу некогда невестой обрученна:
Ахиллову любовь почтили греки в ней.
Весь прочий в Трое плен меж воев и вождей
Случайность жребия тогда же разделила.
Какой же робкий вождь для мертвого Ахилла
Захочет уделить от плена своего
И в жертву то принесть, что мужества его
Перед отечеством быть должноувереньем,
Перед отечеством, куда давно б с стремленьем
Ахейские неслись веселы корабли,
Сокровищ полные Троянския земли?
Но боги, перервав здесь общий строй природы,
Наслали мертвый сон на воздух и на воды:
Нет ветра над землей, недвижим зыбкий понт,
И десять дней без туч пылает горизонт.
В сии ли дни, неся плач новый беспокровным,
Мы раздражим богов убийством хладнокровным?

Пирр

Давно ль Аргоса царь стал жалостлив душей,
Сей не жалевший царь о дочери своей,
Как Ифигению в Авлидском сборном стане
Он в жертву предавал разгневанной Диане?

Агамемнон

Я молод был тогда, как ныне молод ты,
Но годы пронесли тщеславия мечты,

И, жизни преходя волнуемое поле,
Стал мене пылок я и жалостлив стал боле;
Несчастья собственны заставили внимать
Несчастиям других и скорбным сострадать.
Ты бед не испытал; но павший с Илионом
Приам тебе пример. Ты размышляй об оном,
Доколь познаешь сам из участи своей,
Что злополучие — училище царей!

Пирр

Поведай лучше нам, что ненависть к Ахиллу,
Котору ты простер за темную могилу,
Что зависть, коей ты к нему скрывать не мог,
Виной твоих речей, а жалость — лишь предлог!

Агамемнон

Предлог иль нет, но знай, что из числа
несчастных,
Пришедших мне в удел иль в плен моих
подвластных,
Я Пирру не предам для жертвы ни одной.
Когда в наследие тебе родитель твой
Оставил с храбростью жестокость лишь едину,
То, недруг быв отцу, противник буду сыну.

Пирр

Неправую вражду ты можешь продолжать
Из рода в род; но ты не властен отказать
В достойной почести погибшему герою,
Которого ты сам на смерть призвал под Трою,
Который первый дал, льстя пышности твоей,
Блестяще звание тебе царя царей.
Но духом гордые, подобные Атриду,
Благотворение считают за обиду.
По счастью, власть твоя надменная прешла;
Во стане греческом народные дела
От сонма мудрого вождей зависят ныне.
И если будет днесь угодно то судьбине,
Чтобы Калхасов глас нам в жертву указал
Одну из пленниц тех, которых ты избрал,
То я надеюся, что жертву выдать ону

Могущие вожди велят Агамемнону,
Иль сам я до шатра достигну твоего.
Коль долг велит, щадить не буду никого:
По выбору богов, без всех лицеприятий,
Кассандру самую я, из твоих объятий
Исхитив, привлеку на сей надгробный холм.

Агамемнон

Кассандру!.. Нет, вождей благоразумный сонм,
Пред тем как мне велит предать тебе Кассандру,
Воспомнит, что привел я сто судов к Скамандру,
Помыслит о числе подвластных воев мне
И не подаст причин к кровавой вновь войне.
Ты сам, о Пирр, ты сам прими совет полезный:
Коль в жертву днесь Калхас, толкуя глас небесный,
Кассандру назовет... Калхасу ты не верь!

(Хочет идти.)

Нестор

(останавливая Агамемнона)

Постой, Агамемнон, и гнев ты свой умерь,
А ты, о Пирр, смири сию нескромну ревность:
Послушайте меня! Настигнувшая древность
Мне право подает советы предлагать;
Тот истинно велик, кто может им внимать
Средь волн шумящих чувств, от ярости возжженных.
В пример примите вы героев тех священных,
Которых некогда я видел на земли;
Уж нет и их сынов, их внуки отцвели,
И Нестор, пережив их всех, в гробах уснувших,
Меж вас как памятник времен давно минувших.
Герои оные, подобные богам,
Внимали с кротостью всегда моим словам.
Коль с сими смертными сравниться вы хотите,
Подобно им, свой слух к советам преклоните!
Агамемнон, почти Ахиллов славный прах;
Его вся жизнь была иль смерть врагам, иль страх;
Им Гектор грозный пал, оплот твердейший Трои,
Пред кем, как пред стеной, остановлялись вои,
Которого сразив, божественный Ахилл
В потрясшийся тем град нам легкий путь открыл!
Не откажи, о царь, герою честь приличну

И нравам греческим, к несчастию, обычну,
Коль прорицание в желаемый ответ
Через уста жреца нам жертву назовет!

(К Пирру)

А ты, о юноша, умеря лет стремленье,
Храни к царю царей достойное почтенье!
Великий Юпитер из смертных никому
Не уделял судьбы, какую дал ему,
Ущедрив дни его могуществом и славой.
Чем раздражать в нем дух угрозою неправой,
Ты лучше бы замен богатый предложил
И в жертву пленницу сокровищем купил.
Так убеждения смиренными речами
Вернее действуем над сильными сердцами,
Чем языком угроз и укоризной слов.
Но к нам Улисс идет.

Явление третье

Все прежние и Улисс.

Агамемнон

Какой ответ богов
Ты нам несешь, Улисс?

Улисс

Хранят молчанье боги.
Как свет обманчивый среди ночной дороги
Мгновением блеснет и исчезает вдруг,
Оставя путнику пустынный мрак вокруг, —
Так прорицания в Калхасе дух ужасный
Три раза возгорал и замирал безгласный.
Вотще маститый жрец, от юности своей
Достигший старости под сенью алтарей,
В трепещущих сердцах и жертв в потоках кровных,
Усердно вопрошал богов: везде безмолвных,
Везде суровость их встречал Калхаса взор,
И небеса с землей отвергли разговор.
Конечно, некое сокрыто преступленье
Подвигло грозное бессмертных оскорбленье,
И никогда еще ни боги, ни Калхас
В подобный мрак ума не погружали нас.

Пирр

Добычей обделен Ахилл, богам любезный.
И удивляетесь вы ярости небесной!
Боготворим в живых, забвен от греков мертв,
Оставлен прах его без почестей и жертв.
Но за него теперь могущие мстят боги
И, в тишине морей являяся нам строги,
К отечеству претят путь греческим судам,
Примкнув кормами их к несчастным сим брегам,
К брегам, где всюду вид разрушенной природы,
Где дышим смрад от тел, где пьем кровавы воды
И где, упорствуя в нечестии сердец,
Мы над добычею погибнем наконец.
О гречески сыны, загладим преступленье,
Почтим героя прах, и жертвоприношенье
Пусть с нами примирит Ахилла и богов!
Хотя уста жреца осталися без слов,
Но их молчание мне жертву указало.
Простыя пленницы герою было мало:
Его спокоит тень лишь Поликсены кровь.
Высокий род ее, Ахилла к ней любовь,
Прелестна красота, несчастные причины
Предсказанной отцу безвременной кончины,
Свобода самая, которою она
Из всех троянок здесь от греков почтена, —
Всё делает ее достойной ныне жертвой,
И обрученную жених давно ждет мертвой.

Агамемнон

Прямый Ахиллов сын!.. суровый до конца,
Ты превзошел еще жестокостью отца.
Когда Калхас молчит и немо прорицанье,
Ты кровожаждущим толкуешь их молчанье,
Ты предлагаешь нам, им придавши гнев свой,
Купить с богами мир убийства лишь ценой...
И чью ты смерть изрек? невинной Поликсены,
Которой дни тебе должны бы быть священны,
Котора видела пред брачным алтарем
Супруга нежного в родителе твоем.
И мыслишь ты, что сим богов смягчить удобно?
Ах, если объяснять судьбы тебе подобно,

ПОЛИКСЕНА,

ТРАГЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

въ стихахъ.

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Почто не думать нам, что мстят бессмертны днесь
За кровь, которою наш гнев упился здесь,
За кровь несчастных дев, вдовиц и малолетных,
И старцев горестных, и оных жертв несчетных,
Которы в слабости и немощи своей
Спасенье мнили зреть от острия мечей?
Или почто еще не полагать, что боги
Сомкнули путь морей, чтоб берегом дороги
Мы нашей храбростью к отечеству нашли?
Хотя б чрез каждый шаг и в каждой нам земли
Встречались новые в течении препоны,
И новы Гекторы, и новы Сарпедоны,
Хотя б нам смерть в пути богов назначил гнев, —
Смерть честну предпочтем убийству слабых дев!

Пирр

Указывая нам толь славные походы,
Ты льстишься в гордости, что гречески народы
Опять тебя вождем над войском назовут.
Но пусть наш спор решит царей всеобщий суд!

Улисс

Совет могущего всегда великодушен.
И кто из вас, вожди, остался бы преслушен,
Когда Агамемнон и чести глас зовет
На новы подвиги и в новый путь побед?
Но можно ль чувству там предаться нам свободно,
Где должен ум избрать спасение народно?
Погибни смертный тот, корыстью кто ведом,
В советах говорит пристрастным языком,
И тот, кто, от граждан приняв верховны правы,
Их расточает жизнь для личной только славы!
Мы войско собрали, и боги помогли,
Чтоб разорением Троянския земли
Потомства в памяти напечатлеть обиду,
За кою мстили мы преступному Париду;
Предмет сей брани был пред светом справедлив.
Но, земли чуждые оружием покрыв,
Какой предлог дадим? И кто из наших воев
Захочет вдаль идти, искать кровавых боев,
Опасностей других, других тяжелых ран
И смерти, может быть, котору черный вран

Уже предчувствует и, ждущий в поле диком,
Зовет несчастного своим печальным криком?
Ужасна мысль, цари, от коей я и сам
Здесь содрогаюся, изображая вам...
Но грекам мысль сия явится без сомненья,
Воспламенит их гнев и пыл воображенья.
Не отвечаю я, чтобы, смешав в тот час
Молчание богов, ночной Ахиллов глас,
Безветрие стихий и жертвоприношенье,
Они не придали всему бы объясненье
И, в нетерпении к отечеству отплыть,
Не устремились бы над холмом сим пролить
Не только кровь одной Приама скорбной дщери,
Но кровь невольниц всех, которых здесь, как звери
По стану рыская, иль встретят, иль найдут.
Предупредим, вожди, народа буйный суд!
И как ни горестно убийство Поликсены,
Но бедства только сим быть могут отвращенны.

Нестор

Увы, почто до сих печальных дожил дней,
В которы должен я на старости моей,
Признав над миром сим судьбу неумолиму,
Невинность осудить на смерть необходиму!
Но знаю я народ. Кто мыслит обуздать
Его средь ярости, тот хочет удержать
Иль море шумное, иль горный ветр бурливый.

Агамемнон

Итак, вас убедил Улисс красноречивый!
Злодейство новое Троянский узрит край:
Но знайте, что ни я, ни брат мой Менелай
Согласием никак не утвердим совета,
Который возбудит негодованье света.
Какую б нýжду вы тому ни привели,
По справедливости на всем лице земли,
Среди ль цветущих сел, среди ль лесов пустынных,
Ввек имя проклято губителя невинных.
Восставьте на себя вселенны грозный глас
И правый суд богов! Я оставляю вас.

Агамемнон уходит.

Явление четвертое

Пирр, Нестор, Улисс и прочие греческие вожди.

Пирр

Довольно, о цари, вы знаете Атридов:
Всегда лишь действуют они из личных видов.
Но в их согласии теперь нам нужды нет,
Коль Поликсены смерть назначил ваш совет.
В твоих шатрах, Улисс, при матери плачевной
Осталася она отрадою душевной.
Ахилла именем, которого ты чтил,
Кого пред греками во славе ты явил,
Исхитив некогда его младые годы
Из неги, в коей честь скрывал своей породы,
Сим именем тебя я заклинаю здесь
Привесть Гекубы дочь, чьей смертию мы днесь
Мы тень Ахиллову достойно успокоим.

Нестор

Но сколь сей смертию Гекубы плач удвоим!
Несчастлива жена, несчастливая мать,
Семейство по частям она должна терять
И скорбей всех земных испить тяжелу чашу.

(К Улиссу)

О мудрый из царей, ты, вспомнив бренность нашу,
Щади и мать, и дочь в тот злополучный час,
Как должен возвестить разлуку их твой глас!
Кто милосердием долг строгий умеряет,
Тому и слух богов в день горести внимает.

Улисс

О Нестор, скорбных друг, я чувствую с тобой,
Как жизнь царицы сей утомлена судьбой!
И если облегчить могу Гекубы долю,
Окончив для нее печальную неволю,
То пусть свободная в союзные страны
Прейдет и сыщет там забвенье сей войны!
Но щедрости вождей я несомненно верю,
Что заменит она мне пленницы потерю.

Пирр

Замен тебе отдать мне должно одному.
Скажи, что может льстить желанью твоему:
Треножник ли златый, иль хитрошвейны ткани,
Или что ценное, добытое в сей брани,
В сокровищах моих пусть взор твой изберет!
Но вспомни, что Ахилл твоей услуги ждет!
Чрез два часа веди назначенную жертву —
Чрез два часа сей холм ее увидит мертву,
Сраженну не жрецом, но Пирровой рукой.
И вечный возвращу родителю покой,
Соединив в гробу Ахилла с Поликсеной.
Иду готовиться к сей должности священной;
А вас, цари, зову присутствием своим
Почтить свершаемый обряд над холмом сим.
Услышит вас Ахилл; герой не умирает,
Но гласам похвалы и прах его внимает.
С ним боги разделят и честь и фимиам,
И разрешат моря и ветр попутный нам.

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Театр представляет стан Улиссов, и действие происходит перед его шатрами.

Явление первое

Гекуба и Поликсена выходят из шатра при пении последней строфы хора.

Хор жен и дев троянских

О горе нам! Брега родимы
Покинуть скоро мы должны
И чрез моря неизмеримы
Отплыть в безвестные страны.

Оставим здесь мы прах священный
Почивших смертию отцов;
Сей прах, в молчанье погруженный,
Не воззовется из гробов.

Птиц хищных стая водворится
Над градом, обращенным в тлен,
И зверь пустынный поселится
В развалинах троянских стен.

Гекуба

Прервите томный стон, о дщери Илиона!
До сердца каждый звук сего доходит стона,
И каждый звук, увы, напоминает мне,
Что я источник бед печальной сей стране,
Парида породив, для Трои язву люту.

Почто небесный гром в ту пагубну минуту,
Как сын сей был зачат, не поразил меня?
Иль пламя для чего подземного огня
С несчастной матерью не поглотило сына?
Благословенная была б моя кончина:
Еще бы Илион блистал на сих брегах,
Еще бы мой супруг в почтенных сединах
Сидел между сынов за трапезой приемной,
К которой смело шел всяк путник иноземный,
Дивясь могуществу и щедрости царя.
Но слава та, мне в казнь, погасла, как заря.
Я в дом прияла мой с Еленою злодейство:
И греков острый меч пожал мое семейство,
Как резкий серп жнеца на ниве жнет класы.
Щадите грусть мою в жестокие часы,
Когда, под заревом пылающей столицы,
Вы зрите нищету и жесткий плен царицы!

Поликсена

(подает знак троянкам, чтоб удалились)

О матерь горестна, ты можешь ли себе
Приписывать беды, угодные судьбе?
Как смертные бы их избегнуть ни хотели,
Судьба приводит нас к назначенной нам цели.
Не ты ль единожды, оракулу внимав,
К спасенью сей страны скрепила нежный нрав
И, в сердце заглушив умильный глас природы,
Парида некогда младенческие годы
На смерть пустынную извергла в недра гор?
И там рука богов, готовя нам позор
И день пленения, Парида сохранила
На пагубу троян, на пагубу Ахилла...
Но имя чье, увы, произнесла теперь
Твоя несчастная, забывшаяся дщерь!
Когда Гекуба днесь стенает сокрушенна,
О горестях своих вещает Поликсена...
Мне ль грустию моей печали умножать,
От коих предо мной моя страдает мать?
Нет, скорбь душевная пусть скрытна остается;
Пускай твоя тоска в слезах ко мне прольется!
На пламенную грудь те слезы я приму,

Те слезы горькие, коль сердцу своему
Ты можешь в них найти печали утоленье.

Гекуба

Ах, ты ли подаешь прискорбной утешенье,
О Поликсена, ты, которую страдать
На свет произвела твоя плачевна мать!
Когда судили мне непостижимы боги
Нести их гнев в конце сей жизненной дороги,
Они надеждою мой укрепили дух,
Что смерть, несчастливых последний, скромный друг
И сокрушающий гонение и злобу,
Отверзет скоро мне сырой земли утробу,
Куда уже давно склоняюся от лет;
Но ты, дочь милая, как ранний, нежный цвет,
По безвременнице подверженный ненастью,
Ты привыкать должна с весны своей к несчастью!
Сей мыслью более еще терзаюсь я:
Быть может, в горестях возропщешь на меня;
Скитаясь в нищете и с ней влача презренье,
Ты будешь клясть и жизнь, и самое рожденье.

Поликсена

Нет, матерь нежную всегда благословлю,
И жизнь и строгий рок в смиреньи претерплю.

Гекуба

Отрады в жизни сей не зрев себе нималой,
День каждый более в душе своей усталой
Ты будешь унывать. Тот может лишь один
Сносить с терпением неправый гнев судьбин
И жизнью не скучать, кто был счастливым прежде
Или счастливым быть остался кто в надежде.
Но ты, о дочь моя, от самых детских лет,
Считая дней число числом постигших бед,
Над чем ты мыслию спокоишься тосклива?

Поликсена

И я была равно в свою чреду счастлива,
В те радостные дни, в которые Ахилл
Троянам свой союз, мне сердце предложил;
В те дни, когда, любя и страстно быв любима,

Я видела у ног вождя непобедима,
Столь грозного для всех, столь нежного ко мне;
Когда родителю, отеческой стране
В нем видеть твердый щит мечтала Поликсена,
И счастьем, славою, любовью упоенна,
Когда, казалось, я в сиянии лучей,
Ахиллом приданных любовнице своей.
Надеждой возносясь супругой быть герою,
Которым я спасу отца, семейство, Трою,
Который для меня преобразит весь мир,
Я в полубоге сем мой видела кумир.
Но, ах, в единый день, иль, лучше, в час единый,
Всё счастие мое разрушено судьбиной!
Мой брак завистен стал враждующим богам:
В кроваво поприще преобразился храм,
И мертвый пал Ахилл, и алчная могила
Все радости мои с любезным поглотила.
Когда могла прежить того, кто был столь мил,
То я найду в себе еще довольно сил,
Чтоб жизнью не скучать, как жизнь ни будет
слезна,
И мыслью отдохну, что я тебе полезна.

Гекуба

Ужель ты думаешь последовать за мной
В страну, куда меня Улисс влечет рабой,
Где руки слабые царицы престарелой
Обременит сей вождь работою тяжелой
И пленом изнурит мой нищий дух вконец?

Поликсена

Есть разве смертные жестоких толь сердец,
Чтоб мне препятствовать быть спутницей твоею,
Твою покоить грусть любовию моею?
Ах, нет, на край земли и в самый дикий край
Меня сопутницей ты видеть уповай!
Так, следую с тобой в иноплеменну землю;
Твой плен, труды, печаль на рамена приемлю
И с ношей буду сей в пути моем тверда.
Но только, нежна мать, к отраде иногда
Труды, и плен, и скорбь делить мы будем вместе:
Вдова Приамова к Ахилловой невесте

На грудь стесненную преклонится главой,
Слезу горячую с ее сольет слезой,
И, мысль свою заняв воспоминаньем милым,
Исполнится наш дух веселием унылым.

Гекуба

О боги милостей, хвалы внемлите глас!
Еще послали вы мне сладкий в жизни час.
Благословенное и доброе рожденье!
Приди в объятия, и радостно биенье
Ты сердца моего почувствуешь сама,
Коль в благодарности я остаюсь нема!
О боги, за нее молить я вас не смею! —
Уже давно мольбой скучаете моею;
Но если правый суд взирает на дела,
Коль добродетель вам меж смертными мила,
То ваш благий совет пусть призрит Поликсену!
Кассандру вижу я, идущую смущенну.

Явление второе

Гекуба, Поликсена и Кассандра.

Гекуба
(к Кассандре)

Скажи, дочь грустная, к каким опять бедам
Твой мрачный зрак велит приготовляться нам?
Или уж день настал предчувствованной муки
И ветр подул с брегов, предвестник нам разлуки?

Кассандра

Нет, связаны еще стихии тишиной.
Но перед тем, как с сей расстанемся страной
И, подходя к судам на вечную разлуку,
Впоследни подадим между собою руку
И здесь в последний раз родимых обоймем,
Быть может, новых слез источник мы найдем.

Гекуба

Источник новых слез нам должен здесь открыться,
Когда и первые не могут истощиться,
Когда и в шуме дня и в тишине ночей
Не осушаю я от слез моих очей!..

О, сколь ужасен дар, который открывает
Те бедства, кои нам судьба приготовляет!
Как роковой вещун, всегда Кассандры глас
Печали рассевал и ужас между нас.
Едва отрады луч блеснул в душе Гекубы,
И возвещаешь ей ты горести сугубы.

Кассандра

Кляну и я давно несчастливый тот дар,
По коему могу предвидеть лишь удар,
Но ка́к удар отвесть, предвидеть не умею.
Спокойнее сама была бы я душею,
Когда б мне данный дух не проницал премен,
Сокрытых в будущем завесою времен:
Не видела б вдали погибели сужденной
И ждущия меня в стране иноплеменной,
Где сети хитрые супругу сплетены
Коварною рукой неверныя жены
И где Агамемнон... Но вашего вниманья
Собою не займу. Довольно здесь рыданья
Троянкам вообще принесть сей должен день:
На холме гробовом Ахилла страшна тень
В сию явилась ночь, от смерти возбужденна.

Поликсена

Что говоришь ты? Тень супруга?

Кассандра

Поликсена,
В печальный час с тобой он обрученным был!
Не знаю, что вещал явившийся Ахилл;
Но гор верхи едва бледнели от рассвета,
Когда Агамемнон был призван для совета;
Вожди сбиралися поблизости шатров,
Где Пирр, толь духом горд и сердцем толь суров,
Питает ненависть к остаткам Илиона.
Я устрашилася, узрев Агамемнона,
Как возвратился он оттоль к своим шатрам.
По мрачному челу, сверкающим очам,
По быстроте, во всех его движеньях видной,
Я заключить могла, что гнев, на сердце скрытный,
И жалость явная волнуют душу в нем.

«Иди, — сказал он мне, — в присутствии твоем
Гекуба, может быть, днесь нужду возымеет:
Какой безжалостный о ней не пожалеет!»
Сии слова царя, его смущенный взор
И всё являет мне, что смерти приговор
Меж нас еще одной изрек совет убийства,
Что сам Агамемнон замолк против витийства
Улисса хитрого, искусного в речах.

Гекуба

Какой по сердцу мне распространяешь страх!
Ахилл... совет вождей... и смерть... Я цепенею
И мыслей смешанных остановлять не смею.

Кассандра

Увы, познаем всё: Улисс идет сюда.

Явление третье

Все прежние и Улисс.

Гекуба
(к Улиссу)

Коль стон страдающих возмог, Улисс, когда
Тебя разжалобить, внемли своей рабыне!
Скажи, какую скорбь готовите мне ныне?
То правда ль, что Ахилл в молчании ночном
Явился, к ужасу, на холме гробовом?
Что, сим явлением все греки устрашенны,
Против троянок вновь подвиглись раздраженны?
Что смерть здесь носится над нашею главой?
Когда б ее удар низвергся надо мной,
Приамовой земли под глыбы сокровенна,
Я б отдохнула там от горести и плена!

Улисс

Твой плен окончился.

Гекуба

Ты плен кончаешь мой?
Что слышу я! Но кто, кто щедрою рукой
Мой выкуп заплатил?

Улисс

Несчастия и старость,
Гнетущие тебя, подвигнули на жалость
Великодушие собравшихся царей:
Сердца спокоил их я вольностью твоей.
Свободна, можешь ты мой стан в сей день оставить,
В страны союзные свой трудный путь направить,
Искать пристанища в дому друзей твоих.

Гекуба

Друзей... несчастные когда находят их?
Имела некогда и я друзей усердных;
Но все истреблены рукой немилосердных:
Стремительный ваш гнев, лет десять без премен,
Рассеял кости их вокруг троянских стен.
Союзники, друзья, супруг и дети милы —
Под Троей все легли, все снедию могилы,
Или в оковах днесь у воя иль царя
Рабами отплывут за дальние моря.

(Указывая на Поликсену)

Вот друг единый мне, оставшийся в природе,
С которой я могу о данной мне свободе
В убогой хижине веселье разделять
И там за оный дар тебя благословлять!

Улисс

С душевной горестью то упованье лестно
Разрушить должен я. Когда тебе известно,
Что в ночь сию Ахилл от гроба восставал,
То знать уже должна, что́ грекам он вещал:
Он кровью хочет зреть могилу орошенну,
И в жертву Пирр...

Гекуба

Кого назначил?

Улисс

Поликсену.

Гекуба

О дочь моя!

(Упадает в объятия Поликсены.)

Кассандра

Сестру!

Поликсена

О боги!

Улисс

Ах, я сам
Скорбь вашу чувствую, и горестным слезам
Вы можете еще предаться на свободе:
Я оставляю вас. Отдайте долг природе
И нужной твердости просите от богов!
Чрез час приду; ваш дух чтоб был тогда готов
Разлуку перенесть, сужденную законом
От торжествующих над павшим Илионом.

Улисс уходит.

Явление четвертое

Все прежние, кроме Улисса.

Кассандра.

И сострадает он!

Поликсена

Жестокий человек!

(к Гекубе)

О матерь скорбная!

Гекуба

(восставая из объятий Поликсены)

Ушел ли хитрый грек,
Коварств исполненный, Улисс немилосердый?
Он смертью поразил, и мне велит быть твердой...
Быть твердою в часы, когда хотят лишать
Последней дочери, для коей дышит мать.
Как, сокрушенная погибелью супруга,
Погибелью семьи, последнего я друга
Увижу греками влекомого на смерть!
Ах, руки мне к кому просительны простерть!

Кто внемлет моему отчаянному стону?
Кассандра, поспеши, беги к Агамемнону!
Он сострадающим явился ныне к нам:
Преклонится к твоим лиющимся слезам
Над скорбной матерью, над горестной сестрою.
Моли его; рожден он с сильною душою;
Ему принадлежит принять под свой покров
Гонимых от людей, забытых от богов,
На коих мертвые восстали из гробницы
И кои ждут его спасительной десницы.

Кассандра

Иду; услышит он глас горести моей.
Но что? В руке богов сердца и слух царей.
О боги, не прошу от вас речей искусства,
Но дайте ныне мне язык души и чувства,
Которому бы вняв в сей день, Агамемнон
Восстал и опроверг губителей закон,
Гласящий девы смерть, разящий скорбну старость

(указывая на Гекубу)

И долженствующий подвигнуть вашу ярость!
О матерь, слезный ток коль можно осуши;
А ты, сестра, умерь уныние души!

Кассандра уходит.

Явление пятое

Гекуба и Поликсена.

Гекуба

(обнимая Поликсену)

Так успокоимся и оживем к надежде!

Поликсена

К надежде? нет, она давно уже и прежде
На сердце замерла у дочери твоей.
Но я не плачу здесь над смертию моей:
Не те несчастливы, которы умирают,
Но те, которые любезных переживают.
О матерь, я теперь лью слезы над тобой:
Какой свирепою гонима ты судьбой!

Какая в ярости богов неутомимость!
Но предпоставь ты им души неколебимость;
Утешься мыслию, что дочь твоя в сей день
Супруга своего увидит милу тень!
Вообрази себе, когда я смерть приемлю,
Что в дальнюю меня ты отпустила землю,
Где верный мне жених, любезный мне Ахилл
Всю прежнюю любовь к невесте сохранил;
Что меч губительный свершит союз наш брачный,
Что ложем радостей мне гроб предстанет мрачный,
Что я от бурь мирских укрылася туды,
Где настает покой, где кончатся труды!

Гекуба

Ты, дочь жестокая, мне сердце раздираешь:
Так, вижу ясно я, что смерти ты желаешь;
Что, тлея внутренно от страстного огня,
Покинуть на земле желаешь ты меня.
Покинуть... Но, увы, что станется со мною!
На старости должна скитаться сиротою.
Печальную главу к кому я преклоню,
К отраде временной с кем слезы я пролью,
Кто слезы примет те, кто их уразумеет
И утешением кто грудь мою согреет?
Ты плачешь? Ах, прости, несправедлива я!
Нет, не покинешь ты, прискорбную, меня.
Но коль Агамемнон... Сомнение ужасно!
Минуты быстрые теряю здесь напрасно;
Свободна, я сама к нему должна спешить.
Кто лучше матери то в силах изъяснить,
Что сердце чувствует, теряя дочерь милу!
Пойдем: отчаянье дает мне нову силу.
Он стон услышит мой; он жалостлив, отец,
Он должен чувствовать священну связь сердец,
Которая меня с тобою съединяет.
Какой отец в сей день мне здесь не сострадает!

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Происходит в шатре Агамемнона.

Явление первое

Агамемнон и Кассандра.

Кассандра

Нет, нет, Агамемнон, докучный стон виня,
Ты тщетно убегать стараешься меня!
Просительный мой глас услышишь ты повсюду:
Как тень твоя, тебя преследовать я буду,
Доколе жалости не возбужу твоей
К невинно гибнущей в сей день сестре моей.
Но что я говорю? Одна ли Поликсена
От греков будет здесь несчастно умерщвленна?
До сердца матери удар достигнет тот,
Отчаянье ее безвременно убьет:
И, воле Пирровой Агамемнон послушный,
Убийство стерпит то как зритель равнодушный!

Агамемнон

Чего желаешь ты? Довольно я речей
Без пользы расточил в собрании царей
На защищение твоей сестры несчастной.

Кассандра

Ты речи расточил! Но в день для нас ужасный,
Как меч в руках убийц, как ярость в их сердцах,
Как греки ни во что к богам вменяют страх,
Не время прибегать к речам или витийству:

Верховну власть свою ты предпоставь убийству.
Народов храбрых вождь и царь обширных стран...
Тебе бессмертными дарован оный сан
На то, чтоб силою обуздывать строптивость,
Невинность защищать, карать несправедливость.
Цари даны земле в залог суда богов.
Оружие прими, когда не внемлют слов!

Агамемнон

Чтоб греков кровию я оросил Троаду...
Сию ли я воздам их ревности награду,
Награду им за то, что по следам моим,
Оставя жен, детей, к брегам стремились сим,
Где мстили десять лет преступному Париду
За нанесенную моей семье обиду?
Имел бы право я их ярость обуздать,
Когда их меч тебе дерзнул бы угрожать.
Ты, мной избранная при разделеньи плена,
Моей любовию должна им быть священна,
Любовью, коей я хочу тебя возвесть
На место той жены, которую мне честь
Из моего одра изгнать повелевает,
Которая и брак и должность оскорбляет.
Тебе грозив, меня б обидели они,
И горе было б им! Но Поликсены дни
Оружьем защищать с какого буду права?

Кассандра

Коль ныне мыслишь ты, что собственная слава
И склонный к жалости великодушный нрав
Не подают тебе еще довольно прав,
Чтобы оружием остановить злодейство,
Губящее мое плачевное семейство,
То самая любовь, о коей говоришь
И коей моему тщеславию ты льстишь,
Любовь к прерванию и слез моих и стона
Давно вооружить должна б Агамемнона.
Но нет, не любишь ты; и ясно вижу я,
Что ищешь обольстить лишь только ты меня.
Не так твой брат, супруг неверныя Елены,
Пылал любовью к ней среди ее измены.
Элладу целую его подвигнул глас;

Стесненный понт изверг смерть грозную на нас,
Фригийских рек струи взнеслись потоком крови,
И Трою пепл покрыл вослед его любови.
А ты, холодный друг в самой любви своей,
Покинешь мать, сестру возлюбленной твоей,
Когда к защите их лишь стоит ополчиться,
Чтоб Пирр был принужден от жертвы отступиться,
Чтобы Ахиллова вотще вопила тень.

Агамемнон

Не льстись, Кассандра, тем! Не Пирр один в сей день
Алкает жертвы сей: все греки, ослепленны,
Свое спасенье зрят в убийстве Поликсены,
Мечтая, что Ахилл, отмщением горя,
К пути безветрием сомкнул для них моря.
На чуждых берегах свою утратив младость,
Грек каждый ветра ждет как вожделенну радость,
Чтобы скорей отплыть под кров своих отцов,
Где средь семьи найдет спокойство от трудов.
И мыслишь ты, что мне лишь стоит ополчиться,
Чтоб греков к жалости заставить обратиться?
Нет, нет, они мечом свой защитят позор,
И кровию тогда наш кончится раздор:
Ахеян знаю я дух пылкий и строптивый.

Кассандра

Ты лучше объяви, что взор нетерпеливый
Ты обращаешь сам к Аргосской стороне,
К чертогу пышному, к оставленной жене,
Где мир с ней, рушенный давнишним подозреньем,
Ты купишь, может быть, моим уничиженьем.
Спеши в отечество, лети, стремись к судьбе,
Там Клитемнестрою назначенной тебе!
Но ты не ожидай, чтоб робкой я рабою
Пред гордою женой предстала за тобою!
Когда моя сестра погибнуть здесь должна,
Коль матерь за собой во гроб сведет она,
То не расстанусь я с землею сей унылой:
Их гроб жилище мне. И коль захочешь силой
Отсель меня извлечь, на свой корабль пренесть
И с торжеством в Аргос невольницею весть,
То вспомни, что наш путь лежит через пучину,

В которой я найду бедам моим кончину;
Что усыпить могу стрегущих воев взор
И в бездне волн сокрыть пленения позор!
То помня, совершить дай грекам преступленье!

Агамемнон

Кассандра, что за мысль, какое исступленье?
Итак, ты требуешь в залог моей любви,
Чтоб руки обагрил в ахейской я крови
И клятву на главу навлек себе от греков,
Неблагодарнейшим явясь из человеков?
Как знаешь власть свою над пламенной душей!
Но если дорожишь ты честию моей
И если за нее молвы страшишься света,
То время дай ты мне потребовать совета
И нужной помощи от брата моего!
Коль буду подкреплен оружием его,
Могу тогда простерть покров мой Поликсене,
И не посмеет мир винить меня в измене.
Успех иль неуспех, реша вселенной суд,
Одним деяниям различный вид дают.
О мерах совещать иду я к Менелаю.

Явление второе

Прежние, Гекуба и Поликсена.

Гекуба

(останавливая идущего Агамемнона и упадая к его ногам)

О царь, к твоим ногам с моленьем припадаю:
Спаси от гибели плачевну дочь мою!

Агамемнон

(поднимая Гекубу)

Гекуба горестна, печаль деля твою,
Иду к принятию надежнейшего средства,
Которым бы я мог вас всех спасти от бедства
И ярость ахеян в пути злодейств преткнуть.
Меж тем в шатре моем ты можешь отдохнуть,
И, мысль о дочери исполнив упованьем,
Ты сердце успокой, томимое страданьем!

Агамемнон уходит.

Явление третье

Гекуба, Поликсена и Кассандра.

Гекуба

Скажи, Кассандра, мне: сим веришь ли словам,
И точно ль он покров дарует ныне нам?

Кассандра

Колеблем чувствами, решиться сам не зная,
Он требовать спешит советов Менелая
И помощи его.

Гекуба

Что слышу я? Увы,
Советы те падут нам, верно, на главы,
И Поликсены смерть осталась неизбежна!

Кассандра

Почто ж в советах сих ты столько безнадежна?

Поликсена

Ах, преждевременно в душе не унывай!

Гекуба

Или не знаете, что слабый Менелай,
Неверныя жены свиданьем восхищенный,
Свой разум покорил Елене ухищренной,
Что управляет им и действует она!
Благий ли даст совет развратная жена?
Душа, погрязшая в кривых путях порока,
Теряя чувствие, становится жестока.
Воспомните, как стыд Еленина чела
Изображал ее сокрытые дела:
Вотще сие чело блистало красотою.
Воспомните и то, как нравов чистотою,
Когда о чести жен вели мы разговор,
Вы принуждали вдруг ее потупить взор.
С тех дней враждой на нас в ней сердце воскипело.
Прощают ли тому, пред кем чело краснело?
А ныне наша жизнь и смерть в ее руках:

Судите по сему, напрасен ли мой страх!

(Увидя Улисса)

Но что я говорю? Мои все речи тщетны.
Улисс идет, и нас оставили бессмертны.

Явление четвертое

Все прежние и Улисс.

Улисс

Гекуба, признаюсь, что думать я не мог,
Что из шатров моих ты извела залог,
Который я вручил тебе на срочно время;
Чтоб всюду с дочерью тоски влачила бремя,
Во зло употребя свободу, данну мной.
Но скорби матери прощу проступок твой.
В шатре ль Улиссовом, в шатре ль Агамемнона —
Повсюду и равно власть действует закона;
И я сюда пришел, надеяся теперь,
Что ты без ропота свою мне выдашь дщерь.

Кассандра

Но вспомнит ли Улисс, когда помыслит боле,
Что здесь покорно всё Агамемнона воле,
Что здесь, в шатре его, ваш действует закон
Тогда, как сам принять его рассудит он?
Помедли, государь, до царского прихода!

Улисс

Пред хо́лмом жертвы ждет собрание народа
И светлый сонм вождей, и все они горят
Нетерпеливостью священный зреть обряд,
Обряд, которого алкает прах героя,
Как жаждет вод земля, томимая от зноя.
Могу ль часы терять, Агамемнона ждав?
И оскорбляться сим с каких он может прав?
Вотще в совете он гремел против Ахилла,
Вся Греция на то чрез Пирра возопила:
Пред воплями ее глас жалости замолк,
И Поликсены смерть совет признал как долг,
Ахилла доблестям от Греции платимый.

Гекуба, покорись судьбе неумолимой
И к холму дочь свою со мною отпусти!

Гекуба

Неистовый Улисс, жестокий! .. Ах, прости,
Прости моим словам! В несчастье забываюсь,
От лютой горести рассудка я лишаюсь,
И, речь просительну не зная как начать,
Я начала тебя словами оскорблять!
Но помнишь ли, Улисс, минувшее то время,
Как полной славою цвело троянско племя,
Как соглядатаем ты вшел в наш крепкий град?
Под рубищем тебя узнал Еленин взгляд:
Она мне скрытого Улисса указала,
И смерть уже тебя за хитрость ожидала.
Ты, быв введен ко мне, к ногам моим упал,
Дрожащею рукой моей руки искал,
Уста твои без слов казались онемелы,
И слезный ток кропил ланиты помертвелы.

Улисс

Так, помню оный день, и жалости твоей
Обязан был тогда я жизнию моей.

Гекуба

В свою чреду, Улисс, ко мне почувствуй жалость!
Зри немощь ты мою, плачевную зри старость,
Не удручай меня, вступися ты за нас,
Иди к вождям, возвысь красноречивый глас!
Искусство языка давно в тебе известно.
Представь ты, славе их как будет то бесчестно,
Когда узнает мир, что гнев простерли свой
На деву слабую и яростной рукой
Ее во цвете лет зарезали бесщадно,
Чтоб Пирра утолить отмщенье кровожадно!
Отмщенье! Но за что? И Поликсена в чем
Виновной быть могла пред грозным сим вождем?
Она ль возжгла войну, народам толь тяжелу?
Она ль направила ту роковую стрéлу,
Которою погиб славнейший ваш герой?
Елены красота всему тому виной:
И греков и троян, раздвинутых морями,
Враждой содвинула под нашими стенами,

Враждой толиких лет, от коей наконец
И Пирра лютого великий пал отец.
Когда ж вселенная винит в бедах Елену,
Почто наказывать хотите Поликсену?
Ей память и теперь Ахиллова мила;
И боле слез она над нею пролила,
Чем ваш жестокий Пирр пролил троянской крови
На память мстительной сыновния любови.
О вы, которые в погибельную ночь,
Как с смертью в град втекли, мою щадили дочь,
Ужель теперь ее погубите безбожно?

Улисс

Гекуба, за нее вступиться мне не можно,
Не изменяя днесь и грекам и богам.
Так, боги жертву в ней указывают нам,
Позволив, чтоб Ахилл, свои собравши силы
И ад преодолев, возникнул из могилы
И ярким голосом весь воздух вдаль потряс.
Божественный Ахилл, славнейший муж из нас,
Пример геройства нам и временам грядущим,
Останется ль вотще о жертве вопиющим?
И славой будет ли наш воин вспламенен,
Когда Ахиллов прах увидит не почтен?
Ослабнут, и падут, и запустеют грады,
Где муж с заслугами оставлен без награды
И гробом поглощен без почестей и слез.
Великий человек народам дар небес:
Полезна жизнь его, и смерть, и гробный камень,
Могущий возродить в сердцах геройский пламень.
Таков Ахилл нам в дар бессмертными был дан!
Лишь жертва изъявит признательность граждан:
Достойну жертву зрят они в его невесте,
И смерти сей желать я должен с ними вместе,
Как гражданин прямый и так, как верный грек.

Гекуба

Но, гражданином быв, иль ты не человек?
Или желание угодным быть народу
Способно заглушить в душе твоей природу?
Иль греки хвалятся жестокостью сердец?
Нет, нет: ты сжалишься, сам будучи отец.

Любовь родителей к исчадью повсеместна,
Свирепейшим зверям она в лесах известна:
И львица детище стремится оберечь.
Представь себе, Улисс, когда б убийства меч
Взнесенным видел ты над сердцем Телемака
И бледность смертную его б увидел зрака, —
Меж сына и убийц стремился б, верно, ты...
Но содрогаешься единыя мечты!
Ах, сыном сколько сим ни дорожишь душею,
Могла ли б грусть твоя сравненной быть с моею?
Лишившися его, твоя печальна грудь
Нашла бы с кем еще от грусти отдохнуть,
Во славе и в венце и лет блистая силой...
Коснуться до тебя не смел бы дух унылый:
По сердцу сча́стливых смерть ближнего скользит.
Но мне уж дочери ничто не заменит:
Лишенная всего и сира во вселенной,
Останусь нищею в разлуке с Поликсеной.
И, может быть, увы, надолго от небес
Скитаться суждено мне в сей юдоли слез!
Нет, горести еще не знала толь тяжелой
Ни в тот ужасный день, как Гектор помертвелый,
Влеком чрез поприще своих пред тем побед,
На нивах оставлял кровавый тела след,
Ни в ту безбожну ночь, в котору Пирр суровый
На грудь Приамову низверг алтарь домовый
И в сих развалинах убитого сокрыл:
Нет, рок меня тогда не сто́лько поразил!

Улисс

Теряю время здесь, внимая воплям тщетным:
Гекуба, выдай дочь и жалуйся бессмертным!

Кассандра

Жестокосердый грек!..

Гекуба

(к Кассандре)

Оставь просить меня:
Не раздражай его!

(К Улиссу)

В отчаяньи стеня,

К твоим ногам, Улисс, с слезами упадаю,
Отцом твоим, женой и сыном заклинаю,
И всем, что на земле ты любишь от души:
Лишеньем дочери меня не сокруши!
Она меня живит, покоит, утешает;
При ней мой дух беды часами забывает;
Отрада в горести, защита слабых дней,
Опора древних лет, в ней свет моих очей,
В ней жизнь моей души: услыши сиротливу!..
Но ты не внемлешь мне, и руку торопливу
Рукою хладною ты хочешь оттолкнуть...
Ах, лучше поражай мою прискорбну грудь!
Будь жалостлив еще среди ожесточенья
И с жизнью тягостной скончай мои мученья!

Поликсена

(оборотясь к Гекубе и поднимая ее)

О матерь, дух сбери и от колен восстань
И унижать себя пред греком перестань!
Как боги ни гнетут нас гневною десницей,
Воспомни, что была ты некогда царицей,
Вдова Приамова, кем Гектор был рожден,
Который лишь одним Ахиллом побежден!
Докажем мы в сей день пред греческой толпою,
Что Гектору ты мать, что я сестра герою,
Что бедства твердости с души не могут стерть,
Что унижению предпочитаем смерть!
Смерть... ужас для всего, что бытие имеет,
От мысли коей дух и чувство цепенеет!..
Улисс, иду с тобой: указывай мне путь
Туда, где я под нож должна подставить грудь!
Но чтоб дорогою, котора мне осталась,
Отнюдь ничья рука ко мне не прикасалась, —
Свободной рождена, чтобы в мой смертный час
Свободной я была оставлена от вас.

(К Гекубе, становясь пред нею на колена)

Благослови меня последним целованьем!
Но духа моего ты не смущай рыданьем,
Слезами, коих я не в силах отереть!
Поверь, не стоит жизнь, чтобы о ней жалеть.
И Гектор, и Приам, и смертный, сердцу милый, —

Все ждут меня уж там, за темною могилой;
Там... мы увидимся. О матерь, отпусти,
Прости в последний раз, и ты, сестра, прости!

Гекуба

(обнимая и удерживая Поликсену)

Ах, нет, не отпущу; с тобой не разлучаюсь.

Улисс

Вас силой разлучить, стеная, принуждаюсь.
Вступите, воины!

Несколько воинов Улиссовых входит.

Кассандра

Что вижу!

Гекуба

(к Улиссу)

Повели,
Чтобы обеих нас на смерть они влекли;
Не выдам дочери.

Поликсена

Щади свою ты старость!
Упорством только сим их оправдаешь ярость.
Не дай увидеть мне твоих терзаний, мук,
На раменах твоих иноплеменных рук!

Гекуба

Не выдам я тебя.

Поликсена

Услышь хоть дочь смущенну!

Гекуба

Нет, нет: не выдаю.

Улисс

(к воинам)

Возьмите Поликсену!

Воины бросаются и разлучают Гекубу с Поликсеной.

Гекуба

О Гектор, о мой сын, где ты, где ты в сей час?
Ах, мертв... далеко ты... теряется мой глас!

(Упадает в объятия Кассандры.)

Явление пятое

Все прежние и Агамемнон.

Агамемнон

(входя поспешно)

Что слышу? что за вопль? Улисс!

(К воинам)

Остановитесь!
И далее вести добычу устрашитесь!
А ты скажи, Улисс, мою забывший честь,
Как смел ты в мой шатер толпу сих воев ввесть
И буйну наглость их против меня подвигнуть?
Как сам осмелился доселе ты достигнуть
В отсутствие мое, где жены лишь одне,
И возмущать покой прибегнувших ко мне?
В обиде от тебя я требую ответа.

Улисс

Ты знаешь, государь, что с общего совета
Гекубы дочь от нас быть жертвой суждена
И смертью увенчать Ахиллов гроб должна.
Мне Пирром поручен...

Агамемнон

Лаэртов сын, довольно!
Я Пирра узнаю насильство своевольно.
Он твой премудрый ум дарами ослепил,
И с воли ты его в шатер ко мне вступил.
Благоразумием Улисс ведомый вечно,
Возврата моего дождался бы, конечно,
Когда бы Пирров дух не действовал над ним.
И, может быть, тогда сим воинам твоим
Решился б выдать я несчастну Поликсену,
Зря всех против нее: народ, вождей, Елену

И брата моего, кого супруги речь
Удерживает днесь принять защитный меч.
Но после наглости, толико мне обидной,
Подумает весь стан, что слабостью постыдной
Я принужденным был вам жертву отпустить.
Сей дерзновенный Пирр пред сим мне смел грозить,
Что и Кассандру он из рук моих отнимет:
Пускай сестру ее отсель увесть предпримет!

(Взяв Поликсену от воинов, отдает ее Гекубе.)

Прерви, Гекуба, плач! Я днесь защитник ваш.

Кассандра

Великодушный царь!

Гекуба

Благий спаситель наш!

Улисс

Помысли, государь, что, сей обряд надгробный
Остановив, возжжешь раздор междоусобный;
Не Пирра оскорбишь, но прах его отца:
К нему и мертвому все преданы сердца;
Ахилл их божество, и раздраженны греки
За честь его в сей день прольют кровавы реки.

Агамемнон

Не убоюсь грозы; хотя бы сам Ахилл,
Из гроба ныне встав, мятежным предводил,
Я буду ждать его и вспять не обращуся:
С живым я распрю вел, и тени ль устрашуся!
Иди, Улисс, к вождям: ты можешь им донесть,
Что жертву отпустить мне запрещает честь!

Улисс

Предвижу бедственны сей новой распри действа.

Улисс и воины уходят.

Явление шестое

Все прежние, кроме Улисса.

Агамемнон

(к троянкам)

Остатки горестны Приамова семейства,
Спокойтесь наконец и ободрите дух!
Я ныне докажу, что вам остался друг,
И, быв виновником паденья Илиона,
Хочу заставить вас любить Агамемнона.
Кассандра, проводи ко своему шатру
И матерь слабую и юную сестру;
А я меж тем иду отряды войск устроить,
Чтоб Пирру, коль придет, здесь встречу
приготовить.

Гекуба

(к Агамемнону)

Благословен, о царь, бессмертными ты будь!

Кассандра

(к Агамемнону)

Великодушие — вернейший к сердцу путь.

Конец третьего действия

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Происходит в стане Агамемнона перед его шатрами.

Явление первое

Поликсена и Кассандра, выходящие из шатра.

Кассандра

Меж тем как в сем шатре, сном тихим осененна,
Забылась временно Гекуба утомленна,
Скажи ты мне, сестра, почто прискорбный вид
Средь светлых нам надежд чело твое мрачит?
Уныния души приметы молчаливы
Страшнее мне в тебе, чем горести порывы,
Являют более отчаянье твое.
Иль сомневаешься, чтоб слово мог свое
Агамемнон сдержать пред яростью ахейской
И от главы твоей отвесть их меч злодейской?

Поликсена

Нет, в царской благости не сомневаюсь я;
Но боле благость та страшит теперь меня.
Предвижу, как Улисс... несчастный ряд последствий...
И должно ожидать от распри новых бедствий.

Кассандра

На что же сетуешь? Пусть греки в распре сей
Усеют трупами пространство сих полей,
И пусть сим зрелищем убийства меж собою
Утешат наконец в огне стенящу Трою!

Поликсена

Ах, страстью мщения и нежностью к родным
Ты днесь ослеплена с предвиденьем твоим!
Война, в которую влечем Агамемнона,
В сей день последних чад поглотит Илиона,
Последней кровью их упьется здешний брег,
По коему простер пустыню лютый грек.
И, остальных троян погибели виною,
Я жизнь мою куплю кровавой сей ценою!
Сестра, достойная тому, чья буйна страсть
Свершила до конца отечества напасть,
Я уподоблюся виновному Париду
И памятью моей в потомство с клятвой сниду!
Нет, лучше смерть, как мысль об оной ни страшна!
Но что я говорю? Страшиться ли должна,
Когда я смерть мою угодной зрю Ахиллу,
Когда жених в свой гроб зовет меня унылу?
Так некогда, во дни надежд твоей сестры,
Он звал меня в свои торжественны шатры.

Кассандра

Но чудом в ночь сию Ахилл гласивший мертвый,
Назначил ли тебя надгробною быть жертвой?
Троянки требовав, он имя умолчал,
И Пирр, жестокий Пирр, тебя на смерть избрал.
Престань мечтою сей крушиться добровольно!

Поликсена

Троянки требовал: сего ли не довольно,
Чтоб выбор жениха мне сердцем предузнать?
По ком из нас в гробу он может воздыхать?
В живых еще ему сужденна быть супругой...
Кому, когда не мне, быть мертвому подругой?
Кто более меня любить его могла?
Кто более меня поднесь ему мила?

Кассандра

Ему мила... и, в знак любови несомненной,
Он хочет слышать стон невесты обрученной,
Последний, тяжкий вздох, что острый должен меч
Из груди с жизнию возлюбленной извлечь,

Из груди, кою ты по нем тоской томила, —
Вот нежный знак любви свирепого Ахилла!

Поликсена

Не осуждай его! Из гробной глубины
Он зрит, что на земле мне нет уж тишины,
Мне нет уже отрад и нет надежды боле;
Что долее мне жить — страдать лишь только доле,
Сгорая от огня снедающей любви,
Лиющейся в моей волнуемой крови.
Сей огнь, сей дар благий живительной природы
Сушит безвременно мои весенни годы,
И от него, увы, ни тихий вечер дня,
Ни утро раннее не прохладят меня!
Ахилл, ты видишь то, и, сам стеня в разлуке,
Деля мою тоску, томяся в равной муке,
Ты отверзаешь мне гробницу на покой,
Где б смерть венчала нас иссохшею рукой!
Но рок, нам брачну песнь переменивший в стоны,
К союзу смерти днесь нам ставил вновь препоны
И, новым ужасом мою смущая грудь,
Во гроб отрадный твой мне заграждает путь.

Кассандра

Итак, к Ахиллу ты стремяся мыслью страстной,
Не остановишься над матерью несчастной?

Поликсена

Что говоришь? Увы, и в сей печальный час
Ее просительный отчаяния глас
Еще в моей душе стенаньем раздается!
В волненьи разных чувств на части сердце рвется.
О матерь нежная, о будущи супруг,
Вы раздираете колеблемый мой дух!
С Ахиллом я зову моей кончины время,
Чтобы скорей сложить тоскливой жизни бремя,
Хочу на холм его главу мою отнесть,
Смиренно там ее предать в надгробну честь,
Сей смертью жертвенной в потомстве холм прославить
И память тяжкую любви на нем оставить.
Но коль воображу стенящую в слезах

Гекубу предо мной по смерти, хладный страх
В мои преносится трепещущие жилы;
Весь ужас и весь мрак моей глухой могилы
Вкруг скорбной матери я вижу в те часы,
И над челом моим вздымаются власы.
О матерь, чья любовь мое растила детство,
Покину ль я тебя, как немощи и бедство
Печалью облекли дни старости твоей,
Что льстилась ты провесть средь радости детей!
Их нет, их всех унес ветр бурный злополучий, —
Так вал сердитый рвет брег слабый и сыпучий.
О матерь, на земле одна теперь с тобой,
Покинувши ль тебя, укроюсь на покой?
Нет, нет... Но если Пирр, алкая токов кровных,
Обрушит ныне гнев над сонмом беспокровных
И погруженных в плач троянских дев и жен,
Над Гектора вдовой, котору строгий плен
К колесам приковал кровавой колесницы
Сего жестокого Приамова убийцы,
Могу ли жизнь сносить и слышать вопль вдали
Невинных оных жертв Фригийския земли,
Которых за меня суровый Пирр погубит?
Ах, мысль сия во мне отчаянье сугубит!

Кассандра

Не плачь, не плачь, сестра, о Гектора вдове!
Готовят боги в ней казнь Пирровой главе
И, Андромахи вид ущедрив красотою,
Скрывают в сей жене их мщение за Трою,
Коль должно верить мне предчувствиям моим.
Но шум... Се царь идет, и Пирр и Нестор с ним;
Укроемся в шатер!

Поликсена и Кассандра уходят.

Явление второе

Агамемнон, Пирр и Нестор.

Агамемнон

С почтеньем к древним летам
Всегда я, Нестор, слух склонял к твоим советам,
И с сожалением в сей первый ныне раз

Я мудрости твоей отвергнуть должен глас,
От имени вождей вотще меня просящий.
Атреев светлый род, от Зевса исходящий,
Не унижался ввек прощением обид,
Нет, и чело мое покроет вечный стыд,
Когда, просительниц права меж нас священны
Наруша, выдам жизнь несчастной Поликсены.
Обида, кою в ней дерзнули мне нанесть,
С ее спасением мою связует честь.

Нестор

Я знаю, что с души могущего Атрида
Одною местию стирается обида,
И оному пример и оному следы
Потомки поздные искать придут сюды;
Они уверятся над пеплом Илиона,
Как сокрушителен был гнев Агамемнона!
Но те ли, государь, которы помогли
Опустошением Фригийския земли
Знаменовать сей гнев и мщенье справедливо,
Которы за тебя сносили терпеливо
Чрез десять лет труды и бедствия войны
Пред гордой твердостью троянския стены,
Мечтавшей о себе быть ввек неодолимой,
Которы, удалясь от родины любимой,
Стремились кровь свою на сих брегах пролить,
Те ль могут помышлять Атрида оскорбить?
Улисс, в твои шатры отряд приведший воев,
Усердие тебе не раз являл средь боев,
И в думах предан был тебе его язык;
Того ль обидит днесь, кого он чтить привык?
Но Пирра ты винишь — и Пирр великодушный,
К прошению вождей склонившийся, послушный,
Для оправдания предстал перед тебя.

Пирр

Не буду я, Атрид, оправдывать себя;
Кто по деяниям неробкий дух измерит,
Кто знает лишь меня, конечно не поверит,
Чтоб, истинно кого замыслив оскорбить,
Другому бы я мог обиду поручить.
Не удержала бы ни власть твоя, ни сила:

От Зевса крови ты, но я, я сын Ахилла
И, славой облечен, оставленной отцом,
Не трепетал еще пред смертного лицом, —
С оружием в руках и с войском вслед за мною
К обиде бы пришел беседовать с тобою.
Но с кротким Нестором и безоружен я,
Как мирный гражданин предстал перед тебя.
Предлога, о Атрид, ты не имеешь боле,
С чего б противиться всеобщей греков воле
И ту троянску дщерь скрывать в своих шатрах,
Которую на смерть зовет Ахиллов прах.

Агамемнон

Не ты ль, бесстрашный Пирр, хвалился предо мною,
Что и сестру ее насильственной рукою
Отымешь у меня? Так кто ж поверит здесь,
Что мудрый ваш Улисс, толь скромный быв доднесь,
Не с слов твоих привел толпу вооруженну
В намереньи отсель исхитить Поликсену,
На смерть ее влачить чрез удивленный стан
И взорам доказать толпящихся граждан,
Что Пирровой руки не избежат несчастны,
Что и мои шатры для них не безопасны,
Что не даешь нигде им время отдохнуть?

Пирр

Или твои шатры, как храмы, святы суть,
Отколь нельзя извлечь ко смерти осужденных?

Агамемнон

Шатер или чертог, где бедством удрученных
Покоит и хранит царь благостью своей,
Приемлют с скорбными всю святость алтарей;
Их кров быть должен чтим, как кров священный храма.

Пирр

Ты вправе ль был принять под кров сей дочь Приама,
Которой смерть должна спасти ахейску рать?

Агамемнон

Ты был ли вправе сам ее на смерть избрать?
Какой небесный глас, какое прорицанье
Предписывает нам царевны сей закланье?
Но и хотя б они глаголами жреца
Велели твоего умершего отца
Прах кровью упоить и неповинну деву
На жертву несть его неугасиму гневу,
То и тогда бы, Пирр, я усомниться мог,
Что в сих словах жреца скрывается подлог.
Не боги в благости ко смертным бесконечной
Могли нам повелеть обряд бесчеловечный.

Пирр

Неверующий царь! Каких же от небес
Для подтверждения ты требуешь чудес,
Когда здесь все места их чудесами полны?
Когда запавший ветр и спящи в море волны
С их воли путь претят к отчизне нам своей
И сочетали нас с пустынной сей землей;
Когда по воле их Ахилл вещает мертвый
И нам велит свой гроб почтить троянки жертвой;
Когда природы всей нарушен ныне чин, —
Неверующим здесь останешься ль один?
Героя ли забыв и доблесть и заслуги,
Ему откажешь в дар тень будущей супруги?

Агамемнон

К заслугам ли причесть число Ахилла дней,
Которы он провел средь черных кораблей
В дремоте праздности, героя недостойной,
Свой упражняя дух во звуках лиры стройной? [1]
В которы Гектор дни, как с гор нисшедший лев,
Крушительной стопой носил по нивам гнев,
Теснил ахеян рать в своем стремленьи яром
И грекам угрожал объять суды пожаром [2]
(Едва он не покрыл обломками судов
Моря, пролитые до греческих брегов,
Которы б окружил печалью и позором).

---

[1] «Илиады» песнь IX.
[2] Там же, песнь XVI.

Но к нам без жалости и равнодушным взором
Ахилл те бедства зрел: Патрокла смерть одна
Могла в нем мужество воздвигнуть ото сна,
За друга вышел мстить, не за сынов Эллады.
Так пусть заслугам сим он требует награды
От старцев Греции и от сирот и вдов,
Оплакивающих супругов, чад, отцов,
Которых Гектор здесь поверг на ратном поле!

Пирр

Но Греция кого должна винить в том боле?
Не ты ли сам призвал в ахейский стан раздор?
Не ты ль, завистливый к Ахиллу бросив взор,
Пред целым воинством явил ему обиду,
Похитив у него прекрасну Бризеиду,
И тем прервал в полях его геройский бег?
Не лична месть влекла отца на здешний брег.
Троянин, вышедший от пристаней Фригии,
Дерзал ли приставать к тенистым скалам Фтии?
Дерзал ли увозить чрез шумну зыбь морей
Прельщенных наших жен иль слабых дочерей?
Ахилл за честь твою, в Елене оскорбленну,
Пришел в сию страну, для нас иноплеменну;
Пришел в крови троян омыть Атридов стыд,
Что в Спарте по себе оставил вам Парид.
Кто более отца нанес врагам ударов,
Пролил на них убийств, распространил пожаров,
И градов ниспроверг, и храбрых низложил?
На выю Гектора кто с смертью наступил?
Но подвиги его сам тайно в сердце числишь,
Хоть явно унижать ты их пред нами мыслишь,
И тщетно думаешь лишить его в сей день
Той чести, коей здесь его алкает тень.
Бессмертной славою поклялся я Ахиллу
Троянки кровию почтить его могилу;
Великий Юпитер обет услышал мой,
И жертву я найду и долг исполню свой.

Агамемнон

Великий Юпитер мольбам убийц не внемлет
И кровожадных клятв от смертных не приемлет.
Но лучше он в сей час услышит мой обет:

Клянуся, что, доколь зреть буду солнца свет,
Доколе не сойду к сырой земле в утробу,
Не допущу влачить Гекубы дочь ко гробу,
И пусть могущий Зевс залогом примет в том
Детей, которыми благословил мой дом.
Свершай, коль смеешь, Пирр, свой долг
неправосудный!

Пирр

Удержишь ли меня сей клятвой безрассудной?
Коль должно, кровью вновь залью сии места.

Нестор

О, как, Агамемнон, могли твои уста
Произнести обет, для греков толь ужасный?
Ты жизнь детей связал со днями той несчастной,
Чья смерть возвратный путь судам отверзть должна.
Прости, о праотцов священная страна!
Вотще вершины гор огнями возвестили,
Что подвиг с славою сыны твои свершили,
Вотще твой алчный взор, с ликующих брегов
Простертый по водам, ждет радостных судов, —
Брегов тех счастливых уже мы не достигнем
И здесь, в земле чужой, безвременно погибнем.

Пирр

Нет, не погибнем мы, но горе тем одним,
Которы над отцом ругаются моим;
И горе пленницам, оставшимся от Трои
И коих в ночь убийств мои щадили вои!
Пойдем, Пилосский царь, на тот надгробный холм,
Где ожидает нас вождей усердных сонм:
Там возвещу я им отказ Агамемнонов
Чрез общий плач и вопль и чрез смешенье стонов,
Которы извлеку закланьем пленных жен.
Пускай Ахиллов холм, телами отягчен,
Воспламенит сердца враждой к троянам новой,
Пусть грекам возвратит их прежний дух суровый,
Чтоб не щадил их меч ничьей в сей день главы!
Убийства там начну я с Гектора вдовы,
И фессалийску рать, сей кровью обагренну,
Я приведу искать сокрыту Поликсену.

(Уходит.)

Нестор

О призри, Юпитер, на греческих сынов!

(Уходит.)

Агамемнон

(вослед им)

Идите: вас принять я буду здесь готов.

Явление третье

Агамемнон и Гекуба.

Гекуба

К твоим ногам опять мои несу я слезы.
Из глубины шатра я слышала угрозы,
Которы Пирру здесь внушил порывный гнев.
О государь, спаси троянских жен и дев
И Гектора вдову: пошли меня ко гробу!
Пускай Ахиллов сын свою насытит злобу
Моею кровию, от коей был рожден
Неистовый Парид, причина всех измен,
Источник слез троян, виновник бедствий греков
И возбудивший месть богов и человеков,
Пускай, ко мне в сей день достойно Пирр суров,
Отмщает надо мной за смертных и богов!
Не дай ты мне дожить до горести сугубой,
Как воины его, представ перед Гекубой,
На копьях принесут поблеклые главы
Закланных дев и жен, и Гектора вдовы,
Как придут, чтоб меня рукой окровавленной
Навеки разлучить с плачевной Поликсеной!

Агамемнон

За Поликсену ты спокойна сердцем будь!
Для Пирра в стане сем устроен мною путь
Чрез тысячи мечей: пусть оные притупит,
Пред тем как с воинством до сих шатров доступит,
И может быть, что сам ту смерть найдет скорей,
Которою грозит он дочери твоей.
Надеюсь твердо я на воинов усердных,
А боле на богов, к несчастным милосердых.

Явление четвертое

Прежние и несколько военачальников Агамемноновых.

Один из военачальников

Явися, государь, и удержи граждан,
Которы Пирру вслед твой покидают стан
И устремляются на оный холм надгробный,
Под коим сокровен Ахилл богоподобный.
Меж тем как с Нестором и с Пирром здесь один
Ты думу продолжал, Лаэртов хитрый сын,
Пришедший к воинам Аргоса и Микены,
Восколебал в них дух сомнением измены;
Представил, что Ахилл, оставленный без жертв,
Пылает яростью, хотя давно уж мертв,
Что в ярости его участвуют и боги
И к отческой земле сомкнули нам дороги.
Несите, им вещал, на холм свои мольбы,
Чтоб пременил Ахилл к нам гневные судьбы,
Соединитесь там на жертвоприношенье,
Которым хочет Пирр загладить преступленье,
Когда желаете отцов увидеть град,
Обнять своих супруг, лелеять ваших чад!
От сих речей в рядах возникнул ропот шумный;
Большая воев часть в ретивости безумной
Бежит на гроб, чтоб зреть кровавый там обряд,
И уж немногие свой долг к тебе хранят.

Агамемнон

И сих немногих я туда ж вести намерен.
Пусть следуют за мной, кто мне остался верен!
Нам ждать ли, чтобы Пирр, к венчанью дерзких дел,
В покинутый мой стан с оружием пришел,
Извлек из сих шатров дрожащу, полумертву,
Безбожно им самим назначенную жертву
И тени надо мной представил торжество!
Нет, нет: остановлю кроваво празднество,
Разрушу жертвенник и до подошвы срою
Сей холм, воздвигнутый свирепому герою.
Пойдем, о храбрые, следы гробницы стерть!
Гекуба! может быть, отмщу Приама смерть.

Агамемнон и военачальники уходят.

Явленпе пятое

Гекуба

(одна)

Куда стремится он? ...о вы, могущи боги!
Иль не престанете к несча́стливой быть строги?
Иль, старость тяжкую составив мне из бед,
Их всюду проливать за мной хотите вслед?
Едва я здесь — и зрю вокруг царя измену.

Явление шестое

Гекуба и Кассандра.

Кассандра

Приди уговорить прискорбну Поликсену,
Ее отчаянье любовию развлечь;
Увы, последняя Агамемнона речь,
Намеренье срыть холм, под коим прах любезный,
Сугубят грусть ее и ток сугубят слезный!
Спеши, о матерь, к ней! Боюся, чтоб сестра
Не сокрушила нас побегом из шатра
И не ушла спасать и гроб и честь Ахилла.

Гекуба

О смерть, почто меня ты на земле забыла!

Конец четвертого действия

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Оное происходит близ могильного холма, при котором происходило первое действие; перед холмом поставлен жертвенник, на котором лежит нож закланий.

Явление первое

Греческие вожди, жрецы и граждане.

Хор граждан

Ахилл, богини дивный сын!
Достойну честь прими в сей тризне,
Смягчи суровый гнев судьбин
И разреши нам путь к отчизне!

Не допусти в пустыне сей
Твоих сподвижников погибнуть,
Но дай нам с славою твоей
Брегов отеческих достигнуть!

Пусть, славе сей от нас внемля,
Растут в геройстве чада греков,
И пусть пребудет их земля
Землей великих человеков!

Один из вождей

Гражда́не, к сим местам Ахиллов сын идет;
Но, горе, жертвы он сужденной не ведет!

Явление второе

Пирр, Нестор и прежние.

Пирр

Нет, греки, не веду я жертвы вам заветной,
И вы надеждою ласкались ныне тщетной,
Считая, что Атрид, смиря свой гордый дух,
Троянку выдаст мне, котору ждет супруг
Во гробе, жаждущий ее потоков крови
И пламенем томим отмщенья и любови!
Но мало, что Атрид в шатрах сокрыл теперь
Ахиллу данную самим Приамом дщерь, —
Поднесь еще к нему храня вражду неправу,
Великих дел его умалить хочет славу:
Заслуг не признает, бездействием винит
И праздным, наконец, Эллады сыном чтит.
Ах, это более мою сугубит ярость!
Когда родитель мой, презрев глубоку старость,
Средь неизвестности в дому своих отцов
Сужденную ему пророчеством богов,
Отважно предпочел полетом скоротечным
Путь жизни сократить и в памяти быть вечным,
И смертью раннею дни краткие венчать,
Придав делами им бессмертия печать;
Когда залога ждет сей славы лучезарной, —
Порочит оную Атрид неблагодарный.
Едва от ярости пред вами слез не лью.
Но нет, родитель мой, за честь в сей день твою
Не слезы должен лить, но крови ток обильный,
И в страх твоим врагам хочу сей холм могильный
Кострами обложить из груд закланных тел
Троянок, коих плен под власть мою привел.
Прими ты оных жертв кроваво приношенье,
Доколе грудь мою палящее отмщенье
Из рук Атридовых не вырвет жертвы той,
По коей праведно здесь прах тоскует твой,
Доколь сим накажу Атридов дух кичливый.
Хотя бы в ярости, толь ныне справедливой,
Мне довелося здесь брань новую возжечь
И снова упоить убийствами мой меч:
Без жертвы сей в мой дом не отплыву спокойный.

Нестор

Отважный, храбрый Пирр, родителя достойный!
Кто между греками осудит ныне месть,
Снедающу тебя? Тот сын, который честь
Умершего отца в презреньи попускает,
Под клятвою богов до срока погибает.
Атриду отомщай, хотя сердца гражда́н
И восстенают днесь, ахейский видя стан
Междоусобием на части разделенный
И утопающий в крови одноплеменной!
Но, пылкий юноша, ужель прострешь свой гнев
На пленных жен троян, на их невинных дев?
Жестокость без предел — души свирепой свойство,
И милосердием красуется геройство.

Пирр

Надменной Трои дщерь несчастною виной
Погибели отца под здешнею стеной,
И месть еще его не исцелила рану;
А я троянску кровь щадить пред вами стану?
К Пелею повезу остатки тех племен,
Меж коих сын его был жертвою измен?

(Указывая на нож, лежащий на жертвеннике)

Ах, нет, сей должен нож, священный нож закланий,
Вкруг хо́лма воздух весь наполнить их рыданий,
Чтобы их смерти вопль раздался и в гробах
И с радостью ему внимал Ахиллов прах!

(Видя троянок, выводимых воинами)

Но пленниц уж ведут к судьбе определенной.

Нестор

С другой страны Атрид спешит вооруженный.

Пирр

(переходя в ту сторону театра, с которой виден его шатер)

Оружье дайте мне: оно решит наш спор.

Нестор

Прерви, о Троя, плач, зря ныне сей раздор!

Явление третье

Все прежние, Агамемнон, воины Агамемноновы, пленные троянки и воины Пирровы.

Агамемнон

Что мыслите начать, о греки малодушны?
Иль, гласу Пиррову в безумии послушны,
Невинных, слабых жен губить хотите вы
И, призывая гром небесный на главы,
Злодейством увенчать ваш подвиг, полный славы,
И человечества нарушить ныне правы?

Пирр

Ответа требуя, сам грекам дай отчет!
Скажи, Агамемнон, что право подает
Тебе удерживать обручницу Ахилла,
Которую на брак зовет сия могила
И коей смерть решил всеобщий суд вождей?
Пред ними повтори обиду тех речей,
Которыми отца ты поносил при сыне,
И дерзостию слов ты их уверь в причине,
Повелевающей мне взять отмщенья меч
И дальный наш раздор сражением пресечь!

Агамемнон

Не можешь знать еще в твои младые лета,
Что и Ахиллу в жизнь я не давал ответа
В моих деяниях; так сыну ли его
Причины объясню поступка моего?
Пускай приемлет меч твоя рука толь смела:
Во мне не встретишь ты Приама престарела.
Но прежде оный холм быть должен мною срыт;
Напоминает он Ахилла смерть и стыд,
Его, простертого пред юной Поликсеной,
Хвалящегося ей своею нам изменой
И упоенного очей ее огнем.
О греки, сей ли гроб вам служит алтарем?
И, устрашенные видением ничтожным,
Хотите празднеством почтить его безбожным?
Ах, жалости внемли, часть мудрая граждан,
И сроем памятник союзника троян!

Пирр

(приняв оружие от воина, принесшего меч и щит, устремляется на холм)

Приди же, и, гробниц ругаяся святыне,
Карателя во мне найдешь своей гордыне;
И боги мстительны, блюстители гробов,
Оружью моему даруют свой покров!

Агамемнон

Усердны воины, разрушить холм стремитесь,
Меж тем как с Пирром я сражусь!

(Хочет с воинами стремиться на холм.)

Явление четвертое

Все прежние и Поликсена.

Поликсена

(вбегая, останавливает Агамемнона и его воинов)

Остановитесь!
Ахилла чтите гроб, и над моей главой,
О греки яростны, вы гнев обрушьте свой!

Пирр

Гекубы дочь!

Агамемнон

(изумленный)

Кого я зрю!

Нестор

О рок чудесный!
Смирись, Агамемнон, пред волею небесной!
Бессмертны, видимо, стрегут Ахилла честь,
И жертву к нам могла лишь их рука привесть.

Агамемнон

Определениям покорствую судьбины.

Пирр

(сшед с холма и отдав оружие воину, к Поликсене)

Умри, виновница Ахилловой кончины,
Безвременно отца лишившая меня!

Дождался наконец твоей я казни дня.
Давно уже во мне пылает дух желаньем
Насытиться твоим пред смертию страданьем,
По хитрому челу простертый видеть хлад
И угасающим прельстительный тот взгляд,
Из коего Ахилл любви испил отраву
И, уловлённый, пал к убийцам в сеть кроваву.

Поликсена

Над жертвою своей мученья истощай,
Убийства зрелищем свирепство насыщай,
И в полной мере взор утешь своей ты мести;
Но не дерзай при том моей порочить чести!
Не унижай во мне царей троянских дщерь
И дар, который ты отцу несешь теперь!
Так, смерти я его безвинною причиной,
Иль, лучше, я была враждебною судьбиной
К погибели его орудьем избрана;
Но хитрость мне, о Пирр, природой не дана,
И никогда мой взор не обольщал Ахилла.
Вся хитрость в том была, что я его любила,
Что мой язык и взгляд, согласные с душей,
Твердили перед ним о сей любви моей,
Которая мой ум и сердце занимала,
Которая меня над мною возвышала.
О греки, не стыжусь в торжественный сей час
О страсти сей вещать еще в последний раз.
Поднесь питая дух, она дала мне силы
Страх смерти победить; к спасенью сей могилы
Я, всё преодолев, бежала из шатра,
Где плачущая мать, где нежная сестра
Удерживать меня в объятиях мечтали,
Пришла и смерти жду, конца моей печали.

Пирр

Приди на холм: готов там брачный твой венец;
Из рук моих тебя приемлет мой отец,
И в гробе с ним твой прах задремлет скоро вместе.
(Хочет подойти к Поликсене, чтоб вести ее на холм)

Поликсена

Постой и слух склони к Ахилловой невесте,
Хоть мало умягчи свирепство к ней свое:

Не подымай ты рук на слабу жизнь ее,
На грудь, где властвует родитель твой доныне,
Но произвольной быть ты дай моей кончине
И смертного часа́ ты жертвы не тревожь!

(Видя, что Пирр хочет опять к ней подойти)

Ах, ты безжалостлив!

(В отчаянии хватает нож, лежащий на жертвеннике)

Закланий вижу нож...

Пирр

Что делаешь?

Поликсена

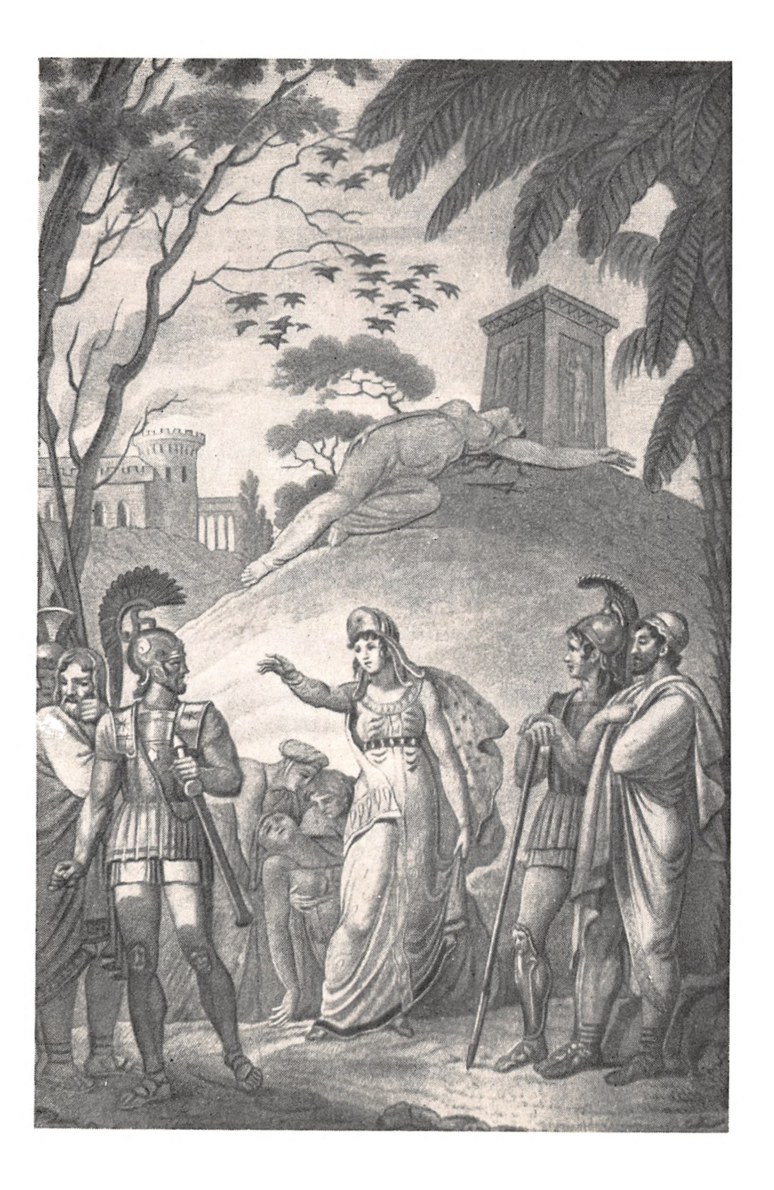
Взирай, как умирать умею,
Сама иду на холм.

(Приближаясь к холму, приходит в исступление.)

Но отчего робею?
Простертую жену я вижу предо мной!
То ль, матерь, хочешь путь мне заградить собой?
Почто же ты в слезах? почто лицо печально?
Утешься, дочь твою веселье ждет венчально,
Куда тебя на пир я скоро призову.
О, призри кто-нибудь доколь ее главу,
Из смертных кто-нибудь, кто жалостлив
к несчастным!

(Всходит на холм.)

Каким окружена я зрелищем ужасным!
Зрю град родительский весь пламенем объят,
Окрест в пустыне зрю гробниц простертый ряд;
Здесь Гектор пал сражен, там прах лежит Приама,
Что шаг — убийства след, что шаг — могильна яма.
Спокойтесь, храбрые Троянския земли!
Вы за отечество во гробы полегли,
Счастливы, не видав во злой его неволе!
Но сколько крат, увы, я вас несчастна боле!
Во цвете самом лет кончая жизнь мою,
Над Троей падшею, над вами слезы лью.
Лью слезы... но мне смерть Ахилла образует,
Тень бледная его кров тихий указует.

Прими меня, супруг, ты ласковой рукой
И утоли мой плач и в гробе успокой!

Закалается, и вдали раздается гром.

Агамемнон

Вы милость или гнев вещаете вселенной,
О боги сильные?

Пирр

Граждáне! Изумленный,
Недвижим остаюсь здесь в ваших я очах;
Нет, твердости такой не полагал в женах.
О тень родителя, будь ныне ты спокойна:
Избранная тобой любви твоей достойна.

(К жрецам)

Вы жертву на костре очистите огнем
И прах ее потом с почтеньем соберем.

Явление пятое

Все прежние, Гекуба и Кассандра.

Гекуба

(вбегающая)

Избавьте дочь мою. Меня примите в жертву!

(Останавливается при холме.)

Иль поздно и ее нашла уже я мертву?
Иль, утомленная под тягостию лет,
Уж поздно я сюда пришла за нею вслед?
Молчанье на устах... на лицах зрю смущенье!
Увы, исполнилось, конечно, преступленье!
О, дайте дочь мою хоть мертвую узреть
И мне, отчаянной, над телом умереть!
На холме ваш удар долженствовал свершаться...

(Хочет идти на холм.)

Пирр

Не допущай, народ, до жертвы прикасаться!

Народ движением останавливает Гекубу. Жрецы выходят для приготовления костра.

Гекуба
(к Пирру)

О варвар! ты и в том отказываешь мне,
О бич, ниспосланный от неба сей стране,
Губитель моего несчастного семейства,
Над мною доверши свои теперь злодейства!
На жертвенник убийств меня влеки ты сам,
И тою же рукой, которою Приам
И мой последний сын бесщадно убиенны,
Которою ты жизнь похитил Поликсены,
Той самою рукой рази меня в сей день!
Другою жертвою отца порадуй тень!
Рази из ярости или из состраданья!..
Но у меня в груди стесняются рыданья...
Теряю луч дневной... мой исчезает глас...
О, если бы сей был последний жизни час!

(Упадает без сил к Кассандре.)

Явление шестое и последнее

Прежние, Улисс.

Улисс

Что, греки, медлите над принесенной жертвой?
Иль воплем заняты Гекубы полумертвой,
Меж тем как Юпитер с Ахилловой мольбы
К нам ярость умягчил разгневанной судьбы
И, сонны возбудив валы пучины водной,
Нам разрешает путь из сей земли безгодной?
Уж туча над горой восточною взошла
И чревом тягостным на воздух налегла,
Скатился дальний гром, исторгся ветр бурливый,
И парус на судах развеялся игривый.
Спешите к кораблям, готовым вас принесть
В отечество, где ждет спокойство, радость, честь!

Кассандра

Так, греки, обагрясь вновь кровию невинной,
Спешите покидать троянский брег кручинный!
Но чашу здесь на нас пролитых вами бед
Должны вы за собой влачить повсюду вслед.

Есть боги мстители за скорби Илиона:
В том уверяюся внушеньем Аполлона.
Внемлите! он во мне прорцаний дух возжёг,
Блеснул моим очам времен грядущих ток,
И предстоят судьбы и царств и человеков:
О сердце, радуйся, несчастья видя греков!
Большую часть вождей, которы брань вели,
Безвременная смерть сорвет с лица земли,
Одни уж никогда отчизны не увидят,
Другие, к ней пристав, ее возненавидят
И, царства удалясь, умрут в стране чужой;
Сей Пирр, Ахиллов сын, свирепый ваш герой,
Пред мирным алтарем зарезавший Приама,
Сам в младости падет, зарезанный средь храма.
Но позавидуешь сей смерти ты, Улисс!
К Итаке по волнам чрез десять лет носись;
За новые моря, за бедствия несчетны
Твой остров от тебя отдвигнули бессмертны;
Виновник хитростный троянской нищеты,
Все оной горести в пути претерпишь ты,
Достигнешь родины, но, спутников лишенный,
Один придешь в свой дом, едва не расхищенный.
Так, грека каждого дом будет разорен,
Иноплеменника мечом порабощен,
Доколе не придет народ от стран полнощных,
Чтоб снять оковы с рук ахеян маломощных;
И боги, в поздный род продлив чад ваших стон,
Отмстят за жертву вам, отмстят за Илион.

Агамемнон

Кассандра, что за гнев бессмертных возвещаешь?

Кассандра

Почто, Агамемнон, меня ты вопрошаешь?
О царь несчастливый! Не будешь средь пиршéств
Внимать веселья песнь в хвалу твоих торжеств,
И в доме не найдешь спокойного уж места;
Едва окончишь путь и обоймешь Ореста,
Едва омоешь ты трудов кровавый пот —
И смерть тебя крылом с сей нивы поженет.
Брегись соткáнного супругой покрывала:
Соткáнно для тебя над острием кинжала.

И в день и в час один прибывшая с тобой,
Погибну я сама подобною ж судьбой.

Агамемнон

О страх!

Нестор

Виновных нас, о боги, накажите,
Но в милосердии чад греков пощадите!

Пирр

Сим верите ль словам? К чему напрасный страх!
Мы мстили праведно, отмщен Ахиллов прах.

Нестор

Какой постигнет ум богов советы чудны!
Жестоки ль были мы иль были правосудны?
Среди тщеты сует, среди страстей борьбы
Мы бродим по земли игралищем судьбы.
Счастлив, кто в гроб скорей от жизни удалится;
Счастливее того, кто к жизни не родится!

Конец трагедии

1808—1809

II

ЭЛОИЗА К АБЕЛЯРУ

Ироида

Вольный перевод с французского творения Колардо

Прелестному полу посвящаю

Часто предисловия служат похвальными словами сочинениям, пред коими они поставлены. Многих книг никто не знал бы красоты, если б сами авторы не имели предосторожности высказать наперед совершенства оных, совершенства, которые они одни видят.

Я не намерен говорить здесь о своем переводе, того менее — о своих дарованиях. Сказать мне, что я чувствую, сколь дар мой мал, — подумают, что я испрашиваю помилования от критиков; а выписать из Боало сей часто употребляемый стих: «La critique est aisé, et l'art est difficile»[1] — то сочтут меня по справедливости надменным. Иметь от природы дар к стихам необходимо нужно. Человек с холодною душою, с тусклым воображением будет писать рифмы: но родиться искусным стихотворцем невозможно; а чтоб приобресть искусство, нужно время и упражнение.

Я предлагаю читателям первый опыт мой в стихах. У меня спросят, за что для первого опыта я выбрал столь трудное творение? С обработанного и усовершенного языка предпринять перевесть лучшую ироиду на наш язык, начинающийся образоваться, конечно, было дерзко. Но на сие отвечаю, что природа в том виновна. Читая г. Колардо, я был восхищен, мне открылся путь парнасский, и я почувствовал вдохновение Аполлона, о котором прежде и мысли не имел. По окончании я сравнил перевод мой с прежде учиненным и напечатанным в Ежемесячных сочинениях 1786 года. Творитель сего, мне неизвестный, или переводил то же письмо, но другого автора, или в преложении сам сделал многие перемены. Я видел в нем картины, превосходящие мои описания, но вообще более ума, нежели чувства, и потому решился издать свой перевод. Знаю, что в оном многие места подлежат критике, и ее ожидаю, чтоб просветиться. — Мне должно было учинить сию мысль мою известною, мне надлежало оправдаться в смелости моего предприятия: вот для чего пишу предисловие.

---

[1] Критика легка, искусство — трудно (франц.). — *Ред.*

Выписка о жизни Абеляра

Абеляр, не столько известный своими писаниями, сколько любовью к Элоизе, родился в Бретании 1079 году. Он с молодости упражнялся в словесных науках и вскоре в философии и богословии превзошел своих учителей Шампо и Ансельма. Сии, возбужденные завистью, восстали противу него; но гонения их были тщетны. Абеляр, приобрев славу, был определен в Париже к приходской церкви, куды обратил весь город.

Вскоре Абеляр свел знакомство с Элоизою, исходившею из дому Монтморанси. Иные утверждают, что она была побочная дочь некоторого шануана.[1] Элоиза соединяла изящнейший разум с чрезвычайною красотою. Сим двум превосходнейшим особам своего века стоило друг друга увидеть, чтоб друг друга любить, и они сыскали средство предаться беспрепятственно своей страсти. Элоиза жила у дяди своего, шануана Фюльбера, мужа простого и скупого. Абеляр выпросил у него себе жилище в том же доме, обещевая ему платить за то большие деньги и, сверх того, обучать даром племянницу его. Фюльбер на сие предложение радостно согласился и позволил Абеляру наставлять Элоизу во всякое время дня и ночи, и даже наказывать ее, если она будет невнимательна к учению. Любовники воспользовались таковою свободою и жили совершенно счастливо в недрах сладострастия. Некоторое время они скрывали свой союз от любопытных взоров домашних, но мало-помалу стали иметь менее предосторожности, и сие тайное их сообщение, сперва подозреваемое, учинилось наконец всему городу известное. Один дядя ничего о том не ведал и сам с прочими пел любовную повесть своей племянницы; однако ж наконец загадку песней понял. Взбешен будучи, что учинился посмешищем всего Парижа, он сурово поступил с Элоизою и выгнал Абеляра из своего дома.

Но между тем следствия любви стали явными: Элоиза была беременна, она уведомила о том своего любовника, который, увезши ее от дяди, послал в Бретанию к сестре своей, где она разрешилась сыном, который вскоре умер. Сие происшествие довершило гнев и ярость Фюльбера. Чтобы его успокоить, Абеляр обещал ему жениться на его племяннице, на что шануан охотно согласился, но Элоиза по чрезвычайной страсти и бесподобной нежности лучше хотела называться любовницею Абеляра, нежели его женою. Долго противилась она, но наконец склонилась на сей брак, который

[1] Бельца, который, по Римскому закону, также не может вступать в брак.

с общего согласия долженствовал пребыть тайным. Элоиза возвратилась к Фюльберу, но сей последний, против своего обещания, разгласил союз своей племянницы с ее учителем.

Абеляр, опасаясь, чтоб таковое разглашение, могущее лишить его прихода и учеников, не было принято за достоверное, свез Элоизу в женский монастырь Аржантэль, где она с прочими светскими, тамо жившими девицами носила монашескую одежду. Фюльбер, вообразив, что его все обманывают и что тут кроется новая измена, принял варварское намерение отомстить одним ударом Элоизе и Абеляру, лишив любовника тех частей, коими он нанес ему бесчестие. Злодеи введены были ночью в покой несчастного учителя и привели его в состояние Оригена.

Некоторый современный писатель примечает, что сие плачевное приключение сокрушило весь Париж, наиболее женщин. «Смерть супруга или любовника, говорит сей автор, не столько бы для них была огорчительна, сколько таковое злосчастие Абеляра». Но нельзя изобразить прискорбие Элоизы. Одни нежные и чувствительные души могут себе представить отчаяние сей горестной любовницы.

Абеляр, излеченный от своей раны, чтобы сокрыть свой позор, заключил себя в монастырь св. Дионисия, где принес монашеские обеты. Он принудил Элоизу последовать его примеру. Она повиновалась и при своем пострижении держала и обливала слезами последнее письмо Абеляра, которым он уверял ее о вечной своей любви: «Подходя к алтарю, говорит она, я несла с сердцем моим купно сердце моего любовника, и мои обеты принесли в жертву и то и другое».

С сего времени жизнь Абеляра была сцепление злополучий. Ненавидимый от своих собратий, от них гонимый, из монастыря исключенный, обруганный как в лице, так и в сочинениях своих, он был засажен в темницу. Оттуда с трудом освободившись, но быв без пристанища, скитающийся и нуждающийся во всем, он удалился в пустыню, близ города Ножан при Сене, которая чрез него и Элоизу учинилась известною под именем Параклет. Тут построил он жилище, питался плодами и кореньями и привлек для своего пропитания нескольких учеников, коих вскоре гонением лишился.

Наконец счастие, казалось, престало преследовать Абеляра. Он был поставлен игумном над одним монастырем. Но тут претерпел он от своих монахов огорчения чувствительнее прежних. Жестокие сии люди, заставив его испытать все, что ненависть и бешенство могут изобресть злейшего, несколько раз покушались на его жизнь. Сперва хотели его отравить, потом подкупили злодеев, чтобы его умертвить, и, наконец, не успев в сем преступном замысле, они сами

решились предать его смерти. Абеляр избавился от сих варваров и пошел искать другое себе пристанище.

Элоиза, учинившись начальницею в своем монастыре, не более Абеляра пребыла покойною. Монахи св. Дионисия завладели монастырем Аржантэль и изгнали оттуда монахинь, которые все разошлись по разным сторонам. Абеляр предложил Параклет убежищем для Элоизы, и она с несколькими своими подругами там и поселилась. Сии любовники по долгим трудам и пособием графа Шампанского и других в соседстве живших господ основали игуменство, в коем Элоиза была первою игуменью. В сем жилище Абеляр проводил часть года. Но злословие исполнило отравы сие последнее его утешение. Неприятели его сочли ему в преступление связь его с Элоизою, как будто плачевное состояние, в коем он находился, не долженствовало избавить его от всех подозрений.

Сии супруги принуждены были расстаться навсегда и провели остаток дней своих в слезах и горести. Абеляр скончался в 1142 году шестидесяти трех лет от рождения, а Элоиза умерла таковых же лет в 1164 году. Они были положены в единую гробницу, где смерть, соединив прах сих любовников, сокрыла их от зависти и злобы людей и предала вечному покою.

ЭЛОИЗА К АБЕЛЯРУ

Элоиза в своей келии отвечает на письмо, полученное от Абеляра.

Среди молчания, в жилище тишины,
Где души суеты и страсти лишены,
Где богу лишь сердца навеки посвященны,
Чем чувства днесь мои жестоко толь смущенны?
Теснится грудь моя, во мне пылает кровь...
Какая страсть?.. Любовь, злосчастная любовь!
Она у алтарей меня не оставляет,
Во вздохи страстные молитвы пременяет,
Мой Абеляр... но нет... Супруг... Увы, постой,
Постой, несчастная, и имя то сокрой!
Ты богу одному супругой нареченна.
О, сколь злосчастливо была я обольщенна!
Я мыслила, что здесь престану ввек гореть,
Что здесь спокойствие в душе я буду зреть:
Письмо твоей руки обман тот истребило,
Под пеплом скрытый огнь внезапно вспламенило.
Сто раз зрю письмена, целую те черты,
Что вредны сердцу столь, разрушив все мечты...
Но что я говорю... не вредны, но любезны,
Но услаждающи дни горестны и слезны.
В чертах сих образ твой драгой мне предстоит.
Сей образ я люблю, мой дух боготворит.
Любовник мой!.. О стыд! в убежище священном
Что мыслю, что глашу, и в сердце что прельщенном
В ответ к тебе писать я ныне здесь хочу?
Пишу... но нет, письмо слезами омочу,

Черты ими сотру, и слов ты не познаешь:
Всей слабости моей ты в них не прочитаешь.
Мне бог днесь о любви писать претит к тебе,
Покорна... но, увы! сама я не в себе:
Мне сердце пламенно любовь одну вещает;
Рука ту страсть в письме дрожаще помещает.

О мрачны храмины, где грех порабощен,
Где ко спасению лишь смертный обращен,
Где добродетель зрят обеты приносящу,
По воле узницей и без грехов стенящу,
Откуда до небес восходит томный глас
И где пощением страстей всех жар погас!
О хладны мраморы! О вы, святые мощи,
Пред коими курим и служим дни и нощи!
Почто, когда я вся любови предана,
Почто, подобно вам, я чувств не лишена!
Молитвы все мои, поклоны и пощенья,
Оковы, тягости и тела удрученья —
Всё тщетно для меня: и огнь мой не исчез,
Хоть льются по груди горчайши токи слез.
Когда я, Абеляр, письмо твое читала,
Все скорби я твои с своими вспоминала.
Любовь мне делала отраду при тебе —
В разлуке же любовь влечет ко злой судьбе.
Иное зрю: тебя украшенна венцами,
Довольным, счастливым — путь стелешь мне цветами.
Или в пустыне ты мне видишься согбен,
Со прахом на челе, под рясой удручен,
Пред алтарем стоящ в слезах и воздыхая
И дни свои во мрак и скорби погружая.
И так мы дóлжны жизнь во кельях проводить,
Забыть друг друга в них и страсть всю истребить:
Так вера ревностна в судьбах определила,
Когда меня с тобой сурово разлучила.
Но нет, пиши ко мне, мне чувство сообщай;
Без ропота терпеть меня ты научай!
Разделим грусть: ты плачь над скорбями моими;
А я начну стенать печалями твоими...
Несчастным отдан плач отрадою одной.
Пусть эхо съединит свой глас с моей тоской,
Одно любовников в бедах не оставляет,

Пускай плачевный стон печально повторяет!
Ни рок, враги — ничто не может запретить
Томиться, рваться нам и в скорбях слезы лить.
Но слезы, говоришь, для бога лить мне должно, —
Ах, нет, не может быть: так помышлять безбожно!
Бог смертным не тиран, он милостив отец,
Зреть скорбь людей не есть творения конец.
Пиши ко мне, пиши: такое сообщенье
Любящимся сердцам в разлуке утешенье.
Конечно, дар письма любовь изобрела,
В неволе страждущим любовникам дала.
Любовница в письме все чувства объясняет,
И, не стыдясь, весь жар свой страстный изъявляет.
Увы! союз пред сим законен был для нас:
Но злой сразил удар... настал плачевный час,
Расторглись узы все, природа восстенала.
Воспомни, как твой глас я радостно внимала,
Когда под дружбою ты предлагал любовь!
Из уст твоих текла, в мою лилася кровь,
Вспалила сердце мне, наполнила все чувства,
Твой взор меня пленять не требовал искусства:
Я мыслила в тебе зреть ново божество,
В объятиях твоих теряла существо —
О, сколь казалась страсть и сладостна и нежна!
Я счастие лишь в ней обресть была надежна.
Богатство, славу, честь, кумиры всех людей,
Я в жертву принесла одной любви моей.
В прелестной страсти той вселенную забыла;
Мир, бога самого в тебе я находила.
То помнишь, Абеляр: се ты мне предлагал
Свершить обрядный брак, се ты всегда желал
Торжественный обет принесть пред алтарями,
Что сильна страсть в гробу окончится лишь с нами.
Почто, сказала я, для нас такой союз?
Свободною родясь, любовь не терпит уз.
Любовь не есть порок, она лишь добродетель,
Виной бывает зла, но также благ содетель.
Сколь часто видим мы, что брачные венцы
Сильнейшей страсти суть несчастные концы.
Поверь, что сделан брак для душ обыкновенных
И должен съединять любовников пременных.
В свидетели любви не призовем творца,

Но внемлем страсти лишь, соединив сердца,
Всю жизнь ей посвятим и ей займем всё чувство;
Изучим мы любви прелестное искусство:
Дар боле нравиться, в весельях утопать
И, словом, лишь любовь в любови обретать.
Пущай могущий царь великость повергает,
С престола низойдя, мне скипетр предлагает,
Державой за любовь наградою сулит,
Тем блеском он меня, ни честью не прельстит:
Презрю, отвергну всё; и скипетр и державу
Ногами я поправ, в тебе зреть буду славу.
Ты знаешь, Абеляр, в душе твоей мой трон,
Величества и честь и пышный блеск корон.
Любезной быть твоей — вот титло дорогое!
Скажи ты имя мне, какое бы иное
Могло мою любовь сильнее выражать, —
Тебя под словом тем я стану обожать.
О, сколь, мой друг, любить, любимой быть приятно!
Для хладных только душ то счастье непонятно.
Сей первый есть закон, всё прочее — мечта.
Счастливей смертных всех любовников чета.
Взаимны чувства в них их склонность съединяет:
Один лишь мыслит что, другой то исполняет,
В забавах и в игрáх проходят все их дни,
Веселья совершив, веселий ждут они,
В источнике любви пьют сладкий ток блаженства,
Забвенье мрачных зол и благ несовершенства.
Мы счастья ищем все; любовь ведет к нему,
Она влечет сердца к веселью одному,
Она причина благ и чувств всех услажденье.
Сей участи и мы вкушали наслажденье.
Но всё исчезло вдруг. О, грозна нощь!.. О, страх!..
Я зрю убийц твоих, у них злой меч в руках;
Из сердца твоего меня извлечь стремятся,
Их души зверские злодейства не стыдятся.
Где я тогда была? Что делала тот час?
Мой плач, мой стон, мой вопль смягчили бы за нас.
К ногам злодеев сих в отчаяньи б припала:
«Постойте, варвары, — я б горестно вскричала. —
Коль в Абеляре вы караете любовь,
Не он — виновна я, мою пролейте кровь,
Разите сердце мне, оно любовью страстно;

Когда же тщетен плач, моление напрасно —
То знайте, что удар жестокий отвращу
И прежде здесь его я умереть хочу.
Но что... не внемлете... какое исступленье!
Мой вопль считаете за ново преступленье!»
Увы! что вижу я?.. Окровавлен уж меч...
Веселья рушились... мой стыд кончает речь.

Какое же тогда настигло время злое!
Напасть одну прешед, злосчастье зрим другое.
Воспомни, Абеляр, тот слезный день для нас,
В который мне воззвал могущий веры глас;
В который пред алтарь ты вел меня как мертву;
Сам жертвой будучи, меня влачил на жертву.
Дрожащею рукой ты наложил покров
И ждал в молчании моих обетных слов.
Но клятву лишь свою из уст я испустила,
Как с речью скрылся вдруг луч днéвного светила,
Ветр бурный заревел, раздался в тучах гром,
Померк лампадный свет, потрясся храм и дом,
Весь ангелов собор той клятвой изумился,
Всевышний в небесах победой удивился:
В таком сомнении тогда сам пребыл бог,
Чтоб победить тебя, всесилен быв, возмог.
Сколь праведно, увы, сомнение то было!
Когда обет несла, мне сердце изменило;
Тобой наполнена, клялася богу я,
Иль, лучше, я рекла все клятвы для тебя.
Приди же, Абеляр, приди, чтоб в утешенье
Осталось в жизни мне твое драгое зренье.
Приди — и мы еще любви познаем сласть.
В глазах мы будем зреть, в сердцах обрящем страсть:
Я пламенем горю... жар сильный ощущаю...
Пускай крови твоей мой жар я сообщаю.
В забвеньи дай ты мне прилечь на грудь твою,
Дай с уст твоих собрать отраду всю мою.
Дражайший Абеляр, мою делúшь ли радость?
Вкушаешь ли, мой друг, прелестной страсти сладость?
Обняв меня рукой, прижми к груди своей,
Хоть то любви мечта, но предадимся ей.
О восхищение... в весельях утопаю...

В восторге злу судьбу твою я забываю!
Целуй меня, целуй... без чувств и чуть дышу...
Я в мыслях пламенных веселье совершу...
Но что сказала я? Какое заблужденье!
Мне ныне предстоит иное услажденье.
Приди — но чтоб меня пред жертвенник влачить;
Чтоб иго веры несть в терпеньи научить,
Наставить, как тебе, коль только есть возможно,
И бога и закон предпочитать мне должно.
Воспомни, что тебя здесь робки девы ждут,
Во правилах твоих смиренну жизнь ведут.
Ты пастырь их, приди: пусть йдут за тобою,
Спасенья в подвиге подай пример собою!
Се ты дал вид иной сим каменным горам:
Жилище основав, на них воздвигнул храм.
Твоей рукою здесь места преобразились;
В пустыне дикой сей отрады насадились.
Ты миру создал дом приятной простоты,
Нет блеску вовсе в нем, нет лишней красоты,
Имение сирот тот дом не возвышало,
И злато суевер его не украшало.
Богатство дома всё в смиреньи состоит;
Невинность тихая убежище в нем зрит,
И добродетель здесь в покрове безопасном.
Во замке мрачном сем, безмолвием ужасном
(Куды, средь светла дни и небеси без туч,
Проходит со трудом лишь слабый дневный луч),
Под сводом каменным, под сенью страшных башен
Твоим сиянием был прежде дом украшен:
Не столько в полдень зрят блестящим солнца круг.
Но ты оставил нас; с твоим отъездом вдруг
Настала темна ночь, простерла покрывала,
И скорбь снедающа во мраке прелетала.
«Увы, где Абеляр?» — вот глас, что слышен днесь!
И все сердца печаль делят со мною здесь.
Смущенна будучи подруг моих слезами,
Молю тебя: приди, соединися с нами,
Утешь невинных дев и скорбь их прекрати,
Спокойствие с собой, утехи возврати!
О хитростный предлог, о ложно состраданье!
Не грусть моих подруг, не плач их, не рыданье
Ведут мое перо: любовь, любовь одна,

Что я тебя зову, злосчастная вина.
Приди, внимай лишь мне: одна я призываю,
Одна тоски конца с тобою ожидаю.
Приди, любовник мой, отец, и брат, и друг,
В противность небесам, приди ты, мой супруг!
Ни ток чистейших вод, что с шумом с гор стремится
И на лугах, журча, по камешкам катится,
Ни красота полей, ни тень густых древес,
Что с гордостью верхи возносят до небес,
Ни тихи озера, что небо отражают,
Луч солнечный прияв, струями ослепляют, —
Ничто уж без тебя меня не веселит:
Природы зрелище печаль не уменьшит.
Прискорбная тоска, дщерь мрачна отвращенья,
Вослед за мной идет и множит злы мученья.
Она сушит траву, цвет ею увядает
И, к корню наклонясь, со стеблем умирает;
Поля стоят без жатв; нет зелени в лугах,
И нет величества в утесистых горах;
Безгласно эхо здесь, зефир не веет боле,
И птички стонут лишь в своей печальной доле.
Таков печальный вид обители твоей.
Сей вид приличен днесь злой горести моей.
Во мрачной келии, в неволе, заключенна,
В слезах влачу все дни и жизнью отягченна.
Но яд любви еще в крови моей течет,
Еще к веселию он мысль мою влечет.
Отсутствием твоим невинной пребываю,
Невинность тяжку ту стократно проклинаю.
Кто... я... чтоб я могла любовь преодолеть?
Душе моей нельзя толико сил иметь.
Пред тем, как в сердце мне спокойствие вселится,
Пред тем, как страсть моя рассудку покорится,
Сколькратно я, увы, еще должна любить,
Еще к раскаянью от страсти преходить,
Еще надеяться, желать, отчаяваться,
То мыслью обнимать, то сердцем разрываться,
Волненье чувствий всех испытывать в себе,
Но в чувствах разных тех лишь мыслить о тебе!

Непобедима власть, любви влиянье злое!
Обеты я несла, а мыслю здесь иное;

Супругой будучи бессмертному царю,
Я к Абеляру вся любовию горю;
Меж веры и любви я колебаться смею.
Жестокий бог! смягчись над слабостью моею;
Волнующим страстям законы положи,
Могущество свое над мною покажи.
Из хаоса извлек ты стройную вселенну —
В десницу днесь прими всю власть свою безмерну!
Не должно созидать: потребно больше сил,
Потребно, чтоб во мне любовь ты истребил!
Возможешь ли, мой бог? против врага любезна
Защиты требует моя молитва слезна...
Но нет, защита та была бы зла напасть;
И сколь ни пагубна, но мне потребна страсть.
Питаюсь ей одной, одной ей существую,
И буду я мертва, коль душу дашь иную.
О вы, в сих храминах сотрудницы мои,
В священных узах здесь влекущи дни свои,
О, сколь вы счастливы: вас страсти не смущают;
В вас души томные восторги ощущают;
Могущей вере вы предавшися одной,
Нисколь не мучимы любовною тоской,
В едином боге днесь источник благ вы зрите
И благочестием в смирении горите.
В всегдашней тишине проходят ваши дни,
Ваш сон в ночи прервут моления одни —
А я в любви томлюсь, когда заря восходит,
Горю, как солнца шар в моря лучи низводит,
Не погасает огнь в прохладности ночей,
И сон, покойный сон бежит моих очей.
Когда же усыплюсь, то мыслям вспламененным
Явится Абеляр любовью оживленным.
В нем прежний вижу жар, в нем прежни зрю черты;
Родятся в сердце мне прелестные мечты.
В объятиях моих он страсти отвечает;
Любовь взаимный жар веселием венчает.
В забвении моем исчезнет естество,
И небо, и земля, и само божество...
Но сон, увы, пройдет, и злое пробужденье
Осудит страсть мою на новое мученье!
Нет более в тебе волнений таковых,
Не знаешь, Абеляр, ты сих мучений злых.

Подобно той воде, что из ключей биется,
Кровь в сердце днесь твоем холодная лиется.
Отрад любовных всех лишенный злой судьбой,
Твой ныне век, как смерть, стал вечный лишь покой.
Душа твоя не есть любви престолом боле,
Влечешь ты жизнь свою как будто поневоле:
С трудом раскроешь взор при восхожденьи дня,
Не зрят во взоре том любовного огня,
Как слабый свет зари, луч тихий испущает,
И томность сердца нам в глазах своих являет.
Приди же, Абеляр, чего страшишься днесь?
Опасный огнь любви в тебе сгорел уж весь.
Навеки охладев ко сладостям любовным,
Тебе ль страшиться льзя быть к слабостям преклонным?
Могу ли льститься я, что нравлюся тебе?
Увы, мой Абеляр, во злой твоей судьбе
Мой страстный огнь к тебе тому огню подобен,
Близ мертвых что горя, дать жар им неудобен.
Любовь твой хладный дух не может вспламенить,
Люблю тебя, а ты не можешь уж любить.
Ах, участи твоей мне должно ль быть завистной?
Монашеска степéнь, долг, мною ненавистный,
И строгость звания, и келий мрачный зрак
Твой вид в душе моей не истребят никак.
На гробы мертвых ли когда паду стеняща,
Иль ниц пред алтарем когда в слезах лежаща,
Ни ужас меж гробов, ни святость алтарей
Здесь мысли пламенной не развлекут моей.
Везде я зрю тебя, и сердце сокрушенно
Лишь бьется для тебя, любовью упоенно.
К молению ль когда сзовут во храме нас —
В священных пениях мне слышится твой глас.
Служение ль идет и фимиам курится —
Сквозь взвивы дымные мне образ зреть твой мнится.
При виде таковом забуду празднество,
Священников, и храм, и веры торжество,
Я вся вострепещу, преклонятся колени,
И руки распрострю к твоей дражайшей тени.
Когда вкруг алтаря оплот небесных сил
Сияющи главы, трепéща, преклонил,
В тот тáинственный час, как жертву совершают,

Как вздохи рвения молитвы заглушают,
Как страх, священный страх объемлет все сердца,
Тебе лишь я молюсь, в тебе зрю благ творца.
Но бойся, Абеляр, власть вышня превозможет,
Сразит мой страстный дух и от тебя отторжет.
Мой бог меня зовет, иду... Но нет; приди,
Сразися за меня и бога победи!
Приди, дерзай ты стать между небес и мною, —
Оставлю небеса и шествую с тобою.
Верховным благом ты душой моей сочтен,
В объятиях моих ты богу предпочтен...
Но что глашу?.. Беги, оставь меня здесь мертву
И богу уступи несчастнейшую жертву.
Беги, и от меня морями отделись;
В противный моему край мира преселись!
Предавшись богу днесь, жить близ тебя страшуся,
Единым воздухом с тобой дышать боюся.
От зла к раскаянью путь долгий предстоит,
С раскаянья на зло мгновенье совратит,
К спасенью моему следы твои опасны.
Беги, я говорю, забудь все клятвы страстны!
Разрушим наш союз, не мысли обо мне,
И страсть мечтой почтем во глубочайшем сне!
Простите, прелести, что душу уловляли,
Простите, сладости, что сердце заблуждали,
Простите навсегда; и ты прости, мой друг,
Дражайший Абеляр, любезнейший супруг!
Но, ах, что слышу я... глас, горестно стенящий!
Ужель?.. Но так, се он, се час мой приходящий!
В едину нощь молюсь в пещере мрачной той,
Где грозна смерть стрежет над мертвыми покой;
Тут томная свеща близ гроба догорала
И ужас храмины трепéща освещала;
Но только лишь сей луч во мрачности погас,
Как вдруг услышала стенания и глас:
Из гроба глубины те вопли исходили,
И своды каменны стон жалостно вторили.
«Постой, — вещал мне глас, — не плачь, отринь свой страх!
Мой гроб тебе отверст, здесь ждет тебя мой прах.
Спокойства ищешь ты: спокойства нет меж смертных;
Оно им здесь дано, оно в жилище мертвых.

Я страстью мучилась подобною тебе,
Но злым бедам конец в гробу нашла себе.
Не слышны боле здесь любовников стенаньи,
Здесь кончится любовь, все вздохи и страданьи.
Здесь набожность сама теряет злой свой страх.
Сей бог, что, нам гласят, имеяй меч в руках
И страсти временны навеки отомщает,
Сей бог кончает скорбь и слабости прощает».
Коль истинно сие, о боже, отче мой,
Час смертный поспеши, мой ускори покой!
О светла благодать, о мудрость сокровенна,
О добродетель, дщерь небес предрагоценна!
Вы все, являющи веселья без конца,
Введите в дом меня небесного отца.
Вот час... Мой Абеляр, приди, я умираю;
Закрой мне очи ты: страсть с жизнью лишь теряю;
Приди ко мне, прими в сей мной желанный час
Последний поцелуй, последний вздоха глас!
А ты, коль смерть сотрет твои красы жестоки,
Красы, что горьких слез моих влекли потоки,
Коль скорби дней твоих нить тяжку прекратят,
Пущай в единый гроб нас ввеки съединят!
Чтоб в надписи любовь злу повесть описала;
Чтоб нежные сердца та надпись ужасала;
Чтоб проходящий рек: «Могущая любовь,
Се ты виной их бед, смутив в них жарку кровь.
Теките токи слез на гроб четы несчастной,
И да страшимся все любови столько страстной!»

Элоиза.

<1794>

III
СТИХОТВОРЕНИЯ

ОДА НА КОНЧИНУ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В 1796 ГОДУ

Почто у алтарей священных,
Россияне, я вижу вас
Унылых, бледных и смущенных?
Мольбы смиренной прерван глас:
От вздохов тяжких, кои внемлю,
Вы повергаетесь на землю
И горьких слез лиете ток!
Но тщетны клики все плачевны;
И небеса, к России гневны,
Свершили нам удар жесток.

Средь светлого царей чертога
Возникла весть, растет, летит;
За нею вслед бежит тревога
И скорбью лица все мрачит.
Спустилась ночь на град престольный,
Но страх сугубится невольный,
Никто в ту ночь не знает сна.
Вокруг дворца народ, как море,
В волнении вопит: «О горе!
Прешла великая жена

Прешла...» и вопли те, как громы,
Раздавшись меж высоких гор,
Преносятся из дома в домы,
Разят и град, как царский двор.
И сердце русских безутешно.

Стогласна вестница поспешно
Летит вселенной возвещать,
Что навсегда закрыла очи
Царица сильна полуночи,
«Россиян храбрых нежна мать!»

Спешит к златым вратам востока,
Отколь природы всей краса
Из моря ото дна глубока
В лазорны всходит небеса,
«Оставь, — гласит, — ты багряницу,
И светлу, солнце, колесницу
Ты в ризу черную одень.
Пусть нас покроет вечна тень!»
Сеченному подобно крину,
Скосила смерть Екатерину;
Земле не нужен боле день.

Почто уж освещать вселенну
В толь грозны времена небес?
Европу зреть окровавленну
И в токах отсвечаться слез?
Все Галлии смятеньем полны,
С Британией воюют волны,
Германию скрывает дым;
Мечи убийства всюду блещут,
И в ужасе своем трепещут
Италия и древний Рим.

Народ восстал на все народы,
И, бед своих источник сам,
На разрушении природы
Воздвигнуть хочет славы храм.
Но храм, на трупах сооруженный,
Рекой кровавой окруженный,
Рассыплется как тлен и прах.
Несчастны те, хотя и громки,
Которых имена в потомки
Пренесть должны позор и страх.

Не так о днях Екатерины
Потомки вспоминать должны.

Вотще вставали исполины,
Грозя нам ужасом войны,
Сарматы, готфы, мусульманы,
Те грозны русские граждаfны
Шли молнией от дольних туч, —
И пахари, при ней счастливы,
Свои орали щедры нивы,
Сиял над ними кроткий луч.

Одной рукой колебля троны
Злом дышащих на нас врагов,
Другою издавав законы
Для счастия своих сынов.
Зря мудрые ее уставы,
Под сладку сень ее державы
Народы чужды притекли;
И горни девы Геликона
К подножию Фелицы трона
Венцы лавровы принесли.

Но лавры, гения награды,
Способны громы отражать;
А смерть разит сквозь все преграды,
И ею пала россов мать, —
В своем владычестве над нами
Не рознит смерть царей с рабами
И всех равно косою жнет.
Как к морю рек и речек воды
Текут влечением природы,
Так смерть всех к вечности влечет.

Там, в горней высоте эфира,
Слиян из звезд, сияет трон;
На нем творец, покоясь, мира
Вселенныя хранит закон;
Пред ним стоят глубоки чаши,
Куда стекают слезы наши
В мольбах усердных к небесам.
Господь, России зря печали,
Провозгласил, и все внимали
Его премудрым словесам:

«Умерь печаль, народ избранный,
С тобою я, с тобою бог;
И царь, моей щедротой данный,
Возвысит твой могучий рог.
Уже венец Екатерине
В блаженстве изготовив ныне,
Я Павла оправдал владеть.
Цари, свершившие долг трудный,
В державстве кротки, правосудны,
Должны в созвездиях блестеть.

Враги твои да посрамятся,
Твою в печали радость зря,
Как силы русских утвердятся
Под скиптром мудрого царя».
Бог рек; и громы раздалися;
Гранитны горы потряслися,
Печали скрылась мрачна тень;
Взыграли волны в спящем понте,
Заря блеснула в горизонте,
И воссиял нам новый день.

1796

ОДА ГАВРИИЛУ РОМАНОВИЧУ ДЕРЖАВИНУ НА ПОЛУЧЕНИЕ ИМ ОРДЕНА СВ. АННЫ ПЕРВОГО КЛАССА В 1798 ГОДУ

Сей дух, которым ты, Державин,
Паришь за груды облаков
И Пиндару в восторге равен,
Спокойно внемля треск громов,
Рукою твердою и смелой
Небесный свод колебля целый,
Срываешь солнца с древних мест,
Безвестные миры расстроя,
Чтобы для русского героя
Венец слиять из светлых звезд,

Сей дух, которым ты геройство
Пожарского ценить возмог,
Тебе дарует славно свойство
Стирать неправды гордый рог.

Седяй меж судией высоких,
Где в думах тайных и глубоких
Решатся участи людей,
На лица не взирая сильных,
И в чувствах пылких и обильных
Гремишь ты истиной своей.

Тебя ль вельможей горделивых
Власть временная устрашит?
Для их страстей несправедливых
Опустишь ли ты правды щит?
Ах, нет, ты ведаешь, что Этны,
Далеко ужасом приметны
И устрашающи моря,
Падут с вершиною отважной
Во глубину пучины влажной:
Их огнь погаснет, как заря.

Подобно как древа ветвисты,
И сами царствия падут:
Атланта рамена кремнисты
Не вечно небо подопрут;
Горящи солнцы вдруг сорвутся,
Клубяся, в бездну понесутся,
Вселенную покроет мгла, —
Но только в высоте эфира,
По разрушеньи общем мира,
Пребудет истина светла.

Монархом щедрым, справедливым
Вознагражден дух ныне твой.
Восторгом обновись счастливым,
Дави неправду ты пятой,
Чтоб, разные принявши виды,
Не смела в храм вступать Фемиды
И мудрых омрачать совет.
Но в дни свободны и спокойны
Бряцай на лире звуки стройны,
Которыми пленяешь свет!

1798

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕБРЮНУ

Орел, восхитивший Пинда́ра
К престолу пламенну богов,
Восторг, от сильного удара
Парю я выше облаков.
Пятою сферу попирая
И очи в небеса вперяя,
Оставлю персть владык земных.
Уже пред взором бесконечным
Вратятся звезды стройством вечным;
Дрожи, Олимп, от слов моих!

О муза, сына ты видала
Живым грядущего во ад:
Но я на крылиях Дедала
Рассечь путь бурных ветров рад.
«Опасна пылкость вожделенья
Достичь небесного селенья».
Молчи ум с прением своим!
Лечу, Икара пребегаю:
Морям безвестным оставляю
Я крылья с именем моим.

Пусть голубь непогод боится,
Как робкая на свете тварь;
Орел мой с молнией сразится,
Как истинный воздушный царь.
Таким огнем и я пылаю,
Бессмертных лавров ожидаю;
Не рвут их слабые цари.
Родит отвага нам трофеи:
Страшатся ль умереть Орфеи,
Когда их гробы алтари?

Молчите, горды пирамиды!
Молчи, бессильный смертных труд!
Твоих деяний томны виды
Не кажут нам случайность тут,
Натуры сильной где руками
Слиялись горы с облаками
И кинули верхи в эфир, —

Искусство в трепете рисует,
Что нам натура образует,
Дивя и ужасая мир.

Оттуда Энцелад рыгает
И чревом гордой Этны ржет,
И камни с пеплом извергает,
И громы в облаках сечет.
Пожар гортанью преужасной
Наносит он земле несчастной,
Куря пыль с дымом в небесах;
Там искры огненны, летая,
Поля и воды покрывая,
Наводят твари смертный страх.

Омер, твой дух и мысль обширна,
Как гром в сгущенных облаках
И как гармония всемирна,
Катятся в пламенных стихах:
Огнем кипящия отваги
Красы природы сильны, наги
Живишь в творениях твоих.
Такое встречных волн биенье
И самой Красоты рожденье
Нептун узрел в морях своих.

Но, гласу моему внимая,
Орел ума́лил свой полет;
Огни трояки потушая,
Красе похвальну песнь поет.
Небесна стихотворства сила
Нектар с амврозией вкусила,
Вносимые в уста богам;
Твоей всемощной лиры звоном
Потрясся мрачный ад с Плутоном,
И Цербер пал к твоим ногам.

Впади, ввались во мглу подземну,
К Тифейским каменным горам,
Кто зол и мысль имеет темну
И дух бесчувственный к стихам,
Кто муз питомца презирает,

Который нам напоминает
Пример и славы и стыда, —
Он, лаврами главу венчая,
Грядущи веки побеждая,
Бессмертен будет навсегда.

Талант, владеющий веками,
Поправый славой смерть свою!
Ты часто втайне облаками
Скрываешь колыбель твою:
В густой тени уединенья
Безмолвной славы испаренья
Готовят лучезарность дел;
Не мнил, кто зрел твое рожденье,
Чтоб славы быстрое теченье
Прошло с тобой времен предел.

И тако, из песков безвестных,
Глава знатнейших в свете рек,
Нил во своих вершинах тесных
Без имени и славы тек;
Но, с гор кремнистых низвергаясь
И в преисподних погружаясь,
Выходит с полной быстриной,—
Народ мемфийский удивляет,
Поля обильно напояет,
И чтим за бога той страной.

О гений, дух святый, предвечный!
Даруя умственный восторг,
Огонь твой пылкий, скоротечный
Есть сердца пламенна чертог:
Оттоль исходит исступленье,
И алчное его стремленье
С людьми столетия влечет;
Так электрическим ударом
Мгновенна искра в беге яром
Всея вселенной цепь зажжет.

Зажгла та искра Галилея,
Когда он вновь устроил свет

И, с места землю двигнуть смея,
Велел не в центре быть планет.
Ньютон, владыка сфер небесных,
Летит в странах, другим безвестных,
И дышит славой дел своих.
Уже гремящий Зевс робеет:
Франклин перунами владеет
И тупит вредно жало их.

Все души, жаждущие славы,
Ни в чем, нигде не зрят препон
И, преступя судеб уставы,
Вменяют дерзость за закон.
Чудесны Александра свойства
Суть исступление геройства;
Он свет отвагой победил,
Пред ним пал Дарий и фортуна,
И он последнего Нептуна
Своим приходом удивил.

Так Юлий Цезарь знаменитый
Для Рима жизни не щадил;
Щитом Палладиным покрытый,
Пришел, увидел, победил.
Но, вдохновенный огнь имея
И зря соперником Помпея,
Он с ним раве́нства не терпел:
В полях Фарсальских побеждая,
Отвагой славу упреждая,
Себе послушной быть велел.

К бессмертью жаркое стремленье,
Зерно, всажденное в душах!
Твое полезное растенье
Есть вождь в неведомых стезях:
Тобой Колумба четверть света,
Тобой Уранова планета
Открыты умственным очам;
Великий Петр, гремя Полтавой,
Румянцев, облаченный славой,
Грозят пребытственным векам.

У нас свои есть Фермопилы
И Марафонские поля;
Попрáв враждебны россам силы
И дóбычь в части разделя,
Поставим множество трофеев.
Своих имеем мы Орфеев, —
Подай твою мне, муза, кисть!
Впишу в бессмертну книгу россов,
Кто был великий Ломоносов!
Он рек: «Да будет свет!»... и бысть.

1798 или 1799

ОДА НА РАДОСТНОЕ ВОСШЕСТВИЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ПРЕСТОЛ В 12-Й ДЕНЬ МАРТА 1801 ГОДА

Россия томна и уныла,
Восстань с трепещущих колен!
Тебя хранит небесна сила,
Будь крепче адамантных стен!
Да узрит дух твой оживленный,
Что в радость излилась вселенной
Из лона божия весна:
Сложи ты вретища печальны,
В одежды облекись венчальны,
Как благолепная жена.

Теките быстро, речны воды,
Несите в глубину морей
Те слезы, лили что народы
У освященных алтарей.
Стремися в вечность ты подобно,
О время! для Европы злобно,
И над тобой, чтоб скорбь скончать,
Пускай простерта ночь безлунна
И заключится дверь чугунна,
Забвенья вечного печать.

Когда злодействами народы
Ко гневу приведут судьбы,
Чтоб устрашить земные роды,
Явятся огненны столбы
Повечеру над темным бором,
Как бы грозить войной иль мором
И покорить угрозой мир.
Но небо, слыша их рыданья,
Погасит северно сиянье
И радугой блеснет в эфир.

Так светлой радугой заветной
Предстала ныне нам весна,
Когда десницею бессмертной
В Европе брань потушена
И вместе с миром вожделенным
Мы Александра возведенным
Увидели на русский трон.
Так после бурной непогоды
С полуночи в морские воды
Блестящий светит Орион.

Зря Александра на престоле,
Не дрогни, Гангес и Евфрат,
Спокойно утучняйте поле,
Чтоб плод растило во сто крат:
Наш Александр геройством равен
Тому царю, который славен
Победами у ваших вод.
Герои бранны, как пожары,
Во дни даются грозны, яры,
Но наш дарован в дни щедрот.

Почто премудрому стремиться
К завоеванью чуждых стран?
Со Александром ли сравнится
Весь Рима древний великан?
Раскинута его порфира
На целой половине мира.
И Феб среди его морей
Свой путь с денницей начинает

И к западу лучи склоняет,
Дивясь усталости своей.

Как кедр величествен ливанский,
Так русский царь высок стоит:
Гранитовый хребет уральский
В его подножии лежит.
Враги ль его колебнуть смеют?
Их громы скоро онемеют,
Замрут, исчезнут, как мечты,
И бури, ветрами наносны,
В дождь претворятся плодоносный,
Коснувшися его пяты.

Царей, наследных Михаилу,
Исчисли благость, росс, к себе!
Величество, искусство, силу
Великий Петр дарил тебе:
На вид твой дикий и суровый
Он возложил венец лавровый.
Но духа выспренность дала
Великая Екатерина:
Россия краше райска крина
При ней в Европе процвела.

О росс, стремися с восхищеньем
Мольбы свои принесть во храм
И воскури с благодареньем
Бесценный сердца фимиам!
Тобою Александр желанный,
К блаженству россов богом данный,
Душой и именем герой,
Превратность прекратит судьбины,
По сердцу — внук Екатерины,
По образу — он гений твой.

1801

I
КУЗНЕЧИК

Кузнечик ветреный, про стужу позабыв,
Все красны дни пропел среди веселых нив,
Как вдруг зима: не стало в поле крошки
Ни червячков, ни мушечек, ни мошки,
Чем душу пропитать.
Пришлося умереть иль где взаймы искать.
Кузнечик к муравью, ближайшему соседу,
Явился к самому обеду.
«Почтенный муравей, премудрый сын земли,
Запаса твоего частичку удели!
Я уверяю клятвой,
Что с ростом всё отдам пред будущею жатвой!»
Но муравей довольно всем знаком:
Великий скопидом,
Ни зернышка он даром не погубит,
Охотник собирать, а раздавать не любит.
«Да как же запастись ты в лето не успел?» —
Спросил кузнечика капиталист нечивый.
«Я малым быв счастливый,
И день и ночь напевы пел
Всем встречным
И поперечным,
Не чаяв летним дням конца».
— «Так ты голубчик пел? Пляши же голубца!»

Между концом 1790-х годов и 1810

II
ОСЕЛ И СОБАЧКА

Не будем, вопреки способностям природным,
Искать несвойственных нам к счастию путей.
Природа не равно ущедрила людей:
Один родится в свет к художествам свободным,
Другой — к простому ремеслу.
Пусть каждый с долею своею остается,
И он не ошибется,
Как то случилося ослу.

Одним хозяевам с потешницей большою,
С собачкою, осел служил.
Сравнив ее судьбу с своею он судьбою,
В лукавый час неловко рассудил:
За что собачка так мила всему здесь дому?
С тарелки кушать ей, из чашки пить дают,
А мне лишь жалуют овсяную солому,
И в барыши за лень почасту только бьют.
Когда на задние собачка ножки станет
И лапочку хозяину протянет,
Хозяин милует, берет ее с собой,
Когда ж хозяюшку она лизнет разочек,
Хозяйка сахарцу ей уделит кусочек,
А сахар нынче дорогой!
Собачка ластится: вот тут и вся причина.
Так выберу веселый день
И приласкаюсь сам: улучшится судьбина,
Пойдет и мне тогда ячмень,
И, может быть, мою понежат лень.
В сей мысли крайне бестолковой,
Завидев издали хозяина с обновой,
Осел бежит, и, равно перед ним
Став дыбом, он ему кладет тяжелу ногу
На правое плечо, горланьем же своим
На весь наводит двор и пущую тревогу.
Хозяин закричал: «Что сделалось с тобой?
Какая ласка и потеха!
Иль стал ты скот уж прямо круговой?

Гей, дайте плеть сюда для смеха!»
Явилась плеть; осёл переменил напев
И отшагал смиренно в хлев.

Между концом 1790-х годов и 1810

III

ВОРОНА, ПОДРАЖАВШАЯ ОРЛУ

Ворона видела, сидев разиня рот,
Как некогда орел, усилив свой полет,
По воздуху унес барана для обеда.
Завидно стало ей, что будет пышный пир
У гордого орла, куда ей нет и следа.
Завистников наполнен мир.
Хотя орел вороны посильнее,
Но алчность в ней с орлиною равна.
Итак, избрав овечку пожирнее,
С разлета на нее спустилася она,
Да только приподнять слаба спинною костью.
А к пущей ей беде,
На той овечке шерсть, подобно бороде
Всклокоченная вся, связала путлом гостью, —
Не может алчная ни выпутать когтей,
Ни отлететь: попалась, будто в сетку.
Пастух пришел на помощь к ней
И посадил ее к забаве детям в клетку.

Размерим нашу мочь, предпринимая труд!
Не все грабители случайные бояры.
Иному грабежи беспошлинно пройдут,
Другим достанутся и палочны удары.

Между концом 1790-х годов и 1810

IV

ВОЛКИ И ОВЦЫ

У племени волков и племени овец
Велась война чрез тысячные лета.
Соскучившись, они решились наконец
Мир вечный заключить. Не собирав совета,

По обстоятельствам, чтоб время не терять,
Сошлись вожди, велели написать
На гербовых листах подробны договоры,
И приложить большую к ним печать,
И по обряду разменять.
Притом, чтобы вперед у них не вышло ссоры,
Они для верности в заклад
Волчонков отдали, своих любезных чад;
А овцы, сущи простофили,
В залоги отпустили
Собак, своих друзей
И старых сторожей,
Которые, как мир дела закончил ратны,
Остались праздны и заштатны.
И так во всем краю настала тишина;
Свобода резвая на пажитях видна,
Уж волки на овец вдали лишь скалят зубы,
И пастухи волков не ходят бить на шубы:
Казалось, что сошел на землю век златой.
Волчонки между тем повыросли матеры,
В уме у них один разбой,
И стали, как отцы, прямые живодеры.
Лишь только пастухов спустили со двора,
Сии залоги клятв и договоров мирных,
Как с словом: «Нам домой пора»
Напали на ягнят на лучшеньких, на жирных,
И пастию их мчат под тень глухих лесов.
Там волчий весь народ принять их был готов.
Собаки лишь, о том не знав и без печали
Надеявшись на мир, спокойно почивали
(Где нет забот, там крепок сон);
И волки их отнюдь не разбудили,
И вовсе не судили,
А, подведя сильнейшего закон,
Их просто сонных задавили.

Без устали, друзья, пойдем войной на злых!
Залоги пагубны и ложны клятвы их.
Когда там мир бывает прочным,
Который заключен с бессовестно-порочным?

Начало 1807 (?)

V
ПЕТУХ И ЛИСИЦА

Петух на дереве уселся караульным.
Издавна он между дворовых птиц
Считался самым умным
И самым знающим все хитрости лисиц.
Легка лисица на помине,
Явилась тут балясить лесть.
«Здорово, петушок! за что изволил ныне
От добрых всех людей высоко так засесть?
Боишься ли чего? Будь вовсе без боязни.
Окончились счастливо неприязни,
И с вами дня сего надежный мир у нас,
По чести! В тот же час
В леса, в кусты и за пределы внешны
С сей вестью наскоро отправили меня,
Чтоб наш народ везде зажег огни потешны
Для торжества толь радостного дня.
Слети ж ко мне! тебя поздравлю, брат названный,
И первые из всех друг друга обоймем».
— «Рад, рад! — сказал петух, — что стался мир желанный,
Но обниматься мы немного подождем.
Я вижу скачущих курьерами двух гончих:
Между вестей других и прочих
О мире привезут, конечно, что-нибудь;
И обоймемся все мы нежно грудь о грудь».
Лиса ему в ответ: «Нет, кум, не время
Твоих фельдъегерей мне ждать;
Осталось дел беремя,
Прости!» — и, хвост поджав, пустилася бежать.
Петух же про себя смеялся над лисицей,
Что хитрую пугнул пустою небылицей.

Какое-то всегда в душе веселье есть,
Когда удастся нам обманщика провесть.

Конец 1806 (?)

VI
ПЛЫВУЩИЕ ПАЛКИ

На высоте горы, вблизи пространных вод,
Плывущих наблюдать поставлен был народ.
При утренней заре вдали замечен взором
Предмет, идущий над водой.
Все вскрикнули: «Корабль! Корабль идет большой,
Военный, оснащен и всем снабжен прибором!»
Спустя же несколько, корабль тот стал гальот,
И чем он подплывал к ним ближе,
Тем упадал достопочтенный ниже:
Там катер стал, там шлюпка и ельбот,
А там весьма немудрый плот,
И, наконец, простые вышли палки,
А кормчими на них сидели галки.

Подобных палкам сим довольно на земли:
Иной как важен нам покажется вдали!
Ошибка сущая и должность нас дурачит,
Но ближе разглядим — он ничего не значит.

Между концом 1790-х годов и 1810

VII
ЛИСИЦА И КОЗЕЛ

Лисица-кумушка условилась с козлом
Куда-то вдаль идти пешком.
Неровни кумовья: кума была проворна,
Хитра, остра, как кралечка придворна,
А кум, мужик простой, был очень неумен
И щедро лишь рогами наделен.
Шли, шли; день жаркий был, устали и вспотели,
И ужасть как напиться захотели.
Колодезь, к счастию, случился на пути,
И наши путники, чтобы скорей сойти,
Благословясь, в него спрыгнули,
Испили, отдохнули,
И думают, как выйти вон.
Лиса козлу — поклон,

И говорит ему: «Чтоб вылезть нам отселе,
Ты разве, кум, поможешь в деле!
Привстань-ка на дыбки, рога ж упри к стене,
И, по твоей курчавой я спине
Поднявшись до рогов, с них выскочу на сушу,
А там уже легко твою спасать мне душу!»
— «Клянуся бородой, — сказал козел в ответ,
Сей мыслью крайне восхищенный, —
Что выдумать бы так не мог я во сто лет.
Куда в напастях друг полезен просвещенный!»
И в тот же час без дальних слов
Спокойну лестницу уставил из рогов.
А с них лиса и выбралась легонько
И проповедует: «Смотри сиди тихонько,
Чтоб о тебе не мог проведать волк.
Ты с длинной бородой, так есть в тебе и толк:
Рассудишь сам, что мне за недосугом
Никак нельзя возиться здесь над другом».
До петухов сидел в воде козел
И стал с тех пор на умниц очень зол.

В беде всегда друзья покинут ложны:
На дружбы будем осторожны!

1809 (?)

VIII

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

У волка вечная привычка кушать жадно.
Какой-то постник-волк себя не остерег
И завтрак проглотил; но горлу лишь неладно
Пришлась последня кость и села поперек.
Поблизости журавль, для пищи ль, для игрушек,
Ловил у ручейка зевающих лягушек;
И волк, которому кричать уже невмочь,
Махает журавлю, чтобы пришел помочь.
Журавль услужлив, как известно,
И в волчью пасть свой нос влагает честно
И тащит из нее засевшу в горле кость,
Нанесшую обоим им заботу.

Потом, подставя волку горсть,
Покорно просит за работу.
Свирепый волк сказал: «Благодари меня,
Что нынешнего дня
Ты в целости свою унесть мог шею
Из-под моих зубов. Теперь себе поди,
Но только в когти мне вперед не попади».

Нам пагубно самим благотворить злодеев.

Между концом 1790-х годов и 1810

IX

ЛЕВ И МЫШЬ

Под лапу льву когда-то мышь попалась
И перед ним смиренно извинялась
В неосторожности своей,
Прося пожаловать, отдать свободу ей.
Лев был без помеси породы чисто львиной:
Больших зверей губить на ловле он любил,
Но род кротов, и род мышиный,
И челядь мелкую из жалости щадил.
Итак, решил в своем благом совете
Оставить мышь еще пожить на свете,
Дозволив ей идти домой.
А дом сей мыши был в углу пещеры той,
Где льва была спокойна почивальня,
И кухня с погребом, и пажеска дневальня,
И, словом, весь его дворец —
Царям-строителям отнюдь не в образец.
Дней несколько спустя ужасный рев раздался,
Потряс леса, долины, недра гор
И гулом страшным повторялся
До глубины мышиных нор.
Разнесся слух, что лев державный
Изволил в сеточку залезть,
Которую ловец исправный
Его величеству хотел искусно сплесть.
Ни слон, нижé орел, ни самая лисица,
Котора в должности была секретаря

И на все каверзы большая мастерица,
Ни с места тронулись для выручки царя.
Тяжелый слон мудрец в зверином был народе
И рассуждал, что так уставлено в природе,
Чтоб сильный слабого давил
И хитрый бы оплошного ловил.
Осел, не знаю как попавшийся в вельможи,
По случаю сему свой также подал толк:
«Моей бы новый царь не тронул только кожи».
Мне, впрочем, все равно, царем будь лев иль волк,
Лисица льстивая, что изберется в ханы,
Потомок львов, но львенок молодой —
Охотник расставлять военны в поле станы,
Смотреть то пеших марш, то конных строй
И молодецкие выкидывать ухватки,
А статские дела всё ей решить за взятки.
При общей сей беде из знатных всех зверей
Никто не сделал шагу.
Одна лишь мышь, прошедших дней
Воспомня милость льва, пустилась на отвагу
Благотворителя спасти.
Ловец тем временем замешкался прийти,
И мышь за труд взялась поспешно
И стала сеть причинную пилить,
Зубами терпужить,
И потрудилась так успешно,
Что петель несколько спустилося зараз.
Простору узнику открылося поболе:
Лев встал, встряхнулся и подчас
Рванул железну сеть, с ним сеть умчалась в поле.

О сильные земли, заметьте сей урок!
Не пре́зрите того, незнатной кто породы
В подлунном странствии законныя природы
В проводники нам дал непостоянный рок.
Где счастье, следует нередко случай слезен,
Так меньший всех из нас, тот может быть полезен

Между концом 1790-х годов и 1810

X
ГОЛУБКА И МУРАВЕЙ

Таких же в участи случайных перемен,
Где меньший большему жизнь в очередь спасает,
Рассказчик милый Лафонтен
Еще пример в другой нам басне предлагает.
В день красный муравей, который весь свой век,
Как мудрый человек,
Все ищет, носит, собирает,
Не знаю, право, я, зачем
Над лужей с травки потянулся;
Сорвался, и упал, и в воду окунулся;
Плыть, плыть, и нет уж сил, пришлось тонуть совсем.
Голубка тут пила; и, видев неизбежну
Погибель муравья чуть-чуть уж не на дне,
Подкинула ему соломинку надежну,
И спасся муравей как словно на челне.
Голубка, радостна от доброго толь дела,
Взвилась резво́ и на березу села.
Откуда ни возьмись явился тут стрелок,
Как стать, по выстрелу размерил
И на голубочку ружьем уже прицелил.
Но муравей, заметив, что сапог
Разодран на стрелке, подполз, босую ногу
Охотника так ловко укусил,
Что вовсе невпопад стрелок курок спустил.
Голубка ж дай в полет, услышавши тревогу.

Между концом 1790-х годов и 1810

XI
ЖУРАВЛЬ И ЛИСИЦА

Лисица в добрый день на дружеский обед
Просила журавля пожаловать откушать.
Журавль любил поесть, любил рассказы слушать,
И весел в путь пошел за нею вслед.
Лисицы родом все не чивы:
На стол поставили холодны щи ленивы,
И дружеский обед весь только в том и был.

Но более всего журавль не полюбил,
Что подали его на блюде очень плоском.
Журавль в себя хлебок пропустит ли едва,
Как жадная лиса сглотнет десятка два, —
И скоро заблистал лоток дубовым лоском.
Довольно голоден встал гость из-за стола,
Но от него за пир хозяйке похвала
И в очередь к себе ее откушать просит.
Лисице сущий клад покушать даром раз, —
И собралась в урочный час.
Навстречу ветер ей обеда дух приносит
И возвещает в нем такой изящный вкус,
Как будто выписной готовил стол француз.
На запах свой поход лисица ускорила.
«Добро пожаловать, прошу покорно сесть, —
Сказал хозяин ей, как радостно вступила. —
А я велю и кушать несть».
Сосуды принесли с отверстием кувшинным
Так узким, что журавль один обедать мог,
Быв честно награжден с природы носом длинным;
А гостья не могла просунуть в них и ног.
И только те куски досталися лисице,
Которые ронять угодно было птице.
С стыдом лиса пошла, повесив хвост, ушки,
Как словно в сеть ее поймали петушки.

Сбылась пословица невестушке в отместку.
Наследники, для вас будь сказано в повестку.

Между концом 1790-х годов и 1810

XII
СОЛНЦЕ И ЛЯГУШКИ

В день брачна торжества какого-то тирана
В веселиях вина весь город утопал.
Езоп, подобив то безумству от дурмана,
Народное веселье осуждал
И притчу рассказал:
Лягушки некогда услышали в болоте
О странной солнышка охоте
Вступить в законный брак.

Заквакали они и так и сяк:
«Судьба! не допускай сего для нас злодейства, —
От солнца без того нам очень жизнь трудна!
Оно теперь одно сушит почти до дна
Болота и пруды: что ж будет от семейства,
Как множество детей нам народит оно?
С одним грабителем довольно стали нищи,
А с дюжиною их погибнем все без пищи!»

Лягушки глупы, — но
Судили здесь умно.

Конец 1809 (?)

XIII

ВОРОНА-ПРОСИТЕЛЬНИЦА

Имела некая ворона вкус:
Любила муз;
И говорит Орфею,
По-русски — соловью:
«Исполни просьбу ты мою,
О чем просить тебя я смею!
Имею
Лишь одного
Я сына;
Он в старости отрада мне единa;
Пожалуй, ты его
Наставь так петь, как сам поешь ты нежно!
Он скоро переймет, лишь поучи прилежно».
А соловей в ответ: «Голубушка моя,
Готов бы оказать тебе услугу я;
Но знай, не только я, да если с Геликона
Сынка сведешь учить всех муз и всех богов,
Не будет он в числе певцов:
Не может соловьем быть никогда ворона».

Вовек того не даст искусству мастерство,
Чего лишило нас, к несчастью, естество.

Между концом 1790-х годов и 1810

XIV

ОРАТОР И БОЛВАН

Был некий человек,
Который целый век
От красноречия не знал себе покою:
Учение текло из уст его рекою.
Блистал мой говорун,
Подобно как перун,
И, бегая голов упорных,
Старался находить судей покорных.
В дубраву он зашел. Стоял в дубраве той
Болван. Под тенью древ вития мой
Гремит с воспламененным духом
Перед болваньим ухом
И чванится, как будто Цицерон,
Как за Лигария вступился он.

Кто ритор, кто болван — узнай, читатель!
Оратор мой писатель,
Которому не могут быть с руки
Прямые знатоки,
И любит, чтоб ему дивились дураки.

Между концом 1790-х годов и 1810

ГИМН БОГУ ЛЮБВИ

О бог любви! душа вселенной!
Ты огнь во льдах, ты в мраке свет;
И мир, тобою оживленный,
Течет в свой путь чрез волны бед.

Вотще, как брегу яры воды,
Так разрушенье нам грозит;
От истощения природы
Благий закон твой мир хранит.

Вотще дух алчности и злобы
Стремится в наши времена
Преобратить все царства в гробы
И поглотить все племена.

По бороздам опустошенья,
Где дух вражды лил страх и кровь,
Ты разливаешь наслажденья
И населяешь землю вновь.

Вотще воитель ставит твердый
И пышный столб своих побед;
Рукою Хрон немилосердый
Сотрет столба последний след.

Вотще и ты свои злодейства
Мечтаешь втайне скрыть, тиран!
Хрон мрак сорвет и с тайн семейства,
Как ветры рвут с морей туман.

Без дел премудрых, благородных
Честь наша нас не преживет,
И лишь в проклятиях народных
Тиранов имя перейдет.

Не скроет имя и в гробнице, —
Неронов прах клянет весь свет,
И матери своей убийце
До наших дней покоя нет!

Блажен владыка, кто не страхом,
Любовью правит свой народ;
Благословение над прахом
Ему воспшлет позднейший род.

О бог любви! душа вселенной,
Ты огнь во льдах, ты в мраке свет;
Тобою смертный оживленный
Течет в свой путь чрез волны бед!

1790-е годы

РАСЧЕТЛИВАЯ ПАСТУШКА

Не знавшая любви ни власти, ни закона,
Не знавшая овец исправно перечесть,
Филида некогда от страстного Дамона
За поцелуй один взяла овечек шесть.

Назавтра, став милей Филидину сердечку,
Счастливее Дамон в своем промене был:
Пастушке дал одну сиротеньку овечку,
И поцелуев шесть с Филиды получил.

Назавтра к пастуху пастушка понежнее,
Совсем другой расчет с Дамоном повела:
Чтоб привязать его к себе еще сильнее,
За каждый поцелуй ему овцу дала,

Назавтра же, увы, Филида бы охотно
Свой посох отдала, собаку и овец
За поцелуй один, которыми бессчетно
Лизету стал дарить неверный ей беглец!

1790-е годы

ОТВЕТ

Ты, Храповицкий, сам решил нам неизвестность
И доказал давно в делах,
Что ныне написал в стихах,
Как с честью ложною ты различаешь честность.
В ответ к тебе в стихах неравных мер
Поставил я тебя в пример.
На резвой четверне коней твоих отборных
Когда в Фемидин храм летишь ты на совет
И за тобою пыль столбом кружится вслед,
Курьеров у крыльца встречаешь ты проворных.
Они, тебя приняв, под мышцы подопрут
И, запыхавшися, на лестницу взведут:
Тогда, при виде звезд и ленты твоей алой,
В ботфортах прокурор, и секретарь в очках,
И писарь, соскочив со стула второпях,
Отвешивают все тебе поклон немалый.
Таким порядком чести долг
Весь отдает приказных полк.
Но блеск сей временный, непрочный
Льстить должен слабому уму, —
Когда сиять им может и порочный,
Так сердцу будет ли приятен твоему?
Такая честь подобна метеору,
Возникшему, как новый солнца круг,
Которого простолюдимых взору
Не различить от солнца вдруг;
Но муж, Уранией в науке возращенный,
Тем блеском не прельщенный,
С досадой говорит: «Что в красоте твоей,
Обманчивой, прелестной,
Когда ты, хладный метеор,

Не можешь льдов с вершины гор
В источник претворить полезный
И нивы жаждущи водою напоить?»
Не с сею ли мечтой наружну честь сравнить?
Но ты, следами шед Фортуны колесницы,
Ты, взысканец булавного паши,
Наперсник визирев и драгоман Фелицы,
На честь не променял ты честности души!
Хранил ее и там, где способы различны,
Пресытясь, вымышлял, чтоб честность закупить;
И там, вельможи где, коварствовать привычны,
Ее в сеть хитрую желали уловить;
Хранил, и ныне сохраняешь
В палате, барином где думным заседаешь
И где невинному даруешь свой покров.
Что доле говорить о разности сих слов?
Трепещет смерти честь; но, Храповицкий, честность
С Платоном на столе зовет спокойно вечность!

Между 1798 и 1800

БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРА «ЭДИПА» В. В. КАПНИСТУ ЗА ПРИСЛАННЫЕ СТИХИ

Благодарю тебя, любимец дев парнасских,
За те стихи, меня которыми почтил.
Задолго предо мной уже тебя поил
Источник светлый вод живительных Кастальских;
И златовласый Феб давно
Склонял приятно слух равно,
Коль примешь лиру ту или возьмешь свирелку,
Надежду ли поёшь или поёшь безделку.
Но в присланных стихах я узнаю тот дух,
С которым некогда в унылых звуках лиры
Пред алтарем простым, печальный, верный друг,
Ты призывал с небес тень нежныя Плениры.
Из василечков голубых,
Из незабудков полевых
Ты ей соплел венок, хоть скромный, но бессмертный;
И слезы искренни, на листиках приметны,
Светлее бисера украсили венок,
Который дружба в дар Пленире приносила.

Очаровательна чувствительности сила!
И счастлив я стократ, что возбудить возмог
Твою чувствительность, пиит приятный, нежный!
Теперь, хотя б Эдип за скорбной слепотой
Не мог меня вести к бессмертью в путь надежный,
Стихов твоих согласьем, красотой,
Стихов, перу Капнистову приличных,
К бессмертью я дойду, в досаду злоязычных.

1805

АКРОСТИХ

Назло природы всей родившийся дракон,
Аячии в стенах ехидной был вскормлен;
Пожрал уже тьму жертв, но, тем еще не сытый,
Оскаля челюсти, зубов ряд ядовитый,
Летит Российские страны опустошить;
Европу всю готов во гроб преобратить.
Отмщеньем зверскому неистовству такому,
Народы, шествуйте вослед Петрову дому!
Бог в громы облачен: пред ним падет злодей!
Орды голодные, прочь с северных полей!
Надменному врагу близка уже кончина;
Алчбы его теперь открыта всем личина.
Пора, народы, вам отринуть бледный страх,
Аттилу истребить и мир обресть в домах!
Росс меч уже извлек и в битвах восклицает:
«Того защитник бог, кто веру защищает».

Январь или февраль 1807

* * *

Немилосердый Глинка!
За что твоя волынка
Без умолку поет
И уши всем дерет?
Пожалуй, отдохнуть дай нашему ты слуху!
Свою волынку спрячь в футляр,

Доколе твоему придет паренье духу,
Доколе Феб в тебе возжжет пиитов дар,
И, в удивленье миру,
Волынка превратится в лиру!

Между 1808 и 1810

ГРАФУ НИКОЛАЮ МИХАЙЛОВИЧУ КАМЕНСКОМУ

Счастливый русских вождь, достойный сын героя,
Который указал тебе к бессмертью путь!
Прими сей дар в часы, когда ты после боя
На свежи лавры вновь воссядешь отдохнуть.
Я пел Ахиллов гроб и почести от греков,
Как браней божеству возданные ему;
Но песнь внимать в хвалу бесстрастных человеков
Кому приятнее, как духу твоему?
Не ты ль принес орлов Российския державы
В непроходиму дебрь, покрыту вечным льдом,
Где над пространством тундр лишь гул звучал их славы,
Куда не ширили полета и с Петром,
Где ныне ожил финн в тени их крыл могучих?
Не ты ль еще пред сим, когда Европы враг
На пруссов гром навел, не ты ль в песках сыпучих
Остановлял его почти чрез каждый шаг:
И там, и здесь — везде с мечом ему встречался,
И галлов изумлял твой быстрый всюду ход?
В науке ратовать ты им волхвом казался;
Заставил гордость их чтить русских воевод.
Мужайся, простирай свой бег к победам новым
И будь страшилищем отечества врагов!
Россия наградит тебя венцом лавровым,
И честь твою векам предаст язык богов.

1809

‹ИЗ «ЭСФИРИ» РАСИНА›

‹1›

Я несчастливца зрел во славе бога сил,
Как гордый кедр, главу он дерзностну взносил,
Казалось, досязал и управлял громами
И подавлял врагов ногами.
Едва-едва минуты протекли —
И был он снят с лица земли.

‹2›

Я нечестивца зрел землей боготворенным.
Как крепкий горный кедр, челом он дерзновенным
Надменность возносил до высоты небес,
Где громы содвигал безбожною рукою,
Давил своих врагов широкою пятою.
Я мимо лишь протек — и он с земли исчез.

1809 или 1810

‹ИЗ «ГОФОЛИИ» РАСИНА›

Гора Синайская, позднейшим временам
Предай Израилем день празднуемый ныне,
Когда господь с небес явился сам
На огненной твоей вершине;
Когда его божественный там луч
Пред взором смертного блеснул из мрачных туч.
Поведай нам, почто сей огнь и молний блески,
Столб дымный, гласы труб, ужасный гул громов,
И воздух рассекавши трески?
Во оный нисшел ли Саваоф
Стихии стройные в хаос опять низринуть?
Или вселенную со древней оси сдвинуть?
Ах, нет! нисшел, чтобы бессмертным светом
Закона мудрого Израиль просветить,
Постановить единственным заветом,
Чтоб искренней душой нам ввек его любить.

1809 или 1810

‹ИЗ ПОСЛАНИЯ БУАЛО К РАСИНУ›

Кто, Федры слышав стон преступныя любви,
Возжженный местию богов в ее крови,
Сим чудом рук твоих достойно удивленный,
Не вознесет хвалой тот век стократ блаженный,
Который твоего ума паренья зрел
И славой чрез него сугубою процвел?

1809 или 1810

ОТРЫВОК ИЗ МОЕГО ПИСЬМА К В. В. КАПНИСТУ 1810 ГОДА

Не может там блистать во славе Мельпомена,
Где вместо лавров ей венцы растут из клена,
Где зритель вне себя от каждой новизны,
Ползет ли дар или летит на крутизны,
И где директор — шут, невежда по колени,
Способен понимать одни китайски тени!
Из клена знобкого и мой венок погиб,
Под ним померк Фингал, Димитрий и Эдип.
И рок, чтоб доказать мне счастия измену,
С театра повелел изгнать и Поликсену.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание является первым полным, комментированным собранием стихотворных произведений В. А. Озерова.

При жизни Озерова были напечатаны следующие его сочинения: Элоиза к Абелярду. Ироида. Вольный перевод с французского творения г. Коллардо В. Озеровым. СПб., 1794; Эдип в Афинах. Трагедия в пяти действиях, в стихах. СПб., 1804 (2-е изд. — 1805); Фингал. Трагедия в трех действиях, в стихах, с хорами и пантомимными балетами. СПб., 1807 (2-е изд. — 1808); Димитрий Донской. Трагедия в пяти действиях. СПб., 1807.

Первым посмертным изданием является: Сочинения Озерова. СПб., 1816 (изд. Глазунова). Затем вышли: Сочинения Озерова, чч. 1—2. СПб., 1816—1817 (Изд. Пекарского, со статьей П. А. Вяземского); Сочинения Озерова, чч. 1—2. СПб., 1824 (изд. Заикина, с предисловием редактора А. Е. Измайлова и статьями Н. Греча и П. А. Вяземского; 2-е изд. — 1827) и, наконец, собрание, положившее основание для следующих: Сочинения Озерова, чч. 1—3. СПб., 1828, дополненное и сверенное по рукописям автора (изд. Глазунова, со статьей П. А. Вяземского, переработанной им для этого собрания). По свидетельству Вяземского, оно осуществилось при содействии Д. Н. Блудова, который предоставил издателям хранившиеся у него рукописи (нам неизвестные). Среди них были автографы или списки трагедии «Ярополк и Олег»[1] и нескольких стихотворений, ранее в собрания не входивших. Последующие два издания сочинений, вышедшие в 1846 и 1847 гг. (Смирдина) и в 1856 г. (Вольфа), воспроизводят полностью состав и тексты Сочинений 1828 г.

Для полного критического пересмотра текстов нет материала. Архив Озерова, по-видимому, был увезен им в деревню в 1808 г. и почти весь уничтожен в припадке безумия (в 1810 г.). Остатками именно этого архива являются, очевидно, тетрадь разных стихо-

---

[1] Возможно, что список трагедии «Ярополк и Олег», хранящийся в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина, и является тем, с которого печатался текст изд. 1828 года, так как совпадает с ним, если не считать мелких исправлений, нанесенных на список рукой неизвестного и не принятых во внимание редактором указанного издания.

творений (беловые и черновые автографы) и черновой с частичной перебелкой автограф «Поликсены», хранящиеся в ПД. Тетради ПД — автографы стихотворений Озерова разных лет, в том числе написанные в 1809—1810 гг. Басни перенумерованы и выделены в особый раздел. Намечены разделы и для других стихотворений, расположенных приблизительно в хронологическом порядке. Автографы ГПБ в основном находятся в архиве А. Н. Оленина: беловые автографы «Поликсены» (полный, с последними авторскими исправлениями, и неполный, без пятого акта, совпадающий с автографом ПД) и автограф стихотворения «Графу Н. М. Каменскому». В архиве Державина — автограф «Оды Г. Р. Державину», в архиве Поленова — автограф «Акростиха». Сверка автографов с посмертными изданиями показывает, что редакторы этих изданий делали произвольные исправления в произведениях Озерова. Озеров писал, что на издания своих трагедий «соглашался по одним убеждениям... приятелей, никогда не быв любопытен видеть в печати то, что писал единственно по склонности... к театральным зрелищам и без всякого искания звания автора и стихотворца» (письмо к И. И. Заикину. — «Русский архив», 1877, ч. 3, стлб. 279). Этим объясняется довольно равнодушное отношение Озерова к чужим поправкам. При отправлении из деревни (в конце 1808 г.) последних актов «Поликсены» он писал А. Н. Оленину: «Погрешности или слабости в слоге... вы и кн. А. Ал. <Шаховской> и Ив. Андр. <Крылов> можете сами поправить» («Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 148). Судя по замечанию А. Е. Измайлова в указанном предисловии к собранию сочинений Озерова 1824 г., эти поправки (по-видимому, именно названными Озеровым людьми) делались во всех прижизненных изданиях, что дало повод к исправлениям и в посмертных изданиях, уже ощутимо противоречившим стилю Озерова. Наиболее добросовестно отнесшийся к этим исправлениям А. Е. Измайлов перечислил их в издании, ему порученном, другие этого не делали.

Настоящее собрание стихотворных произведений Озерова состоит из пяти его трагедий, поэмы («ироиды») и двадцати девяти мелких стихотворений, из которых четырнадцать печатаются впервые. Отдел «Стихотворения» делится на три жанровые подотдела, установленные самим Озеровым (в указанной тетради стихотворений). Он состоит из од, басен и «разных стихотворений». Внутри подотделов произведения расположены в хронологическом порядке, хотя лишь немногие из них датируются точно.

Тексты данного издания по возможности освобождены от чуждых Озерову наслоений. В основу издания положены прижизненные публикации и автографы, и лишь некоторые произведения, при жизни Озерова не публиковавшиеся и не сохранившиеся в автографах, печатаются здесь по наиболее авторитетному из посмертных изданий — «Сочинениям Озерова», чч. 1—3. СПб., 1828. Случаи, когда текст печатается не по первой публикации, особо оговариваются в примечаниях к отдельным произведениям.

Орфография приближена к современной, однако сохраняются те особенности языка эпохи и языка поэта, которые имеют смысловое, произносительное и стилистическое значение. Написание некоторых имен у Озерова расходится с обычным для той эпохи.

Так, принято было писать: Бренский, Тверской (у Стриттера в «Российской истории» 1802 г., в «Записках современника» С. П. Жихарева 1805—1807 гг. и др.), тогда как Озеров писал: Бренской, Тверский. В данном издании печатается: Тверской, Бренский. Озеров передавал французское имя Abailard русским: Абелярд (иногда, впрочем, опуская «д»). В данном издании, так же как в СО 1828, печатается: Абеляр. В то же время сохранена озеровская транскрипция имен в тех случаях, когда она является характерной для эпохи, например Лебрюн вместо современного Лебрен (Lebrun).

Дата написания указывается под каждым произведением. Предположительный характер датировки обозначается вопросительным знаком после даты. Даты в угловых скобках обозначают год напечатания произведения или наиболее поздний год, к которому оно может относиться.

К изданию приложены словари: устаревших и малоупотребительных слов и мифологических имен и названий.

Список принятых сокращений

ГПБ — Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ПД — Пушкинский дом (Институт русской литературы Академии наук СССР).
СО 1816 — Сочинения Озерова. СПб., 1816.
СО 1816—1817 — Сочинения Озерова, чч. 1—2, СПб., 1816—1817.
СО 1824 — Сочинения Озерова, чч. 1—2. СПб., 1824.
СО 1828 — Сочинения Озерова, чч. 1—3. СПб., 1828.

I

ТРАГЕДИИ

Ярополк и Олег

Впервые — СО 1828, ч. 3, стр. 1. Сюжет пьесы представляет собой вольную разработку летописного эпизода из истории Киевской Руси конца X в., в княжение Ярополка Святославовича (973—980): «Однажды Свенельдич (т. е. сын Свенельда), именем лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег, и спросил своих: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом. И постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: „Пойди на своего брата и захвати волость его“». В летописи описывается поход Ярополка «в древляне» (т. е. Полесье), захват «волости» и убийство Олега: «И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами, вынесли его и положили на ковре. И пришел Ярополк,

плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел» (Лаврентьевская летопись. Перевод Д. С. Лихачева. — «Повесть временных лет». М. — Л., 1950, стр. 250—251). Озеров воспользовался характеристикой летописи по изложению В. Н. Татищева в «Истории Российской», кн. 2, М., 1773, стр. 55—56, но изменил ситуацию (вместо убийства — покушение на Олега в киевских чертогах Ярополка). Некоторые исторические факты Озеров почерпнул из 2-й кн. 1 т. «Истории Российской» М. М. Щербатова. Как справедливо отмечает В. А. Бочкарев, именно оттуда взял Озеров имя болгарской княжны Предславы (Русская историческая драматургия нач. XIX в. — Ученые записки, вып. 25. Куйбышев, 1959, стр. 137). По-видимому, пьеса имела современную подоплеку: в слабохарактерном Ярополке видели Павла I, а в Свенельде — Кутайсова и Аракчеева, имевших влияние на Павла I. Именно в эти годы под их воздействием был гоним Суворов (когда Суворов умер, непоследовательный Павел I оплакивал его). Пьеса была поставлена на сцене петербургского Большого театра и после премьеры (16 мая 1798) была снята, вероятно по цензурным причинам, так как «Летопись петербургского театра» П. Арапова говорит об «успехе замечательном».

Действие I. Явление 1. *Народу памятны еще те смутны дни* и т. д. Речь идет о кровопролитных раздорах 977 г. между удельными князьями, сыновьями Святослава: Ярополком, Олегом и Владимиром. Одним из главных зачинщиков междоусобицы был Ярополк Святославович.

Действие II. Явление 2. *Родитель храбрый твой и мужественный дед* — великий князь Святослав, который вел победоносные войны с хозарами, болгарами и печенегами в 60-х годах X века, и отец его Игорь, сражавшийся с Византией в 40-х годах X века. *Один с древлянами вступил в неправу брань* и т. д. Речь идет о дани, которую собирал Игорь в землях древлян (т. е. по рекам Припяти, Тетереву, Горыни), разорявшую население, и о том, что возмутившиеся древляне убили Игоря в 945 г. *Другой хоть много лет и властвовал над нами.* Посол печенегов говорит, что Святослав был для них грозой до того времени, когда потерпел поражение, сражаясь с греками на Дунае (в Болгарах). Через год после этого печенеги обступили днепровские пороги и Святослав пал в битве 972 г. *И перед ними впредь пороги преклонились.* Имеются в виду днепровские пороги, через которые русские ладьи не могли пройти из-за печенегов.

Действие IV. Явление 1. *Пропонтиды* — так называемое преддверие Черного моря, юго-восточная часть побережья, где было Хозарское царство. Явление 3. *К торговле, не к войне граждане приученны.* Речь идет о том, что Новгород, удаленный от центра политической жизни древней Руси, редко участвовал во внутренних междоусобных войнах, являясь по преимуществу торговым городом (через Новгород шла торговля с норвежцами и вольными

немецкими городами). *Но к Новуграду коль дойдет Олегов стон* и т. д. Речь идет о Новгородском князе Владимире, младшем брате Ярополка и Олега, в 980 г. занявшем Киевский престол.

Действие V. Явление 4. *Так варвар я, злодей* и т. д. Здесь Озеров явно основывался на следующих, якобы взятых из летописи, словах Татищева: «О люте ми! Яко осквернился убивством брата моего, лучше бы мне умереть, нежели тебя, брате, тако видеть, еже злой клеветник учинил» (История Российская, т. 2, стр. 56).

Эдип в Афинах

Впервые — «Эдип в Афинах. Трагедия в пяти действиях, в стихах». СПб., 1804 (текст совпадает с театральной цензурованной копией 1804 г.). Печ. по «Эдип в Афинах». СПб., 1805. О посвящении Г. Р. Державину см. стр. 24 и 56—57. Сюжет пьесы восходит к античному мифу о фивском царе Эдипе, сыне царя Лая. Оракул предсказал Лаю, что сын убьет его и женится на собственной матери. Чтобы избежать этих преступлений, Лай, искалечив родившегося сына, отослал его в Коринф, где он был подброшен пастуху, а затем взят к царю Полибу, который его воспитал. Узнав от оракула о том, что он должен стать отцеубийцей и кровосмесителем, Эдип покидает Коринф, считая Полиба родным отцом. По дороге он встречается со своим истинным отцом Лаем, они ссорятся, и Эдип убивает Лая. Затем Эдип побеждает Сфинкса, опустошавшего фивские земли, за что жители делают его своим царем. Он женится на своей матери Иокасте, и, когда преступление его открывается, он, уже будучи стариком, в отчаянии выкалывает себе глаза, а Иокаста лишает себя жизни. Их сыновья Этеокл и Полиник изгоняют отца из Фив, и Эдип скитается в сопровождении верной дочери своей Антигоны. Согласно мифу, Аполлон упрашивает богинь-мстительниц прекратить преследование Эдипа, и тот умирает в храме. Озеров начинает свою трагедию с последнего этапа скитаний Эдипа и Антигоны, с момента, когда они подходят к храму эринний (у Озерова этот храм в Афинах). Для своей пьесы, помимо широко известного мифа, Озеров воспользовался ситуациями из трагедий Софокла «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне» (во французском переводе), а также и некоторыми эпизодами из французских пьес на ту же тему. Пьеса была поставлена на сцене петербургского Большого театра впервые 23 ноября 1804 г., с увертюрой и хором композитора И. А. Козловского, декорациями знаменитого театрального художника Пьетро Гонзаго, костюмами по эскизам А. Н. Оленина и художника И. Иванова. Эдипа играл актер Я. Е. Шушерин, Антигону — Екатерина Семенова, Тезея — А. С. Яковлев. Пьеса держалась в репертуаре с непрерывным повторением до 1809 г., а затем, с 1816 г., с возобновлением более или менее частым до 1850-х годов.

Посвящение. *Невтон* — Ньютон (1643—1727), английский физик, астроном и математик, заложивший основы небесной меха-

ники *(величина и течение отдаленнейших небесных светил)*. Он и немецкий математик Лейбниц (1646—1716) — одновременно изобрели дифференциальное исчисление. *С парением Пиндара согласил философию Горация* — т. е. в творчестве Державина соединяется стиль торжественной оды, представителем которой был древнегреческий поэт Пиндар (521—441 до н. э.), и философия древнеримского поэта Горация Флакка (65—8 до н. э.). Здесь имеется в виду лишь одна сторона поэзии Горация, его лирика, прославившая тихую сельскую жизнь. *Царица Киргиз-Кайсацкия орды*. Державин воспел Екатерину II в оде «К премудрой Киргиз-Кайсацкой царевне Фелице». *Гребененский ключ* — Гребененский ключ в подмосковном селе поэта Хераскова, воспетый Державиным в стихотворении «Ключ» как источник вдохновения, подобный Кастальскому (миф.). *Водопад Суны* — водопад Кивач на реке Суне, воспетый Державиным в оде «Водопад». *Анакреон* (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий лирик, воспевавший любовь и пиры. У Державина есть ряд произведений в духе Анакреона. *Переходец Альпийских гор* — Суворов, названный так за швейцарский поход 1799 г., когда был совершен героический переход через Альпы.

Действие I. Явление 1. *Надменность критскую поправ*. Речь идет о знаменитом в античные времена Критском государстве (на о. Крит), которое благодаря выгодному для торговли положению обладало особой независимостью, стремясь подчинить своим законам и своей культуре другие государства Греции. Культура Крита соперничала с Афинской. Явление 3. *Колеблем Кадмов град*. Кадмея — древнее наименование Фив, города Беотии, по имени основателя этого города, царя Кадма. *Цекропс* — Кекропс, полубог, сын земли, основатель Афин, по одним легендам он был родом из Египта, по другим — из Финикии. *Пов*. Имеется в виду книга «Recherches philosophiques sur les Egyptiens et les Shinois» французского историка По (De Pauw), вышедшая в 1774 г.

Действие IV. Явление 4 *Седьмь вождей за меня*. Речь идет о семи военачальниках союзных войск.

Фингал

Впервые — «Фингал. Трагедия в трех действиях, в стихах, с хорами и пантомимными балетами». СПб., 1807 (текст совпадает с цензурованной театральной копией 1805 г., хранящейся в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского). Печ. по «Фингал». СПб., 1808. О посвящении А. Н. Оленину см. стр. 32. Сюжет трагедии заимствован из третьей песни поэмы Оссиана «Фингал» (английский поэт Джемс Макферсон в 1760—1762 гг. издал свои поэмы на темы шотландского эпоса, приписав их легендарному барду Оссиану). Оссиановский сюжет несколько изменен, см. стр. 33. Из третьей песни взяты имена главных персонажей: Фингала и Старна. Моина — имя, заменившее Агандекку, героиню данной песни Оссиана. Пьеса

была поставлена на сцене петербургского Большого театра впервые 8 декабря 1805 г. Музыка хоров — И. А. Козловского. Декорации — Доминика Корсини, костюмы и «аксессуарные вещи» — по эскизам А. Н. Оленина и художника И. Иванова, балетные сцены были поставлены балетмейстером Вальберхом. Фингала играл А. С. Яковлев, Старна — Я. Е. Шушерин, Моину — Екатерина Семенова, Уллина — знаменитый оперный певец, тенор В. М. Самойлов, деву локлинскую — певица (лирическое сопрано) С. В. Самойлова. Пьеса шла с непрерывными повторениями до 1809 г., затем реже, оставаясь в репертуаре вплоть до 1850-х годов.

Посвящение. *Народов северных Ахилла описать.* Ахиллом Севера именовали Фингала, главного героя песен Оссиана.

Действие II. Явление 3. *Комгалов сын* — Фингал, сын Морвенского царя Комгала. *Каледонин* — т. е. житель горной Шотландии, Каледонии.

Димитрий Донской.

Впервые — «Димитрий Донской. Трагедия в пяти действиях», СПб., 1807. О посвящении Александру I см. стр. 38. Исторические факты, очень условно изложенные в пьесе, связаны с событиями Куликовской битвы (8 сентября 1380 г.), которая объединила русских удельных князей в их борьбе против татарского ига. Князь Тверской в союзе с Литвой ориентировался на мирные отношения с Золотой Ордой, что вызвало разногласия с Московским князем Димитрием, стремившимся к борьбе с татарами. Тверскому пришлось признать моральное превосходство политики Димитрия, что и побудило его принять участие в Куликовской битве наравне со всеми другими князьями-военачальниками. Источником исторических фактов для Озерова была «История Российского государства, сочиненная Иваном Стриттером», ч. 2. СПб., 1801, главы, посвященные Куликовской битве, на стр. 439—473 (см. упоминание «Штриттера» в трагедии на стр. 236). Действующие в пьесе князья Тверской, Белозерский и Смоленский, хотя и носят имена исторические, могут быть с ними отождествлены лишь условно (из-за выдуманных фактов и ситуаций). В лице Михаила Бренского Озеров вывел исторического Бренко, или Бренока. У Стриттера, по-видимому являвшегося единственным источником для Озерова, сказано о нем следующее: «Потом облек он (Димитрий) в великокняжескую одежду любимца и оруженосца своего Михаила Андреевича Бренка». К этому Стриттер сделал такое примечание: «Так он именуется во многих летописях». В рукописном повествовании Донского похода называется он Михайлом Андреевичем Брянским (ч. 2, стр. 463). Пьеса была поставлена на сцене Большого театра впервые 14 января 1807 г. Декорации — Пьетро Гонзаго, костюмы — по эскизам А. Н. Оленина и художника И. Иванова. Димитрия Донского играл А. С. Яковлев, Ксению — Екатерина Семенова, князя Тверского — А. Г. Щеников,

князя Белозерского — Я. Е. Шушерин. П. Арапов в «Летописи русского театра» пишет: «Ни одна пьеса не производила такого удивительного восторга, как «Димитрий Донской». Яковлев... был величественно превосходен, Семенова идеально прелестна; ее голос, осанка, поступь и русское боярское одеяние с наброшенным на плечи покрывалом — все это было истинное очарование» (стр. 178).

Действие I. Явление 1. *О тень Владимира, и ты, тень Ярослава.* Имеются в виду великие князья Владимир Святославович (р. ок. 956 — ум. 1015) и его сын Ярослав Мудрый (978—1054), при которых Киевская Русь достигла особого могущества. *Ни гордый Симеон, ни кроткий твой родитель.* Речь идет о Симеоне Гордом (княжил в 1341—1352 гг.), князе Московском, старшем сыне Иоанна Калиты. Симеон проявил волю в отношениях с другими уделами, фактически объединив их под своей властью. Вел борьбу с вольностью Новгорода. Отец Димитрия Донского Иоанн Московский, младший сын Иоанна Калиты, княжил после смерти Симеона до 1359 г.; летописцы именовали его «кротким, тихим и милостивым». *О Сергий, пастырь душ* — Сергей Радонежский (1314—1392), основатель Троицко-Сергиевской лавры, который в 1380 г. благословлял Димитрия Донского на битву с татарами. Явление 3. *Сотреть гордыни вашей рог* — сломить, сокрушить силу. Это образное выражение древнерусского книжного языка было употребительно в русской поэзии вплоть до Баратынского. Явление 5. *Который разделял Владимира потомство.* Имеется в виду раздел между двенадцатью сыновьями Владимира, раздробивший Киевское государство. *Низовая страна* — Нижегородское княжество, «низовая страна» относительно княжества Московского (по течению Волги и Оки).

Действие III. Явление 1. *Как с внуком Рурика подвинулась полнощь* и т. д. Речь идет о князе Олеге, совершившем в 906 г. поход на Византию и осадившем Константинополь.

Действие IV. Явление 2. *Когда с Бигичем их он поражал на Воже.* Речь идет о сражении 1378 г., когда Димитрий Донской победил золотоордынскую рать, возглавлявшуюся Бигичем. Сражение происходило при реке Воже, притоке Оки. Явление 5. *Обычай боев сих, в странах иных закон.* Речь идет о дуэлях, укоренившихся в средневековой Западной Европе.

Действие V. Явление 2. *Темир* и *Челубей* — исторически одно лицо, Темир-Мурза, прозванный Челибеем, легендарный татарский богатырь (у Озерова два богатыря). *Пересвет* — инок Троицко-Сергиевского монастыря, посланный своим настоятелем в войска Димитрия Донского и павший вместе с Челибеем в единоборстве во время Куликовской битвы.

Поликсена.

Впервые — СО 1816. Указываемая в библиографиях дата отдельного издания трагедии — 1809 г. — ошибочна: впервые отдельным изданием — в 1819 г. Печ. по автографу ГПБ с последними исправлениями автора. Помимо этих поправок, Озеров предлагал Оленину некоторые ремарки для оживления игры. Так, 25 марта 1809 г. он пишет: «Введите две небольшие перемены, которые бы более еще поразили внешние чувства зрителей. Первая — в третьем действии, когда Улисс призывает воинов: вступите, воины! чтобы Поликсена сказала — страх! а Кассандра — горе! и бросилась бы последняя бежать из шатра, как будто за Агамемноном, с которым возвращается в следующем явлении. Вторая — в пятом действии, когда Агамемнон устремляется против Пирра на битву, чтобы и тот и другой ударили мечами по своим щитам — обыкновенный вызов в сражение. С сим звуком вбежит Поликсена и остановит всех». По поводу этих «перемен» Озеров пишет: «Я замечал, что нужны иногда и шум и движение на театре, чтобы зрителей разбудить, когда започивают» (см. стр. 47). Поправки эти не были внесены, может быть потому, что они показались классику Оленину не слишком классическими. Сюжет трагедии — античный миф о Поликсене, дочери троянского царя Приама и Гекубы, сестре Гектора и Париса. Поликсена — пленница греков, победителей Трои, — была невестой Ахиллеса, который еще до бракосочетания был убит Парисом. Согласно мифу, тень Ахиллеса явилась грекам, когда они, переплыв Геллеспонт после взятии Трои, расположились лагерем, деля добычу и пленниц. Ахиллес потребовал заклания Поликсены на его могиле. Агамемнон, вождь всей греческой армии, не хотел отдавать принадлежащую ему пленницу Поликсену. В спор вмешался Одиссей, предвещавший грекам бедствия, в случае если они не исполнят требуемого тенью Ахиллеса. Заклание совершил сын Ахиллеса Неотолем (Пирр). Миф послужил сюжетом для трагедии Еврипида «Андромаха и Гекуба», а также вошел в драматургию нового времени. Озеров отчасти воспользовался интерпретацией Еврипида, о чем несколько раз упоминает в письмах к Оленину. Так, 2 июля 1809 г. он пишет: «Если третье действие поразило слушателей, то обязаны они сим удовольствием Еврипиду, у которого я занял почти весь разговор Гекубы с Улиссом. Доказательство, что язык природного чувства есть язык всех народов: стон и моления Гекубы извлекали слезы из глаз афинян и всех греков и они же через две тысячи и более лет молчаливо протекали меж болот Невских. . .». Отдельные сюжеты и описания в трагедии взяты из «Илиады» Гомера. Источником сведений о легендарных героях «Поликсены» для Озерова была популярная книга Ж.-Ж. Бартелеми (Barthélemy) «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce». P. 1788. Выписка из этой книги, связанная с сюжетными перипетиями пятого действия, находится на обложке чернового автографа трагедии (ПД). Трагедия была поставлена на сцене петербургского Большого театра впервые 14 мая 1809 г. Музыка

увертюры, хоров и антрактов — А. Н. Титова, декорации — Пьетро Гонзаго, костюмы — по эскизам А. Н. Оленина и художника И. Иванова. Роль Поликсены исполняла Екатерина Семенова, Гекубы — А. Д. Каратыгина, Пирра — А. Г. Щеников, Агамемнона — А. С. Яковлев, Нестора — Н. Д. Сахаров, Улисса — В. Ф. Рыкалов. «Поликсена» в 1809 г. шла только два раза, затем была возобновлена в год смерти Озерова, в 1816 г. В 1820-х годах Поликсену играла А. М. Колосова (Каратыгина), а Семенова играла Гекубу. Пьеса возобновлялась несколько раз до 1850-х годов.

Действие I. Явление 2. *Приамов град кичливый* — Троя (Илион), город, где царствовал отец Поликсены, Приам. *От Пирра сильного пал Трои скорбный царь* — т. е. Приам, оплакивавший гибель своего сына Гектора и падение Троянского царства. *Париду, коего стрелой погиб изменой.* Парис — сын Приама, виновник Троянской войны, начатой из-за того, что он похитил у греческого царя Менелая его жену Елену. Согласно одному из мифов, Парис убил Ахиллеса во время брачного пира, когда он брал в жены Поликсену. *И в недрах конских смерть и роковую ночь.* Речь идет о деревянном коне, сделанном греками по совету мудрой богини Афины. Греки поставили коня близ троянского лагеря, спрятав в нем храбрейших воинов. После того как троянцы в качестве трофея втащили коня в стены города, ночью греческие воины открыли ворота и дали сигнал скрывавшимся вблизи отрядам, те вошли и разрушили город. Явление 3. *И новы Гекторы, и новы Сарпедоны.* Имеются в виду знаменитые храбрецы, герои, павшие при защите Трои: Гектор и Сарпедон, царь Ликии, союзник троянцев. Явление 4. *Исхитив некогда его младые годы.* Царь одного из греческих царств (Пилоса) Нестор побудил Ахиллеса и его друга Патрокла принять участие в Троянской войне.

Действие II. Явление 1. *Я в дом прияла мой с Еленою злодейство.* Речь идет о том, что Елена, изменив своему супругу Менелаю, вошла в дом троянского царя Приама как жена Париса. *На смерть пустынную извергла в недра гор.* Матери Париса, Гекубе, перед рождением сына приснился пожар, погубивший Трою, и ей растолковали этот сон в том смысле, что Парис будет причиной гибели Троянского царства. Родившийся Парис был отнесен в горы и оставлен там, но его вскормила медведица, а затем воспитали пастухи.

Действие III. Явление 1. *Не так твой брат, супруг неверныя Елены.* Речь идет о Менелае. *Аргосская сторона* — Аргос, царство Агамемнона. *Оставленная жена* — супруга Агамемнона Клитемнестра. Явление 5. *Лаэртов сын* — Одиссей, или Улисс.

Действие IV. Явление 2. *К заслугам ли причесть число Ахилла дней* и т. д. Имеется в виду бездействие Ахиллеса в разгар Троянской войны. Поссорившись с Агамемноном из-за пленницы Бризеиды, Ахиллес не пожелал сражаться, и только гибель

Патрокла заставила его выступить. *Фтия* — главный город Мирмидонского царства, родина Ахиллеса. *Фригия* — область в Малой Азии, здесь имеется в виду южный берег Геллеспонта. *Пилосский царь* — Нестор, царь Пилоса, старейший и мудрейший из греческих военачальников.

Действие V. Явление 2. *Надменной Трои дщерь несчастною виной* и т. д. Пирр обвинял троянку Поликсену в том, что женитьба на ней была причиной гибели Ахиллеса, вероломно убитого ее братом Парисом. Явление 3. *И сроем памятник союзника троян.* Агамемнон называет Ахиллеса союзником троян из-за того, что он хотел взять в жены троянку Поликсену. Явление последнее (6). *Доколе не придет народ от стран полночных.* Речь идет о позднейших временах, о порабощении греков Турецкой империей в середине XV в. и стремлении освободить Грецию от турецкой зависимости, возникшем в России (от стран полночных, т. е. северных) еще в конце XVII в. Здесь имеется в виду первая вооруженная помощь грекам в 1770 г. (русская эскадра, помогавшая восставшим в Морее). В 1790-х годах на Россию рассчитывали вожди греческого освободительного движения (Ригас, Ипсиланти). Стих *Счастлив, кто в гроб скорей от жизни удалится* и след. выписаны Озеровым на титул черновой тетради ПД со следующим пояснением: «Мысль последних двух стихов заимствована из Софокла и Цицерона, которые сообразно сему сказали: настоящее несчастье для человека родиться к жизни, наибольшее благополучие умереть. Софокл в трагед. Эдип в Колоне, стих. 1289. Цицерон в Тускуланах (т. е. в сочинении «Тускуланские беседы» — И. М.), кн. 2, гл. 48, ч. 12, стр. 273».

II

Элоиза к Абеляру.

Впервые — «Элоиза к Абелярду. Ироида. Вольный перевод с французского творения г. Коллардо В. Озеровым». СПб., 1794. В СО 1828 напечатано со множеством редакторских исправлений цензурного и стилистического характера. Письма «Элоизы к Абеляру» — документальный памятник французского средневековья, хроника трогательной и трагической любви реально существовавших в XII в. людей: Пьера Абеляра (1079—1142), известного философа-схоласта, и Элоизы (1101—1164), племянницы некоего Фюльбера. Эти письма изложены на языке ученой латыни в анонимной рукописи XIV в., обработанной и изданной в 1616 г. Дамбуазом и Дюшеном. На основе латинского текста, в котором история любви перемежается сентенциями церковно-философского характера, английский поэт Александр Поп написал свою поэму «Письма Элоизы» (1716). Вольным переводом, или, вернее, переложением, одного из этих «Писем» явилось «Письмо Элоизы к Абеляру» французского поэта-элегика Шарля Колардо (1732—1776), изданное им в 1758 г.

(Lettre d'Héloïse à Abailard,[1] trad. libre par Colardeau). Такими же вольными переводами с английского было «Письмо Элоизы» поэтов Флетри (1758) и Мерсье (1763). Все эти переводы своеобразным путем вернули французской литературе памятник, ей принадлежавший. «Выписка из жизни Абеляра» сделана Озеровым из «Notice Historique sur les amours d'Héloïse et d'Abailard» Колардо.

Предисловие. *Ежемесячные сочинения 1786 года.* Речь идет о журнале «Новые ежемесячные сочинения», издававшемся в 1786—1796 гг. в Петербурге («иждивением императорской Академии наук»). В 3-й части этого журнала помещена «Ироида. Елоиза ко Абелярду» (стр. 78 и след.). Имя переводчика не указано. Весьма вероятно, что перевод принадлежит Дмитрию Михайловичу Соколову, переводчику при Российской академии, автору многих переводных произведений того времени. Его именем подписаны несколько стихотворений, помещенных на страницах 75—77, предшествующих «Ироиде». *Творитель сего, мне неизвестный, или переводил то же письмо, но другого автора, или в переложении сам сделал многие перемены.* Перевод (вольный) несомненно сделан с английских «Писем Элоизы», поэмы Попа, произведения, близкого классическим, описательным поэмам XVII в. с их рационализмом и обобщенностью *(вообще более ума, нежели чувства). Пел любовную повесть своей племянницы.* В своей «Выписке» Озеров упустил то место из «Notice» Колардо, где рассказывается, что Абеляр пел о своей любви в стихах. *Ориген* — философ-богослов, живший в Александрии (185—254). С его аскетизмом связана легенда о самооскоплении. *Счастье, казалось, перестало преследовать Абеляра.* Здесь, возможно, опечатка прижизненного издания, повторенная в посмертном, т. к. речь идет о несчастии. Может быть, однако, в данном обороте счастье и означает несчастье, бéды, являясь не сопутствующим, а преследующим.

III

СТИХОТВОРЕНИЯ

Оды

Ода на кончину государыни императрицы Екатерины Великой... Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 115. Печ. по автографу. ПД. Екатерина II умерла 6 ноября 1796 г. В строфах 5—6 излагаются события Французской революции и их последствия в Европе. *«Россиян храбрых нежна мать»* — цитата из хоров в «Описании Потемкинского праздника» (1791) Державина.

---

[1] В наше время пишется: Abélard — см. Nouveau petit Larousse, 146 изд.

Сарматы, готфы, мусульмане — здесь имеется в виду объединение интересов Польши (сарматы), Пруссии (готфы) и Турции (мусульмане), которое привело к первой русско-турецкой войне 1768—1774 гг. *И горни девы Геликона* (греч. миф.) — музы, богини искусств.

Ода Гавриилу Романовичу Державину... Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 122. Печ. по автографу ПД. В первые дни воцарения Павла I Державин был назначен правителем канцелярии Совета (новая должность, которую учредил Павел, по существу придворная). Но уже в конце ноября 1796 г. был издан следующий указ: «Тайный советник Гаврила Державин, определенный правителем канцелярии Совета нашего, за непристойный ответ, им перед нами учиненный, отсылается к прежнему его месту». В конце 1797 г. опала была снята с Державина, что отчасти было связано с временным удалением Аракчеева. Однако царь не прощал Державину независимость его сенатских суждений. В своих «Записках» Державин так рассказывает о награждении его орденом: «Помнится, в первый день 1798 или 1799 года генерал-прокурор Лопухин многим сенаторам, унижавшимся перед ним... выпросил лент; Державин же, хотя он был старее других и более прочих трудился, однако обойден. Лишь только разнесся о сем слух в собрании при дворе, то услышался всеобщий ропот на неправосудие». Далее Державин пишет о том, что царю доложили об этом ропоте и что он, Державин, был вызван во дворец. «Государь вышел из противных дверей и набросил на него ленту. Державин успел только сказать, что ежели он чем виноват... но император, не дав договорить начатых слов... от него скоропоподвижно ушел» (Соч. Державина, т. 6. СПб., 1871, стр. 746—747). *Пиндар* — см. стр. 419. *Геройство Пожарского ценить возмог.* Речь идет о Димитрии Михайловиче Пожарском, руководителе борьбы против польско-шведской интервенции в 1608—1612 гг. К оде «Коварство» Державин сделал в рукописи такое примечание о Пожарском: «Для редких его добродетелей, составляющих людей великих, он может включен быть, во всех временах и народах, в число наивеличайших героев». *Дави неправду ты пятой* и т. д. Имеется в виду и сенатские мнения Державина, и его участие в так называемых совестных судах.

Подражание Лебрюну. Впервые — СО 1828, ч. 3, стр. 95. Из двадцати двух строф оды «Sur L'enthousiasme» (1792) французского революционного поэта Экушара Лебрена (1729—1807) Озеров перевел четырнадцать. Две последние строфы, посвященные русской славе, оригинальны. Они являются лишь подражанием Лебрену. По-видимому, Озеров в своем переложении Лебрена состязался с Храповицким (см. послание ему, стр. 406), который напечатал в 3-й книжке «Аонид» (1798—1799), стр. 69, оду «Восторг. Подражание оде ле-Брюна». Обращение к поэзии Лебрена поэта, который, по выражению французского критика, был «в совершенной гармонии с революцией», характерно для настроений того времени. Слова о ничтожестве «владык земных», о «сла-

бых царях» и т. п., несомненно, имеют применение к русской действительности (царствование Павла I). *Орел, восхитивший Пиндара.* Речь идет о возвышенной, восторженной поэзии, представителем которой был Пиндар (см. стр. 419). *Омер* — Гомер. *И самой Красоты рожденье.* Имеется в виду рождение богини Венеры, явившейся из морских вод (греч. миф.). *Тифейским каменным горам.* Речь идет о каменном хаосе в подземном адском царстве, местопребывании Тифея, чудовища с сотней огнедышащих змеиных голов (греч. миф.). *Галилей* — итальянский астроном и математик (1564—1642), обосновавший закон вращения земного шара. *Ньютон* — см. стр. 419. *Франклин перунами владеет.* Бенджамен Франклин (1706—1790) — американский физик; изобрел громоотвод. *Дарий* (522—486 до н. э.) — персидский царь, упрочивший могущество Персии, но в войне с греками потерпевший непоправимое поражение при Марафоне (490). *И он последнего Нептуна и т. д.* Речь идет о том, что Александр Македонский (356—323 до н. э.), великий греческий полководец, неоднократно совершал морские походы (тем самым побеждая бога морей Нептуна) и наконец, спустившись по течению Инда, вошел в Индийский океан (325 до н. э.). *Пришел, увидел, победил.* Слова Юлия Цезаря, которыми он известил римлян о победе над понтийским царем Фарнаком в 47 г. до н. э. *В полях Фарсальских побеждая.* Имеется в виду победа Юлия Цезаря над его противником, сторонником сената Помпеем (48 до н. э.) в древнем городе Фессалийской области Фарсале. *Тобой Колумба четверть света* и т. д. Речь идет об открытии Америки и открытиях по астрономии. *У нас свои есть Фермопилы.* В знаменитой битве греков с персами (480 до н. э.) при Фермопилах отличился герой древности Леонид, один вступивший в бой с тремя сотнями врагов. Таким же олицетворением воинской храбрости была легендарная битва на Марафонских полях, в Аттике, где совершались подвиги Тезея. С этими сражениями Озеров сравнивает победы русского оружия — сражение со шведами под Полтавой (27 июня 1709 г.) и победы в русско-турецкой войне (1769—1774), героем которой был П. А. Румянцев, командовавший армией и добившийся капитуляции Турции.

На радостное восшествие... Александра Павловича на всероссийский... престол... Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 120, без строф 6—8. Печ. по автографу ПД. *О время! для Европы злобно* и т. д. Речь идет о событиях в Европе: о Французской революции и о Наполеоне *(герои бранны)*, которому противопоставлен Александр I, не стремившийся к завоеваниям. *Тому царю, который славен* — т. е. Александру Македонскому (356—323 до н. э.), который одержал знаменитые победы при Ганге (Гангес) и Евфрате *Царей, наследных Михаилу.* Речь идет о доме Романовых, царствовавших в России начиная с Михаила Федоровича (взошел на престол в 1613).

Басни[1]

I. Кузнечик. Печ. впервые по автографу ПД. Является вольным переводом басни французского баснописца Ж. Лафонтена (1621—1695) «La Cigale et la Fourmi». Сюжет восходит к античному источнику (134-й басне Эзопа). *Пляши же голубца.* — Так именовалась старинная русская пляска, изображавшая, как ястреб гонит голубей.

II. Осел и собачка. Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 129. Печ. по автографу ПД. Вольный перевод басни Лафонтена «L'Âne et le petit Chien». Сюжет басни восходит к античному источнику (212-й басне Эзопа).

III. Ворона, подражавшая орлу. Печ. впервые по автографу ПД. Является переложением басни Лафонтена «Le Corbeau voulant imiter l'Aigle». Сюжет восходит к античному источнику (203-й басне Эзопа).

IV. Волки и овцы. Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 130. Печ. по автографу ПД. Является переложением басни Лафонтена «Le Loup et l'Agneau». Сюжет басни восходит к античному источнику (229-й басне Эзопа). Весьма вероятно, что написание басни связано с событиями, которые привели к выступлению русских войск против армии Наполеона (конец 1806 — начало 1807). Заключительная сентенция басни перекликается с тогдашним применением темы трагедии Озерова «Димитрий Донской» (см. стр. 38).

V. Петух и лисица. Печ. впервые по автографу ПД. Является вольным переводом басни Лафонтена «Le Coq et le Renard». Сюжет басни восходит к античному источнику (36-й басне Эзопа). Весьма вероятно, что написание басни связано с событиями, предшествовавшими выступлению русской армии против войск Наполеона в конце 1806 — начале 1807 г. Взятию Варшавы предшествовали заверения в нерушимой дружбе и сохранении мира, исходившие от Наполеона (действия сторонника сближения с Наполеоном Чарторижского, присылка в Петербург мирного договора, подписанного Наполеоном в июле 1806 г.).

VI. Плывущие палки. Печ. впервые по автографу ПД. Сюжет оригинален, но по теме басня связана с басней Лафонтена

---

[1] В рукописной тетради ПД все басни означены порядковыми римскими цифрами, здесь воспроизведенными. (Басни «Ворона-просительница» и «Оратор и болван», автографы которых не сохранились, даны в общем составе басен под номерами XIII и XIV.) Точной датировке басни не поддаются. Часть из них, видимо, была написана еще в конце 1790-х годов, некоторые — в последний период жизни Озерова.

«Le Chameau et les Bâtons flottants», восходящей к античному сюжету (110-й басне Эзопа).

VII. Лисица и козел. Печ. впервые по автографу ПД. Является переложением басни Лафонтена «Le Renard et le Bouc», восходящей к античному сюжету (4-й басне Эзопа). Возможно, что тема басни связана с разочарованием Озерова в дружеском покровительстве А. Н. Оленина, уклонившегося от помощи ему в период неприятностей, которые постигли Озерова в конце 1809 г. (см. стр. 48). *Просвещенным другом* именовал покровительствующего ему сановника Оленина не только Озеров, но и многие другие литераторы и художники.

VIII. Волк и журавль. Печ. впервые по автографу ПД. Является переводом басни Лафонтена «Le Loup et la Cigogne», восходящей к античному сюжету (144-й басне Эзопа).

IX. Лев и мышь. Печ. впервые по автографу ПД. Сюжет оригинален. *Подчас* — здесь, возможно, в смысле своевременности, удобного момента.

X. Голубка и муравей. Печ. впервые по автографу П. Д. Является переложением басни Лафонтена «La Colombe et la Fourmi», восходящей к античному источнику (41-й басне Эзопа).

XI. Журавль и лисица. Печ. впервые по автографу ПД. Является переложением басни Лафонтена «Le Renard et la Cigogne», которая восходит к античному сюжету (326-й басне Эзопа).

XII. Солнце и лягушки. Печ. впервые по автографу ПД. Вписана между переводом стихов из послания Буало к Расину и ранее записанной в тетрадь басней «Кузнечик». Перевод басни Лафонтена «Le Soleil et les Grenouilles», восходящей к античному сюжету (350-й басне Эзопа). Возможно, что тему басни Озеров связал с сенсационными сообщениями в газетах (в ноябре-декабре 1809) о разводе Наполеона с бездетной Жозефиной (развод состоялся 16 декабря) и о его желании сочетаться новым браком, чтобы иметь наследников. За этим последовал брак с дочерью австрийского императора Марией-Луизой (брачный договор 18 февраля 1810).

XIII. Ворона-просительница. Впервые — СО 1828, ч. 3, стр. 110.

XIV. Оратор и болван. Впервые — СО 1828, ч. 3, стр. 109. *И чванится, как будто Цицерон* и т. д. Речь идет об ораторе и политическом деятеле древнего Рима Цицероне (106—43 до н. э.). Когда военачальник сторонников Помпея *Лигарий* был взят в плен Цезарем, Сенат обвинил Лигария в измене (45 до н. э.). Цицерон за него вступился. Речь в защиту Лигария — один из самых знаменитых образцов античного красноречия.

Разные стихотворения

Гимн богу любви. Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 126. Печ. по автографу ПД. Стихотворение характерно для передовой просветительской философии XVIII в. с ее гуманизмом и противопоставлением мудрого, просвещенного правителя — тиранам.

Расчетливая пастушка. Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 128. Печ. по автографу ПД. *Дамон* и *Филлида* — имена, ставшие нарицательными в идиллической поэзии.

Ответ. Впервые — СО 1828, ч. 3, стр. 118, с заглавием: «А. В. Храповицкому о разности слов *честь* и *честность»*. Здесь же напечатано и стихотворение Храповицкого, на которое отвечает Озеров. Печ. по автографу ПД. *Храповицкий* Александр Васильевич (1749—1801) — статс-секретарь Екатерины II, литератор, писавший, по словам И. И. Дмитриева, «не для публики, а для своих приятелей». В бытность свою адъютантом начальника Шляхетского кадетского корпуса Озеров сблизился с Храповицким, который ему покровительствовал. В 1798 г. они соревновались в переводе оды Лебрена (см. стр. 427). Приблизительно к этому же времени относится «Ответ» на следующие «Стихи А. В. Храповицкого к автору»:

Реши мне, Озеров, досадну неизвестность
И точно докажи, что честь и что есть честность?
Твоя ль честь связана на шпаге темляком,
Мундиром, шпорами и шляпою с пером?
Иль честь и честность есть одно и то же слово, —
Итак, на мой вопрос решение готово?
Но едешь иль идешь в мундире ты своем,
Очнется часовой и честь отдаст ружьем;
Честь ту же отдает он ленте со звездою,
И машут в тот же час поспешною рукою,
Чтоб все прохожие снимали шляпы с лбов
И честь бы отдали киванием голов.
Скажи теперь, скажи, что низкие поклоны
Родят честных людей несчетны миллионы:
И будет честен плут, и карл, и великан,
Когда им честь дает ружье и барабан?
Иль мне решить вопрос, любя свою беспечность:
У нас снаружи честь, но в сердце нашем честность.

В ответ к тебе в стихах неравных мер. Имеются в виду вольные ямбы, в которых не соблюдается одинаковое количество стоп в каждом стихе. *Ты взысканец булавного паши* — т. е. любимец турецкого фельдмаршала, паши, имеющего особый жезл, булаву. По-видимому, речь идет об умении Храповицкого вести военно-дипломатические переговоры, проявившемся в войне 1772—1774 гг. *Визирь* — Г. А. Потемкин, который одно время благоволил к Храповицкому. *Драгоман*

Фелицы. Храповицкий был переводчиком сочинений Екатерины II, написанных по-французски или по-немецки (драгоман — переводчик).

Благодарность автора «Эдипа» В. В. Капнисту за присланные стихи. Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 133. Здесь же напечатано стихотворение В. В. Капниста, на которое отвечает Озеров. Печ. по автографу ПД. *Капнист* Василий Васильевич (1757—1823) — поэт и драматург, считавший Озерова одним из ближайших друзей и очень высоко ставивший его драматургию. Послание является ответом на следующие «Стихи В. В. Капниста к автору „Эдипа"»:

Эдипа видел я... и чувство состраданья
Поднесь в растроганной душе моей хранит
Гонимого слепца прискорбный, томный вид.
Еще мне слышатся несчастного стенанья,
И жалобы его, и грозной клятвы глас,
Что ужасом мой дух встревоженный потряс.
Еще в ушах моих печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны.
Трикраты солнца луч скрывала мрачна ночь,
А я всё живо зрю, как нежну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отец благословляет,
И небо, кажется, над нею преклоняет.
Благодарю тебя, чувствительный певец!
В душе твоей сыскав волшебный ключ сердец
И жалость возбудя к чете, гонимой роком,
Ты дал почувствовать отрадным слез потоком,
Который из очей всех зрителей извлек,
Что к сердцу близок нам несчастный человек.
О, как искусно ты умел страстей движенья
В изгибах душ открыть и взору показать:
Тут скорбного отца в невольном преступленьи,
Там сына злобного раскаяньем терзать,
Велику душу здесь, там мщенья дух кичливый,
От гнева к жалости стремительны порывы,
Нежнейшей дочери уныние явить
И в души наши все их страсти перелить.
Теки ж, любимец муз! во храме Мельпомены,
К которому взошел по скользкой ты горе,
Неувядаемый, рукой ее сплетенный,
Лавровый ждет тебя венок на алтаре.
Теки, и презри яд зоилов злоязычных,
В опасном поприще ты бег свой простирай,
Внемли плесканью рук и ввек не забывай,
Что зависть — спутница одних даров отличных,
Что ярким озарен сиянием предмет
Уродливу на дол и мрачну тень кладет!

Это стихотворение Капниста, напечатанное в «Северном вестнике», 1805, ч. 6, стр. 218, вызвано анонимной эпиграммой на трагедию Озерова «Эдип в Афинах» (1804):

Наш Озеров во храм бессмертия идет.
Но скоро ли дойдет?
Слепой его ведет!

Ф. Булгарин пишет, что эта эпиграмма «как ядовитая стрела воткнулась в сердце раздражительного поэта и довела его до такого отчаяния, что друзья его опасались, чтобы он не решился на что-нибудь необыкновенное» («Воспоминания», ч. 2. СПб., 1846, стр. 300). Эпиграмму эту, по словам Булгарина, приписывали не то С. Н. Марину, не то Шаховскому. Последнее вряд ли правдоподобно, так как Шаховской сам ставил «Эдипа» и относился к пьесе с большим энтузиазмом. По-видимому, эпиграмма принадлежит завсегдатаю державинского кружка С. Н. Марину, «от которого в стихах крепко доставалось и словесникам и светским людям» (Ф. Ф. Вигель. Записки, т. I. М., 1928, стр. 354). Сам Державин в это время готовил разбор «Эдипа», в котором находил ряд погрешностей. *Ты призывал с небес тень нежныя Плениры.* Озеров имеет в виду оду Капниста «На смерть Плениры», где есть такие стихи:

Тень дражайшая! смягчися,
Возвратись хотя на час...

Акростих. Печ. впервые по автографу ГПБ (Собр. бумаг Поленова). *Акростих* — род стихотворной загадки. Секрет ее состоит в том, что начальные буквы стихов составляют какое-нибудь слово, иногда изречение, в данном случае имя: Наполеон Бонапарт. Написание стихотворения связано с военными действиями против Наполеона в начале 1807 г. (см. стр. 38). *Аячия,* или Аяччио — город в Корсике, где родился Наполеон. *Аттила* — военачальник гуннов, совершавший опустошительные набеги на Галлию и Италию (в 451—452 гг.).

«Немилосердый Глинка!..» Печ. впервые по автографу ПД. Эпиграмма имеет в виду *Глинку* Сергея Николаевича (1775—1847), драматурга и журналиста. В 1806—1810 гг. Глинка интенсивно работал для театра. Он принадлежал к кругу Державина и Шишкова, уже в то время отрицательно относившихся к драматургии Озерова. Эпиграмма, по-видимому, написана именно в эти годы, когда Глинка непрерывно писал, печатал и ставил на сцене свои пьесы в прозе и стихах: «Баян, древний песнопевец славян» (1808), «Ольга Прекрасная», героическая опера (1808), «Михаил, князь Черниговский», трагедия в 5 действиях, в стихах (1808), «Минин», отечественная драма в стихах, в 3 действиях (1808), и др. Одновременно (с 1807 г.) Глинка начал издавать в Москве журнал «Русский вестник», в котором громил все иностранное. В письме

к А. Н. Оленину в конце марта 1809 г. Озеров, с горечью говоря о критике, которая ожидает его «Поликсену», пишет: «Кричать против меня будут последователи старого слога... выдающие себя с своим школярным учением сорокалетней давности за судей всех сочинителей, и... Глинка в Р. вестнике, где помещаются статьи о иноплеменных, скажет, может быть: „какой вздор писать трагедию, которой содержание взято не из русской истории"». Далее Озеров прибавляет: «Истинная трагедия должна быть почерпнута, по мнению учителя — Глинки, из истории своего отечества» («Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 143).

Графу Николаю Михайловичу Каменскому. Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 134, с примечанием: «Сии стихи писаны в конце 1809 года. Автор «Поликсены» намерен был сию трагедию посвятить герою Сафавра и Батина, но не успел, за его преждевременной кончиной». Печ. по автографу ГПБ. *Каменский* Николай Михайлович (1776—1811) — генерал, сын фельдмаршала, отличился как командующий дивизией в войне со Швецией (находился в Финляндии), а затем одержал блистательную победу при Батине в Молдавии в русско-турецкой кампании 1810 г. Озеров был знаком с семьей Каменских через своего двоюродного брата Д. Н. Блудова. *На пруссов гром навел* и т. д. Речь идет об оккупации Пруссии войсками Наполеона в 1806—1807 гг. Каменский командовал сражением при Прейсиш-Эйлау (26 января 1807 г.), когда Наполеон потерпел первое поражение, нанесенное русскими, а затем проявил стойкость при освобождении и защите прусских крепостей и городов, в трудных условиях переходов по песчаным дюнам и пересыпям *(в песках сыпучих)* приморской Пруссии. *Я пел Ахиллов гроб и почести от греков.* Речь идет о трагедии «Поликсена». *Где ныне ожил финн в тени их крыл могучих.* Имеется в виду Фридрихсгамский мирный договор со Швецией (17 сентября 1809 г.), по которому Швеция потеряла права на Финляндию, ставшую княжеством Российской империи.

<Из «Эсфири» Расина> («Я несчастливца зрел во славе бога сил...»). Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 124, с заглавием: «Перевод стихов Расина из трагедии: „Эсфирь"». Печ. по автографу ПД, где есть указание: «Перевод стихов Расина „J'ai vu l'impie adoré sur la terre"». Является переводом строфы хора из 9 сцены III действия трагедии Расина «Эсфирь» (1689), начинающейся с указанного стиха и завершающейся стихом: «Je n'ai fait que passer, il n'était déjà plus». В автографе Озеров дает «сих же стихов другой перевод»: «Я нечестивца зрел землей боготворенным...» Вариант этот является, по существу, самостоятельным произведением. Трагедия великого французского драматурга-классика Жана Расина (1639—1699) «Эсфирь» посвящена библейской легенде о спасительнице иудеев, супруге персидского царя Ассура — иудеянке Эсфири. Подобно античным, трагедия сопровождается хорами, в которых заключены народные надежды и верования. Данный отрывок, несомненно, интересовал Озерова лишь

как удачная лирическая формулировка его собственной судьбы вознесенного и выброшенного из жизни человека (см. вступительную статью).

<Из «Гофолии» Расина> («Гора Синайская, позднейшим временам. . .»). Впервые — СО 1817, ч. 1, стр. 124, с заглавием: «Перевод стихов Расина из трагедии „Афалия“». Печ. по автографу ПД, где есть указание: «Перевод стихов Расина из трагедии „Афалия“ „O mont de Sinaï, conserve la mémoire“». Является переводом строфы хора из 4 явления I действия трагедии Расина «Гофолия» (1691). Строфа начинается с указанного стиха и завершается стихом: «Ordonner de l'aimer d'une amour éternelle». В трагедии Расина — библейский сюжет борьбы иудеев с узурпировавшей власть язычницей Гофолией и ее сподвижником, жрецом Мафаном. Так же, как в трагедии «Эсфирь» (см. выше), действие перемежается народными хорами.

<Из послания Буало к Расину> («Кто, Федры слышав стон преступныя любви. . .»). Печ. впервые по автографу ПД. Над стихотворением надпись: «Перевод стихов Буало к Расину о достоинствах трагедии Федра». Является близким переводом отрывка из послания Буало «A Racine» 1677, начинающегося стихом: «Et qui, voyant un jour la douleur vertueuse. . .» — и завершающегося стихом: «Vit naître sous ta main ces pompeuses merveilles?» Перечисляя в своем послании заслуги Расина, *Буало-Депрео* (1636—1711), имя которого неразрывно связано с классической поэзией Франции, останавливается на величайшем творении Расина, его трагедии «Федра», плохо принятой светской публикой и критикой (во время первой постановки пьесы 1 января 1677 г.). Плохому приему содействовала клика Прадона, ничтожного драматурга, завистника Расина. Перевод этих стихов Буало связан с переживаниями Озерова в связи с провалом «Поликсены», которую он считал лучшей своей трагедией. В письме к А. Н. Оленину 25 июня 1809 г. он писал: «Неуспеху «Поликсены» я бы не удивился, помня, что Расинова «Федра» была дурно принята парижскою публикою и что его «Афалию» давали читать в наказание. Моя «Поликсена», гораздо слабее Расиновых трагедий, могла иметь такую же участь, какую имела «Федра», хотя я и считаю ее лучше первых моих трагедий; на все надобно случай и удачу» («Русский архив», 1869, ч. 1, стлб. 149).

Отрывок из моего письма к В. В. Капнисту 1810 года («Не может там блистать во славе Мельпомена. . .»). Печ. впервые по автографу ПД. О *В. В. Капнисте* см. стр. 429. Является последним стихотворением в рукописной тетради ПД и, по-видимому, последним произведением Озерова. Оно завершает своеобразный цикл лирики, связанный с тяжелыми переживаниями по поводу падения трагедии «Поликсена», отказа в пенсии и средствах существования, лишающего Озерова возможности заниматься драматургией. *Где вместо лавров ей венцы растут из клена.* Намек

на двусмысленное послание Державина «Вития, кому Мельпомена...», где есть стих «А север, как лавром, из клена» (Лист клена значительно тоньше листа лавра и быстро вянет). *И где директор — шут, невежда по колени.* Речь идет о Нарышкине Александре Львовиче (1760—1826), который был директором всех императорских театров с 1799 по 1819 г. Придворный вельможа Нарышкин не занимался делами театров, предоставляя их своим ставленникам (преимущественно Шаховскому), и плохо разбирался как в репертуаре, так и в актерах. Театр часто страдал от его произвола и капризов. Нарышкин окружал себя людьми, которые умели его потешить, и сам слыл остряком и любителем каламбуров. *Способен понимать одни китайски тени.* Речь идет о трагедии Вольтера «Китайский сирота», которую перевел и поставил на сцене петербургского театра (21 января 1809 г.) любимец Нарышкина — Шаховской. В письме к Озерову 18 мая 1809 г. А. Н. Оленин писал: «Князь Шаховской занят очень был переведенной им трагедией «Китайский сирота», где г-жа Валберхова явилась действительно в виде китайской куклы... по милости Шаховского, который эту актрису убивает новым, ей не свойственным т. наз. genre[1], не соответствующим ее способностям» (ГПБ, архив Оленина, № 121). *Под ним померк Фингал, Димитрий и Эдип* и т. д. Речь идет о трагедиях Озерова.

---

[1] Жанр, род, стиль.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ПОНЯТИЙ

Адамантный (овый) — твердый, непоколебимый (адамант — алмаз, наиболее твердый из драгоценных камней).

Алькоран — Коран, священная книга магометан.

Бард — певец, сказитель у древних кельтов.

Бармы — особая накидка (оплечье), надевавшаяся русскими царями во время венчания на царство.

Белец — человек, живущий монашеской жизнью в монастыре, но не принявший пострижения.

Бунчук — жезл с привязанным к нему лошадиным хвостом, знак сановности (турецк. и татарск.).

Былие — былинки, травы.

Взысканец — облагодетельствуемый, любимец.

Вои, вой — воины, воин.

Вотще — напрасно.

Вран — ворон.

Вратить(ся) — вращать, вращаться.

Вретища — бедная одежда из грубой ткани.

Вседневный — каждодневный, повторяемый ежедневно.

Выя — шея.

Галиот — двухмачтовое судно.

Глагол — речь, слово.

Глад — голод.

Геенна (библ.) — место вечного мучения умерших, ад.

Горний — высший, возвышенный, небесный.

Денница — утренняя заря.

Десница — правая рука.

Длань — ладонь.

Днесь — ныне, сегодня.

Друиды — жрецы, прорицатели древних британцев.

Дщерь — дочь.

Елень — олень.
Ельбот — вельбот, одномачтовое судно.

Засека — место, заваленное срубленным лесом, перекопанное рвами, перегороженное надолбами. В XIV—XVII вв. засеками в южных степях ограждали русские города от набегов татар. Засеки служили сторожевыми постами.
Зрак — здесь: лицо, образ, вид.

Имеяй — имеющий.

Капище — языческий храм или место жертвоприношения богам.
Клир — собрание священнослужителей, или церковнослужителей.
Крин — цветок лилии.
Круговой — здесь: шальной, безумный.

Ласкаться, льститься — обольщаться, надеяться.
Ловитва — лов, охота, преследование врага.

Мусикийский — музыкальный.

Надносить — поднимать над чем-либо, заносить.
Невместно — неприлично, непристойно, неуместно.

Обручница, обрученница — невеста, девушка, обрученная с будущим мужем.
Оратай — пахарь.

Персть — земной прах, пыль.
Перун — молния, гром.
Полнощный — северный.
Полуденный — южный.
Понт — море.
Поправый — поправший, см. попрать.
Попрать — победить.
Почто — почему, зачем.
Пребегать — здесь: и перегонять, и иметь прибежище.
Пребытственный, пребытный — долговременный, длительный.
Прейти, преходить — переходить, часто в смысле перейти в иной мир.
Престать — прекратить, окончить.
Претить — запрещать, возбранять.
Претыкать — заграждать.
Противостать — выступать против кого-либо.
Путло — то, чем спутывают, связывают.

Разрешать (кого-либо) — освобождать, развязывать.
Рамена — плечи.

Сельный — полевой, растущий на лугах.
Скальд — древнескандинавский певец-поэт.

Сонм — сборище, собрание.
Сретенье — встреча.
Стогны — площади.

Терпужить — перепиливать, подтачивать.
Титло — титул, имя, означающее достоинство.

Часть — участь, жребий.
Чермный — темно-красный, багряный.
Чивый — щедрый.

Язы́ки — народы, племена.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И ПОНЯТИЙ

Авлида (греч.) — место, где решался поход греков на Трою, где происходил совет военачальников.

Амврозия, или амброзия (греч.) — пища богов и ароматический состав, который поддерживает их нетленную красоту.

Атлант (греч.) — мощный титан, поддерживающий на своих плечах своды, разделяющие землю и небо.

Атриды (греч.) — сыновья Атрея: Агамемнон и Менелай.

Афина-Паллада (греч.) — богиня войны и победы, покровительница наук и ремесел. Олицетворение мудрости. Изображалась всегда со щитом — символом защиты.

Ахерон (греч.) — река в подземном царстве Аиде, через которую Харон перевозил души умерших.

Геликон (греч.) — гора, где пребывали Аполлон и музы, часть горного кряжа Пинд. Другая вершина Пинда — Парнас. В переносном значении Геликон, Пинд и Парнас — поэзия.

Гименей (греч.) — бог брака.

Голиаф (библ.) — великан, сраженный царем Давидом, на вид слабым и тщедушным.

Дедал (греч.) — легендарный зодчий и механик, строитель лабиринта на о. Крит, изобретатель крыльев, при помощи которых он со своим сыном Икаром улетел с острова.

Зевс (греч.) — бог, повелевающий другими богами.

Икар (греч.) — сын Дедала. Летя на крыльях, скрепленных воском, приблизился к солнцу и упал в море.

Ифигения (греч.) — дочь Агамемнона и Клитемнестры. По неосторожному обещанию отца, Ифигению должны были принести в жертву Артемиде (Диане), но во время жертвоприношения богиня спасла ее и сделала жрицей в своем храме в Тавриде.

Калхас — прорицатель в греческом стане во время Троянской войны.

Кастальские воды (греч.) — источник на Парнасе, где пребывали

Аполлон и музы (см. Геликон). В переносном смысле — источник поэтического вдохновения.

Крон (греч.) — титан, отец Зевса, свергнувшего его с неба. По позднейшим мифам — бог смерти, олицетворявший всесокрушающее время.

Маккавей (библ.) — один из семи братьев рода Маккавеев, мученически погибший, защищая Иудею. Имя Маккавея стало нарицательным для героического защитника отечества.

Мегера (греч.) — одна из трех богинь-мстительниц (эринний), олицетворяющая гнев и зависть.

Менелай (греч.) — царь Микен, один из военачальников греческих, оскорбленный супруг Елены, которая была увезена от мужа троянцем Парисом, что и вызвало войну с Троей.

Минотавр — чудовище с туловищем человека и головой быка, обитавшее в лабиринте на о. Крит. Был убит Тезеем.

Нектар (греч.) — напиток богов.

Нептун (римск.) — бог морей, колебатель земли.

Оден, или Один (сканд.) — верховное божество, бог ветров и бурь.

Олимп (греч.) — горный кряж в Греции — обиталище богов.

Орфей (греч.) — поэт, певец и музыкант, который своим искусством очаровывал не только людей и животных, но и камни. Спускался в ад за умершей женой своей Эвридикой, но увести ее не смог, так как нарушил запрещение оглядываться.

Паллада — см. Афина-Паллада.

Плутон (греч.) — бог подземного царства мертвых, Аида (отсюда Плутон — Аидес).

Саваóф (библ.) — так именовался бог — олицетворение всемогущей силы.

Серпадон (греч.) — сын Зевса от Лаодамии. Был союзником Гектора в защите Трои.

Скамандр (греч.) — река, у берегов которой стояла Троя.

Тартар (греч.) — подземная бездна, в которую Зевс сбросил побежденных титанов, часто отождествляется с подземным царством мертвых (Аидес).

Телемах (греч.) — сын Одиссея, царя Итаки. Ездил разыскивать своего отца, претерпевшего бедствия скитания на пути домой после троянской победы, и встретил его уже в Итаке, в образе нищего. Помогал отцу изгонять женихов своей матери Пенелопы (в отсутствие Одиссея ее считали вдовой).

Феб, или Аполлон (греч.) — бог искусств и солнечного света, предводитель муз.

Фемида (греч.) — богиня правосудия.

Фурии (римск.) — см. эвмениды.

Цербер (греч.) — трехголовый пес, сторож подземного царства мертвых.

Чернобог (слав.) — бог зла и смерти.

Эвмениды (греч.) — богини-мстительницы, преследующие человека всевозможной карой (то же, что эринниии, фурии).

Энцелад, или Энкелад (греч.) — гигант, на которого во время борьбы богов с гигантами Афина-Паллада навалила весь остров Сицилию. Придавленный гигант стал извергать лаву (вулкан Этна).

Юпитер (римск.) — см. Зевс.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* В. А. Озеров. Портрет маслом работы Рессмесслера, начало XIX в.

2. *Между стр. 128 и 129.* «Эдип в Афинах». Заставка к изданию трагедии 1804 г. Рис. И. Иванова по проекту А. Н. Оленина.

3. *Между стр. 176 и 177.* «Эдип в Афинах». Сцена в храме. Иллюстрация к изданию трагедии 1804 г. Рис. И. Иванова по проекту А. Н. Оленина.

4. *Между стр. 192 и 193.* «Фингал». Заставка к изданию трагедии 1806 г. Рис. И. Иванова по проекту А. Н. Оленина.

5. *Между стр. 288 и 289.* «Димитрий Донской». Иллюстрация к изд. 1807 г. Рис. И. Иванова по проекту А. Н. Оленина.

6. *Между стр. 304 и 305.* «Поликсена». Титульный лист к изд. 1819 г. Рис. И. Иванова по проекту А. Н. Оленина.

7. *Между стр. 352 и 353.* «Поликсена». На могиле Ахиллеса. Иллюстрация к изд. 1819 г. Рис. И. Иванова по проекту А. Н. Оленина.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

[1] Первая страница указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Басни

Разные стихотворения

Озеров Владислав Александрович

ТРАГЕДИИ И СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *А. Г. Рабинова*

Сдано в набор 1/III 1960 г. Подписано в печать 6/VI 1960 г. Бумага $84 \times 108/_{32}$. Печ. л. $14\,^7/_{16}$ (23,68). Уч.-изд. л. 22,02. Тираж 8000. Зак. № 538. Цена 8 р. 70 к.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

Поправка

На страницах 50 (строка 10 сверху), 410 (строка 3 сверху) и 434 (строка 16 снизу) вместо несчастливца следует читать нечестивца.

Озеров.